

«БЛАГОСЛОВЕННЫ ПЕРВЫЕ ШАГИ...»

Сборник работ молодых исследователей

Выпуск 15

Магнитогорск 2021

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского

«БЛАГОСЛОВЕННЫ ПЕРВЫЕ ШАГИ...»

Сборник работ молодых исследователей

Выпуск 15

Материалы международной молодёжной конференции
«НОВАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В НОВОЙ ЕВРОПЕ. СЛАВЯНЕ И ИХ
ЯЗЫКИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМА
СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ»
25-26 марта 2021 года
(Магнитогорск, Россия)

Магнитогорск 2021

УДК 80(045)
ББК 80/84я31
Б681

**Издание осуществлено за счёт средств РФФИ в рамках научного проекта № 19-51218005\19
«Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном
коммуникативном пространстве»**

Рецензенты:

доктор филол. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета
Валерий Михайлович Мокиенко

доктор филол. наук, профессор Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского
Стефка Иванова Георгиева

«Благословенны первые шаги...» : сборник работ молодых исследователей ; материалы международной молодёжной конференции с участием ведущих учёных-славистов «Новая фразеология в новой Европе. Славяне и их языки в конце XX – начале XXI века: проблема сохранения национальной идентичности» (Магнитогорск, 25-26 марта 2021 г.) / Науч.-исслед. словарная лаборатория; каф. рус. яз., общ. языкознания и массовой коммуникации / ред. колл.: доктор филол. наук, проф. С.Г. Шулежкова (гл. ред.), доктор филол. наук, проф. Л.Н. Чурилина (отв. ред.), ст. науч. сотрудник, канд. филол. наук Н.В. Позднякова. – Магнитогорск : Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова ; Пловдив : Пловдивский ун-т им. Паисия Хилендарского, 2021. – Вып. 15. – 240 с.

ISBN 978-5-7114-0790-4

15-й выпуск сборника «Благословенны первые шаги...» знакомит читателей с содержанием докладов, прочитанных на международной молодёжной конференции с участием ведущих учёных-славистов «Новая фразеология в новой Европе. Славяне и их языки в конце XX – начале XXI века: проблема сохранения национальной идентичности», проходившей 25-26 марта 2021 г. (г. Магнитогорск). Содержание сборника отражает стремление современных студентов, аспирантов, магистрантов, а также ученых-славистов, живущих в разных странах (в Белоруссии, Болгарии, Казахстане, Китае, России, Украине), вторгаться в неизведанные области языкознания, литературоведения, когнитивной, социальной и политической лингвистики.

Книга адресована школьникам, студентам, учителям-словесникам и преподавателям-филологам.

УДК 80(045)
ББК 80/84я31
Б681

Макет Н.В. Поздняковой

ISBN 978-5-7114-0790-4

© Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова, 2021
© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В НОВОЙ ЕВРОПЕ И ИХ МЕСТО ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Абрамова В.И.</i> , канд. филол. наук, доц., <i>Архангельская Ю.В.</i> , канд. филол. наук, доц. (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Россия). Символика солнца и луны в двух новых крылатых единицах русского языка	7
<i>Горющенко Д.О.</i> магистрант; науч. рук. – канд. филол. наук, доц. <i>В.М. Швец</i> (Череповецкий государственный университет, Россия). Тенденции в образовании неологизмов русского языка (по материалам Викисловаря 2020 года)	12
<i>Ли Ли</i> (Китай), аспирант; науч. рук. – д-р филол. наук, проф. <i>С.В. Ильясова</i> (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия). Категория незрелости: инфантивы	17
<i>Ли Хуэй</i> (Китай), аспирантка; науч. рук. – д-р филол. наук, проф. <i>В.Д. Черняк</i> (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия). Ёжик в тумане как прецедентный феномен в российских СМИ (на материале Национального корпуса русского языка)	21
<i>Миланова Е.Д.</i> , аспирантка; науч. рук. – канд. филол. наук, доц. <i>Н.П. Чернева</i> (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, Болгария). К вопросу о русских жаргонных фразеологизмах с компонентом родства и их болгарских неофразеологических функциональных эквивалентах	25
<i>Новиков Д.А.</i> , студент; науч. рук. – д-р филол. наук, проф. <i>С.Г. Шулежкова</i> (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия). Неофраземы, отражающие события локальных войн конца XX – начала XXI веков в современном русском языке	30
<i>Петрова Э.П.</i> , студентка; науч. рук. – канд. филол. наук, доц. <i>Б.Г. Янев</i> (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, Болгария). Сьвременна фразеология в социалните онлайн мрежи в България (наблюдения на базата на анкетно проучване)	37
<i>Тенчева Б.Т.</i> , канд. филол. наук, гл. ассистент (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, Болгария). О принципах неофразеологизации (на материале русских и болгарских текстов)	47
<i>Хэн Цзяци</i> (Китай), аспирант; науч. рук. – канд. филол. наук, доц. <i>М.Л. Гордиевская</i> (Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия). Неологизмы в области числительных в современном русском языке	54

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, ФИКСАЦИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЛОВ-НЕОЛОГИЗМОВ И НЕОФРАЗЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Акишенцева А.А.</i> , студентка; <i>Чернова О.Е.</i> , канд. филол. наук, доц. (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия). Журналистский текст как среда бытования новой фразеологии	59
<i>Кирменёва Г.Р.</i> , студентка; науч. рук. – канд. филол. наук, доц. <i>Н.В. Позднякова</i> (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия). Процесс неологизации в современном русском языке (на примере универбата	

коммуналка)	64
-------------------	----

Ксенофонтowa П.М. , студентка; Позднякова Н.В. , канд. филол. наук, доц. (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия). «Лол, кек, чебурек»: неосленгизмы современного русского языка и их источники	68
---	----

Лу Цзыи , ст. преп. (Хэйлуцзянский университет, Китай), аспирантка; науч. рук. – д-р филол. наук, проф. В.В. Красных (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия). Коннотативный аспект значения некоторых глагольных фразеологических единиц с абстрактным именем мысль в современном русском языке	75
---	----

Маклаков А.С. , студент; науч. рук. – д-р филол. наук, проф. Л.Н. Чурилина (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия). Особенности процесса фразеологизации в современном педагогическом дискурсе: в поисках неофразем в концепте «обучение»	79
---	----

Миланова Е.Д. , аспирантка; науч. рук. – канд. филол. наук, доц. Н.П. Чернева (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, Болгария). Шутливые речевые формулы неофразеологии с точки зрения проблемы перевода (на материале русского и болгарского языков)	84
--	----

Москалёва А.С. , студентка; науч. рук. – канд. филол. наук, доц. О.Е. Чернова (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия). Неофраземы в роли заголовка публицистического текста	88
---	----

Неклюдова Е.А. , аспирантка; науч. рук. – д-р филол. наук, проф. Е.В. Грудева (Череповецкий государственный университет, Россия). Употребление фразеологизмов в речи региональных политиков (гендерно-ориентированное исследование)	94
--	----

Стрелкова А.И. , студентка, Деревскова Е.Н. , канд. филол. наук, доц. (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия). Окказиональная лексика эмоций как фрагмент авторской языковой картины мира	99
--	----

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Бодрова Е.В. , магистр, специалист по УМР (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия), Чурилина Л.Н. , д-р филол. наук, проф. (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия). Неофраземы в функции заглавий: приёмы трансформации	104
---	-----

Бочина Т.Г. , д-р филол. наук, проф. (Казанский (приволжский) федеральный университет, Россия), Чнь Ясин , канд. филол. наук (Шанхайский политико-юридический университет, Китай). Паремии как прототип интернет-загадок	109
--	-----

Кравцова Д.С. , магистрант; науч. рук. – канд. филол. наук, доц. Е.Е. Иванов (Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова, Республика Беларусь). Проблема варьирования передачи библейских асабовых имён у белорусской мове	114
--	-----

Меснянкина Е.И. , канд. филол. наук, гл. ассистент, д-р-преподаватель (Софийский университет им. Св. Климента Охридского, Болгария). Игровые трансформации фразеологизмов в интернете	121
--	-----

<i>Сикалова Н.А.</i> , ученица МОУ СОШ № 6; науч. рук. – д-р филол. наук, проф. С.Г. Шулежкова (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия). Новая жизнь библейских паремий	126
--	-----

<i>Теплякова А.Д.</i> , аспирантка; науч. рук. – канд. филол. наук, доц. Е.Е. Иванов (Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова, Республика Беларусь). Камбінаваныя спосабы трансфармацыі крылатых выразаў у маўленні	132
--	-----

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ РУБЕЖА XX – XXI ВВ.

<i>Алексеева Е.П.</i> , магистр; науч. рук. – д-р филол. наук, проф. Ш.Р. Басыров (Донецкий национальный университет, Украина). Структура и семантика фразеологических единиц семантической области «понимание» в сопоставительном аспекте	141
---	-----

<i>Войсавова С.С.</i> (Болгария), аспирантка; науч. рук. – д-р филол. наук, проф. Н.Г. Брагина (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия). Русско-болгарский тематический классификатор: диалогические реплики с компонентом надежда	146
---	-----

<i>Николов И.Н.</i> , студент; науч. рук. – Н. Делева, д-р, доц. (Софийский университет им. Святого Климента Охридского, Болгария). Сопоставительный анализ лексико-фразеологических систем славянских языков рубежа XX – XXI вв.	151
--	-----

<i>Петрушевская Ю.А.</i> , аспирантка; науч. рук. – канд. филол. наук, доц. Е.Е. Иванов (Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова, Республика Беларусь). Нацыянальна-культурная маркіраванасць беларускіх аналагаў універсальных прыказаў	155
---	-----

<i>Ромачков А.А.</i> , студент; науч. рук. – канд. филол. наук, доц. Е.Е. Иванов (Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова, Республика Беларусь). Прадметна-тэматычныя палі фразеалагізмаў з кампанентам біблейскага паходжання ў беларускай, рускай, англійскай мовах	162
--	-----

<i>Солтанова А.А.</i> , студентка; науч. рук. – канд. филол. наук, доц. Е.Е. Иванов (Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова, Республика Беларусь). Агульныя і розныя ў адлюстраванні карціны свету ў беларускіх і французскіх прыказках	169
---	-----

<i>Соколова Е.Н.</i> , д-р филол. наук, проф. (Тюменский государственный университет, Россия). Фразеологические единицы с соматическим компонентом в русском и польском языках	175
---	-----

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК МЕЖСЛАВЯНСКОГО ОБЩЕНИЯ В НОВЫХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ И ЕГО ИСТОКИ

<i>Алексеева О.Г.</i> , докторант, <i>Жунусова Ж.Н.</i> , д-р филол. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан), <i>Иванова Н.С.</i> , д-р PhD, проф. (Бургасский университет им. проф. А. Златарова, г. Бургас, Болгария). Трансформация понятия языковая личность в современном общенаучном дискурсе	181
---	-----

<i>Жоржева А.А.</i> , магистрант; науч. рук. – д-р филол. наук, проф. Ж.Н. Жунусова (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан). Лингвокультурологическое поле концепта <i>огонь</i> в русском языке.....	186
<i>Казначеева М.А.</i> , студентка, <i>Франчук О.В.</i> , канд. филол. наук, доц. (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия). Грусть-тоска меня «съедает»? (Об изменениях семантики лексем <i>грусть</i> – <i>печаль</i> – <i>тоска</i> по данным лексикографических источников).....	191
<i>Маирко Т.С.</i> , студентка; науч. рук. – д-р филол. наук, проф. М.В. Пименова (Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Россия). Структура устойчивых единиц древнерусского текста: сочетания с устойчивыми книжными атрибутами (на материале «Жития Ефросинии Суздальской»).....	197
<i>Петкау А.Ю.</i> , канд. филол. наук, доц. (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия). Паремнологическая зона концепта <i>здоровье</i> в восприятии беременных женщин.....	202
<i>Постовит Е.А.</i> , студентка; науч. рук. – канд. филол. наук, доц. Ю.Л. Дмитриева (Горловский институт иностранных языков, Горловка, ДНР). Особенности кодификации слов <i>грусть</i> , <i>грустить</i> , <i>грустный</i> в современных словарях русского языка.....	205

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМАХ ШКОЛЬНОГО И ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЕВРОПЫ И РОССИИ

<i>Губчевская Е.А.</i> , аспирантка; науч. рук. – д-р пед. наук, проф. Л.Д. Пономарёва (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия). Аудирование на уроках русского языка с использованием опорного конспекта.....	211
<i>Димитрова Д.С.</i> (Болгария), аспирантка; науч. рук. – д-р филол. наук, проф. Т.Г. Аркадьёва (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия). Трудности в процессе обучения болгарских студентов русским фразеологическим единицам.....	216
<i>Дмитриева Ю.Л.</i> , канд. филол. наук, доц. (Горловский институт иностранных языков, ДНР). Использование лингвокраеведческого материала при изучении русского языка.....	220
<i>Киселёва Ю.П.</i> , студентка, <i>Дорфман О.В.</i> , канд. пед. наук, доц. (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия). Изучение фразеологии как этап подготовки к олимпиаде по русскому языку.....	224
<i>Комаров Д.А.</i> , слушатель, <i>Варлакова Т.В.</i> , канд. филол. наук, доц. (Академия управления МВД России, Москва, Россия). Русский язык в программе вузовского образования: изучение процессов омонимизации в вузе МВД России на фразеологическом материале.....	229
<i>Путяйкина М.В.</i> , магистрант; науч. рук. – д-р пед. наук, проф. Л.Д. Пономарёва (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия). Проектная деятельность на уроках русского языка как способ активизации познавательной деятельности учащихся.....	235
<i>Токарев Г.В.</i> , д-р филол. наук, проф. (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Россия). Проект учебного лингвокультурологического словаря.....	238

НОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В НОВОЙ ЕВРОПЕ И ИХ МЕСТО ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

*В.И. Абрамова, канд. филол. наук, доц.
Ю.В. Архангельская, канд. филол. наук, доц.
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия)*

СИМВОЛИКА СОЛНЦА И ЛУНЫ В ДВУХ НОВЫХ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена анализу символики астрономов *Солнце* и *Луна* в составе новых крылатых единиц русского языка *звезда по имени Солнце* и *обратная сторона Луны*. Эти крылатизмы активно функционируют в речи. Первый является источником двух фразеомоделей. Компонент *Солнце* символизирует в нём яркую индивидуальность, креативность, творческую неповторимость, необычность кого- или чего-либо. Компонент *Луна* в крылатой единице *обратная сторона Луны* символизирует нечто иное, чужое, соотносимое с потусторонним пространством.

Ключевые слова: символика, крылатая единица, Солнце, Луна, фразеомодель

Русский фонд крылатых единиц постоянно пополняется неологизмами, что стало очевидным в первые десятилетия XXI века, благодаря выходу в свет нескольких современных словарей крылатых слов и выражений: «Словарь крылатых выражений из области искусства» С.Г. Шулежковой [Шулежкова 2003], «Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений» В. Серова [Серов 2004], «Крылатые слова нашего времени» Л.П. Дядечко [Дядечко 2008] и др. В этих изданиях собраны единицы, многие из которых прежде не становились объектами фразеографирования.

Термином крылатизм, или крылатая единица (термин С.Г. Шулежковой [Шулежкова 2001: 19]), принято называть устойчивые и воспроизводимые в речи слова или словесные комплексы, происхождение которых известно, т. е. их авторство доказано. К таковым относятся единицы *звезда по имени Солнце* и *обратная сторона Луны*, которые, по нашим наблюдениям, до настоящего времени не фиксировались словарями, что свидетельствует об актуальности и новизне проводимого нами исследования.

В задачи статьи входит определение символических значений входящих в рассматриваемые крылатые единицы компонентов-астрономов, а также анализ специфики их функционирования в современной русской речи.

Крылатое выражение *звезда по имени Солнце* приобрело устойчивость благодаря популярной песне В. Цоя, ставшего для своего поколения знаковой фигурой. Песня «Звезда по имени Солнце» в 1989 году дала название седьмому студийному альбому группы «Кино», лидером которой был музыкант.

Выражение *обратная сторона Луны* как крылатизм сформировалось, по нашему мнению, в результате взаимодействия двух устойчивых единиц: фразеологизма *обратная сторона (чего-либо)*, давно закрепившегося в русском языке, и крылатой единицы *тёмная сторона Луны*, являющейся буквальным переводом названия очень популярного в СССР альбома британской рок-группы «Pink Floyd» «The Dark Side of the Moon» (1973). Т.е. крылатизм представляет собой своего рода контаминацию: *тёмная сторона Луны* + *обратная сторона* = *обратная сторона Луны*.

Рассмотрим значения и трансформации крылатого выражения *звезда по имени Солнце*.

В современном русском языке это выражение реализует несколько значений, определяемых предметом речи: 1) прямое значение, когда говорят о звезде: «*Как работает звезда по имени Солнце*» (название научно-популярной статьи о Солнце [http]), 2) переносное – метонимическое – значение, когда имеют в виду автора песни и духовного лидера поколения В. Цоя: «*“Звезда по имени Солнце”*». *Что вы знаете о Викторе Цое?*» (название теста о музыканте на сайте РИА Новости. Культура [http]); 3) переносное – метафорическое, в случае использования по отношению к личности, притягивающей всеобщее внимание: «*У знакомой растёт дочка. Всё ради дочки, всё к её ногам, её слово – непререкаемо. Она – принцесса, свет в окошке, звезда по имени Солнце*» [Нелидова 2020: http].

Рассматриваемый устойчивый оборот основан на антропоморфизации, предполагающей, что имя является исключительной принадлежностью человека, тогда как остальные объекты называются, но не именуются. Звёздам, планетам и другим небесным телам, например, астероидам, принято давать названия или номера, а не имена. Говоря об астрономических объектах, мы обычно используем конструкцию «название звезды (планеты, астероида)», но не «имя звезды (планеты, астероида)». Употребительной в современном русском языке также является конструкция «звезда (планета, астероид) + называется + собственное имя» при невозможности использования модели «звезду (планету, астероид) + зовут + собственное имя»). На основе сказанного можно утверждать, выражение *звезда по имени Солнце*, даже в случае, когда оно обозначает астрономический объект, нельзя считать прямой номинацией. Оно превращается в своеобразную перифразу, в основе которой лежит антропоморфизация.

Об устойчивости и воспроизводимости единицы *звезда по имени Солнце* свидетельствует тот факт, что говорящие (пишущие) нередко подвергают сокращению (имплицированию) её компонентный состав. Отказ от части

компонентов без ущерба для понимания смысла становится возможным благодаря «фразеологической антиципации, когда по фрагменту лексического состава предвосхищается значение целого» [Архангельский 1964: 235], а это, в свою очередь, возможно только тогда, когда адресату известно исходное выражение. Например: *След от звезды по имени...* (название подборки стихотворений современной поэтессы Лу Рамишвили, опубликованной в журнале «Бельские просторы» [Рамишвили 2020: [http](#)]); *По имени «солнце»: как товарищ Сухов вошёл в легенду* (статья, посвящённая 90-летию актёра А. Кузнецова) [Литвиненко 2020: [http](#)].

Выражение *звезда по имени Солнце* породило две востребованные в речевой практике фразеомодели. Одна из них, наиболее продуктивная, – «звезда по имени X», где X – переменный компонент; вторая – «X по имени Солнце», где X – переменный компонент, заменяющий слово «звезда».

Компонент *Солнце* в рассматриваемой крылатой единице символизирует яркую индивидуальность, креативность, творческую неповторимость, необычность кого- или чего-либо, а компонент *звезда* является знаком славы, успеха. Важно, что именно символика подвергающихся мене компонентов исходного выражения, по нашим наблюдениям, обуславливает круг лексем, которые говорящий использует при трансформации единицы.

Рассмотрим выявленные фразеомодели.

Фразеомодель «звезда по имени X». Чаще всего компонент *Солнце* заменяется в разговорной речи именем Виктора Цоя или какой-либо другой выдающейся личности: «Звезда по имени **Цой**» (название концерта, состоявшегося в Красноярске 28 октября 2020 г. [[http](#)]); «Звезда по имени **Пушкин**. 70 интервью о поэте: Безруков, Познер и другие» [Николаева 2018: [http](#)].

Кроме того, в роли переменного компонента может выступать имя собственное: имя известной личности, названия каких-либо космических объектов (с сохранением антропоморфного прочтения всего фразеологизма): «Звезда по имени **Алголь**» (название сборника рассказов А. Неклюдова), «Звезда по имени **Lego** появилась в созвездии Малая Медведица к 65-й годовщине существования компании» [Лисицына 2011: [http](#)].

Примечательно, что фразеомодель «звезда по имени X» используется и в тех случаях, когда говорящий (пишущий) хочет актуализировать значение какого-либо нарицательного имени (обозначающего лицо или не лицо), которое представляется ему особенно важным в данном контексте, причём семантика существительного обязательно имеет положительные коннотации: «Звезда по имени **учитель**» (название конкурса педагогического мастерства [[http](#)]); «Звезда по имени **детство**» (конкурс детского творчества, посвящённый Дню защиты детей [[http](#)]).

В современных публицистических и рекламных текстах нередко встречается и фразеомодель «X по имени Солнце». В ней варьированию подвергается первый компонент, который обычно представляет собой существительное и называет то, к чему хотят привлечь внимание, а компонент *Солнце* символизирует яркость, необычность этого объекта: «**Служба по имени Солнце**» (статья об астрофизической обсерватории в Приморье [Сытько 2018:

http]); *«Комбат по имени Солнце»* (статья о майоре С.А. Солнечникове, ценой своей жизни спасшем солдат-срочников [Толстов 2012: http]).

Крылатая единица *тёмная сторона Луны* и образовавшаяся от него путём контаминации *обратная сторона Луны* (астроном может быть написан и со строчной буквы) в современном русском языке активно и параллельно используются в публицистическом и художественном дискурсах, причём первая имеет значение ‘что-либо другое, как правило, плохое по сравнению с чем-либо хорошим’, тогда как вторая может обозначать не только отрицательное явление, но и что-либо непонятное, необычное, загадочное или неочевидное. Данное значение поддерживается символикой компонента *Луна*, который в русской картине мира является знаком иного, чужого (иногда загробного) мира. Например: *«Это выше моего понимания: ждать мужчину и с патологической настойчивостью раскапывать его недостатки. Откуда такое стремление к стерильному миру? Мы и сами не инкубаторские. – Ты видишь только тёмную сторону луны, причём сознательно»* [В. Синицина. Муза и генерал (2002), НКРЯ]; *«Может быть, потому что она не ручается за себя – и лицо у неё под мутоновым капюшоном, как обратная сторона луны, неразгаданное и смятенное»* [М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997), НКРЯ]; *«А в России – как всегда – обратная сторона Луны, Зазеркалье»* [Бойся Европа, близок твой час (2016), НКРЯ].

Проведённый анализ особенностей функционирования двух крылатых выражения показал следующее.

1. В современном русском языке появились две крылатых единицы, которые активно функционируют в различных дискурсах, но до сих пор не фиксировались фразеологическими словарями и сборниками крылатых выражений: *звезда по имени Солнце* и *обратная сторона Луны*.

2. Выражение *звезда по имени Солнце* актуализирует в современной русской речи разные значения. Обнаруженные в речевой практике варианты трансформации крылатой единицы могут быть представлены в виде двух фразеомоделей: *«звезда по имени X»* и *«X по имени Солнце»* (где X – это переменные составляющие). Компонент *Солнце* символизирует яркую индивидуальность, креативность, творческую неповторимость, необычность кого- или чего-либо. Мы считаем, что именно символическое значение этого компонента объясняет тот факт, что при его замене во фразеомодели *«звезда по имени X»* субституции бывают ограничены определённым кругом лексем, семантика которых обязательно имеет положительные коннотации.

3. Крылатое выражение *обратная сторона Луны* имеет в русском языке значение ‘что-либо непонятное, необычное, загадочное, иногда отрицательное’. Именно закреплённая в русской картине мира символика компонента *Луна* (‘иное, чужое, соотносимое с потусторонним пространством’) привносит в единицу *обратная сторона Луны* указанную выше семантику.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008). Название проекта: «Символика русских и болгарских вербальных текстов культуры».

Литература

Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1964. 315 с.

Дядечко, Л.П. Крылатые слова нашего времени: толковый словарь: более 1000 единиц. М.: НТ-Пресс, 2008. 797 с.

Звезда по имени детство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nfreg.ru/novosti/zvezda-po-imeni-detstvo-4/> (дата обращения: 27.02.2021).

«Звезда по имени Солнце». Что вы знаете о Викторе Цое? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20200815/1575794990.html> (дата обращения: 27.02.2021).

Звезда по имени учитель [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pedsovet.su/load/11-1-0-55601> (дата обращения 27.02.2021).

Звезда по имени Цой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://krs.kassir.ru/koncert/zvezda-po-imeni-tsoy-tribyut-kontsert> (дата обращения: 27.02.2021).

Как работает звезда по имени Солнце [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.13min.ru/kosmos/kak-rabotaet-zvezda-po-imeni-solnce/> (дата обращения: 27.02.2021).

Лисицына, К. Частицы мироздания [Электронный ресурс] // Новое время № 11 (196) от 28 марта 2011 г. Режим доступа: <https://newtimes.ru/articles/detail/36684> (дата обращения 27.02.2021).

Литвиненко, И. По имени «солнце»: как товарищ Сухов вошёл в легенду [Электронный ресурс] // Известия. 31.12.2020. Режим доступа: <https://iz.ru/1106436/igor-litvinenko/po-imeni-solntce-kak-tovarishch-sukhov-voshel-v-legendu> (дата обращения: 27.02.2021).

Нелидова, Н. 12 часиков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litres.ru/nadezhda-georgievna-nelidova/12-chasikov/chitat-onlayn/> (дата обращения: 27.02.2021).

Николаева, А. Звезда по имени Пушкин. 70 интервью о поэте: Безруков, Познер и другие. [Электронный ресурс] // Сайт ГОДЛИТЕРАТУРЫ.РФ. Режим доступа: <https://godliteratury.ru/articles/2018/06/01/zvezda-po-imeni-pushkin> (дата обращения 27.02.2021).

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 27.02.2021).

Рамишвили, Л. Свет от звезды по имени... Стихи [Электронный ресурс] // Бельские просторы. № 10. 2020. Режим доступа: <https://bp.rbsmi.ru/articles/poeziya/10-2020-Lu-Ramishvili-Sled-ot-zvezdi-po-imeni-Stihi-515352/> (дата обращения: 27.02.2021).

Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид, 2004. 880 с.

Сытько, А. Служба по имени Солнце [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dv.land/territory/sluzhba-po-imeni-solntce> (дата обращения: 27.02.2021).

Толстов, В. Комбат по имени Солнце [Электронный ресурс] // Заполярная правда. 06.04.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gazetazp.ru/news/gorod/3415-kombat-po-imeni-solntse.html> (дата обращения: 27.02.2021).

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: «Азбуковник», 2001. 88 с.

Шулежкова, С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства. М.: «Русские словари», «Азбуковник», 2003. 432 с.

Д.О. Горющенко, магистрант
Науч. рук.: В.М. Швец, канд. филол. наук, доц.
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)

ТЕНДЕНЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ НЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА (по материалам Викисловаря 2020 года)

Аннотация. В статье рассмотрены неологизмы русского языка, включённые в Викисловарь в 2020 году. Проведённый анализ позволил автору выявить несколько тенденций: к интернационализации языка, к активизации компрессивного словообразования на основе языковой экономии, а также к усилению оценочно-экспрессивной и стилистической модификации новой лексики.

Ключевые слова: неологизмы, словообразовательные модели, продуктивность, тенденции

Лексикографическая фиксация новых слов – настоятельное требование «неологического взрыва», выражающее запрос общества как потребителя лингвистической информации. Несмотря на достижения лексикографической практики, данный вопрос по-прежнему актуален для современной науки.

Описание неологизмов русского языка – задача неогрaфии, занимающейся теорией и практикой составления неологических словарей, так как только в них новообразования являются собственным объектом описания. Основателями неогрaфии в России по праву считают Н.З. Котелову и Ю.С. Сорокина. Лексикографическому описанию и составлению словарей новых слов посвящены работы таких авторов, как Г.Н. Складневская, Ю.Н. Караулов, В.А. Козырев, В.Д. Черняк, С.И. Алаторцева, Т.Н. Буцева, Н.В. Козловская и др. Авторами словарей рассмотрены основные принципы отбора описываемых лексических единиц, параметры проектирования макро- и микроструктуры и способы их описания. Типология словарей неологизмов, разработанная Н.З. Котеловой, предполагает выделение трёх типов изданий в зависимости от стадии освоения нового слова: (1) ежегодные словари-сборники, задачей которых является наиболее полная, стихийная регистрация новых слов; (2) десятилетние словари-справочники, отражающие новые слова, стабильно фиксирующиеся в текстовых корпусах; (3) толковые нормативные тридцатилетние словари, включающие закрепившиеся слова, имеющие высокую частотность употребления, дополняющие действующие толковые словари [Котелова 1982]. В конце XX века в отечественной неогрaфии оформился четвертый жанр специальных словарей – словари динамические, отражающие происходящие изменения в языке на определенном историческом этапе.

Традиционные академические толковые словари, которые призваны выполнять кодифицирующую функцию, в силу своей специфики запаздывают с фиксацией новых слов, динамические словари, представляя развитие языка в определённый период, вместе с тем не выделяют специально впервые фиксируемые неологизмы. Перспективы для создания словарей новых слов иного типа предоставляют компьютерные технологии, в связи с чем

актуальность приобретает электронная разновидность словарей, привилегией которых стала возможность быстрого и непрерывного пополнения словаря, удаления утративших актуальность элементов, структурного совершенствования без существенной перестройки и т. д.: «Обработка данных на магнитных носителях <...> намного ускоряет процесс лингвистического и статистического анализа языковых нововведений» [Дубичинский 2008: 220].

С мая 2004 года в интернете реализуется Международный онлайн-лексикографический проект – Викисловарь, в обсуждении и пополнении которого может участвовать любой носитель языка, ориентирующийся на собственную интуицию и языковой вкус. Такого рода «стихийная лексикография» может не соответствовать лексикографическим нормам, однако неоспоримым достоинством словаря становится возможность попадания в раздел «Неологизмы» лексики, которая, по мнению участников, является знаковой для данного периода.

«Стихийность» компенсируется набором жёстких правил, которых должны придерживаться потенциальные авторы словаря. Словарные статьи имеют стандартизованную структуру описания языковых единиц: должны быть отражены морфологические и синтаксические характеристики и особенности произношения слова, его семантические свойства – значение с иллюстрацией, а также – в случае наличия – синонимы, антонимы, гипонимы и гиперонимы, родственные слова, этимологическая справка, фразеологизмы и устойчивые словосочетания, перевод и библиография. Понятно, что не все рубрики словарной статьи обязательны для заполнения. При этом аккумулируемая в словаре информация представляет интерес с точки зрения мобильной регистрации новых явлений русского языка, к которой всё же следует относиться критически, поскольку словарь – не академический.

В рамках классификации Н.З. Котеловой раздел «Неологизмы» Викисловаря соотносится с ежегодными сборниками неологизмов однократного употребления. В него в 2020 году включено 45 слов, которые и стали объектом нашего исследования, поскольку ежегодный ««неологический срез» является бесценным источником информации о тенденциях развития современного русского языка, о развитии лексико-семантической системы языка, о доминирующих в конкретный период времени способах словообразования» [Козловская 2020].

По способу словообразования неологизмы подразделяются на словообразовательные, семантические и заимствованные; все названные типы представлены в рассматриваемом словаре (табл. 1).

Таблица 1. Способы образования новых слов

Суффиксальный		Префиксально-суффиксальный	Сложение и контаминация	Займствования	Иные
Существит. Воронезим Крипота Мурманида Мурманчонок Слабовик Статейник Статейщик	Прилагат. Виральный Ковидный Прокторинговый Шеринговый Юзаный Глаголы Батонить	Безмасочник Залипательный Залипашка Запаролённый Насиловик Подобранец Подобрыш Пошаговка	Ковид-диссидент Ковидинфициро- ванный Коронакризис Фургаломобиль Контаминация Ковидиот	Бушкрафт Дистант Ковид Корона Лайфстайл Локдаун Мерчендайзинг Серва	Семантич. Мурмания Внутр. займств. Вейшнория

Чеченизация	Батонить(ся) Даунифтить Тележить	Раскарантинить(ся)	Лилигр Матчество	Тиктокер Шеринг	
8 + 5 + 4 = 17 (37,78%)		9 (20%)	4 (8,89%) + 3 (6,67%)	10 (22,22%)	1 (2,22%) + 1 (2,22%)

К непродуктивному способу образования в анализируемой выборке справедливо отнести семантические неологизмы и так называемые внутренние заимствования (2 единицы). Слово *Мурмания*, существующее в диалекте в значении «северное Поморье, род ископаемых водорослей» в период проведения военных учений 2014 г. сформировало новое значение – ‘вымышленное государство’. К внутренним заимствованиям из военной сферы относится и неологизм *Вейшнория* – ‘название выдуманной страны’, вошедший в политический лексикон как средство именования западных областей Белоруссии, голосовавших на выборах против А. Лукашенко.

Возможность образования неологизмов на базе внешних заимствований в анализируемой выборке отражена 10-ю единицами (22,22 %), что подтверждает отмечаемую многими исследователями тенденцию к интернационализации происходящих в языке процессов. Иноязычное заимствование проявляется и в образовании слов-гибридов, в структуре которых есть как русские, так и заимствованные компоненты. Так, по модели «исконный корень + иноязычный аффикс» образовано слово *воронежизм* с помощью интернационального суффикса с абстрактным значением *-изм*; для обозначения социально-значимого явления *чеченизация* использован суффикс *-изаци(я)* с процессуальной семантикой; суффикс греческого происхождения *-иад(а)*, передающий значение собирательности, совокупности явлений, использован при образовании неологизма *Мурманиада*.

По модели «иноязычный корень + исконный аффикс» образовано существительное *крипота* от англ. *creep* в значении ‘пугающий, вызывающий ужас’, при этом малопродуктивный архаичный суффикс *-от(а)* становится активным модным маркером молодежного стиля. Продуктивными при образовании адективных неологизмов являются суффиксы *-н-* и *-ов-*. Суффикс *-н-* активен при образовании атрибутивных сочетаний – *юзанный* ‘подержанный’ ноутбук, автомобиль; *виральный* ‘вирусный’ контент, маркетинг; *ковидный* ‘аббревиатура от англ. COronaVIrus Disease 2019’ кашель, госпиталь и т. п. Суффикс *-ов* продуктивен при образовании адективов от основ существительных на *-инг*, например в экономической терминологии: *прокторинговый*, *шеринговый* от англ. *прокторинг*, *шеринг*. При образовании глаголов на основе существительных продуктивен суффикс *-и-*: *даунифтить* ← *downshifting* ‘философия, образ жизни’, *батонить* ← *baton* ‘дубинка, жезл’. Причём оформление новообразованных прилагательных и глаголов по правилам русской грамматики является обязательным требованием.

Благодаря синтетичности, иноязычные номинативные единицы, вписываясь в русские словообразовательные модели, в речевой практике приобретают склоняемость, родовую принадлежность и используются в речи в соответствии с нормами русской грамматики: «Омскому тиктокеру

приходится лезть на березу, чтобы учиться на дистанте» [Омский тиктокер: <http>]. Усечениям от иноязычных композитов *коронавирус* и *сервопривод* присваивается женский род, расходящийся с родом, предписываемым ему семантикой, по грамматической аналогии с уже существующими в русском языке омонимами *Серва* – название реки и поселка в Пермском крае; *корона* – головной убор, признак монархической власти; ореол вокруг солнца.

К неологизмам-гибридам относятся сложные слова *ковид-диссидент*, *коронакризис*, *ковидинфицированный*. При их образовании наблюдается тенденция к аналитизму, что выражается в появлении моделей агглютинативного вида, например, с несогласованным определением в пропозиции – *корона-диссидент*, сложных слов с неизменяемым первым компонентом – *коронакризис*. В данном случае происходит сцепление двух существительных без соединительной гласной, в отличие от более привычного для русского языка способа образования сложных слов с интерфиксом – *фургаломобиль* (Фургал, имя собственное + *о* + *мобиль*, ассимилированный аффиксоид от лат. *mobilis* ‘двигающийся’). Семантико-стилистические особенности мотивирующих основ придают новообразованию экспрессивность и образность (‘символ протеста’).

К сложным словам-неологизмам примыкают и созданные под влиянием английского языка контаминированные единицы – 3 слова (6,67 %). Контаминанты могут быть образованы как с использованием приёмов амальгирования – *лилизр* ← *ли* (*lion* – лев) + *лизрица*, так и фузии – *ковидиот* ← *ковид* + *идиот*. К контаминантам относится и неологизм *матчество* ← *мать* + *отчество*, образованный от русских производящих основ.

Неологизмы, образованные по рассмотренным моделям, при достаточной компактности формы обладают существенной семантической ёмкостью, компрессией содержания, обеспечивая формирование нового лексического значения.

Одним из продуктивных приёмов компрессии, отвечающей закону языковой экономии, является универбация – замена описательного наименования цельнооформленной номинативной единицей, например, замена атрибутивного сочетания одним словом с помощью суффиксации. При этом продуктивность проявляют исконные суффиксы *-к(а)*, *-(н)ик-* с отвлечённо-предметной семантикой; *-чик-* со значением лица. Например, *пошаговка* ‘пошаговая инструкция’, *залипашка* ‘залипательное видео’. Мотивирующий аффиктив данного универба – неологизм *залипательный* – образован от глагольной основы с помощью суффикса *-тельн*, при этом в значении прилагательного актуальна не процессуальность, а качественность, выражающая характерный признак объекта, в связи с чем семантическая структура знака дополняется коннотативным компонентом.

Словосочетания, производящие универбы, могут иметь в своей структуре родительное определительное: *слабовик* ‘представитель силовых структур’ (иронически переосмысленное); *насиловик* – то же значение с негативной реакцией за счёт префикса *на-*; *статейник* – сайт, состоящий исключительно из статей; *статейщик* – ‘тот, кто занимается написанием статей’. В последней паре наблюдается дифференциация «субъектных» суффиксов: *-ник-* используется для обозначения предмета, *-чик-* – для обозначения лица. Однако это распределение

семантики не проецируется на другие неологизмы. Так, префиксально-суффиксальным способом образован неологизм *безмасочник*, здесь суффикс *-ник* обозначает лицо, а префикс *без-* определяет неодобительную коннотацию. При образовании неологизма *Мурманчонок* с диминутивным суффиксом *-онок* отмечается появление интерфикса *-ч-* как следствие агглютинативного процесса.

Действие закона экономии проявляется во внутренней предикации мотивированных существительных новых как по форме, так и по содержанию: *подобрыш*, *подобранец*. Модификационное значение суффиксов *-ыш*, *-ец* (результат действия, обозначенного производящей основой) сочетается с мутационным, с ярко выраженной экспрессией сочувствия, фамиллярной ласки.

Среди неологизмов-глаголов продуктивно отыменное образование путём суффиксации в основном от имён существительных, обозначающих конкретные предметы и явления: *тележить* – в молодёжном сленге ‘беседовать, обсуждать, общаться’ (переосмысленное от жаргонного слова «телега» – ‘наговор, донос, жалоба’), *батониться* – ‘отдыхать, ничего не делая’ (валяться, как батон на диване). Префиксально-суффиксальным способом образованы глагол *раскарантиниться* – ‘перестать находиться на карантине’; причастие *запаролённый*, в семантике которого доминирующим является процессуальность мотивирующего глагола. Хотя сами аффиксы не являются маркированными, в таких неологизмах обнаруживается оценочная экспрессивность, что позволяет относить их к разговорной лексике.

Анализ неологизмов Викисловаря показал, что для современных словообразовательных процессов характерны тенденции к интернационализации, к активизации компрессивного словообразования в соответствии с законом языковой экономии, к усилению оценочно-экспрессивной и стилистической маркированности новой лексики. Несмотря на заметное иноязычное влияние – 10 заимствований (22,22 %), в анализируемой выборке наиболее продуктивными являются традиционные суффиксальный (37,78 %) и префиксально-суффиксальный (20 %) способы образования неологизмов. Викисловарь, оперативно фиксируя и семантизируя новые номинации, оказывает говорящим (пишущим) помощь в усвоении новых слов, одновременно он предоставляет возможность исследователю оперативно выявлять актуальные процессы в области неологии.

Литература

Викисловарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/Категория:Неологизмы/ru> (дата обращения: 20.03.2021).

Дубичинский, В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. М. : Наука: Флинта, 2008. 432 с.

Козловская, Н.В. «Бег времени» на страницах неологических «Ежеодников» XXI века // Сфера культуры. 2020. № 2 (2). С. 85-92.

Котелова, Н.З. Проект словаря новых слов русского языка. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1982. 86 с.

Омский тиктокер записал обращение к Буркову. Парню нужно лезть на березу, чтобы учиться на дистанте [Электронный ресурс] // NGS55.RU. Омск онлайн. Режим доступа: <https://ngs55.ru/text/education/2020/11/11/69537280/> (дата обращения: 20.03.2021).

Ли Ли, аспирант
Науч. рук.: С.В. Ильясова, д-р филол. наук, проф.
Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

КАТЕГОРИЯ НЕВЗРОСЛОСТИ: ИНФАНТИВЫ

Аннотация. Предметом исследования являются русские инфантивы – обозначения лиц со значением невзрослости, а также неударовые, образованные с помощью традиционных суффиксов невзрослости, но имеющие более широкое значение и коннотацию. Пополнение этой группы лексики активно происходит как в стандарте (словари новых слов, язык СМИ), так и в субстандарте – в неформальной интернет-коммуникации. Результаты исследования позволяют автору говорить о сохранении сложившихся в русском языке традиций при обозначении невзрослых лиц, при этом отмечается усиление окказиональности.

Ключевые слова: категория невзрослости, инфантив, неударовая, неударовый, оценка

В рамках типологии, предложенной С.И. Ожеговым, категория невзрослости как лексический класс распадается на две подкатегории: 1) названия детенышей, т.е. молодых животных, находящихся при матери; 2) названия детей в двух значениях: мальчики и / или девочки в раннем возрасте, до отрочества и сыновья, дочери [Ожегов 1973: 150]. В процессе неударовки единицы выделенных подкатегорий ведут себя различно: если в первой группе при неударовке значение физиологической невзрослости сохраняется, то во второй группе наблюдаются существенные сдвиги в семантике.

Неударовые также правомерно разделить на две подгруппы: 1) неударовые со значением физиологической невзрослости; 2) неударовые с оценочным значением, обозначающие взрослых лиц.

Для обозначения обоих типов неударовых мы будем использовать термин *инфантив* (термин насл. – Ли Ли) – от лат. *infans, ntis* – дитя, ребенок. Правомерность использования термина в отношении первой подгруппы не вызывает сомнения. О правомерности использования его по отношению к ударовым второй подгруппы будет сказано далее.

Рассмотрим подгруппы в указанном порядке.

В РГ-80 все существительные с общим значением «невзрослые лица» объединены в одну группу – «ребенок – представитель национальности, социальной прослойки или профессии, названной мотивирующим словом: *турчонок, цыганёнок, батрачонок, казачонок, попёнок, поварёнок, внучонок*. К этому же типу относится слово *октябрёнок* (*октябрюта* – ‘дети Октября’) [РГ-80: 204]. Существуют и более детальные классификации рассматриваемой лексики. В диссертационном исследовании З.И. Минеевой неударовые со значением невзрослости представлены 7-ю группами, напр.: 1) номинации детей по месту рождения, проживания: *камазёнок, камазюта* (КамАЗ в г. Набережные Челны), *бамовчюта* (бамовец) [НРЛ-78]; 2) по способу рождения: *кесарёнок* (разг.) (кесарево сечение) [НСЗ-09]; 3) по участию в

детской организации, месту, учебы, занятию: *юдепёнок, юдепята* (ЮДП, юные друзья пограничников) [НРЛ-77]; *августёнок* (августовская революция во Вьетнаме), *фымышонок* (разг. шутол.) (ФМШ, фэмша) [НРЛ-79]; *бачата* (разг.) (мальчик / бачо, мойщик машин) [НРЛ-94] и др. [Минеева 2017: 308].

Все выделенные группы являются открытыми, пополняемыми. Так, в группу 7, объединяющую неoderиваты со значением принадлежности к социальной группе (*аристократёнок, бомженок*), можно включить такие неoderиваты, как *доженок* [Жданова 2019: 16], *холопёнок, смердёнок* [Чэнь Ясин 2020: 104]. Последние примеры представляют собой результат такого креативного развлечения в неформальной интернет-коммуникации, как игра в антифразы, ср.: *Под железной крышей лежали: холоп, холопёнок, смерд, смердёнок* [Там же]. Встречающиеся в неформальной интернет-коммуникации неoderиваты, как правило, необычны, окказиональны, ср.:

– *Есть ли здесь маклеры?*

– *Пруд пруди! И маклеры, и маклерихи, и маленькие маклерчата* [Есть ли здесь маклеры: <http://>].

Материалы словаря свидетельствуют о том, что продолжают пополняться и традиционные группы инфантивов, например, группа названий детей – представителей определённой национальности: *узбеченок, нка, м. Мальчик-узбек (в разг. речи, ласково)* [НС-84]; *«Чеченёнок» был не виноват* (Известия, 11.09.08).

При создании инфантивов активным является процесс отантропонимического словообразования, что подтверждается примерами С.В. Ильясовой, ср.: *«В Голливуде подрастает маленький БОНДёнок (КП.20.10.2000); Кстати, звезда до сих пор скрывает и имя отца первого «фостерёнка»... (КП. 27.09.2001); Скоро Штефи Граф будет играть с графёнком (КП. 24.01.2001).* Первая из приведённых инноваций образована от фамилии знаменитого агента 007 Джеймса Бонда, вторая – голливудской звезды Джоди Фостер, третья – теннисной звезды Штеффи Граф» [Ильясова 2002: 77]. Заметим, что в первом примере, помимо словообразовательной, представлена и графическая игра, так называемая *капитализация* – приём выделения сегмента в слове. В третьем примере языковая игра построена на столкновении межязыковых омонимов – *Граф* и *граф*.

Собранный нами исследовательский материал свидетельствует о том, что ряд подобных неoderиватов активно пополняется, ср.: *Дочка Анна очень похожа на папу – вылитый **Беккерёнок** (КП, 03.08.7 – от Б. Беккер); А близкие друзья Александра Абдулова уже давно не в шутку намекают, что ждут не дождутся маленьких «**абдулят**» (Семь дней, 2006, №12); А маленький «**бондёнок**» учится в элитной американской школе (КП, 19.12.03).* Вслед за С.В. Ильясовой, полагаем, что и эмоциональный, и оценочный компоненты этих лексем «выражают шутовское отношение к объектам наименования» [Ильясова 2016: 153]. Подобные инновации не редкость и в Интернете, напр.: *«**Климовята** с маминными глазами»: В сети восторгаются детьми Екатерины Климовой. Екатерина Климова выложила в Instagram семейную фотосессию – на ней она позирует вместе с тремя детьми: Лизой, Матвеем и Корнеем [«Климовята с маминными глазами»... 2019: <http://>].*

Одновременно с активным образованием неoderиватов с традиционным значением физиологической невзрослости идёт и другой процесс – «расширение мотивационной базы и семантики дериватов для экспрессивизации, выражения негативной оценки: *атташенок* (разг. с отг. пренебр.) ‘начинающий, малоопытный атташе’, *сучонок* (простореч. бранное) ‘молодой человек, вызывающий своим поведением, поступками гнев, раздражение’ (*сука* – ‘о людях, бранно’) [НРЛ-94]» [Минеева 2017: 308].

Считаем, что в отношении подобных неoderиватов также уместно употреблять термин *инфантив*, сделав оговорку о том, что характер окраски связан не с физиологической, но с политической, социальной незрелостью, часто – с непрофессионализмом, неопытностью.

Расширение семантики инфантивов можно проиллюстрировать целым рядом примеров, ср.: *Будет ворёнок Ксюша* [К. Собчак. – Ли Ли] *каяться за своего жуликоватого папашу* (Завтра, 31.03.2018) [Соловьева 2019: 173]. Особенно активно образуются подобные неoderиваты от антропонимов, ср.: *Е.Т. Гайдар – гайдарёнок, гайдарята* (публ. уничтожит.) [НСЗ-09]; *А.Б. Чубайс – чубайсята* [НСЗ-14]. Важно отметить, что приведённые примеры в анализе предваряются следующим замечанием: «С помощью модификационных суффиксов *-онок / -ёнок, -оньиш*, привносящих семантику невзрослости, в настоящее время образуются номинации взрослого человека» [Минеева 2017: 310].

Обратим также внимание на характер используемых в словарях специальных помет, ср.: *уничтожит.*, *пренебр.* О том, что подобные «новообразования с данными формантами часто являются негативно оценочными», говорит и Е.А. Жданова [Жданова 2019: 16], подчеркивая также, что у суффикса *-онок* «формируется значение лица – сторонника какого-либо политического лидера» [Там же]. В этом же ключе рассматривает неoderиваты типа *навальнята, соросята* и В.А. Куликова: «Также суффиксы *-онок / -ёнок* (во мн. ч. *-ат- / -ят-*) передают уничижительную эмоциональную окраску при присоединении к именам собственным для негативного обозначения последователей кого-либо...» [Куликова 2020: 99].

Очевидно, в этом же контексте можно рассматривать и неoderиваты *скрипалёнок, скрипалята*, анализируемые в диссертационном исследовании Д.В. Соловьевой, ср.: *Злобный скрипаль в чёрном плаще и чёрном трико пострелён и в страхе убегает. Его преследуют маленькие скрипалята, среди которых выделяется скрипалёнок* (Завтра, 12.09.018) [Соловьева 2019: 233].

Наблюдение за активными процессами, идущими в современном русском языке, невозможно без обращения к Интернету, где также можно наблюдать расширение семантики рассматриваемых неoderиватов; напр.: *Итак, инвесторята и инвесторихи, с вами месячная рубрика от папы, какие бумаги стоит посмотреть* [Инвесторята: <http>]. Очевидно, что неoderиват *инвесторята* обозначает взрослых лиц и при этом актуализирует коннотативный компонент.

В языке Интернета частотны неoderиваты, мотивированные наименованиями лиц-участников интернет-коммуникации. Будучи по преимуществу заимствованными словами, они в то же время легко порождают производные, в т. ч. с суффиксом *-онок / -ёнок*; ср.: *блогерята, ламерёнок (ламерята), лузерята*,

спамерёнок (спамерята), стримерята, френдёнок, хакерёнок (хакерята), флуденята, фолловерята, юзерята) [см. Ван Яньбин 2019]. Неодериваты на *-онок- / -ёнок- (-ат- / -ят-)*, мотивированные наименованиями лиц-участников интернет-коммуникации, могут иметь следующие значения: *блоггерята / блогерята*: 1) дети, учащиеся («Блогерята» – название блога учителя начальных классов); 2) взрослые пользователи интернета; *ламерёнок / ламерята*: 1) незрелый пользователь; 2) неопытные пользователи; 3) детёныш ламы; *лузерёнок / лузерята*: 1) дети лузеров; 2) молодые люди – лузеры (неудачники); *спамерёнок / спамерята*: 1) придуманное существо, похожее на чебурашку; 2) распространители спама; *френдёнок / френденята*: друг младшего возраста любого пола по ЖЖ; *фолловерята* – то же, что фолловеры (подписчики); *хакерёнок / хакерята*: 1) молодые хакеры; 2) дети хакеров; *юзерята* – молодые юзеры (пользователи); *стримерята* – то же, что стримеры (ведущие онлайн-эфиров); *флудёнок* – маленький, неоперившийся флудер (Словарь флуда: *шутл., ирон.*).

Таким образом, рассмотренные инновации могут обозначать как незрелых лиц (в том числе детей), так и взрослых. В первом случае возможна шутливая оценка, во втором – обычно ироническая, например: *соль не в том, что на нём пиарятся немаги и прочие блогерята для славы и зарабатывания бабла* [Кеська 2017: <http://>]; *Приветствую вас, юзерята!* [ВКонтакте: <http://> [Ильясова, Ли Ли 2019: 78].

На основе результатов проведённого исследования можно сделать некоторые значимые выводы.

1. Рассматриваемая подкатегория неодериватов-инфантивов является открытой, пополняемой группой лексики. Неодериваты обозначают незрелых лиц (детей) как по социальному положению, национальности, так и по роду занятий родителей.

2. Весьма заметную роль в формировании этой группы слов играет отантропонимическое словообразование, что усиливает окказиональный характер неодериватов.

3. В то же время можно утверждать, что в русской языковой картине мира отражается новый взгляд на категорию незрелости: она расширяет свои границы, физиологический признак перестаёт быть обязательным. Инновации на *-онок- / -ёнок- (-ат- / -ят-)* включаются в сферу социальной оценки.

Литература

Ван Яньбин. Роль Викисловаря в отражении неологических процессов современного русского языка: автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 24 с.

ВКонтакте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/usernaz> (дата обращения: 02.02.2021).

Есть ли здесь маклеры? Пару вопросов [Электронный ресурс] // [Otvet.mail.ru](https://otvet.mail.ru/question/39284009). Режим доступа: <https://otvet.mail.ru/question/39284009> (дата обращения: 02.02.2021).

Жданова, Е.А. Словообразовательные неологизмы-существительные в Словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-годов XX в.» : структурно-семантический и социокультурный аспекты: автореф. дисс....канд. филол. наук. Н.Новгород, 2019. 22 с.

Ильясова, С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2002. 360 с.

Ильясова, С.В., Амири, Л.П. Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 328 с.

Ильясова, С.В., Ли Ли. Категория незрелости как полевая структура в русской языковой картине мира // Филологический класс. 2019. № 3 (57). С. 73-80.

Инвесторята [Электронный ресурс] // Тинькофф. Режим доступа: https://www.tinkoff.ru/invest/social/profile/alex_mayer (дата обращения: 02.02.2021).

Кесья [Электронный ресурс] // ЯПлакаль, 16.09.2017. Режим доступа: <https://www.yaplakal.com/forum28/st/25/topic1660824.html> (дата обращения: 02.02.2021).

«Климовята с маминими глазами»: В сети восторгаются детьми Екатерины Климовой [Электронный ресурс] // Seldon news, 22.03.2019. Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/206342000> (дата обращения: 02.02.2021).

Куликова, В.А. Словообразовательные средства выражения негативной оценки (на материале новообразований в заголовках электронных СМИ XXI в.): дисс. ... канд. филол. наук. Н.Новгород, 2020. 278 с.

Минева, З.И. Активные процессы в деривации неоагентов в современном русском языке (1960–2016 гг.): структурно-семантический и прагматический аспекты: дисс. ... докт. филол. наук. Н. Новгород, НГУ, 2017. 577 с.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1973. 846 с.

Соловьева, Д.В. Медийные новообразования как фактор рискогенности текстов общественно-политической прессы начала XXI века: дисс. ... канд. филол. наук. Н.Новгород, 2019. 270 с.

Чэнь Ясин. Функционирование прецедентных единиц в интернет-игре в антифразы: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2020. 241 с.

Ли Хуэй, аспирантка

Науч. рук.: В.Д. Черняк, д-р филол. наук, проф.

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)*

ЁЖИК В ТУМАНЕ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН В РОССИЙСКИХ СМИ (на материале Национального корпуса русского языка)

Аннотация. В статье рассматривается лингвокультурная значимость прецедентного имени *ёжик в тумане*, мотивированного названием мультипликационного фильма Ю. Норштейна. В результате анализа материалов НКРЯ автором выявлены значимые для современной языковой личности смысловые компоненты исследуемого прецедентного имени. Рассматриваются основные характеристики актуализации прецедентного имени в современной российской прессе.

Ключевые слова: лингвокультурная значимость, прецедентное имя, мультфильм, национальный корпус

Ведущие признаки прецедентного имени как феномена – это его широкая известность и распространённость метонимического и метафорического использования без специального пояснения истоков метафоричности

[Нахимова 2011: 60]. Эти признаки актуальны для представления, категоризации, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и её фрагментов [Там же: 262]. Благодаря постоянному функционированию в речи прецедентные имена приобретают лингвокультурную значимость, которая отражается в закрепляющихся за ними в узусе определённых смысловых компонентах, основанных на различных ассоциациях и признаках, связанных с прецедентным текстом.

Широкая распространенность прецедентного имени *Ёжик в тумане* связана с популярностью одноименного мультфильма выдающегося мультипликатора Юрия Норштейна. Использование этого имени как правило мотивировано ситуацией, положенной в основу сценария фильма (сценарий по сказке С. Козлова).

Прецедентное имя *Ёжик в тумане* представлено в семи лексикографических изданиях, таких, как: «Большой словарь цитат и крылатых выражений» [Душенко 2006, 2011], «Словарь крылатых слов (русский кинематограф)» [Елистратов 1999, 2010], «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008], «И жизнь, и слёзы, и любовь...» [Шулежкова 2008], «Современные крылатые слова и выражения» [Грушко, Медведев 2000], «Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность» [Дядечко 2001] и словарь крылатых выражений из мультфильмов под ироничным названием «Не смешите мои подковы» [Шулежкова 2018]. Рассматриваемое прецедентное имя включено также в «Толковый словарь русского арго», где оно сопровождается толкованием «несчастный, запутавшийся, жалкий человек» [Елистратов 1999]. В уже упомянутом словаре «Не смешите мои подковы» единица *Ёжик в тумане* рассматривается как имеющая два значения, толкование которых сопровождается иллюстративными примерами из СМИ: 1. *Человек, который ищет своих путей в жизни, но пока не определился и одолевает сомнениями.* 2. *Странный, загадочный человек* [Шулежкова 2018: 12].

В нашем исследовательском материале отмечены несколько вариантов использования прецедентного имени в публицистических текстах.

В ряде случаев само название мультфильма используется автором текста в качестве отсылки к содержанию в целом: *Некоторые юзеры сравнили себя с героями мультфильма «Ёжик в тумане»* [Густой туман превратил городок... 2016: <http://>]; *Одним словом, не жизнь, а безнадёжная версия «Ёжика в тумане». Как бывает у всякого деспота, который потерял ощущение реальности* [Сергеенко 2020: <http://>].

Словосочетание *ёжик в тумане* активно используется при описании реальных ситуаций, когда человека окружает непрозрачный воздух, когда он находится в густом облаке дыма: *Горожане сегодня смогли почувствовать себя настоящими ёжиками в тумане. По данным Приволжского УГМС, туман можно будет наблюдать всю первую половину сегодняшнего дня* [Филатова 2018: <http://>]; *Сахалинцы сравнили город с Сайлент Хиллом, а водителей – с ёжиками в тумане. Видеозаписью с места ЧП островитяне поделились в соцсетях* [Беляева 2020: <http://>]; *Ко мне подошёл малыш и сообщил, что он «ёжик в тумане». Я не стал его разочаровывать. Школа № 2, по утверждению*

местных жителей, находится в нескольких сотнях метров от пожара, из-за чего классы заволокло дымом [Грачёва 2002: [http](#)].

Остановимся подробнее на метафорических значениях выражения *ёжик в тумане*, которые часто встречаются в современной речи, однако пока не фиксируются в словарях.

Прецедентное имя *ёжик в тумане* нередко используется для характеристики политиков или граждан, не определившихся в своём выборе, при этом внимание акцентируется на затруднениях в принятии решения в связи со сложностью предстоящего события: *Не удивительно, что блуждающие в социологическом тумане российские ёжики никак не определятся, идти им на президентские выборы или нет, а если идти, то как поступить с бюллетенем для голосования* [Костиков 2012: [http](#)]; *Пусть летят себе. Агенты, гонорары <...> Мечутся ребята, как ёжики в тумане. Да, есть реалии жизни. Но есть и хоккейная правда, каждому твердящая: найди свою команду и свое место* [Цыбанев 2010: [http](#)]. Отметим, что в приведённых примерах прецедентное имя используется неоднократно: в первый раз – в качестве заголовка, что и позволяет автору трансформировать единицу в случае её повторного употребления.

Рассматриваемое прецедентное имя частотно употребляется в современной речи в случаях, когда хотят показать, насколько сложно человеку разобраться в непонятной ситуации, когда исход её непредсказуем: *Были проведены переговоры с большим числом китайских компаний. О них Алексей Рахманов вспоминает так: «Китайцы не спешат раскрывать карты, оставляют ощущение непрозрачности. В общем, чувствуешь себя как ёжик в тумане»* [Карасюк 2004: [http](#)]; *Что делать, когда бизнес рушится? И почему бизнесмены похожи на ёжиков в тумане?* [Валеев 2020: [http](#)]; *Сегодняшнее человечество – это «ёжик в тумане»: ...Предсказатели были всегда, но наиболее желанными и запрашиваемыми они становились именно тогда, когда человечество превращалось в «ёжика в тумане», каким оно является и сегодня* [Семенец 2020: [http](#)]; *Россияне – это сплошные ёжики в тумане: они живут будто на ощупь. Они отучены думать в категориях развития на 10 лет вперёд и дальше* [Филина 2018: [http](#)].

Российские журналисты охотно актуализируют прецедентную ситуацию *ёжик в тумане* при окрашенном иронией описании положения, сложившегося в экономике и культуре: *А что касается нашей с вами страны, то я бы говорил не об оздоровлении, а об очищении. Мой диагноз той экономической ситуации, в которой мы сегодня находимся, можно выразить двумя словами – экономический морок. Мы находимся в ситуации, когда ёжик в тумане – это просто прелесть по сравнению с тем, что у нас сегодня* [Кричевский 2021: [http](#)]; *Банковская реформа – это ёжик в тумане* [Банковская реформа... 2001: [http](#)]; *Кино в эпохи пандемии – как ёжик в тумане* [Кичин 2020: [http](#)]. В контекстах, подобных приведённым, актуализируется прецедентная ситуация из мультфильма, основанная на образе тумана – символе неясности и неупорядоченности, что переносится на перспективы развития экономики или политическое будущее страны и мира: *Европейский ёжик в тумане: В последнее время глобализация стала одним из самых конфронтационных полей, на котором кто только не скрещивает мечи* [Костиков 2020: [http](#)]; *И это –*

показатель растерянности власти, она находится в состоянии слабого понимания, как действовать. Она в неопределённости – как **ёжик в тумане**, – в непонимании, что делать, когда пробуждаются разные установки и линии поведения [Мурсалиева 2019: <http://>].

Таким образом, результаты анализа особенностей функционирования прецедентного имени **ёжик в тумане** в современной российской прессе позволяет сделать вывод, что наиболее частотна его актуализация в сравнительных конструкциях или метафорическом использовании. При этом возможна морфологическая вариативность компонента **ёжик**, частотно его использование в форме множественного числа. В новых контекстах прецедентное имя служит средством экспликации негативного отношения автора к описываемой ситуации, а сама единица обретает значение ‘сложность’, ‘неопределённость’.

Литература

- Банковская реформа – это ёжик в тумане [Электронный ресурс] // Новая газета, 11.01.2021. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/> (дата обращения: 13.01.2021).
- Беляева, Ю. Горячий фонтан превратил Южно-Сахалинск в Сайлент Хилл и оставил 7 домов без тепла [Электронный ресурс] // SKR.SU. Сахалин и Курилы, 20.11.2020. Режим доступа: <https://skr.su/news/post/146522/> (дата обращения: 13.01.2021).
- Берков, В.П., Мокиенко, В.М., Шулежкова, С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt Universität. T.1. A–M. 2008. 658 с.
- Валеев, Т. «Предприниматель не отличается от обычного человека»: как психологи могут помочь в бизнесе [Электронный ресурс] // ТАСС, 25.10.2020. Режим доступа: <https://tass.ru/podkasty/9551661> (дата обращения: 13.01.2021).
- Грочёва, Н. Бои за Балашиху идут с переменным успехом [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 07.09.2002. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/22628/19694/> (дата обращения: 13.01.2021).
- Грушко, Е.А., Медведев, Ю.М. Современные крылатые слова и выражения. М.: Рольф, 2000. (Энциклопедии). 544 с.
- Густой туман превратил городок в Мурманской области в «Сайлент Хилл» [Электронный ресурс] // Lenta.ru, 17.10.2016. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2016/10/17/silentmurmansk/> (дата обращения: 13.01.2021).
- Денисова, Е.В. Прецедентное имя в английском фольклоре // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2008. №1-II. С. 26-29.
- Дядечко, Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. Киев: ИПЦ «Київський університет», 2002. 294 с.
- Елистратов, В.С. Словарь крылатых слов (русский кинематограф): ок. 1000 ед. М.: Рус. словари, 1999;
- Елистратов, В.С. Словарь русского арго: (Материалы 1980-1990-х гг.): Ок. 9000 слов, 3 000 идиомат. выражений. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М.: Рус. слов., 2000. 693 с.
- Карасюк, Е. Последнее китайское напутствие [Электронный ресурс] // Коммерсантъ, № 33, 06.09.2004. С. 1003. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/859922> (дата обращения: 13.01.2021).
- Кичин, В. Кино в эпохи пандемии – как ёжик в тумане [Электронный ресурс] // Российская газета – Федеральный выпуск № 140, 29.06.2020. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/06/18/kino-v-epohu-pandemii-kak-ezhik-v-tumane.html> (дата обращения: 13.01.2021).
- Костилов, В. Ёжик в тумане [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 15.02.2012. Режим доступа: <https://aif.ru/politics/world/31065> (дата обращения: 13.01.2021).

Костилов, В. Мировая система. Разрушение или ремонт [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. 05.08.2020. Режим доступа: https://aif.ru/politics/world/mirovaya_sistema_razrushenie_ili_remont (дата обращения: 13.01.2021).

Кричевский, Н. Ковид в 2021 году никуда не уйдёт. Но экономика оздоравливаться будет [Электронный ресурс] // Радио «Комсомольская правда», 06.01.2021. Режим доступа: <https://radiokp.ru/podcast/ekonomika-s-nikitoi-krichevskim/225612> (дата обращения: 13.01.2021).

Мурсалиева, Г. Политики просто взбесились [Электронный ресурс] // Новая газета. 05.10.2019. Режим доступа: <https://novayagazeta-vlad.ru/479/politika/politiki-prosto-vzbilisil.html> (дата обращения: 13.01.2021).

Нахимова, Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования: монография. ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2011. 276 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 20.12.2020).

Семенец, А. Сегодняшнее человечество – это «ёжик в тумане» [Электронный ресурс] // Сайт Владимира Кудрявцева, 27.06.2020. Режим доступа: <https://tovievich.ru/news/9865-segodnjashnee-chelovechestvo-jetoezhika-v-tumane.html> (дата обращения: 13.01.2021).

Сергеенко, М. Абсурдный суд, устранение конкурентов и одиночество президента // TUT.BY, 01.12.2020. Режим доступа: <https://news.tut.by/culture/709622.html> (дата обращения: 13.01.2021).

Филатова, А. Не видно ни зги: Самару окутал густой туман [Электронный ресурс] // Комсомольская правда – Самара, 13.11.2018. Режим доступа: <https://www.samara.kp.ru/online/news/3294559/> (дата обращения: 13.01.2021).

Филина, О. Вера в смутное будущее [Электронный ресурс] // Огонёк, 03.09.2018. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3725214> (дата обращения: 13.01.2021).

Цыбанев, Ю. Ёжики в тумане [Электронный ресурс] // Советский спорт. 20.04.2010. Режим доступа: <https://www.sovsport.ru/hockey/articles/122976-ezhiki-v-tumane> (дата обращения: 13.01.2021).

Шулежкова, С.Г. «И жизнь, и слёзы, и любовь...» Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов выражений русского языка. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 848 с.

Шулежкова, С.Г. Не смещите мои подковы!: словарь крылатых выражений из мультфильмов / Магнитогор. гос. технич. ун-т им. Г.И. Носова. Магнитогорск: Магнитогор. дом печати, 2018. 179 с.

*Е.Д. Миланова, аспирантка
Науч. рук.: Н.П. Чернева, канд. филол. наук, доц.
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского
(Пловдив, Болгария)*

К ВОПРОСУ О РУССКИХ ЖАРГОННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ РОДСТВА И ИХ БОЛГАРСКИХ НЕОФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЭКВИВАЛЕНТАХ

Аннотация. В работе поставлена задача комплексного изучения русских жаргонных фразеологизмов с компонентом ‘родство’ в сопоставлении с их болгарскими функциональными эквивалентами. Обращаясь по преимуществу к неопразеологическим ресурсам, широко представленным в интернет-пространстве, но пока не отражённым в

болгарских фразеографических изданиях, авторы уделяют внимание фразеологическим эвфемизмам и конспиративным названиям и выражениям.

Ключевые слова: фразеологические неологизмы, жаргон, функциональные эквиваленты, эвфемизмы, конспиративные названия

Жаргонные слова и выражения возникают за пределами литературного языка, в рамках определённой социально или профессионально обособленной группы, но в процессе своего развития и распространения они оказывают существенное влияние и на литературный язык. В последние годы активное использование жаргонных языковых единиц наблюдается даже в устной речи образованных людей.

Термин *жаргон* коррелирует с обозначениями *сленг* и *арго*, из которых *арго* вызывает меньше всего споров. В широко распространённом понимании *арго* – это тайный язык, воровской жаргон. Не так обстоит дело с остальными терминами. В русской, как и в болгарской лингвистике, нет единого мнения о том, существует ли чёткая граница между терминами *жаргон* и *сленг*. Часто они употребляются как синонимы.

По определению Е.П. Пустошило, «жаргон – разновидность речи, используемая преимущественно в устном общении отдельной устойчивой социальной группы, объединённой общностью социальной принадлежности, профессиональных занятий, интересов, времяпровождения, возраста и т.п.» [Пустошило 2011: 74]. Термин *сленг* (англ. *slang*) Е.П. Пустошило использует по отношению к более частному явлению – интержаргон [Пустошило 2011: 75]. В данной работе мы будем придерживаться именно этого разграничения. Жаргонными фразеологизмами (ЖФ) будем называть фразеологизмы, которые появляются в языке определённых социальных и/или профессиональных сословий, откуда некоторые из них и переходят в разговорную речь. ЖФ обладают как функциональной, так и экспрессивно-эмоциональной стилистической окрашенностью. Обычно ЖФ отличаются шутивно-иронической, иногда даже грубой, нецензурной окраской. По мнению В. Вытова, именно грубая экспрессивность и яркая образность ЖФ – причина их распространения в разговорном стиле [Вътов 1998: 31]. Приобретая популярность в массах, эти фразеологизмы становятся доступными и понятными многим людям, но их употребление остаётся более или менее ограниченным.

В отличие от болгарской, в русской лингвистике вопрос о жаргонной лексике и арго уже давно стал объектом серьёзной научно-исследовательской деятельности. Этим вопросом русские лингвисты стали интересоваться ещё в начале XX века. В результате жаргонная лексика была зафиксирована, вошла в словари и стала понятна и доступна любому заинтересованному читателю. Из современных специалистов в этой области надо упомянуть имена В.С. Елистратова [Елистратов 2002], В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [Мокиенко 1994; Мокиенко, Никитина 2007]. В созданные этими авторами специальные словари, помимо отдельных слов, вошло и большое количество жаргонных фразеологизмов. Именно эти фразеографические издания стали первичным источником для эксцерпирования материала исследования.

В болгарской лингвистике жаргонная лексика, и в частности жаргонные фразеологизмы, слабо изучены. Из лексикографических изданий заслуживают внимания два – словарь Г.Л. Армянова «Речник на българския жаргон» [Армянов 1993] и «Нов речник на уличния жаргон» [Нов... 2017], составленный Н. Стоименовой. Однако и эти собрания объективно неполные и (в связи с быстро развивающейся жаргонной стихией) устаревшие. Современное общество настолько развивается динамично, что язык непрерывно пополняется новыми элементами. В результате этой подвижности словарный запас, активный в период жизни одного поколения, подвергается таким серьёзным изменениям, что возникает языковой барьер между поколениями: жаргон, который использовали лет десять назад, современной молодёжи уже непонятен. Жаргонные фразеологизмы, которые употребляются в современном болгарском обществе, входят в группу *фразеологических неологизмов*. Современные исследователи неофразеологии отмечают несколько основных критериев неофразеологических единиц: закреплённость значения, активное использование носителями языка, незафиксированность в традиционных лексикографических источниках (см. [Шулежкова, Георгиева 2020]; [Тенчева, Чернева 2020]).

В интернет-пространстве функционирует несколько крупных сайтов болгарского жаргона. Основным источником примеров для нашего исследования стал сайт «БГ жаргон», который постоянно пополняется актуальной информацией. Причём информацию на сайте размещают именно носители жаргона, т. е. она не опосредованна.

Источниками самых распространённых жаргонных фразеологизмов в русском языке являются молодёжный сленг, школьный жаргон и арго. Встречаются, хоть и реже, фразеологизмы из профессиональных жаргонов, прежде всего из компьютерного.

Среди жаргонных фразеологизмов, зафиксированных в русских словарях, многие содержат исследуемый нами компонент 'родство'.

Помимо обычной систематизации жаргонных фразеологизмов на основе сферы употребления, мы предлагаем разработанную нами классификацию, распределяющую ЖФ по функциональным группам: эвфемизмы, бранные выражения, каламбурные обороты, конспиративные выражения и названия, шутливые речевые формулы, ироничные названия, жаргонные фразеологизмы для названия некоторых действий.

Представляемые в статье материалы являются частью более обширного исследования фразеологических неологизмов. Остановимся на рассмотрении двух классификационных групп – эвфемизмов и конспиративных выражений и названий.

Эвфемизмы (из греч. εὐφῆμι — «благоречие»)

По мнению Л.П. Крысина, «в современной русской речи достаточно отчётливо проявляются две противоположные тенденции: к огрублению речи и к её эвфемизации» [Крысин 1994: 28]. Этот парадокс приводит к тому, что в жаргонной лексике появляется всё больше жаргонных фразеологизмов-эвфемизмов. Словарь С.И. Ожегова даёт слову *эвфемизм* следующее определение: «Слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для

данной обстановки или грубое, непристойное» [Ожегов 2008: 1183]. Опираясь на это толкование, можно заключить, что основная цель говорящего при употреблении эвфемизмов – не создавать у собеседника неприятных ощущений и дискомфорта. Однако эвфемизмы в жаргонной речи обладают огромной экспрессивной нагрузкой. Кроме указанной цели, у них есть ещё одна, по нашему мнению, более важная, а именно: не просто заменить табуированное слово нейтральным, но подобрать такое выражение, которое завуалирует явление, придаст ему некую таинственность и этим вызовет интерес собеседника к личности говорящего. Эти эвфемизмы своим новаторским подходом к сочетанию слов, иногда даже противопоставленным общественным нормам, призваны удивлять, вызывать ряд ассоциаций, указывать на говорящего как на человека оригинального мышления, бунтаря.

Жаргонные фразеологизмы-эвфемизмы с компонентом 'родство' в русском языке в основном призваны «завуалировать» физиологические потребности, которые ассоциируются с недопустимыми при светском общении проявлениями. Притом именно слово, указывающее на родство, – маркер эвфемизации.

Так, например, слово «унитаз» само по себе нейтральное, но оно может вызывать неприятные ассоциации, поэтому табуируют не только физиологические процессы, связанные с этим предметом, но и само слово. Появляются ЖФ со значением 'унитаз': *тёща с зонтиком* (жарг. угол.) и *белый брат / братец* (жарг. мол.).

В болгарском языке эквивалент слову «унитаз» – слово «тоалетна чиния», которое само по себе возникло как эвфемизм, подвергается вторичной эвфемизации и в жаргонной речи уже встречается как фразеологический неологизм *голямата чиния*.

Менструация ещё с древности считалась темой табу, так как менструальная кровь воспринималась как что-то грязное, связанное с нечистыми силами. Само слово «менструация» почти не употребляется в литературном языке, кроме как в специальной медицинской литературе. Помимо общепринятого эвфемизма «месячные», в русском языке встречаются и ЖФ: *бабушка в гости пришла* (жарг. мол.); *тётя на красной машине* (жарг. мол.); *тётка пришла*.

В болгарском языке существует достаточно чёткое разграничение в употреблении жаргонных фразеологических неологизмов со значением 'менструация' женщинами и мужчинами. В речи женщин употребляются *дойдоха ми гости*; *цъфнала съм*. В мужской речи встречаются *червен бряг*; *червената армия*; (*някоя е*) *на аварийки*.

Эвфемизмами являются и глагольные ЖФ, означающие различные физиологические проявления / процессы:

– 'сходить в туалет' – *сходить к бабушке* (жарг. мол.); *позвонить бабушке* (жарг. мол.); *рваться к белому братцу* (жарг. мол.); *проведасть бабушку* (жарг. мол.); их соответствия в болгарском языке – жаргонные фразеологические неологизмы *отивам до едното място*; *отивам до офиса*; *отивам до офиса на мечката*; *отивам на мечката у барака*; *отивам там, където и кралицата / кралица Елизабет ходи сама / яхвам белия кон*;

– ‘испытать рвоту’ – *поймать тётю Блю* (жарг. мол.); *вспоминать маму на коленях* (жарг. мол.). Последний ЖФ употребляется преимущественно в ситуациях, когда речь идёт о пьяном человеке. В болгарском языке с аналогичным значением используются жаргонные фразеологические неологизмы *хвърлям срекмето*; *хвърлям мозайка*; *моля се на порцелановия бог*;

– ‘ругаться матом’ – *упомянуть о матери*. Болгарские эквиваленты на уровне жаргонной неофразеологии – *працам много здраве на майка ти*; *тегля една благословия*.

Конспиративные названия и выражения

Конспиративные названия и выражения – это такие ЖФ, цель которых – скрыть настоящий смысл речевого сообщения и таким образом предостеречь собеседника. Большинство слов и выражений в арго возникли именно с конспиративной функцией. Поэтому основной состав конспиративных жаргонных фразеологизмов восходит к аргю и тюремному жаргону. Приведём несколько типичных для этой классификационной группы единиц:

– *мать героиня* / *отец героин* (жарг. нарк.) имеют два разных значения: с одной стороны, это обозначение особого типа личности – ‘наркоман, употребляющий героин’, с другой – это ‘распространитель наркотиков’. Жаргонный фразеологизм *мать героиня* возник как новое, жаргонное, толкование почётного звания «Мать-героиня», которое во времена СССР присваивали многодетным матерям, родившим десять и более детей. По аналогии появился и ЖФ *отец героин*. Первому значению этих выражений в болгарском языке соответствуют жаргонные фразеологические неологизмы *наркос на стафиди* / *на шит* / *на адец* / *на жълто* / *на херца*; второму – лексема *човекът*;

– *словить жениха* (жарг. угол.) – ‘ограбить кого-л.’ Болгарский неофразеологический эквивалент – *да свия хартийките (на някого)*.

Проведённое исследование речевого материала позволяет заключить, что жаргонные фразеологизмы – наиболее быстро развивающаяся область фразеологии. Они находятся в постоянной динамике, переходят из группы в группу, уходят из активного в пассивный фонд, оказывая огромное влияние на речевую практику. Отмеченная специфика функционирования жаргонных фразеологических неологизмов объясняет отсутствие большей их части в лексикографических источниках. Задача фиксации единиц этого типа требует своего решения.

Благодарность. Исследование проведено в рамках работы болгарской группы исполнителей над проектом № КП-06-Русия 11 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Р Болгария.

Литература

Армянов, Г.Л. Речник на българския жаргон. София: 7М+Логис, 1993. 203 с.

БГ жаргон [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bgiargon.com/> (дата обращения: 26.02.2021).

Вътов, В. Малък фразеологичен речник на българския език. Велико Търново: Слово, 1998. 184 с.

Георгиева, С.И., Шулежкова, С.Г. Фразеологические инновации болгарского и русского языков в условиях глобализации (XX – начала XXI вв.) // Martin Henzelmann (ed.): Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik. Standpunkte – Innovationen – Herausforderungen. Festschrift für Prof. Dr. Dr. h.c. Helmut Wilhelm Schaller anlässlich seines 80. Geburtstags. Berlin: Frank & Timme (Slawistik, 8), 2020. С. 21–38.

Елистратов, В.С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.) [Электронный ресурс] // ГРАМОТА.РУ, 2002. Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/argo/> (дата обращения: 26.02.2021).

Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994, № 1–2. С. 28–49.

Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп, 2007. 784 с.

Мокиенко, В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. Берлин, 1994, № 1/2. С. 50–73.

Нов речник на уличния жаргон / сост. Н. Стоименова. София: Millenium, 2017. 208 с.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. Скворцова. М: Оникс. 2008. 1199 с.

Пустошило, Е.П. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Учебно-методический комплекс по русскому языку для студентов педагогических специальностей. Гродно: ГрГУ, 2011. 141 с.

Тенчева, Б.Т., Чернева, Н.П. Болгарские и русские сверхсловные единицы с компонентом-цветообозначением в корпусе неофразеологии. // «Благословенны первые шаги...»: сб. работ молодых исследователей / Науч.-исслед. слов. лаборатория; каф. рус. яз., общ. языкознания и массовой коммуникации / ред. колл.: д-р филол. наук, проф. С.Г. Шулежкова (гл. ред.), ст. науч. сотрудники, канд. филол. наук А.А. Осипова, А.Н. Михин, Н.В. Позднякова. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2020. Вып. 14. С. 107–114.

Д.А. Новиков, студент
Науч. рук.: С.Г. Шулежкова, д-р филол. наук, проф.
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

НЕОФРАЗЕМЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ СОБЫТИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассмотрены ФЕ-неологизмы, порождённые Афганской войной 1979–1989 гг. и двумя контртеррористическими операциями на территории Северного Кавказа (1994–1996 гг., 1999–2009 гг.). Выявлены источники происхождения фразеологических неологизмов (ФН) *минная война, грязные бомбы, президентские береты, кавказский крест*; на основании исследования контекстов ФЕ установлена их семантика и сфера употребления.

Ключевые слова: фразеологический неологизм, минная война, грязные бомбы, президентские береты, кавказский крест

Пополнение словарного состава – один из неотъемлемых и важных процессов в эволюции языка. Процесс этот неразрывно связан с новациями в научно-технической сфере, с общественным сознанием, с внутренними и

внешними политическими и военными событиями. Лексико-фразеологический состав русского языка за последние десятилетия претерпел серьёзные изменения: он обогащается за счёт заимствований, но в то же время продолжает пополняться за счёт образования новых лексических и фразеологических единиц на собственной базе.

Период рубежа XX–XXI в. ознаменован заметным прорывом в становлении и развитии отечественной фразеологической науки: отмечено увеличение объёма научных исследований в этой области, что привело к появлению большого числа научных монографий и словарей, посвящённых описанию новых единиц русского языка. Благодаря исследованиям лексикологов и фразеологов начинают разрабатываться новые направления в лингвистике. Так, зарождаются фразеологическая неология и фразеологическая неография. Фразеологическая неология ставит своей задачей изучение фразеологических неологизмов (далее ФН, ФЕ-неологизм). ФЕ-неологизм – «это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2002: 66].

Формирование корпуса фразеологических неологизмов находится в тесном взаимодействии с развитием национальной культуры. Пути его обогащения проявляются в различных формах экстралингвистической и лингвистической детерминированности.

Целью данного исследования является выявление ФЕ-неологизмов, порождённых Афганской войной и двумя контртеррористическими операциями на территории Северного Кавказа – Первой Чеченской и Второй Чеченской кампаниями, выявление и установление их семантики и описание сферы употребления. Актуальность работы определяется тем, что не все ФЕ-неологизмы зафиксированы в эптографических или фразеологических словарях.

Источником исследовательского материала послужили собранные нами исторические сведения об Афганской и Чеченской войнах, публикации в СМИ, отечественная проза и поэзия, а также письма и дневники участников боевых действий.

Необходимая историческая справка. Афганская война – это военные действия на территории Афганистана, которые с 1979 по 1989 г. вёл СССР для поддержки во время гражданской войны легитимного правительства этой страны в лице Народно-демократической партии. Миссия воинских подразделений СССР заключалась в защите стратегически важных объектов от афганских моджахедов (оппозиции). Война продолжалась 9 лет и закончилась выводом советских войск 15 февраля 1989 года. Официальные потери СССР составили почти 14,5 тысяч человек [Что такое Афганская война 2020: [http](http://)].

Вооружённый конфликт на территории Северного Кавказа во временной перспективе членится на два периода. Первая Чеченская война: так назван военный конфликт (1994–1996 гг.) между российскими федеральными войсками (силами) и вооружёнными формированиями Чеченской Республики

(ЧР) Ичкерии, созданными в нарушение законодательства РФ. Кампания завершилась 31 августа 1996 г. в Хасавюрте, где были подписаны соглашения о прекращении боевых действий. Чеченская сторона, в нарушение условий соглашения, повела линию на немедленный выход ЧР из состава России. Усилился террор по отношению к сотрудникам МВД и представителям местных органов власти, активизировались попытки сплотить вокруг Чечни на антироссийской основе население других Северо-Кавказских республик [Конфликты между РФ и Чеченской Республикой... 2011: [http](#)]. В сентябре 1999 г. началась новая фаза чеченской военной кампании, которая получила название *контртеррористической операции на Северном Кавказе* (КТО). Поводом для начала операции послужило массированное вторжение 7 августа 1999 года в Дагестан с территории Чечни боевиков под общим командованием Шамиля Басаева и арабского наемника Хаттаба. В группировку входили иностранные наёмники и боевики Басаева. 16 апреля 2009 г. года Национальный антитеррористический комитет (НАК) России по поручению президента Д. Медведева отменил режим КТО на территории Чеченской Республики [Конфликты между РФ и Чеченской Республикой... 2011: [http](#)].

Освещению и осмыслению названных событий посвящены многочисленные публикации, появившиеся как в прессе, так и в художественном творчестве. Этот материал и лёг в основу проводимого нами исследования.

При характеристике военных событий в Афганистане и Чечне в отечественной прозе стало активно употребляться словосочетание *минная война*. Впервые данное выражение появляется на страницах книги «Моя война. Чеченский дневник окопного генерала» (2000–2001), автором которой является российский военный деятель, генерал-полковник Геннадий Трошев (1947–2008): *Не прекращались обстрелы блокпостов, базовых районов «федералов» из стрелкового оружия, миномётов, гранатометов. Широко развернулась «минная война»* [Трошев 2001: 23].

Неологизм *минная война* используется для обозначения боевых действий ‘с применением мин (взрывчатых устройств) на суше’. Минная война включает в себя процедуры, связанные с минированием и разминированием того или иного участка. Выражение можно встретить с близким к указанному нами значением в «Большой советской энциклопедии» и «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона». Так, в них под *минной войной* понимается «подземное рытьё тоннелей (минных галерей) при осаде крепостей и на линиях фронта» [Энциклопедический словарь, т. 19 1896: 375, 378]. Устойчивость выражения подтверждают примеры его использования в разных сферах коммуникации: в публицистике, в СМИ, в документальных жанрах и т. д., ср.: *На машинах установлено оборудование (с таким раньше не приходилось сталкиваться), позволяющее перехватывать радиосигнал к фугасу, если его где-то возле дороги установили боевики. Минная война заставила искать средства против терактов. Эх, если бы пораньше такое изобретение появилось в войсках...* [Карпов 2002: [http](#)]; *И пока федералы тщетно борются с мировым исламским заговором и пытаются перекрыть бандитские финансовые потоки, в республике продолжается минная война. В субботу*

около 16.30 в станции Ассиновская Сунженского района прогремел очередной взрыв [Ампелонский 2003: [http](#)]; Экипажам беспилотников – ГАЗ-66 и КамАЗов – **минная война** не оставляла никаких шансов [Мордовцев 2004: [http](#)]; Проблемные вопросы противодействия в **«минной войне»**. Термин **«минная война»** вошёл в оборот со времени пребывания Ограниченного контингента советских войск в Афганистане [Щербаков 2004: [http](#)]; Затем началась бурная **«минная война»**, которая в Чечне не прекращается до сих пор. С 1995 года в Чечне начался **«минный всеобуч»**: подехавшие с Ближнего Востока арабы-инструкторы развернули массовые курсы подрывников (спецшколы действуют до сих пор) [Фалалеев 2004: [http](#)].

С высочайшей частотностью в современном русском языке продолжает использоваться ФЕ-неологизм **грязные бомбы**. Он появился в ходе военных действий в Чеченской республике, но использовался также при описании боевых снарядов, которые создавались радикалами в Афганистане.

Первая письменная фиксация оборота **грязные бомбы** датируется 2001 г. Он был употреблён журналистом С. Бычковым в статье «Индия. Экстремисты подбираются к секретным объектам», опубликованной в общественно-политической и деловой ежедневной газете «Известия»: *Проще для исламистов путь к отравляющим или эпидемическим средствам уничтожения людей. Если небольшая **«грязная» бомба** – продукт всё-таки высокой технологии, то ядовитый газ, как показал опыт японской «Аум Синрикё», можно делать в загородном доме с помощью довольно простых установок* [Бычков 2001: [http](#)].

ФН **грязные бомбы** употребляется в значении «боеприпасы, основным элементом которых являются радиоактивные вещества». Основной задачей таких бомб – не уничтожение инфраструктуры или вражеских сил, а заражение местности, которая из-за этого становится непригодной для жизни.

В настоящее время этот неологизм можно встретить в художественных текстах, посвящённых описанию событий в Афганистане и Чечне, в СМИ, в публицистике, в интервью дипломатов, дающих комментарий по поводу официальных сводок Афганской и Чеченской войн. Ср.: *Для создания **«грязных бомб»** террористы ищут отравляющие и химические вещества. Из 40 лагерей «Аль-Каеды» в Афганистане в семи делались подобного рода устройства. Чаще всего «моджахедов» обучали этому инструкторы из Чечни* [Хроника террора 2003: [http](#)]; ЦРУ подозревает, что у террористов есть **«грязные бомбы»**. Тогда целью главной атаки, скорее всего, станет именно Вашингтон [Чижиков 2003: [http](#)]; Вопрос: А какое ОМУ могут использовать террористы? Ответ: На сегодняшний день это биологические препараты, **«грязные бомбы»** с использованием расщепляющихся материалов и изотопов. Речь, конечно же, не идёт об использовании настоящей ядерной бомбы, но угроза использования **«грязных бомб»** реально существует [Трубников 2004: [http](#)]; Прежде всего, возрастёт угроза применения если не ядерного оружия, то **«грязных бомб»**, так как эта мусульманская страна обладает не только ядерным оружием, но и ядерной технологией, опасность распространения которой более вероятна, чем самого оружия. Если эти **«грязные бомбы»** попадут в руки террористов, то они их используют при первом удобном случае, что чревато ядерным заражением экологии соседних стран ввиду

географической близости [Низамов 2008: [http](#)]; Пока рвутся **«грязные бомбы»** кремлёвских пропагандистов, диалог с представителями абсолютного, как утверждают социопросы, гуманитарного меньшинства соседней страны бессмыслен, настаивали они [Мусафиров 2015: [http](#)].

Во время первой Чеченской войны на территории республики одним из самых опасных и наиболее известных чеченских полевых командиров, террористом С.Б. Радугевым (1967–2002) было создано элитное вооружённое формирование «Президентские береты», главнокомандующим которого стал он сам. Эти войска стали военной опорой президента взбунтовавшейся ЧР Ичкерии. После начала вооружённого конфликта из «Беретов» были сформированы подразделения специального назначения 6-го батальона в составе Юго-Западного фронта Вооружённых сил ЧР, получивших название «Борз» [Как закончил свои дни террорист Салман Радугев 2017: [http](#)].

Впервые ФЕ-неологизм *президентские береты* фиксируется в воспоминаниях генерала-полковника Г.Н. Трошева (1947–2008), который командовал Объединённой группировкой сил Министерства обороны России в период Первой чеченской войны и принимал участие в отражении вторжения боевиков в Дагестан (август 1999 г.). Во время Второй чеченской войны генерал-полковник командовал группировкой «Восток» Объединённых федеральных сил на Северном Кавказе, а в 2000 г. возглавлял Объединённую группировку федеральных сил: *И здесь Радугев проходил «свои университеты» первоначального накопления капитала. В этом ему активно помогала личная «гвардия», «президентские береты» (будущий 6-й батальон чеченской армии). Именно они первыми ввели моду на грабежи проходивших через Гудермес в Дагестан и Азербайджан железнодорожных составов* [Трошев 2001: 158].

Оборот *президентские береты* носителями русского языка употребляется в значении «войска, созданные для “защиты суверенитета” Чеченской Республики Ичкерии, которые являются незаконными вооружёнными образованиями в соответствии с Конституцией РФ». ФН *президентские береты* можно встретить на страницах периодических изданий, в отечественной прозе, отражающей соответствующие события, в мемуарах очевидцев. Ср.: *Не растерялся 25-летний миллионер в 1991-м, когда только что избранный президент Дудаев объявил о выходе Чечни из состава России. Сержант запаса мигом открыл в родном Гудермесе вербовочный пункт «Президентских беретов». В тогдашней Чечне любой мог заняться вербовкой: были бы деньги* [Черницкий 2004: 68]; *Во время I Чеченской бойцы «Президентских беретов» вошли в так называемый Гелаевский спецназ «Борз», являвшийся важной частью войск ЧР* [Как закончил свои дни террорист Салман Радугев 2017: [http](#)]; *Дудаев объявил о независимости Чечни от России, он, располагая средствами, открыл на родине вербовочный пункт «Президентские береты». Суть этого вооружённого формирования: военная опора первого президента Ичкерии* [Террорист № 2 2019: [http](#)]; *В своих тёмных делах Радугев задействовал участников созданного им формирования «Президентские береты», которое позиционировал как гвардию Джохара Дудаева* [Комиссарова 2020: [http](#)].

В период вооружённых конфликтов каждая участвующая в них сторона имеет трагические потери. Сознание солдат, отцов и матерей, жён претерпевает серьёзное давление, что является причиной стрессов и ведёт к депрессивному состоянию. Душевное и психическое состояние участников рассматриваемых военных кампаний, преимущественно молодых людей, травмировано: воспоминания об ужасах войны останутся с ними до конца их жизни. В результате продолжающейся многие годы рефлексии в русском языке рождаются *ФН афганский синдром* и *кавказский крест*.

Выражение *кавказский крест* употребляется в значении «бремя воспоминаний о трагических событиях на Северном Кавказе, которые живут в сознании вернувшихся домой покалеченными психически и / или физически».

Впервые выражение *кавказский крест* было употреблено в 2000 г. в статье корреспондента периодического издания «Труд-7» Л.К. Алимamedовой «Идёт охота на волков...»: *Символично название и первой, и второй книги: «Кавказский крест». Автору вместе с иллюстраторами удалось талантливо, доходчиво и ярко показать, насколько тяжёл он, крест «войны без правил», где смешались, казалось бы, несовместимые понятия – жажда жизни и страх смерти, вера и безверие, надежда и отчаяние, трепетно-нежные слова для матерей и любимых и солдатские проклятия войне* [Алимamedова 2004: [http](#)].

В наши дни данное выражение широко представлено в концертной деятельности исполнителей патриотической песни, в военной поэзии и прозе, в публицистике и СМИ. Ср.: *В Культурном центре Вооружённых сил поэт Владимир Силкин представил новую книгу стихов «Кавказский крест». Эту книгу ждали. В первую очередь ждали бойцы, выполняющие свой воинский долг в Чечне, ведь значительная часть тиража будет отправлена им* [Зубов 2000: [http](#)]; *В тот же год Женя за свой подвиг был одним из первых награждён Золотой Звездой Героя России. А рассказ о его мужественном поступке попал в книгу «ВВ: Кавказский Крест»* [Селиванова 2002: [http](#)]; *Я прыгнул куда-то в сторону и вниз. Видевшие этот сход решили, что я погиб, и отправили телеграмму жене. Но через час мы выбрались. Игорь Калинин, вице-мэр Пятигорска: – При чём тут «кавказский крест»? Вот уже 10 лет никто не прогнозирует возможных природных катаклизмов в горах Кавказа* [Верите ли вы в «кавказский крест»... 2002: [http](#)]; *Но снайпер всё видел. Он вскинул к плечу винтовку, / Он понял сходу: меня не достать за мостом. / И пятую пулю в затылок вогнал ловко, / Меня покрестив навеки кавказским крестом* [Волков 2003: [http](#)]; *«Кавказский крест» – стало устойчивым понятием (кстати, так называется книга, правдивость которой отмечают спецназовцы). Уже второе десятилетие продолжается «хождение по мукам» в Чечне. «И за какие грехи нам муки-страдания?» – думаешь с тоской. Когда же случай сводит с верными сынами России из числа горцев, хочется говорить о том, что мы несём тяжкий крест сообща* [Хорешко: 2004: [http](#)].

Таким образом, трагические события Афганской войны и двух чеченских кампаний конца XX – начала XXI столетия оставили след не только в сознании и душах людей, но и в языке. ФЕ-неологизмы *минная война*, *грязные бомбы*, *президентские береты*, *кавказский крест* и целый ряд других

сверхсловных единиц вошли во фразеологический фонд русского языка, став символами последних лет существования СССР и первых десятилетий становление Российской Федерации.

Благодарность. Работа выполнена в рамках научного проекта № 19-51218005/19 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Болгарии.

Литература

Алимамедова, Л. Идёт охота на волков... [Электронный ресурс] // Труд-7, 25.07.2000. Режим доступа: http://www.trud.ru/article/25-07-2000/9399_idet_oxota_na_volkov.html (дата обращения: 04.11.2019).

Ампелонский, В. Убойное бессилие [Электронный ресурс] // «Московский комсомолец», 22.07.2003. Режим доступа: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2003/07/22/132733-uboynoe-bessilie.html> (дата обращения: 12.02.2020).

Бычков, С. Индия. Экстремисты подбираются к секретным объектам [Электронный ресурс] // «Известия», 23.10.2001. Режим доступа: <https://iz.ru/news/253747> (дата обращения: 20.01.2020).

Верите ли вы в «кавказский крест» России? [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 24.09.2002. Режим доступа: <https://www.chel.kp.ru/daily/22639/20673/> (дата обращения: 19.10.2019).

Волков, В.Г. Кавказский крест [Электронный ресурс] // «Гори свеча...» 2003. Сайт «Песни Волкова.RU». Режим доступа: http://pesni-volkova.narod.ru/vo2_text.htm#D3_10 (дата обращения: 10.11.2019).

Зубов, М. «Я ещё не вернулся с войны» [Электронный ресурс] // Труд-7, 02.11.2000. Режим доступа: http://www.trud.ru/article/02-11-2000/14574_ja_esche_ne_vernulsja_s_vojny.html (дата обращения: 22.10.2019).

Как закончил свои дни террорист Салман Радиев? [Электронный ресурс] // «Русская семерка», 16.05.2017. Режим доступа: <https://russian7.ru/post/kak-zakonchil-svoi-dni-terrorist-salma/> (дата обращения: 15.02.2020).

Карпов, В. Тень Грозного [Электронный ресурс] // Труд-7, 27.07.2002. Режим доступа: https://www.trud.ru/article/27-07-2002/43886_ten_groznogo.html (дата обращения: 12.02.2020).

Комиссарова, А. «Уже могилу вырыли – там я и ожил» [Электронный ресурс] // Lenta.ru, 28.11.2020. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2020/11/28/raduev/> (дата обращения: 25.12.2020).

Конфликты между РФ и Чеченской Республикой в 1994-1996/1999-2009 годы [Электронный ресурс] // РИА Новости, 18.04.2011. Режим доступа: <https://ria.ru/20110418/365668402.html> (дата обращения: 21.02.2021).

Мокленко, В.М. Проблемы европейской фразеологической неологии // Slovo. Tekst. Czas. Mat. VI Miedzynarodowej Konferencji Naukowej / Pod red. M. Aleksiejenki, W. Mokijenki, H. Walters. Szczecin, 2002. С. 63-79.

Мордовцев, Н. Антикиллер [Электронный ресурс] // «За рулем», 15.02.2004. Режим доступа: <https://www.zr.ru/archive/zr/2004/02/antikillier> (дата обращения: 17.12.2019).

Мусафиров, О. Он был на краю и на Украине [Электронный ресурс] // Новая газета, 21.12.2015. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2015/12/21/66882-on-byt-na-krayu-i-na-ukraine> (дата обращения: 20.01.2020).

Низамов, Ф. У центральной Азии взрывоопасное соседство [Электронный ресурс] // РИА Новости, 21.01.2008. Режим доступа: <https://ria.ru/20080121/97433845.html> (дата обращения: 20.01.2020).

Селиванова, А. Почему в Чечне застрелился Герой России [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 28.08.2002. Режим доступа: <https://www.chel.kp.ru/daily/22620/20000/> (дата обращения: 18.10.2019).

Террорист № 2, титаник, терминатор. Как жил Салман Радиев [Электронный ресурс] // Политика в Рашке, 06.03.2019. Режим доступа: <https://politika-v-rashke.ru/terrorist-2-titanik-terminator-kak-zhil-salman-raduev/> (дата обращения: 16.02.2020).

Трошев, Г.Н. Чеченский излом. Дневники и воспоминания. Моя война (2000–2001). М.: Вече, 2008. 448 с.

Трубинов, В.И. Межмидовские консультации [Электронный ресурс] // «Дипломатический вестник», 25.05.2004. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=u1tPAQAAMAAJ&dq=editions:0AFLRE72hug8aNfG4zMfINFQr6dwMoea53digF2-2TPutrn1HNxJT_M8&hl=ru&lr= (дата обращения: 20.01.2020).

Фалалеев, М., Баранцев В. Где в России ждать следующего теракта [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 13.09.2004. Режим доступа: <https://www.nsk.kp.ru/daily/23359/32047/> (дата обращения: 12.02.2020).

Хорешко, В. Братство краповых беретов [Электронный ресурс] // «Солдат удачи», 07.04.2004. Режим доступа: http://sof-mag.ru/images/skin_2004/su_2004-04_s1.jpg (дата обращения: 18.10.2019).

Хроника террора [Электронный ресурс] // «Спецназ России», 15.01.2003. Режим доступа: <http://www.specnaz.ru> (дата обращения: 20.01.2020).

Черницкий, А.М. Как спасти заложника, или 25 знаменитых освобождений [микроформа]. М.: РГБ, 2004. 384 с.

Чижигов, М., Кабанников, А. Вашингтон. Американцы закупают туалетную бумагу, а русские в Багдаде заключают новые контракты [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 14.02.2003. Режим доступа: <https://www.chel.kp.ru/daily/22974/1703/> (дата обращения: 20.01.2020).

Что такое Афганская война [Электронный ресурс] // Узнай, что такое, 23.12.2020. Режим доступа: <https://www.uznaychtotakoe.ru/afganskaya-vojna/> (дата обращения: 22.02.2021).

Щербakov, Г., Константинов, С. Кошка, шуп, миноискатель... Как бы выжить нам, приятель? [Электронный ресурс] // «Солдат удачи», 04.08.2004. Режим доступа: http://sof-mag.ru/sof_2004/sof_2004_08.html (дата обращения: 15.12.2019).

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (в 86 томах). Том XIX: Мекенень – Мифу-Баня / Под ред. К.К. Арсеньева и заслуженного профессора Ф.Ф. Петрушевского. СПб: Семеновская Типо-Литография (И.А. Ефрона), 1896. 476 с.

Э.П. Петрова, студентка

Науч. рук.: Б.Г. Янев, канд. филол. наук, доц.

Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского

(Пловдив, Болгария)

СЪВРЕМЕННА ФРАЗЕОЛОГИЯ В СОЦИАЛНИТЕ ОНЛАЙН МРЕЖИ В БЪЛГАРИЯ (наблюдения на базата на анкетно проучване)

Abstract. The paper considers the features of the phraseological units used in the social networking sites, which objectively reflect main trends in the Internet discourse and the important characteristics of linguistic, social, socio-political and cultural development of every society. The study is based on a survey, which object was the modern phraseological units used by Bulgarians in

various networks. Special attention is paid to phraseological phrases and expressions' origin and their thematic classification.

Key words: modern phraseology, social media, Bulgarian language

Непрестанно развиващите се технологии и необходимостта от увеличаване на темпа на комуникацията предопределят възникването и развоя на разнообразните социални среди в онлайн пространството. В процеса на общуването в мрежата, придружено от стремежа за неповторимост и фамозност на изказването, се поражда естествената психолингвистична потребност от използването на механизъм за опростяване на речта и от достигане на съизмерителност на езиковото ниво на участниците, което довежда до засилена употреба на множество устойчиви словосъчетания, нови езикови форми и фразеологизирани конструкции. В резултат на всички посочени особености изследването на съвременната фразеология в социалните онлайн мрежи се превръща в актуална за анализиране област, отразяваща обективно основни тенденции и важни характеристики на езиковото, социалното, социално-политическото и културното развитие на всяко общество.

Целта на настоящето изследване е както провеждането на анкетно проучване в рамките на два етапа (I-етап /02.02.2021 г. – 12.02.2021 г./: събиране на информация относно най-използваните от българите социални онлайн мрежи и сформирани на база от данни за употребяваните в интернет комуникацията фразеологизми); II-етап /12.02.2021 – 20.02.2021 г./: определяне на степента на използване на изведените съвременни фразеологизми в общуването в социалните мрежи), така и последващ анализ на резултатите, включващ и тематична класификация на обобщените и разгледани съвременни фразеологизми.

Липсва консолидираща мненията дефиниция на същността на понятието „социална мрежа“ и това е предопределено от факта, че интернет пространството се характеризира с многообразие на предлаганите възможности за общуване, с изключителна динамичност и с потребността от системно актуализиране на самостоятелните и вградените услуги за социални онлайн среди. Ето защо смеатме за необходимо на първо място да рамкираме разбирането си за *социална онлайн мрежа* спрямо целта на настоящето изследване:

Социалната онлайн мрежа е управлявано от съвърва и ясно структурирано интернет пространство, предназначено за комуникация между регистрирани потребители, генериращи многообразно съдържание – снимки, текстови публикации и коментари. Като участниците в социалната мрежа могат да се обединяват в разнообразни общности, където да споделят общи интереси, житейски възгледи или да създават „уеб дневници“ (блогове)¹.

¹ Работната ни дефиниция за *социална мрежа* е съставена въз основа на посочените от Джонатан Обар и Стийв Уилдман (в изследването им *Social media definition and the governance challenge: An introduction to the special issue*) основни и задължителни характеристики на всяка една социална онлайн мрежа, а именно: 1) услугите за социални мрежи са интерактивни уеб-базиран *Интернет приложение*; 2) *генерираното от потребителите съдържание*, като изпратени дигитални снимки, текстови публикации, „тагване“, онлайн коментари и „уеб дневници“ (блогове), е жизнената сила в „организма“ на социалната онлайн мрежа; 3) *потребителите трябва да си създадат специфични профили за сайта или приложението, които са проектирани и поддържани от организацията на социалната онлайн мрежа*; 4) *услугите на социалните*

Сходна проблематика се наблюдава и при дефиниционната основа на понятията **фразеологична единица** и **съвременна фразеологична единица**, което се дължи както на разнородността в разбиранията на изследователите за обхвата и естеството на фразеологията като наука, така и на неустойчивостта на „съвременното“. Наличието на посочения научен плурализъм обоснова потребността от авторова трактовка:

Съвременна фразеологична единица е относително стабилна комбинация от думи, възникнала през последните тридесет години, характеризираща се с предаване на експресивно и оценъчно отношение, масова разпознаваемост, възпроизводимост, активна употребяемост и отсъстваща в издадените речници и справочници за българска фразеология („Фразеологичен речник, Т.1-Т.2“, К. Ничева, С. Спасова-Михайлова, Кр. Чолакова, София: БАН, 1974-1975; „Фразеологичен синонимен речник на българския език“, Ани Нанова. София: Хермес, 2005; „Фразеологичен речник на българския език А – Я“, Мария Банова, Стамена Димова. София: Бан-Мар, 2014; „Български пословици“, Петко Славейков, София: Захарий Стоянов, 2003 и „Български пословици, поговорки и гатанки“, София: БГ Учебник Прес, 2018)².

В рамките на настоящето изследване беше проведено анкетно проучване, състоящо се от два етапа:

1) I-етап (реализиран в периода: 02.02.2021 г. – 12.02.2021 г., чрез Google формуляри – <https://forms.gle/oS8f5269xssqW1AV6>) – събиране на информация относно най-използваните от българите социални онлайн мрежи и сформирани на база от данни за употребяваните в комуникацията в интернет фразеологизми;

2) II-етап (реализиран в периода: 12.02.2021 г. – 20.02.2021 г., чрез Google формуляри – <https://forms.gle/SC8DeGumpqxLiwGy5>) – определяне на степента на използване на изведените съвременни фразеологизми в общуването в социалните мрежи.

В проучването се включиха 207 участници, разпредели в следните възрастови и образователни групи: възрастови: 1) <18; 2) 18 – 29; 3) 30 – 49; 4) 50<; образователни: 1) средно образование; 2) висше образование; 3) висше образование и по-високо.

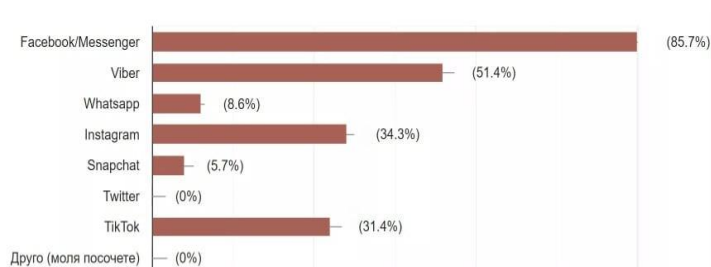
От респондентите бяха посочени 621 фразеологични единици, използвани най-често в социалните мрежи – Facebook/Messenger (85.7%); Viber (51.4%); Instagram (34.3%); TikTok (31.4%). Като от всички фразеологизми, спрямо приетата от нас дефиниция за съвременна фразеологична единица, могат да бъдат изведени 81 неповторящи се изрази, употребявани от над 52% от анкетираните.

Видно от анализа на данните от анкетата е, че българите употребяват значителен брой фразеологични единици в процеса на общуването си в онлайн

мрежи улесняват комуникацията, като свързват потребителския профил с този на други лица или групи [Омар, Уилдман 2015: 745-750].

² Основавам се на широкото разбиране за фразеология, при което в обхвата на науката влиза изучаването и анализа на единици от ядрото, периферията и изрази, намиращи се на границата на фразеологичния фонд на българския език и свободните словосъчетания.

пространството, като най-използваната социална мрежа в България е Facebook/Messenger (вж. *Диаграма 1*).

Диаграма 1. Използвани социални мрежи в България

Класифицираните като съвременни фразеологични единици 84 изрази можем да представим спрямо произхода³ им (филми, реклами, ежедневие, музика и др.) групирани в обобщаващи таблици. Като ще посочим и значението, с което са разпознаваеми от респондентите⁴ (вж. табл. 1–7).

Таблица 1. Фразеологични единици, възникнали на база на сериали

³ Като е създадена и таблица за изразите с неизяснен произход.

⁴ Като част от анкетното проучване, участниците бяха помолени да посочат значението на фразеологичните изрази, които използват.

Таблица 2. Фразеологични единици, възникнали на база на филми

* Вземи си купи тиган – Препратка към анимационния филм „Рапунцел и разбойникът“

* Бързай бавно – Препратка към филма „Снайперистът“
(Бавното е сигурно, сигурното е бързо)

Таблица 2. Фразеологични единици, възникнали на база на филми

Таблица 3. Фразеологични единици,
възникнали на база на актуалната
ситуация (ежедневното)

Таблица 4. Фразеологични единици,
възникнали на база на песни

Таблица 5. Фразеологични единици,
възникнали на база на рекламите

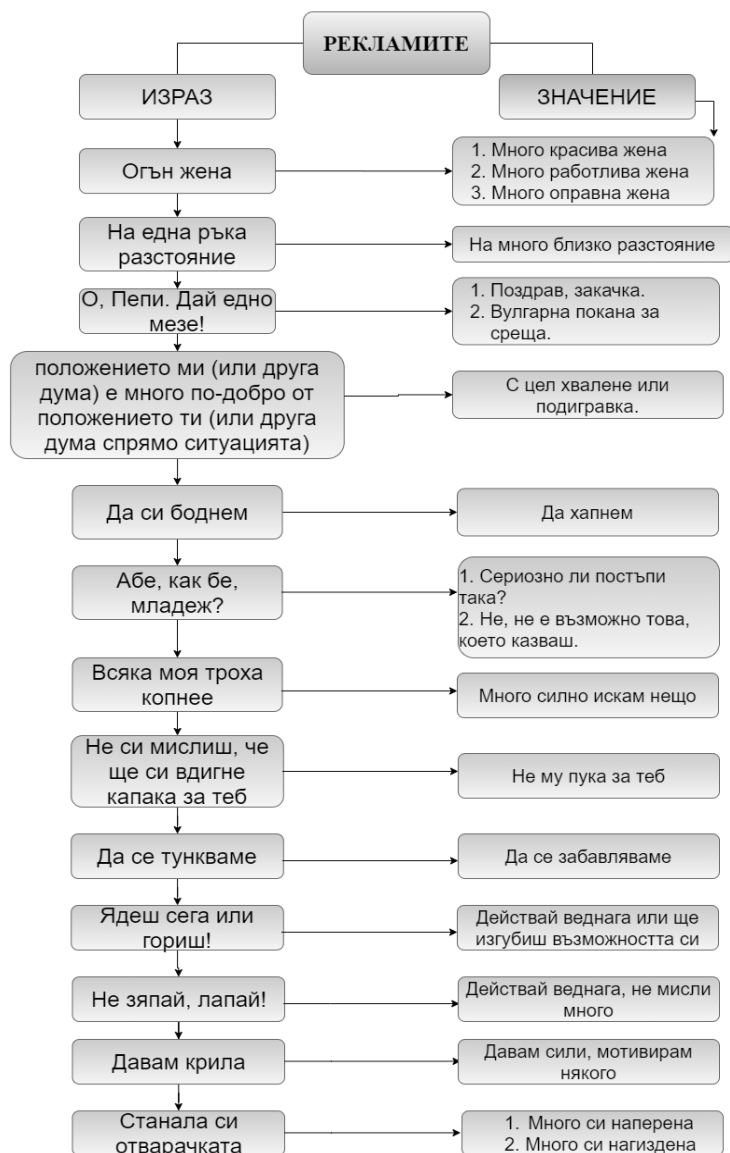

Таблица 6. Фразеологични единици, възникнали на база на телевизионни предавания

Единици, които не могат да бъдат причислени към нита една от обобщаващите таблици са: *визионер като Мъск, смел като Меснер, упорит като Меркел*.

Прави впечатление, че участниците в проучването системно посочват няколко значения на употребяваните от тях фразеологични единици в онлайн социалните мрежи, което се обяснява със същността на интернет пространството.

Вторият етап на анкетното проучване доказва, че съвременните фразеологични единици са познати и често използвани от участниците от всички възрастови и образователни групи в процеса на общуването им в различните онлайн социални мрежи⁵.

На изведените (и вече групирани по произход) фразеологични единици можем да направим и своеобразна тематична класификация⁶. А именно:

❖ **За описание на човешки черти:** диви и щастливи; огън жена; (...) ми е много по-добро, от твоето (...); голям си мастършеф / станал си мастършеф; живея в две измерения; Много си печена!; голям си транспортер; живи легенди; жокер си; бързи и яростни; станала си отварачката; не бъди Биг Брадър; Готвиш ли добре? Чистиш ли добре?; недосегаем си станал на шеста степен; светнах и изгорях; луди на килограм; твърде си Бейсик; На калпава германка мъжете й пречат!; визионер като Мъск; смел като Меснер; упорит като Меркел;

❖ **За емоционално състояние:** диви и щастливи; бере ми се лайката; споко, не давай на заето / не давай на заето; главата ми е паве; локдаунът съм; да му спра тока; повишава ми се сатурацията / усещам как ми се повишава сатурацията; бъгнах и зациклих; бяла тишина; (...) ми е много по-добро, от твоето (...); бързай бавно; живея в две измерения; всяка моя троха копнее за (...); жокер си; жената чудо 84 си станала; бързи и яростни;

⁵ Всички 81 фразеологични единици са със среден коефициент на употреба не по-нисък от 51.3%.

⁶ Правим уточнението, че наличието на повече от едно значение на дадена фразеологична единица довежда до разпределението ѝ към повече от една тематична категория в съставената от нас класификация.

Таблица 7. Фразеологични единици, възникнали на база на други източници

❖ **За време и пространство:** на една ръка разстояние; локдаунът съм; плъзнаха като Ковид-19; Късно е, чадо!;

❖ **С любовен акцент:** О, Пепи. Дай едно мезе!; ще усетиш любовния ми бич; Да не си мислиш, че ще си вдигне капака за теб;

❖ **За определяне на ситуация или действие:** бере ми се лайката; върви, та търси, та чисти; позитивен съм; коронясан съм / нося корона; черен петък; кибер понеделник; неочаквано добра комбинация; О, Пепи. Дай едно мезе!; вземи си тиган; смях в залата; локдаунът съм; лява ръка, десен джоб; ще те пранкна; бяла тишина; прав съм даже седнал; (...) ми е много по-добро, от твоето (...); да си боднем; 100, 200, 300 (дума по избор); бързай бавно; Абе, как бе, младеж?; Ко каза?! Не...; искам, ама нямам желание; Късно е, чадо!; Да се тункваме!; Ядеш сега или гориш!; Не зяпай, лапай!; бързи и яростни; давам крила; всичко е по мед и маргарин; няма Джаро, няма Маро; ходи им гони въшките; пикала мишка в морето; да вземеш да ми обясниш човешки; сега се излюпих; пуснаха го без упойка; да стане на баница (внимавай да не стане на баница); работата ясна, кравата бясна; Дръж се естествено!; говориш ми на правилното ухо.

От направената тематична класификация е видно, че преобладават съвременните фразеологични единици, чрез които се определя конкретна ситуация или действие от ежедневието на участниците в проучването. Това е обяснимо с факта, че общуването в социалните мрежи изисква от своите потребители оригиналност и достъпност на изказването, бърза реакция и съответно стегнато, но силно емоционално натоварено, описание на поредица от случили се събития или взети житейски решения.

Проведеното в два етапа анкетно проучване и последващият анализ на резултатите ни позволява да сформираме следните изводи.

Първо. Фразеологичните единици са с широка употреба в процеса на общуването между потребителите на разнообразните социални мрежи, използвани в България.

Второ. Значителен е делът на използваните от анкетираните съвременни фразеологични единици в социалните мрежи (Facebook/Messenger, Viber; Instagram и TikTok)

Трето. Разпределението на употребяваните от респондентите съвременни фразеологични единици спрямо произхода им сочи, че влияние върху възникването на нов израз оказват всички сфери на живота.

Съвременните фразеологични единици са пълноценен инструмент за комуникация в социалните онлайн мрежи, като помагат на милиони интернет потребители да намерят общ език и значително улесняват процеса на взаимно разбиране.

Благодарност. Изследоване проведено в рамките на работата на българската група изпълнители над проект № КП-06-Русия 11 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Р. Болгария.

Източници

Анкетно проучване I етап. Режим достъпа: <https://forms.gle/oS8f5269xssqW1AV6>

Анкетно проучване II етап. Режим достъпа: <https://forms.gle/SC8DeGumpqxLiwGy5>

Литература

Банова, М., Димова, С. Фразеологичен речник на българския език А – Я. София: Бан-Мар, 2014.

Български пословици, поговорки и гатанки. София: БГ Учебник Прес, 2018.

Нанова, А. Фразеологичен синонимен речник на българския език. София: Хермес, 2005.

Ничева, К., Спасова-Михайлова, С., Чолакова, К. Фразеологичен речник. Т.1–2. София: БАН, 1974–1975.

Славейков, П. Български пословици. София: Захарий Стоянов, 2003.

Obar, J.A., Wildman, S. Social media definition and the governance challenge: An introduction to the special issue. In: Telecommunications Policy. № 39 (9) (October 2015). P. 745–750.

Б.Т. Тенчева, канд. филол. наук, гл. асистент
Пловдивски университет
им. Паисия Хилендарского (Пловдив, България)

О ПРИНЦИПАХ НЕОФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ (на материале русских и болгарских рекламных текстов)

Анотация. В статье рассматриваются основные закономерности образования новых сверхсловных единиц и тенденции их закрепления в русском и болгарском языках. Указываются параметры различия синонимических вариантов от неологизмов. Результаты проведённого исследования позволяют уточнить основные и второстепенные критерии размещения сверхсловных неологизмов в самостоятельных словарных статьях фразеографических изданий.

Ключевые слова: неологизмы, сверхсловные единицы, дисфемизмы, экстрафразеологическая контаминация, интрафразеологическая контаминация

Очевиден тот факт, что современное демократическое общество подчинено гонке технологий, стремится к индивидуализму, к социальным благам. Понимание мира подвластно моде, которая никогда не перестанет развиваться в эйфорическом ключе, т. е. не перестанет быть гипермодой, конкурирующей сама с собой. В контексте гипермодерна¹ признаётся, что СМИ являются популяризаторами идей, так же подвластных времени, как совокупности предпочтений и вкусов в определённый период [Липовецки, Шарл 2005]. Всё недолговечно и изменчиво: то, что уместно и ценно сегодня, завтра нестояще. Формируемый рекламой СМИ мир дерзок, иногда даже агрессивен в самом

¹ В данной статье понятия «постмодерн», «гипермодерн» и «гипермодернизм» употребляются как синонимичные.

широком смысле этого слова. Он не ставит перед собой цель морализировать общество, а скорее на основе провокации стремится к конкретному результату. Формируются новые ощущения и удовольствия, которые при помощи уже установленных матриц преподносятся в заманчивом свете.

Французский философ Ж.-Ф. Лиотар так описывает время постмодерна во второй половине XX века: «...в обществе, где коммуникационная составляющая становится с каждым днём всё явственнее, одновременно как реальность и как проблема, очевидно, что языковой аспект приобретает новое значение, которое было бы неверно сводить к традиционной альтернативе манипуляционной речи или односторонней передачи информации, с одной стороны, или же свободного выражения и диалога – с другой стороны» [Лиотар 1998: 46-47]. Принимая во внимание специфику современного образа жизни целевой группы, рекламисты нередко производят в рекламных видеороликах своеобразный «неологический взрыв», внося свой вклад в языковой вкус эпохи.

Телевизионная реклама как особый жанр характеризуется намеренным включением специфических лингвистических и экстралингвистических средств, в ряду которых важная роль отведена сверхсловным единицам, используемым с целью повышения выразительности и метафоричности рекламного текста, с целью усиления психологического воздействия на целевую аудиторию. В определении роли фразеологических единиц в рекламе мы разделяем мнение В. Бонджоловой, утверждающей, что «связь между рекламой и фразеологией можно найти в разных направлениях: с одной стороны, реклама использует фразеологию как средство стилизации, с другой стороны – современная речь пронизана рекламными выражениями и конструкциями²» [Бонджолова 2015: 151].

В предлагаемой статье на материале русских и болгарских рекламных текстов рассматриваются не только принципы образования новых сверхсловных единиц³, но и тенденции неологии, проявляющиеся на семантическом и структурно-семантическом уровнях в рамках уже существующих в обоих языках фразем. В собранном нами корпусе представлены фразеологические неологизмы, использованные в русских и болгарских рекламных видеороликах, созданных в первые два десятилетия XXI в.

Вслед за С. Георгиевой и С.Г. Шулежковой под *фразеологическим неологизмом* мы понимаем преобразованное устойчивое словосочетание с определённой структурой и закреплённым значением, которое активно употребляется носителями языка, но не зафиксировано в традиционных фразеографических изданиях [Георгиева, Шулежкова 2020]. Необходимо отметить, что некоторые из рассматриваемых нами устойчивых сверхсловных единиц вне рекламного дискурса можно классифицировать как свободные словосочетания, но в рекламе благодаря частой повторяемости, воспроизводимости в готовом виде и богатому диапазону ассоциативных связей они приобретают определённую степень идиоматичности.

² Перевод всех цитат с болгарского языка на русский наш.

³ Здесь и далее понятия «сверхсловная единица», «фразеологическая единица», «фразеологизм» и «фразама» воспринимаются в самом широком контексте и как синонимы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что телевизионная реклама моделирует механизмы живого общения: фрагменты рекламного текста настолько яркие и насыщены эмоциями, что быстро запоминаются и входят в повседневную жизнь как устойчивые выражения. Частотно повторяемые рекламные видеоролики формируют предпосылки для лингвокультурологического наслоения, что со временем может порождать стереотипные, концептуальные и языковые изменения.

В исследовании, помимо метода сплошной выборки из русских и болгарских рекламных видеороликов, появившихся в первые два десятилетия XXI в., были использованы аналитические методы – семантический и структурный анализ.

Устойчивые новообразования, встречающиеся в рекламном дискурсе, чрезвычайно многообразны и могут быть исследованы с разных точек зрения и на основе различных критериев, что предполагает неизбежные трудности в решении проблемы их классификации, а поэтому предлагаемое описание не претендует на полноту и исчерпанность. Типология фразеологических неологизмов построена на основе двух признаков: главного – происхождение фраземы, и второстепенного – структурно-семантические изменения.

По своему происхождению анализируемые неофраземы делятся на две основные группы: *рекламные* и *трансформированные*.

1. Рекламные неофраземы представляют собой фрагменты рекламного текста, которые благодаря повторяемости видеоролика приобрели идиоматичную семантику и вошли в повседневную речь как устойчивые сверхсловные единицы. Дальнейшая их классификация может быть основана на признаке «наличие / отсутствие экстралингвистических и интонационных импульсов».

1.1. Словодное словосочетание в рекламном тексте подвергается метафорическому переносу, частотность воспроизведения рекламного видеоролика активизирует процесс проникновения новой сверхсловной единицы в обиходную речь. Подобные неофраземы отличаются низкой степенью идиоматичности, но основанием для их закрепления в узусе становится популярность среди носителей языка в сравнительно долгий период, даже если реклама уже давно не появляется на телеэкранах: рус. *Иногда лучше жевать, чем говорить*⁴ (Stimorol); *И пусть весь мир подождёт*⁵ (Даниссимо); *Не дай себе*

⁴ Е. Царев: Очередное свидетельство медленной гибели WikiLeaks или «иногда лучше жевать, чем говорить» // Tsarev.biz. Режим доступа: <https://tsarev.biz/informacionnaya-bezopasnost/ocherednoe-svidetelstvo-gibeli-wikileaks/> (дата обращения: 28.02.2021); М. Ганопольский. Лукашенко: *Лучше жевать, чем говорить* // Echo.msk.ru. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/ganapolsky/2702289-echo/>, (дата обращения: 28.02.2021); Иногда *лучше жевать, чем говорить*: Жена Зинченко создала проблемы для мужа. Об этом сообщает «Рамблер» // Рамблер.ру. Режим доступа: https://sport.rambler.ru/other/44718335/?utm_content=sport_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 28.02.2021); Иногда *лучше жевать, чем говорить* – эксперты о скандале на конкурсе «Студент года» // В Казани. Новости. Режим доступа: <https://inkazan.ru/news/society/25-12-2018/inogda-luchshe-zhevat-chem-govorit-eksperty-o-skandale-na-konkurse-student-goda> (дата обращения: 28.02.2021).

⁵ «Читай! И пусть весь мир подождёт» // Добро.ру. Режим доступа: <https://dobro.ru/event/7499> (дата обращения: 28.02.2021); Танцуй и пусть весь мир подождёт // Folk.ru. Режим доступа: <http://folk.ru/tantsuj-i-pust-ves-mir-podozhdet/> (дата обращения: 28.02.2021); Новый «Мерседес-Бенц» GLE в АВИЛОН. И пусть весь мир подождёт // MercedesAvilon. [Режим доступа: <https://www.mercedes-avilon.ru/ru/desktop/about-us/news/new-gle-v-avilone.html> (дата обращения: 28.02.2021).

засохнуть⁶ (Sprite); *Безопасность под контролем*⁷ (Peugeot 308); *Идеальные дети едят по правилам, а настоящие – с удовольствием*⁸ (АГУША) и др.; *богл. сезонът на дините*⁹ (Пещера); *3 в 1 – неочаквано добра комбинация!*¹⁰ (Nescafé); *Простатата Ви алармира*¹¹ (Простамол Уно); *вдигам самолета*¹² (Трибестан); *Балканът пази своите тайни*¹³ (LEKI) и др.

1.2. Неофраземы, образованные на основе экстралингвистических и интонационных импульсов. В отличие от предыдущей группы, речь идёт о стилистически нейтральных сверхсловных единицах, находящихся на границе с идиомами: в рекламном дискурсе они приобретают новое значение именно благодаря интонации, рекламному декору, мимике и жестам участников в видеоролике. Рекламисты используют смех в его двойственном проявлении *глупость – остроумие* [см. Шопенгауэр 2008], чтобы воздействовать на аудиторию, потому что «смех всегда возникает из неожиданного осознания несовпадения между известным понятием и реальными объектами, которые в каком-либо отношении мыслились в этом понятии, и сам представляет собой лишь выражение этого несовпадения» [Шопенгауэр 2008: 183]. Для усиления экспрессивности речи изначально нейтральное понятие обозначается непристойно с целью скрытого воздействия на адресата и с целью побуждения его к определённым действиям. Зритель смеётся и расслабляется,

⁶ Не дай себе засохнуть: Как ухаживать за кожей в холода. *Мягкое очищение, маски на ночь и отказ от механического пилинга*. // the-village.ru. Режим доступа: <https://www.the-village.ru/service-shopping/beauty/330289-kosmetika> (дата обращения: 28.02.2021); Будь в форме! **Не дай себе засохнуть!** Новый проект Музея военной формы – исторический лекторий // Московская правда. Режим доступа: <http://mospravda.ru/2020/04/10/148495/> (дата обращения: 28.02.2021).

⁷ **Безопасность под контролем!** Компания «Татнефть» ввела в промышленную эксплуатацию автоматизированную систему «Производственный контроль промышленной безопасности и охраны труда», которая не имеет аналогов в России // Securitymedia.ru. Режим доступа: https://www.securitymedia.ru/publication_one_57.html (дата обращения: 28.02.2021); Безопасность под контролем. *Торговым центрам и предприятиям Приморского района теракт не страшен* // Rprim.spb. Режим доступа: <http://www.rprim.spb.ru/95-novosti/1896-bezopasnost-pod-kontrolom> (дата обращения: 28.02.2021).

⁸ Я. Староминская: «Подковна на **вкусное счастье!!!** Внутри хлеб с чесночком и фаршем, украшен разными видами колбас, сыром плавлеными! <...> Идеальные люди едят по правилам, а настоящие – с удовольствием!!! // Vk.com Режим доступа: https://vk.com/wall423648893?offset=80&w=wall423648893_9%2Fall (дата обращения: 28.02.2021).

⁹ Емануела откри «сезона на дините» с горещи форми на плажа. *Фолклевичката Емануела откри летния сезон, видя наши репортер* // Marica.bg. Режим доступа: <https://www.marica.bg/lajfstajl/emanuela-otkri-sezona-na-dinite-s-goreshi-formi-na-plaja> (дата обращения: 28.02.2021); *Сезонът на дините*, мастиката и ... картовите плащания // Vesti.bg. Режим доступа: <https://www.vesti.bg/plateni-publikacii/sezonyt-na-dinite-mastikata-ikartovite-plashtania-6084159> (дата обращения: 28.02.2021)

¹⁰ КРИЗА 3 в 1 или как събитията през януари образуваха «**неочаквано добра комбинация**» // Fmd.bg. Режим доступа: <http://www.fmd.bg/?p=874> (дата обращения: 14.07.2020); Quarto & Akaga – **неочаквано добра музикална комбинация** // Bnt.bg. Режим доступа: <https://www.bnt.bg/bg/a/quarto-akaga-neochakvano-dobra-muzikalna-kombinatiya> (дата обращения: 14.07.2020); Кафе и деца – **неочаквано добра комбинация!** // Kenguru.bg. Режим доступа: <https://kenguru.bg/kafe+i+deca+%E2%80%93+neochakvano+dobra+kombinacija%21/1/MIW-gRWPINSIMZKrl1KzeNWrdOjMhOfMhKvYzZe7gRK-UdOLU9OHUIKHgdaDIFmv> (дата обращения: 14.07.2020).

¹¹ «**Простатата алармира**», но телевизорът не я лекува // Duma.bg. Режим доступа: <https://duma.bg/?go=news&p=detail&nodel=59687> (дата обращения: 21.01.2021); *Простатата алармира*. Важно е за един политик да може да стиска // Webcafe.bg. Режим доступа: <https://webcafe.bg/vlast/1608892954-prostatata-alarмира.html> (дата обращения: 21.01.2021).

¹² Българите изгрямяха заради препарат за **вдигане на самолета** // Blitz.bg. Режим доступа: https://blitz.bg/sport/sport/blgarite-izgmyakha-zaradi-preparat-za-vdigane-na-samoleta_267921.html (дата обращения: 05.02.2021); Митниците хванаха 22 хил. контрабандни хапчета за «**вдигане на самолета**» // Trud.bg. Режим доступа: <https://trud.bg/article-5457728/> (дата обращения 05.02.2021).

¹³ **Балканът пази своите тайни**. Павликени – своите празници // Duma.bg. Режим доступа: <https://duma.bg/balkanat-pazi-svoite-tayni-pavlikeni-svoite-praznitsi-n76879> (дата обращения: 28.02.2021); **Балканът пази своите тайни...** Един малко позакъснял пътеник за един не точно преход // Blogspot. Режим доступа: <http://4ebura6ka.blogspot.com/2008/09/blog-post.html> (дата обращения: 28.02.2021).

следовательно, им уже можно легко манипулировать. В собранном нами корпусе дисфемизмы обнаружены только в болгарском рекламном дискурсе. На заднем фоне в обоих видеороликах слышны высказывания на имитируемом немецком языке, интонационным рисунком (*И*) которых эксплицируется дополнительный подтекст, в результате чего в сознании аудитории устанавливается однозначная ассоциативная связь с фильмами «для взрослых»: (*Ich bin der Schlauchmeister!*)⁽¹¹⁾ Повикали сте водопроводчик? (*Oh, meine gigantischen...*)⁽¹²⁾ Намиснала съм си тъчскрийна по погрешка. (*Ich schiebe ...*)⁽¹³⁾ Май трябва по-твърда клавиатура! (... *Si, si oh, bin ich hier... Fünfzisch, fünfzisch.*)⁽¹⁴⁾ Така и така съм тук. Човек, като знае немски, цял живот се оправя. *Nokia Asha 302 с тв[Ъ]рда*⁽¹⁵⁾ *клавиатура* само за 29,90. [в знач. ‘возбуждение’] (магазин Handy); *О, разбирам, че издържаш 14 часа*⁽¹⁶⁾ ... в режим на разговори *Nokia Asha. (Ai, guschi, guschi machen!)*⁽¹⁷⁾ Предполагам, че няма с какво повече да съм Ви полезен! (*Ai, sie rippen mein*)⁽¹⁸⁾ Освен ако не разбирате от квадратни уравнения. **Мисля, че ако извадим един X пред скоба.** ⁽¹⁹⁾ **О, не, не и X пред скоба!** ⁽²⁰⁾ [в знач. ‘намёк на сексуальные отношения’] *Абе, я си вземете ваша стая!* (магазин Handy).

2. Трансформированные неофраземы

2.1. Семантические неофраземы. К фразеологическим неосемемам относятся фразеологические единицы, у которых вследствие структурной трансформации или под влиянием экстралингвистических элементов, включенных в рекламный видеоролик, формируются новые значения. Новые семантические компоненты в структуре значения фразеологизма выполняют функцию актуализации дифференциального признака и выделяют рекламируемый продукт в ряду однородных.

Известно, что появление фразеологической единицы всегда связано с десемантизацией всех или отдельных слов в её составе. Образование семантических неофразем осуществляется по схеме: исходная фразема → вторичная (неполная) лексическая семантизация компонентов → метафорический перенос → десемантизация и закрепление нового значения. Проиллюстрируем этот механизм примерами из обоих языков: рус. **выход в свет** → **свет**⁽¹⁾ – 1) лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая видимым окружающий мир; 2) место, откуда исходит освещение, освещённое место, пространство, где светло; 3) источник освещения и приспособление для освещения в домах и на улицах <...> **свет**⁽²⁾ – 1) земля со всем существующим на ней, мир, вселенная. Путешествие вокруг света. Произвести на свет (давать жизнь, рождать); 2. устар. окружающие люди, общество. 3. в буржуазно-дворянском обществе: избранный круг дворянства и влиятельные слои буржуазии. Высший свет <...> [Ожегов, Шведова 2006: 701]. При формировании исходной семантики фразеологизма за основу было взято первое значение лексемы **свет**⁽²⁾. В мегатексте¹⁴ рекламы (действие происходит во время приёма во дворце, экстралингвистические элементы) реализуется третье

¹⁴ Мегатекст рекламы воспринимается как совокупность всех экстралингвистических и интралингвистических семантических единиц в конкретной рекламе.

значение лексемы, на основе которого производится метафорический перенос на фразеологический прототип и в видеоролике создаётся семантическая неофразама. *Ferrero Collection. Выход в свет. (Ferrero)*; болг. Фразама **информационна агенция** в значении ‘ключкарка’ (рус. *сплетница, сарафанное радио*) образована на основе актуализации синонимических отношений ‘*информация, донесение*’. Вторичное выявление смысла (семантизация → десемантизация) формируется вокруг семемы ‘*осведомлённый*’. (*Семейство Пенев*) *Моето семейство е уникално. Имаме си леля Златка – информационната агенция на квартала. Всеки път тя съобщава водещите оферти. Търси всички гледни точки. Винаги на мястото на събитието и не пропуска да отрази акция. Така пазаруваме изгодно* (магазин Penny).

2.2. Структурно-семантические неофраземы

2.2.1. Неофраземы, образуемые вследствие экстрафразеологической контаминации

Контаминация как стилистический приём рассматривается в работах И.Н. Куклиной [Куikliна 2006: 120-126], Т.Г. Бочиной [Бочина 2003: 288-344], К.С. Баранова [Баранов 2011: 14] и др. исследователей процесса формирования новых сверхсловных единиц в результате смешения частей разных фразем. Следует подчеркнуть, что в типичном случае изменения семантики чрезвычайно заметны из-за высокой степени контрастности при сочетании компонентов. На основе парадоксального сочетания возрастает оценочная эмоциональность выражения: *Сделал дело – кобыле легче*¹⁵. Эту разновидность контаминации условно назовём интрафразеологической (см. 2.2.2.), поскольку среди анализируемых примеров намечены основания для формирования группы неофразем, содержащих в структуре свободное словосочетание.

Новообразованные сверхсловные единицы возникают вследствие экстрафразеологической контаминации: рус. **Фокус-шокус-вкуснякус!** (Здрайверы) = *фокус-покус + вкусный шоколад*; **Дело ясное, что пиво тёмное** (Löwenbräu) = *дело ясное, что дело тёмное + тёмное пиво*; **Начните день с чайного листа!** (Lipton) = *начинать с чистого листа + чайный лист*; болг. *Ти като си пълнозърнеста, да не мислиш, че Тотти ще вдигне капака си за теб* (Tommi) = *без да си мръдна пръста + вдигам капака*; **Малки сметки – добри приятели** (Елдом) = *чисти сметки – добри приятели + малка сметка*; **Приятел с бира се познава** (Kamenitza) = *приятел в нужда се познава + приятел с бира*; **ДСК Директ на един клик разстояние** (ДСК) = *на една ръка разстояние + с един клик*.

2.2.2. Образующие вследствие интрафразеологической контаминации

В русском корпусе обнаружен единственный пример интрафразеологической контаминации, который лишён высокой степени стилистической противоположности. Соединение двух фразем в новой единице дополняет семантику и усиливает влияние текста на основе наслоения двух внутренних форм: рус. **чёрная полоса** [разг. «чередa рядовых неудач, поток

¹⁵ Сделал дело – кобыле легче // Time.kz. Режим доступа: <https://time.kz/news/archive/2010/08/05/17194>, (дата обращения: 28.02.2021).

скорбей и бед»] + *серая жизнь* [разг. «однообразная, скучная жизнь»] – *Хотя серую полосу*¹⁶ *можно преодолеть* (Fruttis).

«Демократизация» речи в СМИ в известной степени связана с нарушением однозначности общения, имеется в виду, что в рекламных видеороликах нередко обнаруживается противоречие между вербальным и невербальным сообщениями, чаще всего из-за намеренного употребления полисемичных экстралингвистических элементов. Отбор лингвистических средств и создание неологизмов зависят от представления об отличительных и непревзойдённых качествах рекламируемого продукта.

Употребляя нетипичное высказывание, включая типичные высказывания в парадоксальный контекст, остроумно комбинируя уже существующие языковые средства и создавая новые, рекламисты имеют целью привлечь внимание целевой аудитории (чаще всего при помощи *смеха*, по А. Шопенгауэру), внушить доверие и на основе ассоциативно-образных связей воздействовать на ответную реакцию гипермодерного потребителя.

Проведённый анализ фрагментов русского и болгарского телевизионного рекламного дискурса позволил нам разработать типологию основных механизмов неофразеологизации. На основе критерия «происхождение» выделены две основные группы: подлинные неофраземы и модифицированные неофраземы. Результаты исследования служат доказательством существования общих (на зависящих от языка) стратегий, регулирующих создание неофразем с рекламной целью: структурно-семантические изменения всегда направлены на сущность и характеристики рекламируемого продукта.

Процесс распространения и закрепления новой сверхсловной единицы также обнаруживает общую тенденцию: *семантические* изменения не выходят за рамки рекламного дискурса и не приводят к стереотипным, концептуальным и языковым изменениям. *Структурно-семантические* неофраземы характеризуются изменениями значения и частичными преобразованиями внутренней формы, что позволяет отграничить их от синонимических фразеологических вариантов: рус. *вертеться как белка в колесе* – *кружиться как белка в колесе*; *пальчики оближешь* – *усики оближешь*; болг. *бия си акъла* – *бия си главата*; *млад по сърце* – *млад по душа*.

Необходимо отметить, что для дисфемизмов характерно окказиональное употребление (только в рамках рекламного видеоролика) и отмечены они преимущественно в болгарской рекламе. Причины могут быть разными: ошибочное представление о «свободе слова», менталитет болгарского потребителя, стремление к провокациям и т. д.

Перспективы проводимого исследования связаны с сопоставлением процессов *эвфемизации* и *дисфемизации*. Предмет исследования составит их образная экспликация в рекламном мегатексте, а также морфологические,

¹⁶ Как понять, что в вашу жизнь пришла *серая полоса* и что с этим делать. // Wday.ru. Режим доступа: <https://www.wday.ru/stil-zhizny/vibor-redakcii/kak-ponyat-cto-v-vashu-zhizn-prishla-seraya-polosa/> (дата обращения: 28.02.2021); «В прошлом году я говорил, что у нас была *серая полоса* в жизни страны. Сейчас я бы сказал, что мы движемся в сторону устойчивого белого цвета.» // Nb-ugra.ru. Режим доступа: <https://nb-ugra.ru/2018/06/08/putin-v-zhizni-strany-seraya-polosa-no-skoro-budet-belaya/> (дата обращения: 28.02.2021).

стилистические, лингвокультурологические и коммуникативно-прагматические особенности.

Благодарность. Исследование проведено в рамках работы болгарской группы исполнителей над проектом № КП-06-Россия 11 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда РБолгария.

Литература

Баранов, К.С. Языковая игра в немецкоязычных рекламных текстах: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: МГЛУ, 2011, 26 с.

Бонджолова, В. Особенности на рекламния език и стил. Лексикален аспект. Велико Търново: Фабер, 2015, 276 с.

Бочина, Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Казань: КГУ им. В. И. Ульянова-Ленина, 2003, 449 с.

Георгиева С.И., Шулежкова С.Г. Фразеологические инновации болгарского и русского языков в условиях глобализации (XX – начала XXI вв.) // Martin Henzelmann (ed.): Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik. Standpunkte – Innovationen – Herausforderungen. Festschrift für Prof. Dr. Dr. h.c. Helmut Wilhelm Schaller anlässlich seines 80. Geburtstags. Berlin: Frank & Timme (Slawistik, 8), 2020, S. 21-38.

Куклина, И.Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Москва: МГУ, 2006, 251 с.

Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Москва: Институт экспериментальной социологии, 1998, 160 с.

Липовецки Ж., Шарл С. Хипермодерните времена. София: Изток-Запад, 2005. 144 с.

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: ООО А ТЕМП, 2006, 944 с.

Шопенхауер, А. Светът като воля и представа, т. 1. София: Захарий Стоянов, 2008. 808 с.

Хэн Цзяци, аспирант (КНР)

Науч. рук.: М.Л. Гордиевская, канд. филол. наук, доц.

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)*

НЕОЛОГИЗМЫ В ОБЛАСТИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье речь идёт об инновациях в области числительных в современном русском языке. Эти инновации касаются создания ряда неологизмов, обозначающих неопределенно большое количество. Отмечается быстрое освоение данных неологизмов русским языком, в том числе употребление числительных-неологизмов в качестве суперлативов.

Ключевые слова: русский язык, квантитативы, числительные, неологизмы

За последние годы в связи с развитием науки, культуры, техники, промышленности в словарном составе русского языка произошли изменения, выражающиеся в появлении новых слов и словосочетаний, служащих названиями новых предметов, явлений, понятий. Этот процесс в немалой степени подпитывается активным развитием социальных сетей. Неологизмы являются предметом изучения особой отрасли лингвистики – неологии¹, которая в настоящее время развивается достаточно активно. Особый вклад в формирование современных представлений теории неологии внесли крупнейшие отечественные лингвисты И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Потебня, М.М. Покровский, Л.В. Щерба, А.М. Селищев, В.И. Чернышев, Н.С. Державин. Таким образом, основы теории нового слова были заложены в отечественном языкознании ещё в 1-й половине XX века.

Становление неологии как особой теоретической дисциплины в рамках лексикологии относится ко 2-й половине прошлого столетия. На этом этапе её развитию особенно способствовали работы А.А. Брагиной, Р.А. Будагова, Е.В. Розен, Н.И. Фельдман, Г.О. Винокура, В.Г. Гака и др. Особое место в формировании теории неологии принадлежит Ю.С. Сорокину и Н.З. Котеловой – основателям русской неологической лексикографии [Гацалова 2005: 63]. Системно изучать неологизмы начали сравнительно недавно. Наиболее активно новые слова исследуются в отечественном языкознании начиная с 60-х гг. XX века [Русский язык 2000: 32]. Именно в этот период были даны базовые определения неологизмов как новых лексических образований, которые «возникают в силу общественной необходимости для обозначения нового предмета или явления, сохраняют ощущение новизны для носителей языка и которые ещё не вошли или не входили в общее литературное употребление» [Шанский 1964: 325]. Неологизмы воспринимаются как новые слова по отношению к одному из предшествующих временных периодов [Котелова 1975: 413], однако со временем они входят в словари, отражающие актуальное состояние лексики.

В последнее время исследовательский интерес к неологизмам возрастает, что объясняется интенсивным развитием социальных сетей и связанной с ними особой молодежной субкультуры, которая требует самовыражения и занимается активным словотворчеством.

Эти тенденции охватывают разные классы слов, в том числе и те, что прежде не подвергались неологизации. К таковым относятся неологизмы в области числительных и квантитативов – слов, обозначающих неопределенно-количественные значения (например, большие или малые множества).

Как известно, числительные и квантитативы – это наиболее консервативный класс слов, наименее подверженный изменениям. Так, числительные первого десятка являются столь же устойчивыми, как и, например, термины родства. Появление неологизмов среди числительных

¹Понятие «неология» (от французского «néologie») появилось во Франции в 1758 году, своё терминологическое значение слово приобрело к концу XIX века [Цыбова 2009: 233-235].

нехарактерно для языка. Однако язык – живой «организм», которому свойственно развитие. Наиболее подверженная семантическим изменениям группа числительных – это единицы с семантикой неопределенного количества. В последнее время в речевой практике активно используются числительные со значением большого количества: *стоицот*, *оверстоицот*, *миллион-тыщи*.

Так, неологизм *стоицот* в различных графических вариантах (100500, *стоиццот*, *стопяцот*, *стопецот* и др.) функционирует в последние годы в неформальной среде – в чатах, на форумах, в социальных сетях. Факт его появления связывают с интернет-мемом «+100500», ставшим популярным благодаря одноименному шоу Максима Голополосова. Изначально знак «+100500» использовали в комментариях под видео или постом, чтобы выразить одобрение: когда пользователь сети читает запись и соглашается с ней, одобряет, поддерживает автора, он ставит «лайк» («класс» и т. п.). Количество «лайков» автоматически подсчитывается, при оценивании записи «лайком» появляется подпись «+1». Некоторые пользователи, помимо «лайка», выражают свою поддержку и в комментариях к записи посредством такой же подписи – «+1». Выражение горячего одобрения, восхищения, полнейшего согласия при общей тенденции к экономии речевых средств в сетевом общении стало маркироваться количеством добавляемых «лайков»: +100, +1000 и т. д. В поисках наибольшего числа в бесконечности чисел была придумана запись «+100500». Использование этого знака призвано выразить готовность субъекта поставить *бесконечное количество лайков*.

На сегодняшний день у «количественного» слова *стоицот* пока нет устойчивого графического облика. Используемые формы отражают характерные для разговорного стиля речи фонетические процессы: редукция безударного гласного я [и³], ассимиляция согласных [т'с] в звук [ц]; таким образом, в графическом облике неологизма акцентировано внимание на его форме в среде «устного» бытования. Что же касается содержательной стороны знака, то его составляют семы 'очень много', 'бесконечно много': в контексте это количество может трактоваться как *сто тысяч пятьсот* или *полмиллиона (сто раз по пятьсот)* [Кривец 2017: [http](http://)]. Однако под влиянием ближайшего контекста семантическая структура неологизма может трансформироваться.

Рассмотрим типичное контекстное окружение неологизма и варианты семантических трансформаций.

(1) *А я по опыту знаю, что есть такие, что чем слабее становишься, тем сильнее бьют (фигурально).* + ***стоицот*** (Коллективный. Форум: Вопрос про себя, 2012) [НКРЯ: [http](http://)]; *Ха-ха-ха-ха!!!! 100500! Хорошо!* (Коллективный. Форум: Разорять область они не боялись, а книжку боятся, 2011) [НКРЯ: [http](http://)].

В приведённых контекстах *стоицот* синонимизируется с лексемами типа *точно, верно, правильно, одобряю, поддерживаю* и т. п., т. е. не содержит в структуре значения собственно количественных семантических компонентов, но лишь оценочные ('хорошо').

(2) *...по поводу выстраивать и говорить – это совершенно бесполезно, муж не слушает и не слышит, хоть ***стоицот*** раз скажи. То ли привычка, то ли нежелание, не знаю, чего больше* (Коллективный. Форум: Вопрос про себя,

2012) [НКРЯ: <http>]; *Проведите хоть **сто пицот** экспериментов. Машина, у которой не работает бензонасос – на остатках в топливopоpоде может разве что завестись на секунду-полторы* (Коллективный. Форум: Дистанционная блокировка двигателя, 2017) [НКРЯ: <http>]; *Есть китайская деревня, рядом с деревней лес. И в лесу этом бродит саблезубый тигр. И раз в неделю тигр уносит ребенка. Так происходит уже **стопицот** лет, никто в деревне особо не парится по этому поводу, тигр был, есть и будет всегда* (pikabu.ru: Как убить дракона) [НКРЯ: <http>].

В контекстах подобного типа неологизм *стопицот* актуализирует семы, позволяющие включать его в синонимический ряд слов *тысяча, миллион, миллиард*, используемых для обозначения очень большого числа (количества) чего-либо (ср. *Я миллион раз тебе об этом говорил*).

(3) Особую группу образуют контексты с усилительным формантом *овер*, представляющим собой кальку английского слова (over – ‘сверх, свыше, более’): *«Всё бы хорошо, но через пару дней начали сыпаться смс с предложениями микрозаймов. Раз в 2-3 дня приходят «вам одобрено **овер стопицот тыщ**»* (pikabu.ru: Ответ на пост «Важный звонок») [НКРЯ: <http>]. По сути, *овер* выступает здесь в функции префикса, усиливая значение «сверхбольшого количества» [Экспрессивно-оценочные возможности... 2016].

Синонимом неологизма *стопитсот* является используемая в Сети неословоформа *миллион-тыщици*: *Встретим век – только вдвоём! И правительства многих стран тратят тыщици – **миллион-тыщици** денег, чтобы приготовить разные салюты, всякие украшения, миллионы шариков-фонариков...* (Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно, 2004) [НКРЯ: <http>]. Как и в рассмотренных ранее вариантах графического оформления неологизма *стопитсот*, неословоформа *миллион-тыщици* представляет собой буквенную передачу просторечного произносительного варианта слова *тысяча*: сильная редукция заударного гласного вплоть до полного его исчезновения и ассимиляция согласных [с’ч’] в звук [ш’].

Структура данного неологизма идентична сочетанию составного количественного числительного с компонентами *тысяча, миллион* и т. п. и именем существительным, где числительное является главным словом и управляет формой родительного падежа существительного. В таких сочетаниях слова *тысяча, миллион* тоже подчиняются количественному числительному, например, *сто тысяч рублей, два миллиона человек*, однако в словоформе *миллион-тыщици* (денег) наблюдается отход от этого правила. Графический облик словоформы *миллион-тыщици* аналогичен традиционным формам дефисного написания типа *любо-дорого, крепко-накрепко* и т. п., характерного для обозначения семантики «интенсивность проявления» [Гордиевская 2011: 374].

В целом можно отметить, что словотворчество в области числительных реализуется в сфере разговорной речи или стилизации под неё. Выявленные нами имена с количественной семантикой употребляются в неопределенно-количественном значении ‘очень много’, суперэлативном оценочном значении ‘очень хорошо’. Таким образом, имена числительные продолжают оставаться довольно замкнутым, консервативным классом слов.

Литература

Гацалова, Л.Б. Неология как наука в общей парадигме современного языкознания: На материале русского и осетинского языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Нальчик, 2005. 46 с.

Гордиевская, М.Л. Абстрактные количественные понятия в русском языке (из опыта анализа синтаксической связи) // Славянский альманах. № 2010. М.: «Индрик», 2011. С. 368–385.

Котелова, Н.З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании). Л., 1975. 164 с.

Кривец, Н. +100500 [Электронный ресурс] // Memepedia.ru, 03.05.2017. Режим доступа: <https://memepedia.ru/chto-takoe-100500/> (дата обращения: 10.02.2021).

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.02.2021)

Неологизмы и проблема их изучения в современном русском языке: материалы международной научной конференции / под ред. М.В. Москалевой. Москва: Изд-во МГПИ, 2008. С. 246–250.

Русский язык конца 20 столетия. М., 2000, 480 с.

Ряценко, М.А. К вопросу о неологии как средстве расширения лексического запаса (на материале французского языка) // Вестник ЧелГУ. 2014. №16 (345). С. 121–123.

Цыбова, И.А. О проблемах словообразовательной неологии // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство: сб. в честь Е. С. Кубряковой. М., 2009.

Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1964. 423 с.

Экспрессивно-оценочные возможности современного медийного словотворчества: материалы международной научной конференции / под ред. Л.В. Рацибурской. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2016. С. 191–195.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, ФИКСАЦИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЛОВ-НЕОЛОГИЗМОВ И НЕОФРАЗЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

*А.А. Акшенцева, студентка
О.Е. Чернова, канд.филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова (Россия)*

ЖУРНАЛИСТСКИЙ ТЕКСТ КАК СРЕДА БЫТОВАНИЯ НОВОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. Автором статьи выявляются основные источники новых устойчивых в воспроизведении сверхсловных языковых единиц в современной речи, описываются их семантика и информационный повод для внедрения. Утверждается, что журналистские тексты представляют собой «своеобразный полигон», на котором происходит апробация фразеологических единиц и начинается их путь в литературный язык.

Ключевые слова: журналистский текст, социально-политическая сфера, культурная сфера, неофразеологизм, происхождение фразеологизма

Журналистский текст представляет собой собственно текстовую разновидность массовой коммуникации. Его основой служит информация о фактах, поскольку главная функция журналистского текста и заключается в том, чтобы делать общедоступной для социума наиболее значимую информацию. Специфика функции определяет объективность журналистского текста как базовую характеристику. Повышенная аналитичность и информативность журналистских сообщений влияет на стиль изложения, который подчас характеризуется как «сухой», чёткий, соответствующий принятым стандартам. При этом экспрессивность вовсе не чужда журналистскому тексту: она нужна для вовлечения адресата в реальность, отражённую в СМИ, для получения от него эмоциональной реакции.

В силу многоплановости коммуникационной задачи, массового характера, не исключающего определённой элитарности адресата, в журналистских текстах используются разнообразные лексико-фразеологические средства языка, не исключены и окказиональные.

Фразеологический состав языка имеет подвижные границы: одни единицы уходят из активного употребления, другие появляются: «Развитие разных областей общественной жизни приводит к появлению новых предметов и явлений, которые не могут существовать без языкового оформления. Для их обозначения создаются новые слова и устойчивые обороты, носящие название неологизмы и неофразеологизмы» [Чернова 2020: [http](#)].

«Платформой» внедрения новых фразеологизмов нередко становятся средства массовой коммуникации, в которых специалисты из разных областей социальной деятельности – науки, производства, культуры – представляют созданные ими тексты, нередко включающие профессиональные слова и выражения, постепенно уходящие в широкое употребление. Неофразеологизмы, обозначающие новые реалии «вещного» мира и содержащие оценку называемого предмета, явления, персоны, если помогают авторам выразить собственное мнение, тиражируются в журналистских текстах. Эту особенность подтверждают наблюдения А.Д. Соловьёвой: «Выразительными, хлесткими характеристиками, данными кому-либо в устном общении, пресса не может не воспользоваться» [Соловьёва: [http](#)]. Окончательное закрепление фразеологизма в языке происходит тогда, когда новая реалья, которую они обозначают, становится привычной.

Цель проводимого исследования – определить основные сферы формирования фразеологических единиц в современной речи и описать информационный повод их использования.

Собранный нами материал свидетельствует, что в современных журналистских текстах активно употребляются фразеологизмы, источником формирования которых является какая-либо профессиональная среда; среди них: *аграрный туризм, актуальное искусство, антивозрастная медицина, безбумажный офис, ипотечные каникулы* и др.

Например, фразеологизм *аграрный туризм* называет вид сельского туризма, считающегося сегодня трендом туристической индустрии, потому что он даёт возможность жителю города отдохнуть от напряженного ритма жизни и погрузиться в атмосферу неторопливого сельского быта. Аграрный туризм как вид хозяйственной деятельности, зарождается в 50-70-е годы XX века в Западной Европе. Организация дешёвого отдыха на природе без использования дорогой инфраструктуры помогла вернуть к жизни неперспективные сельские районы, которые не выдержали конкуренции после вступления страны в ЕС, и предоставила возможность людям с низким и средним уровнем дохода совместить отдых с работой: в обмен на участие в сельскохозяйственной деятельности турист бесплатно получает жильё и питание. В нашей стране этот вид туризма становится всё более популярным, в том числе благодаря поддержке властей: – *В этом году среди гостей края значительно вырос интерес к аграрному туризму. За 11 месяцев объекты аграрного туризма уже посетили более 600 тыс. человек. В прошлом году эта цифра составляла 550 тыс. Это чайные туры, рыбалка, посещение насекомых, сельскохозяйственных ферм и, конечно, виноделен, – уточнил Вениамин Кондратьев* [Всё больше приезжающих отдыхать на Кубань: [http](#)]; *Власти Краснодарского края активно*

развивают **аграрный туризм**: экскурсии на пасеки, сыроварни и экзотические фермы, а также «винные дороги» позволяют привлекать дополнительный поток туристов не только в летнее время, но и в низкий сезон, сообщили РИА Новости в министерстве курортов, туризма и олимпийского наследия региона [Дегустации и «винные дороги»: [http](http://ria.ru)].

Содержательно иным является происхождение неологизма **антивозрастная медицина**, представляющий собой перевод на русский язык термина *anti-age*, предложенного американским ученым К. Рональдом в середине 1980-х годов, который считал старение болезнью, поддающейся лечению. Годом рождения антивозрастной медицины как специфической отрасли считается 1993, когда была создана Американская академия антивозрастной медицины. В настоящее время антивозрастная медицина переросла в самостоятельную клиническую отрасль, целью которой является повышение качества жизни лиц пожилого и старческого возраста путём реализации персонализированных программ профилактики и замедления прогрессирования возрастных состояний и заболеваний. В результате фразеологизм как сверхсловное наименование востребованного направления профилактической медицины входит в журналистские тексты соответствующей тематической области: **Антивозрастная медицина** занимается восстановлением наших внутренних ресурсов на разных жизненных этапах, восполнением дефицита необходимых компонентов и выведением токсических веществ. С её помощью можно выявить потенциал клеток и тканей к регенерации, определить склонность к тем или иным заболеваниям и найти механизмы блокировки их развития. Достижения современной **антивозрастной медицины** дают возможность надолго сохранить своё здоровье, потенциал работы органов, энергичность и внешнюю привлекательность [Алексеева 2017: [http](http://ria.ru)]; Основные задачи **антивозрастной медицины** – своевременная доклиническая диагностика прежде всего возраст-зависимых заболеваний, прогнозирование их развития, адресная превенция и коррекция вероятных рисков отклонений и заболеваний [Тарасевич 2019: [http](http://ria.ru)].

Социально-политическая жизнь общества также нередко становится источником новых фразеологизмов, таких, как **волонтёрское движение**, **нулевая толерантность**, **оттеснить на обочину**, **протянуть руку помощи** и др. Например, **волонтёрское движение** – это название совокупности общественных объединений, сотрудники которых бесплатно и добровольно делятся своим опытом, навыками, знаниями или оказывают помощь нуждающимся: **Волонтёрское движение** для детей школьного возраста имеет огромное нравственно-воспитательное значение. Это гарантия того, что наши дети вырастут открытыми, честными, в любую минуту готовыми на бескорыстную помощь ближнему [Хлыстова 2018: [http](http://ria.ru)]; Глава государства также отметил, что **волонтёрское движение** набирает мощный оборот, миллионы людей задействованы в нём. «Мы всячески будем поддерживать это движение, причём по самым разным направлениям – это касается ветеранов, помощи ветеранам, помощи больным детям, соблюдения прав в сфере медицины, строительства, уборки территории», – заявил Путин [Путин: мы поддерживали и будем поддерживать волонтёрское движение: [http](http://ria.ru)]. Термин,

давший жизнь фразеологизму, имеет давнюю историю. В конце XVII века во Франции возникает такое понятие, как «volontaire» (латинское «voluntas» и славянское «воля»), которое дословно переводится на русский язык как *доброволец, желающий*. Волонтёрское движение в Российской Федерации начинает активно развиваться с середины 2000-х годов благодаря господдержке Правительства. В ноябре 2017 года Президентом РФ подписан соответствующий указ и утверждён День волонтёра – 5 декабря, как и Международный день волонтёра во имя экономического и социального развития (International Volunteer Day for Economic and Social Development), введённый Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 году. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 2018 год был объявлен Годом добровольца и волонтёра в России. Основная идея волонтерства – помогая другим людям, человек сам становится лучше. Параллельное использование в журналистских текстах слов *волонтёр* и *доброволец* позволяет предположить, что это слова-синонимы: значения заимствованного и собственно русского слова в равной мере понятны носителям русского языка, оба слова употребляются в похожих контекстах и для обозначения одних и тех же лиц.

К источникам рождения фразеологических единиц относятся реклама, песенное творчество, фильмы, мультфильмы, произведения художественной литературы: *в одном флаконе, на шаг впереди, никаких больше вечеринок, полёт нормальный* и др.

Неофразеологизм *полёт нормальный*, использующийся в ситуациях, связанных с благополучным развитием потенциально опасных или рутинных событий, был сконструирован на основе фрагмента стихотворения Р. Н. Щемеровой (род. 1965 г.) «Отсчёт. «Востока» сердце бьётся гулко» о полёте в космос Валентины Терешковой: *«Взгляд камеры внимательно-нахальный. / (Нет, не одна – весь мир следит за мной!) / «Я Чайка! Пять минут – полёт нормальный!» / И сразу будто крылья за спиной*». Бытующее в народе мнение, что эта фраза принадлежит Ю.А. Гагарину, ошибочно. Стенограмма его переговоров с Землей с момента посадки в корабль (за два часа до старта) до выхода корабля «Востока-1» из зоны радиоприёма содержит серию похожих, но не идентичных высказываний: *«Гагарин: «Заря-1», я «Кедр». Закончила работу первая ступень. Спали перегрузки и вибрации. Полёт продолжается нормально. Приём»*. Импульс к развитию переносного значения связан с мультфильмом «Маша и медведь», в котором героиня произносила эти слова, изображая космонавта. Журналисты часто используют этот неофразеологизм, поскольку он имеет универсальный характер и позволяет охарактеризовать весьма разнородную информацию, придав ей особую выразительность, при этом экономя языковое пространство: *Шесть лет в составе России – полёт нормальный. Таких масштабных инфраструктурных преобразований на полуострове ещё не было никогда. Сейчас мы проходим над городом-героем Севастополем. Именно та высота, с которой можно оценить те изменения, которые произошли на полуострове за последние шесть лет* [Кадченко 2020: [http](http://)]; *Спутник V – полёт нормальный* [Спутник V: [http](http://)].

Рассмотренный языковой материал позволяет выявить некоторые закономерности, характеризующие рождение и использования в журналистских текстах неофразеологизмов.

Неофразеологизмы позволяют украсить речь и придают ей убедительность. Благодаря экспрессивной окраске они легко запоминаются, а также их использование даёт автору возможность полнее охарактеризовать тот или иной предмет. Именно поэтому язык средств массовой коммуникации, основу которого составляет принцип чередования экспрессии и стандартов, всегда открыт для неофразеологии. Он представляет собой «своеобразный полигон» [Солганик 2017], на котором происходит апробация фразеологических единиц и начинается их путь в литературный язык.

Фразеологические неологизмы появляются, чтобы удовлетворить потребности носителей языка в наименовании новых предметов и явлений, в осмыслении экспрессивной выразительности языковых средств.

Продуктивным источником большинства проанализированных фразеологических единиц является профессиональная, социально-политическая и культурная сферы жизни носителей языка, что свидетельствует о необходимости изучения явлений материальной культуры при поиске ответа на вопрос о происхождении неофразеологизмов.

Благодарность. Работа выполнена в рамках научного проекта № 19-51218005/19 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Болгарии.

Литература

Алексеева, Е. Терапия против старения работает [Электронный ресурс] // Независимая газета, 20.03.2017. Режим доступа: http://www.ng.ru/health/2017-03-20/8_6953_terapia.html (дата обращения: 03.04.2020).

Бодрова, Е.В., Чурилина, Л.Н. Русская фразеология в языковой картине мира билингва: экспериментальное исследование // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 77-й международной научно-технической конференции. 2019. Т. 2. С. 329.

Всё больше приезжающих отдыхать на Кубань выбирают аграрный туризм [Электронный ресурс] // KrasnodarMedia, 07.12.2019. Режим доступа: <https://krasnodarmedia.su/news/884108/> (дата обращения: 03.04.2020).

Дегустации и «винные дороги»: Кубань делает ставку на аграрный туризм [Электронный ресурс] // Российский туризм. Режим доступа: http://russiantourism.ru/region-pulse/region-pulse_25601.html (дата обращения: 03.04.2020).

Кааченко, В. Годовщина референдума, на котором Крым проголосовал за воссоединение с Россией [Электронный ресурс] // Первый Канал, 16.03.2020. Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2020-03-16/382068-godovschina_referenduma_na_kotorom_krym_progolosoval_z_a_vossoedinenie_s_rossii (дата обращения: 19.03.2020).

Путин: мы поддерживали и будем поддерживать волонтерское движение в России [Электронный ресурс] // Газета.Ру, 19.12.2019. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/news/2019/12/19/n_13834394.shtml (дата обращения: 03.04.2020).

Солганик, Г.Я. Язык СМИ и культура // Актуальные проблемы стилистики. Факультет журналистики Федерального государственного образовательного учреждения высшего

образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» (Москва). 2017. № 3. С. 13–25.

Соловьева, А.Д. Современные СМИ как источник пополнения фразеологизмов русского языка [Электронный ресурс] // Киберленинка. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-smi-kak-istochnik-popolneniya-frazeologizmov-russkogo-yazyka> (дата обращения: 20.01.2021).

Спутник V – полёт нормальный [Электронный ресурс] // Новости недели, 22.01.2021. Режим доступа: <http://inelstal.ru/novosti/zdorove-i-medicina/sputnik-v-polet-normalnyu> (дата обращения: 20.01.2021).

Тарасевич, А. Для чего нужна антивозрастная медицина [Электронный ресурс] // Сноб, 05.06.2019. Режим доступа: <https://snob.ru/entry/177939/> (дата обращения: 03.04.2020).

Хлыстова, Е.А. Волонтерское движение школьников в реалиях сегодняшнего дня [Электронный ресурс] // Интерактивное образование. 2018. № 75. Режим доступа: <http://io.nios.ru/articles2/94/9/volonterskoe-dvizhenie-shkolnikov-v-realiyah-segodnyashnego-dnya> (дата обращения: 03.04.2020).

Чернова, О.Е., Осипова, А.А., Бужинская, Д.С. Новая фразеология в современном коммуникативном пространстве (к вопросу о пополнении корпуса устойчивых оборотов фразеологизмами с компонентом «электронный») // Litera. 2020. № 5. С. 27–38. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32746 (дата обращения: 20.01.2021).

Чернова, О.Е., Осипова, А.А., Позднякова, Н.В. «Мир никогда не будет прежним»: актуальные фразеологизмы в период пандемии коронавируса / О. Е. Чернова, А. А. // Научный диалог. 2021. № 5. С. 140–153.

Чурилина, Л.Н. Интернет-дискурс как среда формирования новой фразеологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3 (96). С. 126–135.

Г.Р. Кирменёва, студентка

Науч. рук.: Н.В. Позднякова, канд. филол. наук, доц.

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

ПРОЦЕСС НЕОЛОГИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на примере универбата коммуналка)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одного из видов компрессивного словообразования – универбации. Особое внимание уделяется понятию «устойчивость» в отношении мотивирующих словосочетаний универбатов. На примере анализа универбата коммуналка демонстрируются результаты процесса формирования нового значения.

Ключевые слова: компрессивное словообразование, универбация, неологизация, универбат

Человеческий социум развивается непрерывно, вследствие чего изменения происходят во всех сферах жизни, в том числе и языке. Так, в устной речи и письменных источниках мы часто можем встретить такие слова, как *зачётка, маршрутка, микроволновка, высотка, мицелярка* и подобные. Все они являются сокращениями имеющихся в языке словосочетаний: *зачетная*

книжка, маршрутное такси, микроволновая печь, высотное здание, мицеллярная вода. Образования подобного рода в лингвистике получили название «универбаты».

В современных исследованиях актуальных процессов в русском языке понятие «универбация» обретает всё большее значение как наиболее конструктивно устойчивый и устоявшийся вид компрессивного словообразования. В связи с этим возникает необходимость многоаспектного описания семантики и структуры универбатов с учётом языкового материала последних десятилетий.

Особое внимание компрессивному словообразованию уделяется и потому, что оно востребовано в разговорной практике носителей русского языка. Актуальность этого типа образования новых слов обусловлена стремлением субъекта коммуникации к удобству, краткости и экспрессивности. Именно закон языковой экономии является одним из важнейших факторов, влияющих на развитие компрессивного словообразования, в том числе и на такую его разновидность, как универбация.

В исследовательской практике наиболее интенсивное изучение вторичного словообразования, формирующегося на базе соотносительных словосочетаний, началось с 1960-х гг., когда универбаты стали чрезвычайно продуктивны в речи. При этом сам термин «универбация», как отмечают исследователи, был введён в 1904 г. К. Бругманом для обозначения «звуковых единиц, внешне цельнооформленных, но не обладающих содержательной изолированностью» [Дьячок 2012: 98].

В энциклопедии «Русский язык» универбация понимается как «образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично»; отмечается, что способы словообразования, с помощью которых осуществляется универбация, – это аббревиация, сложение (*нефтяная скважина – нефтескважина*), субстантивация (*выходной день – выходной*), суффиксация (*сторожевой корабль – сторожевик*). Суффиксальная универбация наиболее часто возникает на материале определительных словосочетаний, в которых «определяемое слово опускается, а к основе (полной или усеченной) определяющего слова присоединяется тот или иной суффикс» (*зачётная книжка – зачётка*) [Русский язык 1997: 577].

Основная трудность в определении особенностей универбатов и их отличий от других типов дериватов заключается в необходимости устанавливать исходное словосочетание, как правило, функционирующее параллельно с универбатом в книжных стилях речи. Конечно, не все номинации вызывают сомнение, к числу очевидных корреляций для большинства носителей русского языка можно отнести универбаты типа: *зачётка – зачётная книжка* (словосочетание указано на обложке этого документа), *уголовка – уголовное дело* (термин Уголовно-процессуального кодекса), *миграционка – миграционная карта* (термин миграционной и таможенной сферы), *биполярка – биполярное расстройство* (медицинский термин), *атомка – атомная электростанция* (принятое наименование, закреплённое в справочниках и энциклопедиях), *«Независька» – «Независимая газета»* (официальное название газеты).

Обычно в толковых словарях универбаты сопровождаются краткой дефиницией, состоящей только из первичного словосочетания, например, в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой:

- МАРШРУТКА, -и, ж. (разг.). Маршрутное такси.
- КОЖАНКА, -и, ж. (разг.). Кожаная куртка или короткое кожаное пальто.
- КОМИССИОНКА, -и, ж. (разг.). Комиссионный магазин [Ожегов 2000: <http://>].

Универбаты относятся к области устной речи, что отражено и в лексикографическом их описании (частотное использование пометы *разг.*), а потому большинство единиц этого типа остаётся не зафиксированным в словарях.

Задача выявления и фиксации универбатов предполагает поиск устойчивых словосочетаний, ставших основой для компрессионного словообразования. Наряду с отмеченными ранее очевидными примерами корреляций универбатов и устойчивых словосочетаний в разговорной речи отмечается множество примеров с не столь очевидными соотношениями: *вышка* – *высшее образование*, *дистанционка* – *дистанционное обучение*, *домашка* – *домашняя работа*, *академка* – *академический отпуск*, *удалёнка* – *удалённая работа*, *фронталка* – *фронтальная камера*, что ставит исследователя перед необходимостью устанавливать мотивирующее словосочетание. Например, универбат *тоналка* имеет в качестве мотивирующего такие словосочетания, как *тональная основа*, *тональное средство*, *тональный крем*; а *дистанционка* – *дистанционное обучение*, *дистанционное образование*. Приведённые варианты доказывают, что определить мотивирующее словосочетание с достаточным уровнем точности возможно только в случае обнаружения соответствующих контекстов.

На сегодняшний день в исследовательской литературе предложено описание различных универбатов, описаны их типы, специфика функционирования в устной и письменной речи. Нам же показалось интересным рассмотреть явление иного рода – семантическую деривацию, а именно процесс формирования у универбата нового значения. Материалом для исследования стали контексты с универбатом *коммуналка*.

Лексема *коммуналка* в толковом словаре русского языка имеет значение: Коммунальная квартира (прост.). *Разъехаться из коммуналок по отдельным квартирам* [Ожегов 2000: <http://>].

Прообразы коммунальных квартир как типа жилья, в котором проживают несколько семей, появились в начале XVIII века. Владельцы квартир разгораживали помещение на несколько «углов» (часто проходных) и сдавали их в поднаём. Квартиры состояли из 3-6 комнат с одной кухней (туалет – один на лестничной площадке), в них проживало 3-6 семей [Коммунальная квартира 2002: <http://>].

Именно в таком значении употреблялся универбат *коммуналка* не только в устной, но и письменной речи, особенно в художественных произведениях для создания колорита эпохи. Ср.: *Так вот, в «Здравствуй, Вася» Катя и живёт. Огромная коммуналка, старомодная обстановка, безалаберно* (В. Катаян. Лоскутное одеяло, 1960-1969) [НКРЯ: <http://>]; *С 57 года – Ленинград. Отратительная коммуналка. Отец и мать, по-видимому, развелись*

(С. Довлатов. *Верхом на улитке*, 1979-1982); *У меня такая же квартира, только коммуналка* (Н. Коляда. *Мы едем, едем, едем в далёкие края...*, 1995) [НКРЯ: [http](#)]; *Я жила в коммуналке в Трёхпрудном. Такая отличная была коммуналка. Потолки высокие. Но там в квартире ещё жил довольно страшный алкоголик* (К. Метелица. *Фруска* // «Столица», 17.06.1997) [НКРЯ: [http](#)]; *Это была действительно коммуналка, от которой путём сложных архитектурных решений соловьёвскому жилью удалось отделиться* (Е. Водозлашкин. *Соловьёв и Ларионов*, 2009) [НКРЯ: [http](#)].

Приведённые контексты показывают, что слово *коммуналка* долгое время употреблялось в значении «коммунальная квартира», причём как в устной, так и письменной речи; в художественных произведениях, описывающих реалии советской жизни, этот универбат встречается достаточно часто. Однако уже в текстах 1990–2000-х гг. ближайшие контексты слова включают глаголы в форме прошедшего времени, поскольку содержание соответствующих текстов составляют воспоминания о прошлом, о трудных и счастливых временах. Новые контексты формируют основания для формирования нового значения.

Универбат *коммуналка* в текстах двух последних десятилетий используется в несколько ином значении, которое пока не зафиксировано в словарях, – «коммунальные платежи, услуги». Ср.: *На свои 14 копеек мы и сами как-то живём, и долг ВЭБу отдаём, и ещё продолжаем развиваться, а коммуналка – это муниципальный бюджет, в котором всего копейка* (Д. Соколов-Митрич. *Медленно и неправильно* // «Русский репортер», 2013) [НКРЯ: [http](#)]; *В Смольном рассказали, как подорожает коммуналка в 2021-м* [В Смольном рассказали... 2020: [http](#)]; *Эксперт рассказал, как поступить, если нечем платить за коммуналку* [Эксперт рассказал: [http](#)]; *«О, ужас!» Собчак подняла на смех Боню после жалоб на дорожную коммуналку* [«О, ужас!» 2021: [http](#)].

Анализ современных контекстов универбата *коммуналка* позволяет отметить, что он употребляется преимущественно в устной речевой практике, а в интернет-дискурсе – чаще в новостных заголовках.

Вопрос о словосочетании-первооснове универбата *коммуналка* на современном этапе не имеет однозначного ответа (*коммунальная квартира, коммунальные платежи / услуги*), что связано с изменениями социального характера – уходом в прошлое такого типа жилья как «квартира совместного проживания нескольких семей».

Новые значения универбатов возникают каждый раз по прихоти говорящего, который «сворачивает» устойчивые сочетания в целях экономии произносительных усилий. В языковой системе эти значения в большинстве случаев не закреплены: они отсутствуют в толковых словарях, а словари разговорной лексики не успевают фиксировать всё многообразие новых контекстов.

Благодарность. Работа выполнена в рамках научного проекта № 19-51218005\19 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхслоенные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Болгарии.

Литература

В Смольном рассказали, как подорожает коммуналка в 2021-м [Электронный ресурс] // Фонтанка.Ру, 22.12.2020. Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2020/12/22/69650511/> (дата обращения: 19.02.2021).

Дьячок, Н.В. Этапы формирования явления универбации в русском языке // Москва. 2012. №17. С. 144-148.

Коммунальная квартира [Электронный ресурс] // Российский гуманитарный энциклопедический словарь / под ред. П.А. Клубкова [и др.]. СПб.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 2002. Режим доступа: http://irbis.losev-library.ru/cgi-in/webirbis/cgiirbis_64.exe?LNG=&Z21ID=&I21DBN=LOSEV&P21DBN=LOSEV&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=fullweb&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=U=&S21STR=00%28038%29 (дата обращения: 08.02.2021).

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.02.2021)

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 2002. 940 с. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 08.02.2021).

«О, ужас!» Собчак подняла на смех Боню после жалоб на дорогую коммуналку [Электронный ресурс] // РИА Новости, 19.02.2021. Режим доступа: <https://radiosputnik.ria.ru/20210219/bonyu-1598134382.html> (дата обращения: 19.02.2021).

Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.

Эксперт рассказал, как поступить, если нечем платить за коммуналку [Электронный ресурс] // ПРАЙМ. Режим доступа: <https://1prime.ru/business/20200418/831282420.html> (дата обращения: 19.02.2021).

От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира: коллективная монография: в 2 ч. Ч. 2 / Мишина Л.Н., Коротенко М.А., Меркулова Н.В., Чурилина Л.Н., Постникова И.А., Гневэк О.В., Михин А.Н., Андреева С.Л., Анохина С.А., Осипова А.А. / под редакцией С.Г. Шулежковой. Магнитогорск, 2008.

П.М. Ксенофонтова, студентка

Н.В. Позднякова, канд. филол. наук, доц.

*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова (Магнитогорск, Россия)*

«ЛОЛ, КЕК, ЧЕБУРЕК»: НЕОСЛЕНГИЗМЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ ИСТОЧНИКИ

Аннотация. В статье на основе анализа речевого материала выявляются специфические признаки современного молодёжного сленга. Автором определяются источники возникновения современных сленгизмов, сферы их функционирования и роль в пополнении словарного запаса современного русского языка.

Ключевые слова: молодёжный сленг, сленгизм, неологизм, интернет-мем

В современной науке до сих пор не поставлена точка в споре об объёме термина «сленг». В частности, дискуссионным остаётся вопрос о единицах, которые целесообразно включать в сленг, и о соотношении его с литературным языком: учитываются ли в составе сленга только выразительные, иронические слова, являющиеся синонимами литературных и общеупотребительных выражений, или же сленг – это принципиально нестандартный словарный запас, использование которого неприемлемо для образованного человека.

Наибольшее распространение получила точка зрения, выраженная авторами «Словаря-справочника лингвистических терминов», они ставят знак равенства между сленгом, жаргоном и арго, равно ограничивая употребление соответствующих единиц: «Сленг – слова и выражения, употребляемые лицами определенных профессий или социальных прослоек. Сленг моряков, художников, ср. арго, жаргон» [Розенталь, Теленкова 1985: 287]. Близкую позицию занимают и авторы «Большого энциклопедического словаря» (1998 г.), определяющие сленг как: «2. Совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубо-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи. В основном используется в условиях свободного общения» [Большой энциклопедический словарь 1998: 161].

Сопоставление разных точек зрения позволил выделить наиболее значимые признаки сленга:

- 1) это лексика, которая существует вне литературного языка;
- 2) это слова и выражения, которые порождаются устной речью, там функционируют и лишь в единичных случаях могут использоваться в ограниченном наборе жанров письменной речи;
- 3) сленг – это эмоционально окрашенный пласт лексики, что сказывается на стилистических границах его употребления и характеризуется большим разнообразием оттенков (шутливый, ироничный, насмешливый, пренебрежительный, презрительный, грубый и вульгарный и т.д.);
- 4) многие сленгированные слова и выражения являются малопонятными либо вообще непонятными для большинства носителей языка [Судзиловский 1973: 182];
- 5) сленг включает в себя различные слова и фразы, с помощью которых люди могут идентифицировать себя с определенными социальными и профессиональными группами.

Эксперты признают, что сленг – это не вредный «паразитический нарост» на теле языка, который только «затемняет, загрязняет и снижает» речь того, кто его использует, но и органические социальные отражения, в какой-то степени, по-видимому, ставшие необходимой частью системы любого современного языка.

Как правило, термином «сленг» обозначают лексику, находящуюся в активном функционировании в молодежной среде. Ежегодно молодёжный сленг (считается, что это самый подвижный слой жаргонной лексики) пополняется новыми словами и выражениями, причём многие из них являются англицизмами. При этом в его составе выделяются и единицы-«долгожители».

Так, нет ни одного носителя русского языка, который хоть раз не слышал / не употреблял в своей речи слова *кайф*, которое означает высшую точку наслаждения, расслабления. Возраст носителя языка значения не имеет.

Вопрос о классификации сленгизмов также относится к числу дискуссионных. В основу распределения единиц молодёжного сленга может быть положен такой критерий, как «способ времяпрепровождения».

Так, очень часто в речи подростков встречается слово *чилить*. Оно происходит из английского *chills* («простуда, озноб»). Человек во время болезни отдыхает, ничем не занимается, поэтому в русском языке слово приобрело значение «отдыхать, расслабляться». Это же слово может использоваться в том случае, если собеседнику желают «охладиться», «остыть».

Какая молодёжь без вечеринок? Слово *пати* («вечеринка») на данный момент «ловит» вторую волну популярности, вновь активно начинает употребляться в речи подростков и молодых людей, используется в песнях отечественных рэп-исполнителей, например, Скриптонит «Не забирай меня с пати»:

Не забирай меня с пати,

Не забирай меня спать,

Нет не запирай меня в хате... [Скриптонит: <http>].

Слово *вайб* (англ. *vibe, vibration* – «вибрация», *good vibes* – «позитивные вибрации») обозначает атмосферу, в молодёжном сленге употребляется в позитивном ключе. Например, в песне Насти Каменских «Vibe (Вайб)»:

Ах, этот вайб,

Не забуду поцелуй в кайф,

Я с тобой свихнулась навсегда (а),

Страсть такая сладостная у-у-у [Каменских: <http>].

Весьма популярным словом у современной молодежи является сленгизм *краш* – «человек, к которому испытывают симпатию». Оно восходит к английскому *crush* – «объект обожания». О его активном использовании свидетельствует, например, песня «Ты мой краш» Клавы Кока (ft. NILETTO, Нилетто):

Ты мой краш

Либо я, либо никто – это шантаж

Я приду одна, я знаю твой этаж

Покупаю на тебя, ведь твой типаж... [Клава Кока: <http>].

Другим основанием для объединения сленгизмов в группу может стать их использование в качестве, например, средства именования кого- / чего-либо. Человек, который является новичком, непрофессионалом в каком-либо деле в молодёжном сленге получает имя *ноунейм* (калька с англ. *no name* – «нет имени»).

Активно используется сленгизм *чика* (от англ. *chick* – «щипочка») в качестве способа именования девушки, достойной комплимента. Популярность в молодёжной среде позволила сленгизму выйти за привычные социальные

рамки; например, известная песня Артура Пирожкова в качестве заголовка имеет сленгизм «Чика»:

Чика-чика-чика-чика, ты спелая клубника.

Чика-чика-чика-чика и без тебя мне никак.

Чика-чика-чика-чика, мою любовь верни-ка,

Чика-чика-чика-чика, верни-верни Вероника [Пирожков: <https://>].

В особую группу могут быть объединены и предметные имена. Сленгизм *мерч*, восходящий к английскому *merchandise* – «товар», активно используют известные люди (независимо от возрастного статуса), имеющие возможность продвигать «собственный» товар через Интернет; зачастую это верхняя одежда с лейблом знаменитости, приобретение подобной вещи рассматривается как признак состоятельности, хорошего вкуса.

Актуальны в современном молодёжном жаргоне сленгизмы с оценочным компонентом, чаще – средства выражения отрицательной оценки. С появлением социальных сетей стало популярным оставлять комментарии. Само явление «выражение негативной оценки» называется *хейт* – «открытая ненависть», а человек, который *хейтит* и оставляет негативные комментарии, называется *хейтер*. Не менее частотным словом, репрезентирующим взаимоотношения между людьми, является сегодня *кринж* (англ. *cringe* – «дернуться от страха или содрогнуться от отвращения»), в русском молодёжном сленге обозначающее «неловкость, стыд из-за действий другого человека».

Интересно отметить, что сленг в последние годы пополнился терминами из различных областей знаний, и этот критерий также может быть использован в процессе выделения классификационных групп. Так, к английскому языку восходят сленгизмы: *абыюз*, *абыюзер* (англ. *abuse* – «насилие», «человек, который совершает насилие»); *буллинг* (англ. *bullying* – «травля одного человека большим количеством людей, коллективная травля, издевательства в школе, на работе и т.д.»). Понятия заимствуются из области психологии, их популяризация свидетельствует о значимости психолого-социальных проблем в жизни современного подростка.

Из профессионального жаргона компьютерщиков и программистов вошло в молодёжный сленг слово *апгрейд* (англ. *upgrade*), имеющее значение «улучшение, модернизация, обновление чего-либо» и использующееся в самом широком контексте, не связанном напрямую с гаджетами.

Говоря о классификации сленгизмов, необходимо отметить, что в речи современной молодежи используются и сверхсловные единицы – устойчивые сочетания слов. Нередко такие сочетания приобретают немыслимую популярность и становятся интернет-мемами, т.е. информацией, которая распространяется в шутливой, ироничной, саркастической форме и сопровождается узнаваемым визуальным образом.

Среди подрастающего поколения можно услышать фразу *базару ноль*, интерпретируемую как «согласен», «положительный ответ на какое-либо предложение» (рис. 1).

Рис. 1. Интернет-мем «Базару ноль»

Сверхсловная единица зафиксирована и в песенных текстах, например, «Базару 0» группы АК-47:

*Настанет белая, не висни в чёрной полосе,
Скоро в рэпе будем делать деньги, как в попсе.*

Базару ноль. Базару ноль.

Базару ноль. Базару ноль [АК-47: <http://>].

Примечательно, что это выражение далеко не новое, его можно считать «ветераном» в молодёжном сленге. Так, в словаре «Фильтруй базар» Б.Б. Максимова, где зафиксирован молодёжный сленг г. Магнитогорска 1990-х гг., читаем: «Базару ноль – договорились» [Максимов 2002: 21].

В сопоставлении с «ветераном» привлекает внимание сверхсловный неологизм, обязанный своим рождением мему: *Вы думали это рофл, а пацанчик-то реально умер* (рис. 2).

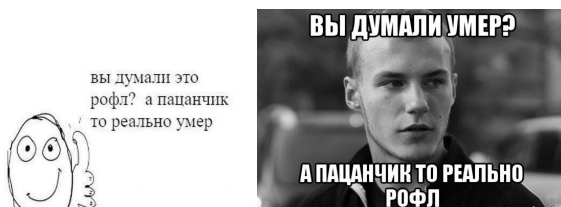

Рис. 2. Интернет-мем «Вы думали, это рофл...»

Компонент *рофл* в составе выражения является по происхождению английской аббревиатурой *ROFL*, т.е. *Rolling On the Floor Laughing* – «катание по полу от смеха». В русском языке неологизм используется в значении «шутка», «реакция на шутку».

К английской аббревиатуре восходит сверхсловный сленгизм *лол*, *кек*, *чебурек*. Компоненты в составе выражения связаны между собой только рифмой и означают реакцию на что-то смешное (рис. 3). *LOL* – английская аббревиатура, которая расшифровывается как *laugh out loud* («громко, вслух смеяться») или *lots of laughs* («много смеха»), а слово *кек* («насмешка») – синоним лексемы *лол*. Оно появилось в среде азиатских, в основном корейских, геймеров как способ обозначения (имитации) смеха «ke-ke-ke». Но постепенно

КЕК преодолел языковые барьеры и вошёл в обиход пользователей всей Сети. «Возможно, что закреплению слова в Рунете способствовало то, что написанное на латинице “КЕК” при смене раскладки превращается в ЛУЛ, что похоже на слово лулз (lulz) – «прикол или шутка» [Что такое ЛОЛ: <http://>].

Рис. 3. Интернет-мем «Лол, кек, чебурек».

К выделенной группе сверхсловных неологизмов, связанных с выражением «смеховой» реакции, может быть отнесено *настроение дым* – сверхсловный неологизм, имеющий два, совершенно противоположных значения. Так выражаются представители молодёжи, когда хотят сказать, что дела идут отлично. Однако контексты показывают, что реализуется и другое значение – «печаль, что-то непонятное, таинственное». Например, в песне группы «Операция Пластилин» «Вторяки»:

Настроение – дым,

Полгода без солнца,

Вскипятить воды... [Операция Пластилин: <http://>]

Особое место в молодёжном сленге занимают неологизмы-междометия и звукоподражания. Так, междометие *ауф* (*аууф*) используется как средство выражения восхищения, восторга. Помимо устного общения, данное междометие можно увидеть и в текстах песен. Например, в песне группы SQWOZ BAB «АУФ»:

Это пацанский move (Е).

Братух, не обессудь, но ты везёшь шпану (О).

Когда водила протянул AUX (Ща включу),

Все мои волки делают АУФ.

АУФ, АУФ, АУФ.

Все мои волки делают АУФ [SQWOZ BAB: <http://>].

Междометное выражение *Тяу, тяу, тяу* стало мемом благодаря видео, в котором Зипуля исполняет песни собственного сочинения. На междометии основано выражение *Хаю-хай, с вами Ивангай!* Фраза родилась на канале известного блогера Ивана Гая (Ивангай), который использовал её в каждом выпуске в качестве приветствия. В этой же функции оно и фиксируется в молодёжном сленге. Таким приветствием начинается каждый его выпуск.

Таким образом, основанием для классификации единиц молодёжного сленга могут стать разные признаки: (1) морфологические (принадлежность неосленгизма к определенной части речи); (2) этимологические

(происхождение слова / выражения); (3) объем сленгизма (слово / сочетание слов / предикативное сочетание); (4) тематические группы

Благодарность. Работа выполнена в рамках научного проекта № 19-51218005\19 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Болгарии.

Литература

АК-47. Базару 0 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://text-pesni.com/pesnya/pokazat/123432494/ak-47/tekst-perevod-pesni-bazaru-0/>. (дата обращения: 26.02.2021)

Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под общ. ред. В. Н. Ярцевой. М.: «Российская энциклопедия», 1998. 685 с.

Каменских, Н. Vibe [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://text-pesni.com/pesnya/pokazat> (дата обращения: 14.03.2021).

Клава Кока. Ты мой краш [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://text-pesni.com/pesnya/pokazat/565690398/> (дата обращения: 14.03.2021)

Максимов, Б.Б. Фильтруй базар: словарь молодёжного жаргона города Магнитогорска. Около 31500 слов и устойчивых словосочетаний / Подготовка рукописи к изданию и вступ. статья С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: МаГУ, 2002. 506 с.

Операция Пластилин. Вторяки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://genius.com/Operation-plasticine-vtoryaki-lyrics> (дата обращения: 20.02.2021)

Пирожков, А. Чика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo/tekst-pesni.online/s/artur-pirozhkov-chika/> (дата обращения: 14.03.2021).

Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: «Российская энциклопедия», 1985. 543 с.

Скриптонит. Не забирай меня с пати [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.phatest.ru/_s/skriptonit.html (дата обращения: 14.03.2021).

Судзиловский, Г.А. Сленг — что это такое? Англо-русский словарь военного сленга. М.: Воениздат Минобороны, 1973.

Чернова, О.Е., Осипова, А.А., Позднякова, Н.В. «Мир никогда не будет прежним»: актуальные фразеологизмы в период пандемии коронавируса / О. Е. Чернова, А. А. // Научный диалог. 2021. № 5. С. 140–153.

Что такое ЛОЛ, что значит КЕК и при чём тут чебуреки // Толковый словарь. Режим доступа: https://zen.yandex.ru/media/tolk_slov/chto-takoe-lol-chto-znachit-kek-i-pri-chem-tut-cheburek-5bf47141e536c00abd9bab8 (дата обращения: 10.03.2021).

Чурилина, Л.Н., Позднякова, Н.В. Фразеологизация как лингвокогнитивный процесс: формирование концептуальной структуры «Поколение» // Филология и культура. 2020. 2(60). С. 130–140.

Чурилина, Л.Н. Интернет-дискурс как среда формирования новой фразеологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3 (96). С. 126–135.

От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира: коллективная монография: в 2 ч. Ч. 2 / Мишина Л.Н., Коротенко М.А., Меркулова Н.В., Чурилина Л.Н., Постникова И.А., Гневэк О.В., Михин А.Н., Андреева С.Л., Анохина С.А., Осипова А.А. / под редакцией С.Г. Шулежковой. Магнитогорск, 2008.

SQWOZ BAB. АУФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://txtsong.ru/sqwoz-bab/sqwoz-bab-auf/> (дата обращения: 14.03.2021).

*Лу Цзыи, аспирантка,
старший преподаватель Хэйлуницзянского университета
Науч. рук.: В.В. Красных, д-р филол. наук, проф.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)*

КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЗНАЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АБСТРАКТНЫМ ИМЕНЕМ *МЫСЛЬ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Содержание статьи составляет описание ряда фразеологических единиц, включающих компонент *мысль*, с точки зрения коннотативного аспекта их значения. Анализ фразеологизмов проводится с использованием лингвокультурологического метода. Целью анализа фразеологических единиц является реконструкция определившей их значение образной основы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, лингвокультурологический метод, код культуры, образная основа, стереотипное представление

Возникновение фразеологии как лингвистической дисциплины в русском языкознании относится, по мнению Н.М. Шанского, к 40-м годам XX столетия и неразрывно связано с именем акад. В.В. Виноградова [Шанский, 2015: 8]. Под фразеологизмом, следуя за В.Н. Телия, мы понимаем сочетание слов, относящееся к номинативным единицам языка, обладающее полной или частичной идиоматичностью, устойчивостью, также в той или иной степени воспроизводимостью [Телия 1996: 56].

По мнению И.А. Федорова, фразеологизмы, в отличие от слов, обладают фразеологическим значением, состоящим из метафорического, метонимического или сравнительно-образного представлений, через которые именуется денотат и даётся его коннотативная характеристика в сигнификате [Федоров 1980: 15]. При этом, как полагает М.Л. Ковшова, изучение фразеологизмов развивается по следующему пути: от исследования номинативной функции фразеологизмов и их образной внутренней формы к когнитивно-интерпретационной парадигме и новому, лингвокультурологическому, этапу [Ковшова 2016: 13].

Состав и структура коннотации в целом может быть в условной форме представлена как суждения о ценности или социально-речевой уместности / неуместности как самого обозначаемого, так и формы его выражения, и как выражение того или иного чувства-отношения, мотивом для которого может быть любое ассоциативное представление об обозначаемом [Телия 1996: 107].

В проводимом нами исследовании при описании фразеологизмов за основу принят лингвокультурологический метод, разработанный В.Н. Телия и её последователями в процессе подготовки «Большого фразеологического словаря русского языка» [Большой фразеологический... 2017]. Для анализа нами отобраны фразеологизмы, содержащие абстрактный субстантив *мысль*, выполняющий функцию субъекта действия, и глаголы движения *посещать* / *посетить*, *лезть*. Источником текстового материала стал Национальный корпус русского языка [Национальный корпус русского языка: <http://>]. Целью

анализа фразеологических единиц является реконструкция определившей их значение образной (концептуальной) структуры. Приведём варианты описания фразеологических единиц, основанные на результатах проведённого анализа.

1. Мысль посещает / посетила кого

Значение фразеологизма: «идея случайно возникает; появляется время от времени (*где, у кого*)». Имеется в виду, что соображение, догадка, убеждение (X) спонтанно (возможно, периодически) проникает извне в сознание лица, группы лиц (Y). X посещает / посетила Y-а. Реч. стандарт.

Иллюстративный материал: Бессмысленно жить только для потребления, – эта **мысль** рано или поздно **посещает** всех нормальных предпринимателей, но все к ней приходят разными путями (И. Найденов, А. Сысоев. Бизнесмен-передвижник // «Русский репортер», № 18 (18), 4–11 октября 2007, 2007); **Мысль** о безнадежности своего положения, о том, что это, в сущности, конец, **посещала** его нечасто и ненадолго (И. Грекова. Фазан, 1984); В полпятого утра, когда опасные **мысли посещают** вашу утомленную голову, не торопитесь включать газ и точить опасную бритву (В.А. Александр. Диван-кровать // «Столица», 1997.08.12); Эдуард Россель морально готов к тому, что ему придется расстаться с губернаторским постом. Якобы, он и сам не скрывает, что такие **мысли посещают** его едва ли не каждый день (Россель готов уйти в отставку «хоть сейчас!» – Самые крутые слухи недели // Новый регион 2, 2009.04.20); И всё это огромное духовное богатство народа было отторгнуто от этого же народа в силу довлевших над ним. Подобные **мысли посещали** не только меня – многие в те годы, предшествовавшие началу первых попыток что-то изменить в нашей жизни, приходили к этому (И.К. Архипова. Музыка жизни, 1996); Поэтому, придя домой и с удивлением вновь переживая рассказанное, дед всякий раз всё с возрастающим восхищением оглядывался на свой ратный путь и даже начал дерзко подумывать о написании военных мемуаров. Эти **мысли посещали** его всё чаще и чаще и в конце концов даже стали подчиняться некоему графику, удивительным образом совпадавшему с днями получения пенсии (В.А. Мухарьямов. Брагины // «Волга», 2009); Меня недавно такая **мысль посетила**: надо, чтобы 1 рубль был равен одному доллару, и тогда мы все заживем хорошо (Велика Россия, а денег взять негде // Комсомольская правда, 2001.02.24); Кошунственная **мысль посетила** меня: я подумала, так бывает в театре, когда автор, сделавший своё дело, остается за кулисами – умирает, чтобы возродиться в актёрах (Е. Чижова. Лавра // «Звезда», 2002); Во время вчерашних посиделок по случаю Лёneckиного дня рождения **посетила** его странная **мысль**: да, о мёртвых – или хорошо, или ничего, но так ли уж это правильно? (А. Маринина. Последний рассвет, 2013); «Видимо, после того, что я пережила и перечувствовала, моя жизнь показалась мне особенно серой и унылой, и я считала, что менять её надо немедленно...» Эти **мысли посетили** Наталию Ильину не впервые (Н.Д. Старосельская. Повседневная жизнь «русского» Китая, 2006); Одни подумают о китайском чае, другие – о бумаге, кого-то **посетит мысль** о боевых искусствах, но большинство наверняка вспомнит Великую китайскую стену (К. Поздняева. Пасха в Китае // «Альфа и Омега», 2001); Третья – в резерв, она станет

необходимой, когда **поселят** уж очень горькие **мысли** о себе, или о Галине, или о русских, предлагающих себя в услужение немцам... (А. Хруцкий. Окаянные дни Ивана Алексеевича // «Звезда», 2001); Немногочисленная профессиональная армия намного лучше огромной толпы вооруженных дилетантов – первая нехитрая **мысль, посетившая** меня во время просмотра фильма Зака Снайдера «300 спартанцев» (Спартак и фотопш [ВИДЕО+ФОТО] // Комсомольская правда, 2007.03.22).

Образная основа. Образ фразеологизма восходит к анимизму и отражает базовую оппозицию «внутри – снаружи», имеющую архетипический характер. Компонент *мысль* соотносится с антропным кодом культуры, глагольный компонент *посетить / посещать* – с акциональным. Фразеологизм в целом соотносится с антропным, а с учётом оппозиции – с пространственным кодами культуры.

Компонент *мысль* в составе фразеологизма уподобляется живому существу, свободно перемещающемуся в пространстве независимо от воли человека, и осмысливается как самостоятельный субъект, способный неожиданно и неоднократно появляться в сознании человека, пересекая границы как между внешним и внутренним мирами, так и между миром «своих» и миром «чужих».

Фразеологизм в целом отражает стереотипное представление о случайном, спонтанном, возможно, периодическом возникновении мысли, идеи, соображения, суждения.

2. Мысль лезет [в голову] кому

Значение фразеологизма: «идея навязчиво, постоянно возникает [в сознании]». Имеется в виду, что размышления (X), вызывающие отрицательные эмоции или не заслуживающие внимания, против желания появляются в сознании лица, группы лиц (Y). *X лезет [в голову] [Y-у]*. Реч. стандарт.

Иллюстративный материал: Конечно, сразу **лезет в голову мысль**, что стильным бедняком может быть только человек образованный, но мы её отгоним (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008); Иногда **лезут в голову** совсем уж неподобающие **мысли** – а что, если он обманывает сам себя? (А. Грачев. Ярый против видеопиратов, 1999); Сел Лёня на табуретку и думает. А **в голову** разные **мысли лезут**. О том, как он летом в пруду купался (В.В. Голявкин. Карусель в голове, 1960–1970); **Всякие мысли лезут** – даже не веришь, что твоя голова (Н. Садур. Сом-с-усом, 1995); Сейчас и ему упорно **лезла в голову** глупая **мысль** о пятидесятилетии Соколова (В. Гроссман. Все течет (1955–1963) // «Октябрь», 1989); Сашенька, ты знаешь, я слушал зауспокойное бормотание, смотрел на солдат, стреляющих над могильной залпом в небо, а **в голову лезли** совершенно неподобающие минуте **мысли** (М. Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010); Взрослые о чём-то смеялись, хвалили грибы, а Вера крутила мясорубку. Плохие **мысли лезли** ей в голову. Вера гнала их от себя, так гнала, что все выгнала и ни одной мысли в голове не осталось – ни хорошей, ни плохой (Ю. Коваль. Недопесок, 1975); Спала плохо совсем, ворочалась на скрипящем диване, старалась не думать, но **мысли лезли и лезли**, и все тяжёлые, давящие; физически чувствовала Валентина Викторовна, как разрывают сердце эти мысли (Р. Сенчин. Елтышевы (2008) // «Дружба Народов», 2009).

Образная основа. Образ фразеологизма восходит к одной из древнейших, мифологических, форм осознания мира – анимистической, и отражает базовую архетипическую оппозицию «внутри – снаружи».

Компонент *мысль* соотносится с антропным кодом культуры, глагольный компонент *лезть* – с акциональным. Компонент *голова* как локус мыслей / идей соотносится с соматическим, а в сочетании с предлогом *в* + вин. пад. – с пространственным кодами культуры. Фразеологизм в целом соотносится с антропным, а с учётом оппозиции – с пространственным кодами культуры.

Мысль в составе фразеологизма уподобляется живому существу, свободно перемещающемуся в пространстве независимо от воли человека, и осмысливается как самостоятельный субъект, способный настойчиво осуществлять целенаправленную деятельность и пересекать границы как между внешним и внутренним мирами, так и между миром «своих» и миром «чужих».

Фразеологизм в целом отражает стереотипное представление о том, что идеи, размышления, суждения, соображения, представления (возможно, неприятные или неважные) назойливо проникают, вторгаются в сознание человека, подчас досаждая ему и вызывая негативные эмоции.

Итоги проведённого анализа могут быть обобщены следующим образом.

1. Образ как основа рассмотренных фразеологических единиц восходит к анимистической форме мироосознания, т. е. одушевляет продукт мыслительного процесса и наделяет мысль способностью перемещаться самостоятельно. 2. Рассмотренные фразеологические единицы в целом соотносятся с антропным, а с учетом оппозиции с пространственным кодами культуры. 3. Образ фразеологических единиц основан на метафорическом переносе: мысль уподобляется живому существу, способному совершать физические действия, независимо от воли человека. 4. Рассмотренные фразеологические единицы отражают стереотипное представление о неконтролируемом процессе, о свободном передвижении мысли.

Литература

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. (Фундаментальные словари). 784 с.

Ковинова, М.Л. Лингво-культурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.02.2021)

Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Федоров, А.И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск, 1980. 192 с.

Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка: Учебное пособие. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 274 с.

А.С. Маклаков, студент
Науч. рук.: Л.Н. Чурилина, д-р филол. наук, проф.
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

ПРОЦЕСС ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (на примере концепта «обучение»)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования в современной профессиональной (педагогической) среде сверхсловной единицы *дистанционное образование*. На основе анализа «неофициального» сегмента педагогического дискурса автор размышляет о судьбе потенциального фразеологизма.

Ключевые слова: педагогический дискурс, обучение, фразеологизация, сверхсловное наименование

В современной быстро меняющейся социальной и образовательной реальности, связанной с «переживанием» острых кризисных моментов (подобных пандемии коронавирусной инфекции 2020-ого года), ведущих к глобальным изменениям привычного жизненного уклада, в фокусе внимания исследователей предсказуемо оказался феномен *языковой концептуализации*.

Сигналом формирования новых концептов становятся языковые изменения, фиксируемые внутри «устоявшихся» дискурсов, в частности, политического, образовательного, экономического, медийного, социокультурного и т.д. в результате COVID-эпидемии. Для каждой из традиционных сфер социального взаимодействия «вызовом» оказался вынужденный отказ от традиционной системы межличностной коммуникации: на смену модели непосредственного («живого») общения пришла модель опосредованного «виртуального дистант-общения» (с помощью электронных образовательных платформ, обучающих платформ, плагинов «обратной связи» на электронных курсах и т.д.). Дискурсивная практика нового типа начала генерировать новые смыслы и новые средства их репрезентации.

Специфика коммуникативного процесса в образовании детерминирована его функцией: «В общении с учениками учитель – в силу заданных статусно-ролевых отношений – выполняет основную цель педагогического дискурса: воспитывать подрастающее поколение, способствовать социализации молодых членов общества» [Третьякова 2017: 192]. Помимо указания на воспитательную и обучающую функции, И.Ю. Третьякова подчёркивает, что «в общении коммуникантов при сохранении статусно-ролевого амплуа важное значение имеет ситуационно-коммуникативная роль учителя: он прямо выражает своё отношение к описываемым субъектам, объектам, событиям, высказывает *оценочные суждения*» [Третьякова 2017: 192]. Категория оценочности как неотъемлемый компонент профессионального (педагогического) дискурса представляется для нас крайне важной, поскольку выражение педагогом собственной мировоззренческой позиции потенциально соотносится с разными

сферами деятельности и разными областями знаний, а потому отбираемые языковые средства экспликации оценки являются концептуально значимыми.

Средства выражения оценки обнаруживаются на всех уровнях языковой системы, но наиболее очевидны проявления категории оценочности в лексике и фразеологии.

Объектом нашего исследования является воспроизводимая сверхсловная единица, являющаяся репрезентантом концепта «обучение»: *дистанционное обучение* – как единица педагогического дискурса. Целью исследования является интерпретация содержательной стороны анализируемой единицы, её оценочный потенциал, а также определение наличия / отсутствия достаточных оснований для фразеологизации воспроизводимой сверхсловной единицы.

Материалом исследования служат интернет-платформы, на которых осуществляется процесс неофициальной коммуникации педагогического сообщества: авторские комментарии и посты в чатах, рубриках, обсуждениях, форумах, комментарии к новостным статьям и записям на новостной ленте популярных мессенджеров, в частности, в социальной сети «ВКонтакте», а также на сайте «Учительский портал» – одного из самых популярных интернет-сообществ педагогов.

Первый этап исследования был связан с реконструкцией концепта «обучение» на основе материалов традиционных словарей русского языка.

Согласно определению толкового словаря Т.Ф. Ефремовой, лексема *обучение* реализуется в контексте действия по знач. глаг. *обучить* – *обучать* и *обучиться* – *обучаться*. ср.: «Сообщать кому-либо систему знаний, умений, навыков; учить кого-либо.» / «Усваивать знания, навыки в какой-либо области» [Ефремова 2000: <http://>]. При толковании глаголов определяющим является обязательное указание на взаимную направленность действий субъектов – участников процесса (*сообщать* – *усваивать*). В «Большой советской энциклопедии» концепт «обучение» также представлен как двунаправленный телеологический процесс *передачи* и *усвоения* знаний, умений, навыков деятельности, как «основное средство подготовки человека к жизни и труду» [БСЭ: <http://>].

Обращение к специальному словарю с ограниченной и заданной терминосистемой – «Педагогическому энциклопедическому словарю» (ПЭС), в котором содержание концепта конкретизируется, позволяет отметить смещение акцентов из области процесса «приём – передача» в личностную сферу: обучение интерпретируется как совместная целенаправленная деятельность учителя и учащихся, в ходе которой осуществляются развитие личности, её образование и воспитание [ПЭС 2009: <http://>].

В перечень видов *процесса обучения* ПЭС включает «дистанционное обучение», трактуя его как технологию «целенаправленного и методически организованного руководства учебно-познавательной деятельностью учащихся (независимо от уровня получаемого ими образования), проживающих на расстоянии от образовательного центра» [ПЭС 2009: <http://>]. С точки зрения трансформации концепта «обучение» указанная трактовка представляет содержательную основу для формирования новых сегментов знания (концептов) и связанных с ними средств репрезентации.

Выявление новых средств репрезентации концепта предполагало обращение к анализу речевого материала – типичных / уникальных контекстов сверхсловного именования *дистанционное обучение*. Обнаруженные контексты позволяют реконструировать соответствующую зону концепта «обучение».

Осуществлённый в Google поисковый запрос подтвердил востребованность сверхсловного именования – 27,5 млн употреблений. Выявленная частота встречаемости единицы свидетельствует о её высоком фразеологическом потенциале. Процесс формирования устойчивых выражений (фразеологизация) непосредственно связан с социальной значимостью концепта: «Значимость концептуальной структуры (экстралингвистический фактор) становится причиной регулярной воспроизводимости языковой структуры, что может вести к формированию устойчивых оборотов, или *неофразем*» [Чурилина 2020: 125].

На основе контекстуального анализа фрагментов профессионального дискурса нами были выделены два варианта частотно воспроизводимого окружения потенциальной фраземы *дистанционное обучение*. Охарактеризуем каждый из них более подробно.

1. Первый вариант связан с оценкой дистанционного обучения как процесса. Трудности, возникшие при массовом переходе к дистанционному обучению, имели объективные основания – дистанционное обучение было одной из карантинных мер (негативная оценка) и цифровая среда оказалась не готовой к столь масштабному использованию (негативная оценка): типичные именования *проводить удалённо, удалёнка, дистанционка, перевод в дистант* («дистанционное обучение во время карантина»). Двухкомпонентность имени, как видим, оценивается субъектами профессиональной коммуникации как «помеха», отсюда – стремление к «стяжению», сокращению именования способа обучения до одного слова.

Семантическая основа выражения актуализируется в высказываниях педагогов в сочетаниях: *зум-лекции, зум-классы, общаться по зуму, выход в зум, вылетать из Zoom*.

Типичные контексты:

– Александр Молочников: «Я пока не понимаю, как *проводить* проверочные работы удалённо – все решения легко гуглятся» [Гладких 2021: [http](#)];

– Ксения Ситникова: «Вчера я бы сказала, что всё работает идеально: я *перевела школу на Google Classroom*, уроки учителя ведут через Zoom, все прекрасно, – рассказала она. – А сегодня ничего не работает, в Google-классе учителя стали неправильно давать задания, *Zoom висит*, но найти ему альтернативу за утро невозможно. И все пишут мне!» [Зотова 2020: [http](#)];

– Рената Давлетова: «Видимо, вчера все школьники в стране стали использовать Zoom, – смеется Рената: у них *видео “тормозило”* и дети регулярно *“вылетали” из видеоконференции Zoom*» [Зотова 2020: [http](#)].

2. Второй вариант связан с выражением личного отношения преподавателя к происходящему. Работая с контекстами данной группы, мы обратили внимание на частотно актуализируемые лексемы, среди которых преобладают связанные с выражением негативно окрашенных эмоций /

состояний: *тоска / тоска зелёная, испортила, столкновение, обострил проблему*:

– Дистанционка – это *беспросветная зеленая тоска по живому общению*. Педагоги и эксперты всех регионов уже в полной мере поняли угрозы дистанционного обучения (ср.: *дистанционка-тоска*) [Бигаев 2021: http].

– Но тем не менее педагоги, *столкнувшиеся с дистантом* весной и отчасти осенью, достаточно хорошо понимают, что несет с собой такой «подход» к образованию (ср.: *столкнуться с дистантом*) [Бигаев 2021: http];

– Цитата известного педагога Димы Зицера: «*Дистанционка испортила существующую модель образования*» [Скороделова 2020: http];

– Во многих регионах *замаячила перспектива «дистанционки»* [Regnum 2020: http];

– Положение «сидя» устремилось к положению «лёжа», а «проблемы с камерой» случались всё чаще, если она вообще была. *Дистант обострил проблему* неравенства: семьям с несколькими детьми не хватало компьютеров, учителям в глубинке приходилось разносить домашнее задание по почтовым ящикам: сама школа была онлайн, но в самоизоляции это помогало не всем [Васильева 2020: http];

– А директора их отговаривают: им не хочется лишнего свидетельства, что их школа *не так уж и хорошо может в дистант*. Тем более, что на второй год вполне может остаться и пандемия [Васильева 2020: http].

Подведём итоги.

Обнаруженное нами стремление членов профессионального сообщества избегать прямого именованного *дистанционного обучения* может оказать негативное влияние на процесс фразеологизации сверхсловной единицы.

Что касается закрепления типичного для сверхсловной единицы контекста, то многое будет определяться развитием цифровой среды. Наблюдаемое безусловное преобладание негативно окрашенной оценки является отражением ситуации, не ограниченной собственно образовательной средой.

Благодарность. Работа выполнена в рамках научного проекта № 19-51218005/19 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Болгарии.

Литература

Бигаев, И. Социальная война. Дистанционное образование во время коронавируса, 07.01.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rossaprimavera.ru/article/68c7dd09> (дата обращения 24.02.2021).

Бодрова, Е.В., Чурилина, Л.Н. Русская фразеология в языковой картине мира билингва: экспериментальное исследование // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 77-й международной научно-технической конференции. 2019. Т. 2. С. 329.

Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bse.scilib.com/> (дата обращения 24.02.2021).

Васильева, А. Зашёл Zoom за разум. Как школьники просидели год за компьютером [Электронный ресурс] // Коммерсантъ, № 241 от 30.12.2020. С. 8. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4637509> (дата обращения 24.02.2021).

Гладких, Д. Школа перешла на удалёнку: опыт петербургских учителей, школьников и родителей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sobaka.ru/chlb/city/science/105661> (дата обращения: 24.02.2021)

Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 01.02.2021).

Зотова, Н., Фохт Е. «Когда ученик может тебя замьютить»: как школьники и учителя привыкают к дистанционному обучению [Электронный ресурс] // Русская служба Би-би-си, 08.04.2020. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-52203696> (дата обращения: 28.02.2021).

Карантин и дистанционка: обучение в условиях коронавируса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/3072297.html> (дата обращения 24.02.2021).

Малкова, М. «Мы – мишень для вируса. Когда поумирают учителя, учить детей будет некому». Педагог с Урала о том, почему школы необходимо отправить на дистант, 10.07.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.znak.com/2020-10-07/pedagog_s_urala_o_tom_pochemu_shkoly_neobhodimo_otpravit_na_distant (дата обращения 24.02.2021).

Педагогический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. 3-е изд., стер. М.: Большая российская энциклопедия, 2009. 527 с. Режим доступа: <https://slovar.cc/enc/ped.html> (дата обращения 24.02.2021).

Позднякова, Н.В., Осипова, А.А. Лексикографическая составляющая в процессе подготовки будущих учителей-словесников (из опыта работы научно-исследовательской словарной лаборатории МГТУ им. Г.И. Носова) // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус: материалы расширенного заседания (Всероссийского с международным участием) научного семинара проблемной группы «Русский глагол», посвященного 45-летию кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения / Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 154-160.

Скороделова, Т., Дягилева, С. Дима Зицер: «Дистанционка испортила существующую модель образования», 10.12.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://spbdnevnik.ru/news/2020-12-10/direktor-instituta-neformalnogo-obrazovaniya-distsionka-isportila-suschestvuyuschuyu-model-obrazovaniya> (дата обращения 24.02.2021).

Третьякова, И.Ю. Особенности использования фразеологических единиц в педагогическом дискурсе [Электронный ресурс] // Дискурс-Пи. 2017. №3-4 (28-29). С. 191–198. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-frazeologicheskikh-edinit-v-pedagogicheskom-diskurse> (дата обращения: 27.02.2021).

Чурилина, Л.Н., Позднякова Н.В. Фразеологизация как лингвокогнитивный процесс: формирование концептуальной структуры «поколение» // Филология и культура. Philology and culture. 2020 № 2 (60). С. 122–132.

Чурилина, Л.Н. Интернет-дискурс как среда формирования новой фразеологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3 (96). С. 126–135.

Guseva, E., Shulezhkova, S., Mikhin, A. (2021) Information Technologies for Philological Education in the Digital Age. In: Bylieva D., Nordmann A., Shipunova O., Volkova V. (eds) Knowledge in the Information Society. PCSF 2020, CSIS 2020. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 184. pp 265-273 Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-65857-1_23

*Е.Д. Миланова, аспирант
Науч. рук.: Н.П. Чернева, канд. филол. наук, доц.
Пловдивский университет
им. Паисия Хилендарского (Пловдив, Болгария)*

ШУТЛИВЫЕ РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ НЕОФРАЗЕОЛОГИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОБЛЕМ ПЕРЕВОДА (на материале русского и болгарского языков)

Аннотация. В статье анализируются шутливые речевые формулы русского и болгарского языков, используемые с целью достижения комического эффекта. Автор выявляет семантические и функциональные эквиваленты в области фразеологических неологизмов – коммуникативов, затрагивает проблему перевода подобных единиц с русского языка на болгарский и предлагает свои подходы к её решению – подбор для русских формул функциональных эквивалентов из болгарского корпуса неофразеологизмов, активно употребляемых в интернет-сетях.

Ключевые слова: фразеологические неологизмы, шутливые речевые формулы, функциональные эквиваленты.

Шутливые речевые формулы – ёмкое и выразительное средство общения, используемое представителями разных возрастных и социальных групп. К ним относятся сверхсловные единицы, представляющие собой речевые формулы, которые применяются в определённых ситуациях (при встрече; в ответ на какой-нибудь вопрос; как пожелание и т. д.) с целью добиться комического эффекта. Ориентация на перлокутивный эффект отличает шутливые речевые формулы от обычных устойчивых формул речевого этикета. Авторы известной работы «Поговорим об этикете» определяют структуру речевого этикета как систему из стереотипных, устойчивых формул, формирующих несколько групп – приветствия, обращения, приглашения, просьбы, благодарности, извинения, поздравления, пожелания и т. д. [Трофименко, Волгин 1991: 53].

Шутливые речевые формулы относят к тем же тематическим группам, однако они не подкрепляются сколько-нибудь устойчивой социальной договорённостью, но возникают как непосредственная реакция на происходящее в окружающем мире, соответственно эти формулы меняются с изменением ситуации. В отличие от формул речевого этикета, активное употребление шутливых речевых формул ограничено во времени. Динамика перемен в русскоязычной речевой практике исследуется в ряде работ известного российского филолога М. Кронгауза (см. [Кронгауз 2007]).

Большинство *шутливых речевых формул* относится к числу фразеологических неологизмов, интерес к которым за последние годы возрастает. Тема фразеологических неологизмов активно рассматривается в работах Н. Котеловой [Котелова 1978, 1983], С. Шулежковой [Шулежкова 2019, Георгиева, Шулежкова 2020], С. Георгиевой [Георгиева 2011а, 2011б], Н. Черневой и Б. Тенчевой [Тенчева, Чернева 2020] и др.

Информация о русских *шутливых речевых формулах* фрагментарно включена в «Большой словарь русских поговорок» В.М. Мокиенко и

Т.Г. Никитиной [Мокиенко, Никитина 2007], в «Словарь русского арго» В.С. Елистратова [Елистратов 2002], материалы которых послужили для нашего исследования источником русских выражений.

Шутливые речевые формулы болгарского языка практически не фиксируются во фразеографических источниках, тем более в двуязычных словарях. Этот пробел создаёт осязаемое неудобство при переводе. Именно болгарские шутливые речевые формулы, отобранные на сайте БГ жаргон [БГ жаргон: <http>] и на страницах различных тематических сайтов, являются объектом нашего описания.

Целью проводимого исследования является установление семантического соответствия в процессе сравнительного анализа шутливых речевых формул в русском и болгарском языках и подбор функциональных эквивалентов к самым частотным *шутливым речевым формулам* в двух языках.

При отборе фразеологического материала мы ориентировались на мнение Н.М. Шанского, утверждавшего, что «отнесение тех или иных сочетаний слов к фразеологии, или, напротив, выведение их за пределы фразеологических единиц обуславливается тем, извлекаются ли они из памяти целиком или создаются в процессе общения» [Шанский 1969: 114]. В качестве рабочего определения понятия *фразеологический неологизм* использована дефиниция Б. Тенчевой и Н. Черневой, согласно которой *фразеологический неологизм* – это «преобразованное устойчивое словосочетание с определённой структурой и закреплённым значением, которое активно употребляется носителями языка, но не зафиксировано в традиционных фразеографических изданиях» [Тенчева, Чернева 2020: 109].

Сразу оговорим, в процессе исследования мы обнаружили, что далеко не во всех случаях оказывается возможным предложить функциональные эквиваленты к русским шутливым формулам из числа болгарских неофразеологизмов, что является показателем детерминированности фразеологии культурой, национальным колоритом языковой общности.

Русские речевые формулы и их болгарские функциональные эквиваленты

(1) *«Вашей маме зять не нужен?»* – шутливое выражение, используемое молодым человеком в ситуации инициирования знакомства с девушкой.

На болгарских сайтах и форумах встречается несколько вариантов шаблонных выражений, уместных в подобной ситуации «съёма»; приведём примеры самых распространённых, зафиксированных на сайте «Яко бе»: *«Тук съм, сънка. А какви са ти другите две желания»* (аллюзия на «Сказку о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, которая в болгарской традиции часто ошибочно воспринимается как народное творчество); *«– Ооооо, ние сме се срещали и преди. – О! Къде? – Ами в един мой сън»*.

(2) *«Готова, дочь попава (или Попова)»* – ‘всё, закончили’ (реплика, используемая в ситуации констатации факта завершения чего-л.).

В болгарском языке функциональный эквивалент этого выражения отсутствует. В качестве семантически близких мы предлагаем рассматривать два варианта, отличие которых определяется уместностью использования в

разных коммуникативных ситуациях. Первый вариант: фразеологический неологизм *«Идеал Петров сме»*, может быть использован в ситуациях, когда дело закончено и говорящий подчёркивает, что он доволен результатом; т. е. этот фразеологизм связан с выражением субъективной оценки. Второй вариант: фразеологический неологизм *«Пръв лъв»* используется, когда говорящий подчёркивает, что он справился с задачей первым; т. е. акцент с качественной оценки переносится на временной фактор. Оба фразеологизма используются в речевой практике на протяжении многих лет, однако они не зафиксированы ни в одном из фразеографических изданий.

(3) *«Неудобно с женой спать, когда дети на соседа похожи»* / *«Неудобно со своей женой спать»* / *«Неудобно в почтовом ящике спать (ноги не вытянешь и сквозит)»* / *«Неудобно спать на потолок: одеяло сползает (и то кнопками приколоться можно)»* / *«Неудобно в кармане зонтик раскрывать»* / *«Неудобно штаны через голову надевать»* – шутливая речевая формула, используемая в качестве ответной на реплику со словом *«неудобно»* (в значениях ‘нетактично’, ‘невежливо’, ‘стыдно’).

В болгарском языке в качестве функционального эквивалента приведённых речевых формул можно рассматривать фразеологический неологизм, сформировавшийся на основе анекдота – *«Неудобно му е на вълка – плъзгат му се лапите»*. Это аллюзия на анекдот из Северозападной Болгарии о волке, который совокупляется на замёрзшей реке.

(4) *«У попа жена последняя»* – речевая формула, используемая в качестве ответной реплики на вопрос собеседника со словом *«последняя»*, напр.: *«Это последняя электричка?»* – *«Последняя у попа жена (а не электричка)»*.

В болгарской речевой практике функциональный эквивалент этого выражения нами не зафиксирован. В качестве семантически близких мы предлагаем рассматривать варианты *«Ти си последен»*; *«Майка ти е последна»*; *«Баща ти е последен»*. Эти формулы передразнивания очень характерны для болгарского языка.

(5) *«Дай тебе бог жену с тремя грудями»* – шутливая формула, используемая в функции пожелание счастья. В болгарском молодёжном жаргоне встречается семантически тождественная формула *«Жив, здрав, прав и корав»* (с эвфемистическим пожеланием полового и сексуального здоровья).

(6) *«Будь здорова, мать-корова (как корова)»* – ‘будь здоров’, ‘привет’. В болгарской речевой практике используется речевая формула *«Здрасти, здрасти, дай пари за пасти!»*, которая встречается в основном в детском / школьном жаргоне.

(7) *«Скажи это бабке в красных кедах»* (жарг. мол) – шутливая формула, используемая в качестве выражения недоверия в ответ на откровенную ложь. Функциональным эквивалентом в болгарском языке является несколько устойчивых выражений: *«Тия ги разправяй на някой друг»*; *«Разправяй ги на старата ми шапка»*; *«Бабини ти трънкини»*; *«Кажи го на дяволия»* (употребляется преимущественно мужчинами).

(8) *«Мама писала (кому / что)»* (жарг. мол) – шутливая формула, используемая в качестве ответной реплики на неуместный с точки зрения

говорящего запрос на источник сообщаемой информации. В болгарском языке в этой функции используется формула *«Едно врабче / птиче ми каза»*.

(9) *«Папа римский и мама римская»* – речевая формула, имеющая значение ‘неизвестно кто’, используется в качестве ответа на запрос «кто сделает что-н.», напр.: *«А кто работать будет, папа римский с мамой римской, что ли?»*. В болгарском языке в этой функции используется выражение *«Балдъза ми от Кестрич»*.

(10) *«Сто в гору, и к бабке не ходи!»* (жарг. мол.) – речевая формула, используемая в функции комиссива (в терминологии Дж. Сёрля) – клятвы, уверения в истинности сказанного. В болгарском языке в этой функции используется выражение *«Да пукна, ако лъжа!»*.

(11) *«Бедная мать и обосранные дети»* (вульг.-прост. шутл.) – речевая формула, уместная в ситуации неуместного, с точки зрения говорящего, вопроса о названии читаемой кем-л. книги. В болгарской речевой практике семантический эквивалент этого шутливого выражения нами не зафиксирован. В качестве функционального эквивалента допустимо рассматривать выражение *«Дързост и простотия»*, представляющее собой трансформированное название американской мыльной оперы «Дерзкие и красивые» (англ. «The Bold and the Beautiful») (в болгарском прокате – «Дързост и красота»).

Отобранный для анализа речевой материал отражает ситуацию, сложившуюся в области коммуникативов на современном этапе. Учитывая динамичность социальных процессов, влияющих на активное использование речевых формул в коммуникации, необходимо предполагать, что выявленные функциональные соотнесения могут быстро меняться.

Проведённое исследование не претендует на всеохватность, но его материалы могут использоваться в процессе обучения переводу, а также в процессе подготовки двуязычного словаря *фразеологических неологизмов-коммуникативов* русского и болгарского языков.

Благодарность. Исследование проведено в рамках работы болгарской группы исполнителей над проектом № КП-06-Русия 11 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Р Болгария.

Литература

БГ жаргон [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bgjargon.com/> (дата обращения: 26.02.2021).

Георгиева, С.И. Межкультурное взаимопонимание: к проблеме лексикографической обработки фразеологических инноваций // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011а. № 3(33). С.111–115.

Георгиева, С.И. За характера на фразеологичните неологизми в българския език // Езиковедски изследвания. В чест на проф. Сийка Спасова-Михайлова. София: Проф. Марин Дринов, 2011б. С. 163–170.

Георгиева, С.И., Шулежкова, С.Г. Фразеологические инновации болгарского и русского языков в условиях глобализации (XX – начала XXI вв.) // Martin Henzelmann (ed.): Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik. Standpunkte – Innovationen –

Herausforderungen. Festschrift für Prof. Dr. Dr. h.c. Helmut Wilhelm Schaller anlässlich seines 80. Geburtstags. Berlin: Frank & Timme (Slawistik, 8), 2020. С. 21–38.

Елистратов, В.С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.) [Электронный ресурс] // ГРАМОТА.РУ, 2002. Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/argo/> (дата обращения: 26.02.2021).

Котелова, Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских не-ологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978. С. 3–28

Котелова, Н.З. Банк русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1983. С. 158–222.

Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. 232 с.

Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп, 2007. 784 с.

Тенчева Б.Т., Чернева Н.П. Болгарские и русские сверхсловные единицы с компонентом-цветообозначением в корпусе неофразеологии // «Благословенны первые шаги...»: сб. работ молодых исследователей / Науч.-исслед. слов. лаборатория; каф. рус. яз., общ. языкознания и массовой коммуникации / ред. колл.: д-р филол. наук, проф. С.Г. Шулежкова (гл. ред.), ст. науч. сотрудники, канд. филол. наук А.А. Осипова, А.Н. Михин, Н.В. Позднякова. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2020. Вып. 14. С. 107–114.

Трофименко, В.П., Волгин, А.Н. Поговорим об этикете. М.: Московская правда, 1991. 98 с.

Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для студ. филол. фак-тов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1969. 203 с.

Шулежкова, С.Г. Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания // Научный диалог. 2019. № 9. С. 173–189.

Яко бе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iako.be/lafove-za-svalki.html>. (дата обращения: 26.02.2021).

А.С. Москалёва, студентка
Науч. рук.: О.Е. Чернова, канд.филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова (Россия)

НЕОФРАЗЕМЫ В РОЛИ ЗАГОЛОВКА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье исследуется функциональный потенциал неофразем в средствах массовой коммуникации. Описаны тенденции формирования неофразеологизмов, охарактеризованы их функции в публицистических текстах. Предлагаемый автором анализ текстового материала позволяет выявить прагматическую, коммуникативную и номинативную функции неофразеологизмов.

Ключевые слова: публицистический текст, неофразеологизм, функциональный потенциал, заголовки.

Средства массовой коммуникации, обращаясь к злободневным проблемам, отражают жизнь общества. Стараясь смягчить официальность и книжный стиль изложения, авторы текстов придают информации

экспрессивную окраску при помощи изобразительно-выразительных средств языка. Благоприятным материалом, который помогает реализовать ведущую черту публицистического стиля – сочетание стандарта и экспрессии, – являются фразеологизмы. Они метафоричны и образны, поскольку рождение фразеологической единицы не связано с необходимостью назвать предметы или явления, но дать им яркую эмоционально-образную характеристику.

Появление фразеологизма является результатом метафорического переноса, переосмысления значений свободных словосочетаний. Новая языковая единица может сделать привлекательным любой текст, потому что представляет собой языковую образную миниатюру. Об этом пишет Н.М. Шанский, который характеризует фразеологизмы как «миниатюрные художественные произведения» [Шанский 2019].

Ежегодно в современных средствах массовой коммуникации публикуются сотни тысяч, а то и миллионы статей и заметок. Для привлечения внимания читателей авторы нередко используются яркие и броские заголовки, поскольку именно эта часть текста даёт потенциальному адресату возможность сориентироваться в том, нужна ли данная информация, стоит ли посвящать ей время. Название публикации должно быть привлекательным, интересным, немного интригующим, тогда автор может рассчитывать на то, что заголовок выполнит «информативно-ориентирующую» и «рекламно-экспрессивную» функции и «возникнет этап внимательного чтения текста» [Лазарева 2006: 159].

Журналисты используют богатство фразеологического фонда русского языка не только в том виде, в каком он представлен в словарях, учебной и др. литературе, но и в изменённом виде, трансформируя уже имеющиеся фразеологизмы, создавая новые, носящие название неологизмов.

В настоящее время неологизмы активно исследуются (см., например, работы [Чернова 2019], [Осипова, Позднякова 2019], [Чернова 2020], [Чернова, Осипова, Франчук 2020], [Шулежкова, Михин 2020], [Чурилина, Позднякова 2020] и др.). Изучается их семантика, структура, функции, актуальность для современных носителей языка. В данной работе мы бы хотели остановиться на функциях неологизмов в заголовках публицистических текстов, размещённых в интернете, ставшем сегодня «наиболее очевидным современным источником обновлений русского языка» [Чернова, Осипова, Бужинская 2000: [http](#)].

Метод сплошной выборки заголовков публицистических текстов в информационной поисковой системе Яндексa позволил отобрать около 50 неологизмов. Исследование их семантики позволяет заключить, что формированию новых единиц способствуют, прежде всего, экстралингвистические факторы, среди которых существенную роль играет «языковая мода», отражающаяся в заголовках с неологизмами, появившимися в результате фразеологизации популярных мемов, а также «поликультурность и расширение информационного пространства разных сфер человеческого бытия» [Сизонов 2015: [http](#)], демонстрирующие бытовавшие ранее сочетания с новой семантикой и функциями.

Мем в современном медиапространстве является единицей «значимой для культуры информации» [Мем: <http>]. Считается, что им может стать «любая «вирусная идея», обладающая способностью к репликации (нам хочется передать её дальше) и мутации (в процессе передачи мем меняется) [Бородина <http>]. Мемы пришли на смену анекдотам [Там же], а потому очень любимы обывателями. Чтобы обеспечить популярность публикуемому тексту, количество просмотров и «быть в тренде», журналисты часто обращаются к фразам из мемов, которые можно увидеть в подобных заголовках: *У меня лапки* [*У меня лапки: <http>*] (заголовок статьи о сотрудниках зарубежной компании, не желающих повышать свой профессиональный уровень, а потому отказывающихся выполнять работу); *Когда ЖКС говорит: «Ой всё». Жители дома на Пулковской чувствуют себя брошенными* [Когда ЖКС: <http>] (заголовок публикации Н. Кудина о том, как ЖКС № 1 Московского района не продлит договор управления с жителями дома по адресу: Пулковская ул., дом 2, корпус 1.); *Нигматуллин – об уходе Овчинникова и Онопко из ЦСКА: «Вот это поворот»* [Нигматуллин – об уходе: <http>] (заголовок к комментарию о неожиданном уходе из ЦСКА тренеров Виктора Онопко и Сергея Овчинникова).

Устойчивые сочетания *у меня лапки*, *ой, всё*, *вот это поворот* в своё время были частью популярных мемов. Так, неологизм *у меня лапки* увидел свет благодаря мему, который был опубликован, как утверждается на сайте memepedia.ru, 26 января 2017 г. в паблике Sherlock memes. На картинке был изображен кот-доктор, который не мог открыть аптечку, потому что «у него лапки». Существует несколько версий предыстории появления мема. Согласно одной из них, в англоязычном интернете ещё раньше была похожая фраза, написанная под картинкой с изображением кота: «Любовь – это открытая дверь. Хорошая новость в том, что у меня лапки и я не могу открывать двери». Она встречалась в контексте мема Grumpy Cat, но оказалась не совсем универсальной и потому не получила распространения. Первоначально мем «*У меня лапки*» был ещё одной шуткой про котиков, но его популярность росла, пользователи Сети придумывали всё новые картинки, шутя на тему собственной лени. В июне об этом написала «Медуза» [Коты отказываются: <http>]. В августе 2017 г. магазин по продаже техники «Эльдорадо» взял фразу для своей рекламы, а в 2019 г. им воспользовался телефонный оператор «Билайн». Со временем фраза стала неотъемлемой частью интернет-сленга и начала использоваться без картинок в ироничном значении: «демонстрация собственной беспомощности, неспособности выполнять какое-л. действие».

Устойчивое сочетание «*ой, всё*», используемое в качестве междометия, фиксируется в узусе достаточно давно. Но новый виток популярности оно приобрело в конце лета 2014 года, появившись в русскоязычном Twitter(e) с новым значением. Викисловарь отмечает его как жаргонное: «риторическое замечание, обычно используемое девушками для завершения неудавшейся дискуссии». Популярность выражение приобрело к концу 2014 года, когда его стали использовать популярные блогеры и журналисты, а в Сети стали появляться шутки, кульминационным моментом которых была фраза «Ой, всё».

В настоящее время фразеологизм в значении «неформальный способ прекратить беседу, спор» популярен, о чём свидетельствует большое количество мемов, сувенирной продукции (футболки, кружки, значки и др.).

Фраза «*вот это поворот*» принадлежит одному из героев пародийного американского мультсериала «Робоцып» (авторы: С. Грин, М. Сенрайх), который восклицал «What a twist!» всякий раз, когда происходило что-то неожиданное. Фраза понравилась англоязычным пользователям, превратившим её в мем. В Рунете выражение стало популярным в 2012 году, после того как на YouTube появился гоблинский перевод серии под названием «Twist». Как неофразеологизм выражение имеет значение «словесная реакция на любую максимально неожиданную ситуацию».

Используемые в заголовках данные неофразеологизмы не только придают информации актуальность, злободневность, новые смысловые оттенки, обогащая связи слов, но и благодаря актуальным ключевым словам обеспечивают эффективное поисковое продвижение в Сети, что очень важно для существования интернет-издания, блога.

«Язык отражает все изменения, которые происходят в общественной, политической, экономической, научной, производственно-технической, культурной и бытовой жизни страны» [Современный русский язык 2001: 60]. Очень чутко на эти изменения реагирует фразеологический фонд русского языка, включая в свой состав единицы, которые своей внутренней формой отражают наиболее важные для современности реалии и явления. Именно поэтому авторы публикаций охотно и разнообразно используют интернационализмы, внося в них дополнительный заряд экспрессии. Например, фраза *прокачать скилл* первоначально включалась в лексикон любителей компьютерных игр и называла процесс развития какого-либо навыка игрового персонажа. Её формирование явилось результатом соединения английского слова *skill* («мастерство, умение, навык») и глагола из профессионального языка программистов *прокачать* («улучшить»). Сфера функционирования выражения ограничивалась сленгом компьютерных игроков, но постепенно оно стало использоваться по отношению к широкому кругу умений: улучшение навыков рисования, владения иностранными языками, управления коллективом, руководства фирмой и др.: *Прокачать скилл и найти работу: HR-специалисты проведут онлайн-марафон собеседований для молодежи* [Прокачать скилл: <http>]. Выражение используется в функции заголовка материала о марафоне консультаций, на которых студенты выпускных курсов и молодые люди, находящиеся в поиске работы, смогут потренироваться в самопрезентации, получить консультацию HR-специалистов, выслушать рекомендации профессионалов в области этикета, стиля и речевого мастерства.

К числу востребованных относится и неофразеологизм *полный треш*. В 1950-х годах в США словом *трэш* (англ. «мусор, отстой») называли малобюджетные фильмы ужасов. К 1990-м годам сформировалось целое направление современного искусства, произведения которого отличаются пошлостью и вульгарностью, неоригинальностью сюжетных линий. В настоящее время трэшкультура переживает второе рождение в интернет-

пространстве. Её представители протестуют против шаблонов, правил и рамок, бросают вызов обществу совершенно нестандартными формами поведения. Неофразеологизм *полный треш* выражает отрицательную реакцию на что-либо нехарактерное для конкретной ситуации. В молодёжном сленге имеют хождение синонимичные устойчивые сочетания: *полный отстой*, *я в шоке*. В настоящее время *полный треш* – это выражение негативных эмоций, вызываемых чем-то безумным, безвкусным, выходящим за нормы привычного, например: *Огромные очереди за едой. Полный треш в Туркмении* [Огромные очереди: [http](http://)]. Заголовок материала о том, как богатая Туркмения оказалась на грани катастрофы: автор пишет о беспрецедентном скачке цен на продукты питания и товары первой необходимости.

Таким образом, исследование неофразеологизмов, используемых в средствах массовой коммуникации в качестве заголовков, позволяет констатировать, что типичными для них функциями являются номинативная, коммуникативная и прагматическая. Номинативная функция заключается в соотносённости устойчивых оборотов с объектами и ситуациями реального мира, неофразеологизм позволяет заполнить лакуны в лексической системе языка. Реализуя коммуникативную функцию, неофразеологизм становится инструментом для фиксации внимания адресату на предлагаемой информации. Прагматическая функция устойчивых оборотов связана с формированием у читателя готовности к интерпретации содержания сообщения в соответствии с интенцией автора.

Благодарность. Работа выполнена в рамках научного проекта № 19-51218005\19 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Болгарии.

Литература

Бородина, Н. Эволюция интернет-мемов: может ли смешная картинка изменить мир? [Электронный ресурс] // Пространство. Режим доступа: <https://www.prostranstvo.media/internet-mem/> (дата обращения: 25.01.2021).

Когда ЖКС говорит: «Ой всё». Жители дома на Пулковской чувствуют себя брошенными [Электронный ресурс] // Фонтанка, 19.03.2020. Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2020/03/19/69040234/> (дата обращения: 16.01.2021).

Коты отказываются делать дела, потому что у них лапки. Кроме одного [Электронный ресурс] // Meduza, 16.06.1017. Режим доступа: <https://meduza.io/shapito/2017/06/16/koty-otkazyvayutsya-delat-dela-potomu-cto-u-nih-lapki-krome-odnogo> (дата обращения: 21.01.2021).

Лазарева, Э.А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия // Известия УрГУ. 2006. № 40. С. 158–166.

Мем [Электронный ресурс] // Википедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%BC> (дата обращения: 25.01.2021).

Нигматуллин – об уходе Овчинникова и Оношко из ЦСКА: «Вот это поворот» [Электронный ресурс] // Спорт-Экспресс, 29.12.2020. Режим доступа: <https://www.sport-express.ru/football/rfpl/news/nigmatullin-ob-uhode-ovchinnikova-i-onopko-iz-cska-vot-eto-povorot-1743180/> (дата обращения: 15.01.2021).

Огромные очереди за едой. Полный треш в Туркмении [Электронный ресурс] // Livejournal.com, 28.10.2018. Режим доступа: <https://gmichailov.livejournal.com/1547663.html> (дата обращения: 22.01.2021).

Осипова, А.А., Позднякова, Н.В. Образ российского политика сквозь призму фразеологических неологизмов конца XX – начала XXI в. // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт. 2019. С. 147–154.

Прокатать скилл и найти работу: HR-специалисты проведут онлайн-марафон собеседований для молодежи [Электронный ресурс] // 1prof.by, 19.11.2020. Режим доступа: <https://1prof.by/news/v-strane/prokachat-skill-i-najti-rabotu-hr-specialisty-provedut-onlajn-marafon-sobesedovanij-dlya-molodezhi/> (дата обращения: 15.01.2021).

Сизонов, Д.Ю. Современная медийная фразеология в украинских СМИ: стилистический анализ [Электронный ресурс] // Медиалингвистика, 2015. № 4 (10). С. 97–107. Режим доступа: <https://medialing.ru/sovremennaya-medijnaya-frazeologiya-v-ukrainskih-smi-stilisticheskij-analiz/> (дата обращения: 22.05.2020).

Современный русский язык: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по филологическим направлениям и специальностям / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина. М.: Логос, 2001. 528 с.

У меня лапки [Электронный ресурс] // Ivangrigoryev.com, 26.11.2018. Режим доступа: <https://ivangrigoryev.com/i-have-paws/> (дата обращения: 21.01.2021).

Чернова, О.Е. Новая фразеология современного политического дискурса // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. Тезисы докладов 78-й международной научно-технической конференции. 2020. С. 409.

Чернова, О.Е., Осипова, А.А., Бужинская, Д.С. Новая фразеология в современном коммуникативном пространстве (к вопросу о пополнении корпуса устойчивых оборотов фразеологизмами с компонентом «электронный») [Электронный ресурс] // Litera, 2020. № 5. С. 27–38. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32746 (дата обращения: 21.12.2020).

Чернова, О.Е., Осипова, А.А., Франчук, О.В. Макарошки стоят всегда одинаково (новые крылатые выражения и их источники в современном русском языке) // Филология и культура. 2020. № 2 (60). С. 115–121.

Чернова, О.Е., Осипова, А.А., Позднякова, Н.В. «Мир никогда не будет прежним»: актуальные фразеологизмы в период пандемии коронавируса / О. Е. Чернова, А. А. // Научный диалог. 2021. № 5. С. 140–153.

Чернова, О.Е. Социальные ценности, отраженные в современной русской фразеологии // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт. 2019. С. 194–201.

Чурилина, Л.Н. Интернет-дискурс как среда формирования новой фразеологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3 (96). С. 126–135.

Чурилина, Л.Н., Позднякова Н.В. Фразеологизация как лингвокогнитивный процесс: формирование концептуальной структуры «поколение» // Филология и культура. Philology and culture. 2020 № 2 (60). С. 122–132.

Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: URSS, 2019. 272 с.

Шулежкова, С.Г., Михин, А.Н. Сверхсловные неологизмы военной тематики в современном русском языке // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. 2020. № 2 (44). С. 389–396.

Е.А. Неклюдова, аспирантка
Науч. рук.: Е.В. Грудева, д-р филол. наук, проф.
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РЕЧИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКОВ (ГЕНДЕРНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Аннотация. Статья посвящена результатам изучения в гендерном аспекте фразеологизмов, функционирующих в региональном политическом дискурсе. В исследовании представлен анализ фразеологических единиц, определены характерные особенности и закономерности функционирования фразеологизмов в речи политических деятелей Вологодской области.

Ключевые слова: фразеологическая единица, политический деятель, гендерный подход, Вологодская область

В русскоязычном политическом дискурсе в настоящее время наблюдается значительное увеличение количества образных выражений, в том числе и фразеологических единиц. В речи политиков отмечена «тенденция к расширению сферы функционирования идиом» [Гавришева 2017: <http>]. Об актуальности изучения данного явления свидетельствует появление научных работ с похожей тематикой: А.А. Карамова [Карамова 2013], Е.Н. Сагайдачная [Сагайдачная 2009], Е.И. Шейгал [Шейгал 2004]. Использование фразеологизмов в политическом тексте не только делает речь политика образной, яркой, запоминающейся, но и даёт ему возможность выразить собственную оценку происходящих событий, сформировать авторскую позицию в интерпретации различных явлений.

Экспрессивная лексика быстрее воспринимается слушателем, находит у него более глубокий отклик, поэтому является эффективным инструментом речевого воздействия на массовое сознание. Важным направлением в исследовании является изучение особенностей употребления фразеологизмов в политическом дискурсе в гендерном аспекте, так как в последнее время на политической арене во многих странах, в том числе и в России, ведущие роли берут на себя женщины-политики. Особенно это актуально для Вологодской области, где руководителями высшего звена всё чаще становятся женщины. Гендерный подход в изучении фразеологических единиц позволяет не только выявить особенности мужской и женской речи, увидеть изменения, трансформации экспрессивной лексики, но и понять, с помощью каких речевых моделей реализуются фразеологизмы в устных выступлениях региональных политиков.

Цель проводимого исследования заключается в определении особенностей употребления фразеологизмов в речи региональных политиков – мужчин и женщин – в сопоставительном аспекте. Основными задачами для нас стали: изучение текстов устных выступлений региональных политиков на предмет выявления в них фразеологических единиц; анализ употребления

фразеологических единиц в текстах региональных политиков с учётом гендерного признака.

Материалом для исследования послужили видеоролики с устными выступлениями политических деятелей Вологодской области: Губернатора Вологодской области – О.А. Кувшинникова (выступление перед аудиторией на отчётно-выборном собрании Вологодского землячества в Москве, 11.04.2014); председателя Законодательного Собрания Вологодской области – А.Н. Луценко (итоговая пресс-конференция, видеозапись от 20.12.2017); мэра города Череповца – В.Е. Германова (информационная конференция, видеозапись от 31.01.2020). Среди текстов женщин-политиков нами были проанализированы устные выступления: главы города Череповца М.П. Гусевой (программа «Перекрёсток», видеозапись от 22.06.2017); экс-мэра города Череповца (в настоящее время – член Совета Федерации) – Е.О. Авдеевой (о бюджете 2019 года, видеозапись от 17.10.2018), начальника Департамента образования Вологодской области Е.О. Рябовой (об индивидуальном отборе в профильные классы, видеозапись от 07.06.2017).

Исследование проводилось с помощью метода контент-анализа. В работе также использовался метод сравнения, с помощью которого были определены отличительные особенности функционирования фразеологических единиц в мужской и женской речи. Методика изучения фразеологизмов в региональном политическом дискурсе включала три этапа. На первом этапе предполагалось выделение устойчивого словесного комплекса из текста, произносимого политиком. На втором этапе определялся вид фразеологизма, а также рассматривались коннотативные особенности фразеологических выражений (тематическое и эмоционально-экспрессивное оформление высказывания). Третий этап включал сравнительный анализ фразеологических выражений в речи мужчин- и женщин-политиков, а также соотношение выявленных речевых особенностей с личностными характеристиками рассматриваемых политических деятелей.

Термины «фразеологизм», «фразеологическая единица», «фразеологический оборот» мы рассматривали с точки зрения концепции В.В. Виноградова [Виноградов 1977]. Исследователь интерпретирует данное явление как «устойчивый» словесный комплекс, готовое языковое образование, не создаваемое, а лишь воспроизводимое в процессе речи [Виноградов 1977: 126]. При определении типов фразеологизмов мы также обращались к широко известной классификации авторитетного ученого.

Представим результаты исследования фразеологизмов в региональном политическом дискурсе. Важной особенностью речи политических деятелей Вологодской области является сравнительно небольшое использование традиционных узуальных фразеологизмов. В отличие от политиков федерального уровня, которые зачастую намеренно используют известные традиционные фразеологизмы (*доверяй, но проверяй; умом Россию не понять; наломать дров* (В.В. Путин); *Мы часто ломаем голову, как найти управленцев на местах в субъектах Российской Федерации* (Д.А. Медведев)) в своих высказываниях для того, чтобы подчеркнуть близость к народу и связь с

национальной культурой, региональные политики создают новые фразеологические обороты или предпочитают устойчивые выражения, появившиеся в последние десятилетия (*флагманы предприятия, кадровый голод* (О.А. Кувшинников), *спектр полномочий, фильтр будущего* (М.П. Гусева)).

Более того, региональные политики нередко трансформируют фразеологические обороты, заменяя один из его компонентов новым словом. Например, фразеологизм *точка роста* (*Это та **точка роста** через те ворота, через которые приезжают в наш регион большое количество как деловых людей, предпринимателей, так и туристов* (О.А. Кувшинников)) образован по аналогии с существующим и закреплённым в словаре фразеологизмом *точка отправления* в значении 'исходная точка, начало, отправная точка' [Федоров 2008: <http://>]. Фразеологизм *тонко изучить* («*депутаты изучат **тонко** все вопросы*» (М.П. Гусева)) – по типу фразеологизмов *от корки до корки, от и до* в значении 'все подряд, полностью, в полном объеме, подробно', или фразеологизм *работать в 38 решений* – по типу *работать не жалея сил, работать в поте лица* со значением 'усиленно'.

Рассмотрим приведённые варианты фразеологизмов более подробно.

В публичной речи Губернатора Вологодской области в основном встречаются фразеологические сочетания (по В.В. Виноградову): *...мы чувствуем **незримую связь** между людьми; ...мы нуждаемся в **притоке новых молодых кадров***. В данных фразеологизмах одно из слов употреблено в прямом значении, а второе – во фразеологически связанном. Если рассматривать фразеологические выражения с точки зрения их грамматической структуры, то можно отметить большое количество глагольных фразеологизмов с ключевыми словами *сделать, требовать, показать, принять*: *Мы **сделали всё возможное**; Проблемы, которые, к великому сожалению, ещё **требуют** нашего внимания, которые **требуют** нашей общей поддержки; ...мы **показали рекордные темпы**; ...мы **приняли решение** увеличить объёмы инвестиций; ...это тоже **авторитет**, который **завоевала** Вологодская область*. На втором месте по частоте употребления – адъективные фразеологизмы со значением оценки качества: *...наши **экологически чистые качественные** продукты питания, **Всё это, все эти планы и проекты, о которых мы сейчас говорим, они имеют долгосрочный эффект**; Это тоже **большая обратная связь**; ...принимал самое **активное участие**; Мы обязаны сохранить наш **могучий потенциал***. В своей речи политик часто использует синтаксические шаблоны «как бы / что бы ни было...», но». Подобные конструкции необходимы для того, чтобы сделать акцент на сложных, трудновыполнимых задачах, которые политический деятель пытается решить: ***Как бы тяжело ни было, но все наши флагманы предприятия** малого и среднего бизнеса **работают устойчиво**; ...**как бы трудно нам ни было, но мы едины**; ...**чтобы не было стыдно** за наши дела и наши поступки*. Таким образом, отметим, что речь Губернатора Вологодской области характеризуется повышенной эмоциональностью за счёт использования экспрессивных фразеологических оборотов. Более того, в своих высказываниях политик часто гипертрофирует стереотипные фразы.

Практически все выявленные в его текстах фразеологизмы объединяются одной общей темой – успешное развитие региона.

В устном выступлении мэра города Череповца В.Е. Германова встречаются как фразеологические сочетания (*территория опережающего развития; мы ожидаем самый большой эффект, программу так называемого рыночного разрыва*), так и фразеологические единства (*Такой очень хороший объект, дорогой, поэтому биться за него будут очень сильно, есть два пути развития событий*). Наиболее продуктивными в речи политика являются глагольные фразеологизмы (*Главная задача – сохранить то, что там есть природное, Эта концепция сейчас прорабатывается*), именные (*развитие событий*). Нередко в высказываниях политика встречается метафоричность (*родилась эта программа, безработица потихоньку падает*). Речь мэра города Череповца эмоциональна и во многом похожа на речь Губернатора по способу передачи. Мы также можем наблюдать устойчивые комплексы слов с повышенной экспрессивностью (*мы ожидаем самый большой эффект, лучшие мировые практики*).

В высказываниях председателя Законодательного Собрания Вологодской области А.Н. Луценко встречаются фразеологические сочетания (*это всегда вызывает определенный интерес, буквально несколько слов по основным параметрам бюджета*). С грамматической точки зрения фразеологизмы делятся на глагольные с ключевыми словами *остановиться, делать, усиливать* (*хотелось бы буквально остановиться на итогах работы, делаете большую, очень важную работу*), адverbиальные (*всё в этом отношении позитивно, ... считаю, что абсолютно точно – способны, Уже неоднократно звучит*), адъективные (*прямое решение, определенный интерес*). Речь А.Н. Луценко не так эмоциональна, как у предыдущих политиков, и часто строится по принципу семантико-грамматической взаимообусловленности элементов словосочетания. В этом плане фразеологические сочетания по своей структуре похожи на «относительно свободные сочетания слов» – коллокации [Табанакова 1999]. Неслучайно многие учёные подчёркивают определённое сходство данных понятий, несмотря на то, что это две разные языковые единицы.

В устных выступлениях женщин-политиков тоже встречаются фразеологические выражения, однако эмоционально-экспрессивное оформление высказываний несколько отличается от мужского типа. В проводимом нами ранее исследовании было отмечено, что речь женщин-политиков Вологодской области эмоционально сдержанна и официально [Неклюдова 2020], поэтому и в данном эксперименте выявленные устойчивые комплексы слов выглядят как готовые речевые обороты по типу клише. Например, в речи Е.О. Авдеевой и Е.О. Рябовой используются такие логические сочетания: *параметры исходных обязательств городского бюджета; О результатах основных направлений деятельности, где мы отслеживали показатели результативности* (Е.О. Авдеева); *вопрос перспектив обучения, дисциплины гуманитарного профиля* (Е.О. Рябова). В большей степени представлены глагольные фразеологизмы: *подтвердили участие, наш бюджет вынесем на заседание, сформировали предложения,*

изъявил желание (Е.О. Авдеева); *ряд школ... такой профиль ведут, школы должны издать уже приказ* (Е.О. Рябова).

В высказываниях главы города Череповца М.П. Гусевой встречаются фразеологические сочетания (*И последнее слово – за депутатами*», ...*городская Дума работает в очень тесной связке*, Будет немножко расширен спектр полномочий, ...*для нас это новый взгляд*), фразеологические единства (...*я считаю, что в нашем городе всё должно остаться на своих местах*). Одной из особенностей речи М.П. Гусевой является использование авторских фразеологизмов (*работают в 38 решений* в значении ‘усиленно’; ...*молодежный парламент... такой фильтр для нашего будущего* в значении ‘отбор’). Такой приём помогает разнообразить строгую официально-деловую речь, сделать её более динамичной и тем самым привлечь внимание адресата.

Таким образом, результаты лингвистического эксперимента показали, что политические деятели Вологодской области активно используют в своих выступлениях устойчивые сочетания слов. Однако фразеологические выражения у мужчин-политиков и женщин-политиков различаются. Мужчины-политики используют в своей речи яркие экспрессивные фразеологические обороты, иногда их гипертрофируют (*точка роста, биться за него будут очень сильно, показали рекордные темпы*). У женщин-политиков, напротив, устойчивые комплексы слов строятся по типу клише. Часто используются готовые стереотипные выражения (*подтвердили участие, изъявил желание, расширен спектр полномочий*).

Нередко в мужской речи наблюдается такой приём, как метафоричность. Также у мужчин-политиков чаще встречаются глагольные, адективные и адвербиальные фразеологизмы. В женской речи преобладают глагольные, адективные и именные фразеологизмы. Важной особенностью индивидуальной фразеологической системы женщин-политиков является создание авторских фразеологизмов (*работает в 38 решений, фильтр будущего*), что делает речь политика запоминающейся, уникальной.

В заключение отметим определённое сходство: политические деятели Вологодской области в своих выступлениях часто трансформируют фразеологические выражения за счёт замены одного из компонентов. Подобная контаминация свидетельствует о развитии языка политики, фразеологические единицы трансформируются, приобретают новые формы, что, безусловно, вызывает научный интерес.

Литература

- Виноградов, В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М.: Наука, 1977. 312 с.
- Гавришева, Н.И., Ван, Д.Ж., Петрова, Л.Г. Фразеологизмы в политическом дискурсе российских и китайских политиков [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 3. Режим доступа: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=17182> (дата обращения: 28.02.2021).
- Карамова, А.А. Современный политический дискурс (конец XX – начало XXI вв.): дис. ... д. филол. наук. Уфа, 2013. 411 с.

Неклюдова, Е.А. Лексикон регионального политика в гендерном аспекте (на материале текстов интервью политиков Вологодской области) [Электронный ресурс] // Материалы международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. Электрон. текстовые дан. (1500 Мб.). М.: МАКС Пресс, 2020. Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/index.htm, свободный (дата обращения: 28.02.2021).

Сагайдачная, Е.Н. Экспрессивные средства языка в речи политиков: на материале текстов публичных выступлений В. Путина, Т. Блэра, Дж. Буша: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 25 с.

Табанаква, В.Д., Дементьева, И.Е. Коллокация как средство семантизации слова в английском словаре [Электронный ресурс] // Language and Literature. 1999. № 4. Режим доступа: <http://www.utmn.ru/frgf/journal/htm> (дата обращения: 28.02.2021).

Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. М.: Астрель, АСТ, 2008. Режим доступа: <http://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 28.02.2021).

Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК Гнозис, 2004. 326 с.

А.И. Стрелкова, студентка

Е.Н. Деревскова, канд. филол. наук, доц.

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)*

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ЭМОЦИЙ КАК ФРАГМЕНТ АВТОРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. Авторами исследуются особенности окказиональной лексики эмоций в поэтических текстах В. Полозковой. На основе анализа лексической узусальной семантики и типичных для современного русского языка словообразовательных моделей определяется текстовый смысл авторских неологизмов. Предлагаемая методика позволяет приблизиться к реконструкции фрагмента авторского образа мира, связанного с внутренним миром человека.

Ключевые слова: авторская языковая картина мира, окказионализм, лексическая семантика, текстовый смысл

Актуальность проблемы взаимной соотнесённости внеязыковой действительности и текстовой действительности, созданной посредством языка, определила антропоцентрическую парадигму исследования, предполагающую внимание к языковым феноменам в их тесной связи с человеком, с особенностями его мышления, мировосприятия. Одно из направлений в современных исследованиях языковой картины мира связано с языковой личностью писателя, которую определяют как «индивидуально и творчески вербализованное представление о мире, пропущенное через призму сознания автора», как внутреннюю духовную «действительность, которую художник стремится воплотить вовне» [Кочанова 2015: 53].

В качестве лингвистического материала для анализа авторской языковой картины мира нами выбраны поэтические тексты В. Полозковой [Полозкова 2008: <http://>]. Выбор определён отмечаемым исследователями своеобразием её

поэтического творчества: «Стихотворение одно, а в нём целый мир, где стержнем всё равно является человек и всё, что его окружает. Совершенная поэтическая картина, вправленная, как бриллиант, в струящуюся ритмику и рифму, которую легко разложить на строфы – танка» [Кириченко 2015: [http](#)].

Особый интерес в исследовании представляет анализ индивидуальной языковой системы, в которой отражается специфика авторского видения мира и которая определяет специфику текста. Окказиональное слово в этом случае помогает воссоздать «неповторимое индивидуальное культурное пространство», которое функционирует в «определённой речевой ситуации лишь один раз, поскольку оно передаёт уникальность именно этой ситуации, которую, по каким-либо причинам, невозможно было выразить с помощью канонического слова» [Захарова 2013: 18]. В. Кириченко, оценивая языковую ткань текстов В. Полозковой, отмечает, что её строки «иногда поражают такими парадигмами и идеологемами, такими неологизмами и поэтическими пируэтами, что порой её можно сравнить с каскадёром в поэзии» [Кириченко 2015: [http](#)].

Предметом рассмотрения в настоящей статье станет окказиональная лексика как система экспликатов внутреннего состояния текстового субъекта.

Одной из базовых эмоций, в связи с необходимостью означивания которой в текст вводится авторский неологизм, является любовь. В границах анализируемой текстовой картины мира любовь связана прежде всего со страданием, болью, поэтому окказиональное слово *люболь* – это сложное образование, совмещающее корни двух слов: *любовь* и *боль*. К интерпретации смысла окказиональной лексики читателя готовит контекст, в котором доминирующими семантическими компонентами всех парадигматически связанных слов становятся 'болезнь', 'отклонение от нормы': *больная* ('страдающий'), *прокажённая* ('больной'), *диагноз* ('болезнь'), *заражённая* ('болезнетворный')¹:

Я больная. Я прокажённая.

Мой диагноз – уже пароль:

«Безнадёжная? Заражённая?

Не дотрагиваться – Люболь» [Полозкова 2008: [http](#)].

Внешнее выражение внутреннего состояния субъекта также означено словообразовательным неологизмом *отплакиваться*, в семантической структуре которого обнаруживается синкретизм: это и *оплакивать* («Пролить слёзы по поводу чьей-л. смерти»), и *отплакаться* («отделаться от чего плачем») – такое толкование мы обнаружили только в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля [Даль 1998: [http](#)]:

Влагой ночи чуть-чуть отплакивается

Моя проклятая

Люболь [Полозкова 2008: [http](#)].

Информация об эмоциональном страдании текстового субъекта передано развёрнутой метафорой, которая организуется вокруг лексики *сердце*. Как

¹ Здесь и далее все семантические компоненты выделены на основе анализа словарных статей, представленных в «Словаре русского языка: в 4 т.» [Словарь русского языка: [http](#)].

отмечает А.Д. Шмелев, сердце «вообще “специализируется” на эмоциях, является, в соответствии с общеевропейскими представлениями, главным органом любви (в частности, к человеку противоположного пола)» [Шмелев 2002: 19]. Контекстуальным синонимом лексемы *сердце* становится неологизм *подвздошь*. Отрицательно окрашенное эмоциональное состояние *сердца-подвздошья* эксплицируют синтагматически связанные слова и сверхсловные образования с интегральной семой ‘изъян’, «наводимой» контекстным окружением: *сердце* – *ободран край, подол, уголок, подошва*; *подвздошь* – *с замочной дырой*:

У сердца ободран край,

Подол, уголок, подошва.

Танцуй вот теперь, играй, –

С замочной дырой в подвздошь... [Полозкова 2008: [http](#)])

Одной из причин испытываемого страдания является отсутствие рядом объекта любви, чувство одиночества. Актуализации идеи одиночества в тексте служит построенная по стандартной модели (основа + формообразующий суффикс *-ее-*), но отступающая от нормы форма сравнительной степени *однее*:

Я одна, как смертник или рыбак.

Я однее тех, кто лежит, застигнут

Холодом на улице <...> [Полозкова 2008: [http](#)]

Окказиональное наречие *нежило* в тексте становится точным синонимом узуального *одиноко*: «*И нет **никого**. И так **нежило** внутри, как будто распахнули брюшную полость*» [Полозкова 2008: [http](#)]

В анализируемых текстах идея одиночества частотно выражается окказиональными лексемами с корневой морфемой, восходящей к местоимению. Наиболее востребованным является местоимение *ты* в форме косвенных падежей. Формирование содержательной стороны вновь образуемого знака происходит в том числе и за счёт осмысления аффиксов. Так, неологизм *тебяголик* образован по актуальной в современном русском языке словообразовательной модели, к которой относятся *трудоголик*, *шопоголик* и др. Обращение к словарному толкованию лексемы *трудоголик*, представленной в толковом словаре («Очень трудолюбивый человек, у которого любовь к труду становится почти манией» [Толковый словарь русского языка начала XXI в. 2006: 1003]), позволяет выделить оценочную сему ‘чрезмерный’. В этой словообразовательной перспективе окказионализм *тебяголик* можно интерпретировать как ‘чрезмерно любимый’ – до болезненности, до мании: «*Я тебя таскаю в венах, как похмельный **тебяголик***» [Полозкова 2008: [http](#)].

Формируемое в текстах словообразовательное гнездо с доминантой *тебя* включает также неологизмы *бестебье*, *тебядефицит*, с ядерной семой ‘отсутствие’ / ‘недостаток’. Так, *бестебье* образовано по модели, которая в грамматике описана как «существительные с преф. без-, орфогр. также бес- <...>, и суф. -и /-j/ <...> называют явление, состояние, характеризующееся отсутствием того, что названо мотивирующим словом» [Русская грамматика, т.1, 1980: 232]. Окказионализм *тебядефицит* образован неморфологическим –

лексико-синтаксическим – способом: сращение формы местоимения *тебя* и существительного *дефицит* («Недостаток чего-л., нехватка в чём-л.» [Словарь русского языка: <http://>]). При этом в ближайшем контексте рассматриваемых лексем актуализируется сема ‘болезнь’:

Я учёный: мне инфицировали бестебье.

Тебядефицит [Полозкова 2008: <http://>].

В смысловом пространстве текста формируется логическая основа для антонимии: лексемам *тебяголик*, *бестебье*, *тебядефицит* противопоставлены окказиональные образования *кем-то-любимости*, *чьятость*, *твоязнь*, функционально связанные с вербализацией идеи отказа от одиночества. Интерпретации содержательной стороны авторских неологизмов может служить и узуальное значение взятых за основу местоименных слов *кем-то*, *чей-то*, *твой*, актуализирующих сему ‘принадлежащий (кому)’. В структуру новообразований включаются аффиксы *-ость-*, *-знь-*, имеющие абстрактную семантику (ср. *радость*, *боязнь*), которые, будучи соотнесёнными в тексте со словами *внутри*, *нутряная*, *долгожданная*, усиливают акцент на идее естественной «нужды в другом» и одновременно нужности кому-то: «*Лишь бы билась внутри, как пульс, нутряная чьятость. Долгожданная, оглушительная твоязнь*» [Полозкова 2008: <http://>].

Причину страданий субъект текста видит в себе. Окказионализм *проангрейди*, включённый в текст-молитву, занимает место привычного в случае обращения к Богу глагола *спаси* («Господи, спаси и вразуми»). Анализ семантической структуры слова *ангрейд* («Модернизация компьютера; обновленные версии аппаратных устройств, программ» [Толковый словарь русского языка начала XXI в. 2006: 1003]) позволяет выделить актуальный семантический компонент ‘обновление’:

Нет у меня ни паствы, ни слуг, ни свиты.

Нет никаких иллюзий – ещё с зимы.

Всё стало как обычно; теперь мы квиты.

Господи,

Проангрейди и вразуми [Полозкова 2008: <http://>]

Результатом обновления себя должен стать внутренний покой. Текстовые синонимы-новообразования *безлюбовье*, *безураганье* повторяют уже использованную автором текста словообразовательную модель (*бестебье*): «*Я настроена на долгое, целительное безлюбовье, безураганье; мне сейчас до того спокойно, что менять это на ещё месяц американских <...> было бы ужасно душно...*» [Полозкова 2008: <http://>].

Проведённый анализ специфики функционирования в тексте группы окказиональных слов, эксплицирующих информацию о психоэмоциональном состоянии текстового субъекта, позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, интерпретации содержательной стороны авторских новообразований способствует как узуальное значение корневых морфем, так и опора на семантику продуктивных словообразовательных моделей русского языка. Во-вторых, внутритекстовые парадигмы, пересекаясь и накладываясь друг на друга, формируют значимый для интерпретатора контекст. Наконец, в качестве

ещё одного источника информации читатель может использовать систему синтагматических связей, в которые вступают новообразования в тексте.

Литература

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Электронный ресурс]. М.: Цитадель, 1998. Режим доступа: <https://www.slovardalja.net/> (дата обращения: 28.02.2021).

Захарова, О.С. К проблеме соотношения понятий «окказионализм» и «потенциальное слово» // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2013. № 3. С. 14–25.

Киричеко, В. Фотосинтез поэзии неоавангардизма [Электронный ресурс] // Новый свет. Литературно-художественный журнал. 2015. № 1. Режим доступа: <https://litsvet.com/index.php/> (дата обращения 20.02.2021).

Кочнова, К.А. Языковая картина мира писателя: аспекты и методы исследования // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 3. С. 53–56.

Полозкова, В. Непознание [Электронный ресурс] // Современная русская поэзия, 2008. Режим доступа: <http://modernpoetry.ru/contemporary/vera-polozkova-neroznaniye> (дата обращения 18.03.2021).

Русская грамматика: в 2-х т. Т. 1 / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1980. 709 с.

Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / АН СССР, Ин-т рус.яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1985–1988. Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm> (дата обращения: 22.02.2021).

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скияревской. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.

Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира: коллективная монография: в 2 ч. Ч. 2 / Мишина Л.Н., Коротенко М.А., Меркулова Н.В., Чурилина Л.Н., Постникова И.А., Гневэк О.В., Михин А.Н., Андреева С.Л., Анохина С.А., Осипова А.А. / под редакцией С.Г. Шулежковой. Магнитогорск, 2008.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

*Е.В. Бодрова, магистр, специалист по УМР
Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

*Л.Н. Чурилина, д-р филол. наук, проф.
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова (Магнитогорск, Россия)*

НЕОФРАЗЕМЫ В ФУНКЦИИ ЗАГЛАВИЙ: ПРИЁМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются приёмы трансформации сверхсловных единиц, используемых в функции названий текстов, относящихся к жанру иронического детектива. Автором выявлены варианты трансформов, описан их семантический потенциал, обозначены целевые установки авторов, реализуемые средствами фразеологии.

Ключевые слова: фразеологическая единица, приём трансформации, трансформ, заголовок, языковая игра.

Круг вопросов, решаемых отечественными фразеологами, характеризуется широтой проблематики и многовекторностью, свидетельством чего являются публикации новейшего периода. На этом фоне отчётливо прослеживается возрастающий интерес к прагматическим свойствам фразеологизмов, проявляющимся в речевой практике – в разнообразных дискурсах [Токарев 2019: 226]. По мнению тобольских ученых Е.Н. Ермаковой и М.В. Прокопович, наиболее продуктивным материалом для исследования фразеологизмов оказывается сегодня массовая литература, поскольку словесность такого рода стремится отвечать вкусам самой широкой аудитории, вследствие чего отражает наиболее распространённые, «модные», языковые явления [Ермакова 2013: 272].

По данным ВЦИОМ (август 2019), топ жанровых предпочтений россиян возглавляют исторический роман и биографии (30 %), интересны нашим соотечественникам детективы (22 %), а замыкают список книги по психологии, религии и ужасы (3 %) [Книголюб <http://>]. Официальная статистика

подтверждается и работниками библиотек г. Челябинска, отмечающими особый спрос на литературу детективного жанра.

Популярность жанра детектива у читающей публики мотивирует исследователей к изучению текстов этого типа. В последнее время предметом изучения лингвистов становятся когнитивные, прагматические, дискурсивные и прочие собственно языковые параметры детективного текста [Георгинова 2013: 180]. В ряде рассмотренных нами работ устойчиво воспроизводится констатирующий тезис: криминальный текст в значительной мере формирует современную языковую личность. При этом Е.В. Ганапольская отмечает, что детективы, с одной стороны, явились отражением фразеологического минимума носителей современного русского языка, с другой стороны, «детективная» идиоматика, крылатика и паремиялогия мгновенно подхватываются и входят в активное употребление [Ганапольская 2015: 41]. Подтверждением масштабности выявленного дискурсивного процесса может служить изданный Е.В. Ганапольской двухтомный «Фразеологический словарь современного русского детектива» [Ганапольская 2015]. В словаре нашёл отражение масштабный фразеологический корпус «криминальной» прозы, включающий как новые единицы, так и традиционные, но подвергшиеся различного рода трансформациям. Как отмечает в рецензии на издание С.Г. Шулежкова, автор каждый раз обращает внимание читателей на фразеологизмы, изменившие свою форму или претерпевшие трансформации в семантической структуре при сохранённой старой форме [Шулежкова 2018: 112].

Различные варианты трансформации фразеологических единиц относятся исследователями к закономерным процессам, поскольку фразеологические единицы традиционно представляют собой благодатный материал для языковой игры, под которой В.М. Мокиенко предлагает понимать системный механизм преобразования нормативных языковых единиц [Мокиенко 2012: 101].

Способы трансформации ФЕ рассматривались многими исследователями (М.В. Прокопова, Е.Н. Ермакова, Н.А. Божко и др.), что позволило выделить наиболее продуктивные их типы.

Так, М.В. Прокопова разграничивает два вида трансформов: 1) окказиональные варианты языковых ФЕ (*жуткий дурак, офигевший кретин*) и 2) окказиональные фразеологизмы (*крашеная кошка, бомбовоз в юбке*). Первый вид трансформации особенно продуктивен, он связан с изменениями в составе компонентов без сколько-нибудь существенных модификаций семантики. Во втором случае фразеологизмы значительно расходятся со своим языковым инвариантом и по компонентному составу, и в семантике [Прокопова 2012].

Некоторые исследователи различают в процессе деформации ФЕ два этапа, разграничивая приёмы видоизменения (собственно трансформации) и создания новой единицы. В частности, Н.А. Божко описывает такие приёмы, как замена компонента, расширение состава, образование по моделям языковых фразеологизмов, буквализация значения, двойная актуализация [Божко 2015: 20]. М.В. Прокопова и Е.Н. Ермакова расширяют список приёмов, включая в него переход утвердительных форм в отрицательные, отсылку к первоисточнику [Ермакова, Прокопова 2012: 277]. Практически во всех работах, посвящённых

видоизменениям фразеологизмов в художественном дискурсе, актуализируется внимание на прагматической составляющей творческого обращения авторов с фразеологизмами, которые «для мастера художественного слова не являются какой-то застывшей и неразложимой единицей» [Ермакова, Божко 2013: 156].

Весьма показательной демонстрацией вольного обращения современного носителя языка с фразеологической единицей являются заголовки текстов. Наше внимание привлекли образцы жанра иронического детектива. Анализ заголовочных комплексов, в роли которых использованы трансформы фразеологических единиц, составляет содержание статьи.

О значимости заглавия как компонента текста написано в последние десятилетия немало (И.Р. Гальперин, З.Я. Тураева и др.). Говоря о функции заглавия, В.А. Кухаренко [Кухаренко 1988: 93] и Н.А. Николина [Николина 2007: 172] подчёркивают, что оно призвано привлечь внимание потенциального читателя, заглавие формирует так называемый «эффект ожидания», что собственно и является основой диалога между автором и читателем. Обратимся к исследовательскому материалу.

Детальное изучение заголовков, предпосланных текстам, относящимся к жанру иронического детектива (Т. Устинова, Д. Донцова, Н. Александрова, М. Белова, Ф. Раевская, Г. Куликова), позволяет выявить как основные приёмы трансформации ФЕ, так и основные типы трансформов.

Большая часть трансформов формируется в результате замены одного или нескольких компонентов (приведём примеры с указанием исходной формы ФЕ): *скелет из пробырки* / *ребёнок из пробырки*; *подруга особого назначения* / *отряд особого назначения*; *туфелька для призрака* / *туфелька для золушки*; *одна тень на двоих* / *одна судьба на двоих*; *мой личный враг* / *мой кровный враг*; *созвездие жалких псов* / *созвездие гонимых псов*; *прогноз гадостей на завтра* / *прогноз погоды на завтра*; *за всеми зайцами* / *за двумя зайцами*; *контрольный поцелуй* / *контрольный выстрел*; *улыбка 45-го калибра* / *пуля 45-го калибра*; *небо в рублях* / *небо в алмазах*; *свидание под мантией* / *свидание под луной*; *приусадебное убийство* / *приусадебное хозяйство*; *чудеса в кастрюльке* / *чудеса в решете*; *букет прекрасных дам* / *букет для прекрасных дам* и т.д. Образованная в результате использования приёма замены компонента / компонентов ФЕ сохраняет связь со своим системным аналогом. На прозрачности этой связи и построена языковая игра: диалог инварианта и варианта формирует «эффект неожиданности».

В особую группу нами выделены трансформы, в которых компонент исходной ФЕ не изменяется, но значимо видоизменяется её буквенный состав, например: *игра в жмурики* (*жмурки*); *долг платежом опасен* (*красен*); *хроника грустных времён* (*грустных*); *по ЗОЖу сердца* (*зову*); *кекс в большом городе* (*секс*); *родословная до седьмого колена* (*полена*); *вынос дела* (*тела*); *жильё по обману* (*обмену*); *фигура лёгкого эпатажа* (*лётного пилотажа*). Формальные трансформации компонента имеют следствием появление другой единицы, что приводит к изменению семантики трансформы.

В процессе декодирования каждой из приведённых сверхсловных единиц, читатель погружается в некоторое типизированное представление, при этом

стандартная ситуация подвергается когнитивной обработке: в узнаваемый образ добавляются новые элементы, противоречащие стандарту. В результате обозначается возможный поворот в развитии детективного сюжета, что призвано повысить интерес потенциального читателя к содержанию книги.

Среди необычных вариаций в использовании рассматриваемого приёма отмечены авторские преобразования названий известных книг, кинофильмов или всемирно известных артефактов: «Хождение по мукам» → «*Хождение под мухой*»; «Принцесса на горошине» → «*Принцесса на кириешках*»; «Полёт над гнездом кукушки» → «*Полет над гнездом индюшки*»; «Собака Баскервилей» → «*Лягушка Баскервилей*»; «Красавица и чудовище» → «*Чудовище без красавицы*»; «Здравствуйте, я ваша тетя» → «*Руки вверх, я ваша тетя*»; «Подарок для прокурора» → «*Сувенир для олигарха*»; «Десять негритят» → «*Десять медвежат*»; «Коварство и любовь» → «*Коварство и свекровь*»; «Трое в лодке, не считая собаки» → «*Трое в лифте, не считая собаки*»; «Богатые тоже плачут» → «*Дантисты тоже плачут*»; «Сказка о золотой рыбке» → «*Уха из золотой рыбки*»; «Сказка о золотом петушке» → «*Филе из золотого петушка*»; «Кот в сапогах» → «*Кот в модных сапогах*»; Венера Милосская → *Фанера Милосская*; шапка Мономаха → «*Безумная кепка Мономаха*»; «13 подвигов Геракла» → «*13 несчастий Геракла*». В отличие трансформов предыдущих групп, вариации этого типа не столько обращены к прецедентному тексту (его содержанию), сколько нацелены на ироническое обыгрывание самого заглавия. Трансформ обретает дополнительный экспрессивный смысловой потенциал, и он не обязательно имеет положительную окраску: в окказиональном новообразовании *коварство и свекровь* эксплицировано стереотипное представление о взаимоотношениях свекрови и невестки. Кроме того, языковая игра с прецедентным феноменом позволяет автору обозначить собственную позицию: указать на жанровую специфику создаваемого текста – иронический детектив.

Иного рода трансформации связаны с использованием приёма «перевертыши», они представляют собой преобразование исходной единицы в антонимическую: *несекретные материалы* / *секретные материалы*; *не девичья память* / *девичья память*; *правда в три короба* / *наврать в три короба*; *бриллиант мутной воды* / *бриллиант чистой воды*; *всегда говори всегда* / *никогда не говори никогда* и под. Число подобных единиц невелико, что может объясняться сложностью самой процедуры. Что касается смысловой нагрузки заглавия-трансформа, она тождественная всем ранее рассмотренным вариантам.

Комическое обыгрывание прецедентного феномена положено в основу приёма ритмической организации ФЕ, избираемой на роль заголовка: «*Две невесты на одно место*», «*Фейсконтроль на главную роль*», «*Тёмные предки светлой детки*», «*Третий глаз – алмаз*», «*Аполлон на миллион*».

В процессе трансформации исходного сверхсловного выражения используются и приёмы, опирающиеся на более сложные когнитивные модели – метафоры, построенные на аллюзии, олицетворении, гротеске, абсурде; ср.:

– «*Жаба с кошельком*», «*Тушканчик в бигудях*», «*Гартия с пропеллером*», «*Пивавка голубых кровей*»;

– «Клетчатая зебра», «Гений страшной красоты», «Убийство по любви», «Сволочь ненаглядная», «Моя незнакомая подруга», «Горячая любовь снеговика»;

– «Надувная женщина для Казановы», «Главбух и полцарства в придачу», «Фокус-покус от Василисы Ужасной», «Любимые забавы папы Карло», «Хеппи-энд для Дездемоны», «Шесть соток для Робинзона», «Экстрим на сером волке», «Компот из запретного плода», «Ромео с большой дороги», «Билет на ковер-самолет», «Старуха Кристи отдыхает», «Диета для трех поросят», «Доллары царя гороха», «Верхом на Титанике», «Лампа разыскивает Алладина», «Пикник на острове сокровищ», «Обед у людоеда», «Фэн-шуй без тормозов», «Квазимодо на шпильках»;

– «Бутик ежовых рукавиц», «Медовое путешествие втроём», «Шопинг в воздушном замке», «Зимнее лето весны»;

– «Стилист для снежного человека», «Метро до Африки», «Стриптиз жар-птицы», «Камин для Снегурочки», «Микстура от косоглазия».

Заголовки иронических детективов, как и текстов любого другого жанра, являются воплощением авторской интенции, в этом случае речь идёт о моделировании процесса игры с читателем в головоломку, назначение которой – дешифровка смыслов. Некоторые заголовки-загадки представляют собой прозрачный намёк на известный литературный, исторический, мифологический факт (ср. «Муму с аквалангом»). В других случаях декодирование возможно только при условии достаточной подготовленности читателя, наличия у него необходимого «читательского опыта»; например, дешифровка заглавия «Ключ от денег» предполагает знакомство читателя с крылатой фразой Остапа Бендера: «Может, тебе ещё **ключ от** квартиры, где **деньги лежат**?»

Анализ заглавий-трансформов демонстрирует неисчерпаемый деривационный потенциал сверхфразовых устойчивых сочетаний. Некоторые из новообразований сами претендуют на закрепление в узусе, что уже отражено в лексикографической практике [Ганапольская 2015]. Единственным препятствием, ограничивающим авторов в использовании этого деривационного потенциала, может оказаться читательская компетенция адресата: языковая игра – процесс двусубъектный, условием её реализации является «равенство» когнитивных возможностей автора и адресата.

Благодарность. Работа выполнена в рамках научного проекта № 19-51218005\19 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Болгарии.

Литература

Божко, Н.А. Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц в языке художественной прозы (на материале произведений В. Токаревой): автореф. на соиск. учёной степени канд. филол. наук. Тюмень, 2015. 22с.

Ганапольская, Е.В. Фразеологический словарь современного российского детектива: в 2 томах. Санкт-Петербург: Златоуст, 2015. Т. 1: А–К. 330 с.

Ганапольская, Е.В. Знание фразеологии – высший пилотаж или необходимый минимум? (текст современного русского детектива как материал для изучения фразеологии) // Русский язык за рубежом. 2001. № 4. С. 40–44.

Георгинова, Н.Ю. Детективный жанр: причины популярности // Научный диалог. 2013. № 5. С. 173–186.

Ермакова, Е.Н., Прокопова, М.В. Трансформация фразеологических единиц как языковая стратегия массовой литературы (на материале цикла Б. Акунина «Нефритовые четки») // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 3. С. 271–281.

Ермакова, Е.Н., Божко, Н.А. Деривационный потенциал русских фразеологических единиц в художественном тексте // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 2. С. 155–163.

Книголюб – 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// www.wciom.ru](http://www.wciom.ru) (дата обращения: 27.03.2021).

Кухаренко, В.А. Интерпретация текста: учебное пособие для студ. пед. институтов по спец. №2103 «Иностранный язык». М.: Просвещение, 1988. 192 с.

Мокиенко, В.М. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Ученые записки Таврического национального университета им. В.Т. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2012. Т. 25 (64). № 2. С. 100–109.

Николина, Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 272 с.

Проконова, М.В. Трансформация обценных фразеологизмов в произведениях современной детективной прозы // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 12. С. 211–218.

Токарев, Г.В. Тульский форум фразеологов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. № 1. С. 223–228.

Чурилина, Л.Н. Интернет-дискурс как среда формирования новой фразеологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3 (96). С. 126–135.

Шулежкова, С.Г. [Рецензия] // Мир русского слова. 2018. №2. С. 12, 16, 29, 111–112. Рец. на кн.: Ганапольская Е.В. Фразеологический словарь современного российского детектива: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2015–2016.

Т.Г. Бочина, д-р. филол. наук, проф.
Казанский (Приволжский) федеральный
университет (Казань, Россия)
Чэнь Ясин, канд. филол. наук
Шанхайский политико-юридический
университет (Шанхай, Китай)

ПАРЕМИИ КАК ПРОТОТИП ИНТЕРНЕТ-ЗАГАДОК

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли паремий в создании антифраз – загадок, основанных на трансформации прецедентных единиц по принципу контраста. Выявляется частотность использования паремий как прототипов загадок-перевёртышей на фоне других видов прецедентных единиц. Делается вывод о том, что паремии, неоднократно послужившие прототипами антифраз, сохраняют свою актуальность для языкового сознания игроков в антифразы и входят в их лингвокультурный минимум.

Ключевые слова: антифраза, загадки, паремия, прототип

Как особый жанр народного творчества феномен загадки имеет долгую исследовательскую историю, своими корнями уходящую в античность. Популярность загадки в современной исследовательской сфере объясняется тем, что в текстах этого типа сохраняется ценная информация, которая отражает особенности мировидения, истории и национальной культуры данного народа. Как отмечал Д. Садовников, «в загадках отразились взгляды народа на природу и окружающую обстановку и открылся полный простор для творческой фантазии народа» [Садовников 1876: 10].

С наступлением эпохи Интернета многие лингвистические игры приобрели другие масштабы, в том числе заметно усилился интерес к антифразам – загадкам, созданным посредством трансформирования прецедентных единиц. Правила языковой игры этого типа состоят в том, что «одни пользователи заменяют все слова в прецедентном тексте на противоположные (контрастные) для того, чтобы другие участники игры отгадали исходную фразу или текст» [Бочина 2011: 141]: *Мало будешь думать, медленно помолодеешь (Много будешь знать, скоро состаришься); Сытому петуху горох мерещится (Голодной курице просо снится); Глупец над ямой ходит, глупец в яму попадёт (Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт)* и др.

В антифразах принцип контраста реализуется, главным образом, посредством лексико-семантических средств (антонимии, гипонимии, неоднородных оппозиций, оппозиций несистемного характера и др.): *Богатому разводится и день **длинный** (Бедному жениться и ночь **коротка**); Некому **фрукту** чужое место (Всякому **овощу** своё время); Рыдание с бухты-барахты – свойство гениальности (Смех без причины – признак дурачины)* и др.

Как и другие виды загадки, игра в антифразы выполняет не только развлекательную, но и социальную, развивающую и познавательную функции. Во-первых, при трансформировании и разгадывании участники неоднократно вспоминают и повторяют прецедентные единицы, которые представляют собой совокупность коллективных инвариантных представлений и знаний. В данной игре, с одной стороны, в процессе трансформирования и разгадывания сохраняется национально-культурная память, а с другой – «именно общий фонд знаний адресанта и адресата обеспечивает коммуникативную состоятельность загадок-перевёртышей, под которой понимается их принципиальная разгадываемость членами своего социума» [Бочина 2011: 142]. Во-вторых, в связи с тем, что загадка «представляет собой намеренно трансформированное описание реальности» [Левин 1978: 283], в процессе её создания и разгадывания активно развивается ассоциативное и логическое мышление играющих. В-третьих, ещё одной из важных функций загадки является её познавательный потенциал. По мнению Ю.И. Левина, «именно на примере загадки можно явственно усмотреть всё своеволие человеческого мышления, в частности языкового, и его нежелание укладываться в определённые рамки и рубрики» [Там же: 284]. Сопоставление корпуса антифраз с их прецедентными прототипами позволяет определить наиболее значимые для сознания современных пользователей Рунета культурные константы.

Собранная в ходе исследования картотека антифраз содержит 3094 загадки-антифразы. Количественный анализ собранной коллекции позволил определить, какие из прецедентных единиц являются наиболее востребованными у пользователей Рунета в качестве прототипов антифраз, следовательно, сохраняют свою актуальность для современного языкового сознания. Итак, при создании антифраз частотны следующие виды прецедентных единиц: названия кинофильмов, телесериалов, телепередач и реплики их персонажей (25.8 %); названия литературных произведений и цитаты из них (23.5 %); единицы разных жанров устного народного творчества, преимущественно, паремии (23.32 %); названия и фрагменты народных и авторских песен (23.2 %) и др. Подчеркнём, что игроками в антифразы охотно используются для создания трансформаций-перевёртышей традиционные паремии (713 примеров).

Ещё более показательна значимость традиционных паремий в аспекте вариативности загадок-антифраз, характерной для разных жанров устного народного творчества. В собранной картотеке имеется 88 синонимических рядов антифраз, которые созданы разными пользователями посредством многократной трансформации одного и того же прототипа: *Курица кабану подружка / Утка кабану приятельница / Гусь козлу не товарищ / Человек человеку друг / Медведь корове не брат (Гусь свинье не товарищ); Что возьмешь, то и выбросишь / Кого выкопаешь, то и закопаешь (Что посеешь, то и пожнёшь)* и др. Полагаем, что прецедентные единицы, неоднократно послужившие прототипами антифраз, составляют лингвокультурный минимум пользователей сети, который можно представить в виде поля (подробнее см.: [Бочина 2018: 93-98]).

В составленный на базе синонимичных антифраз лингвокультурный минимум входят прецедентные единицы следующих типов: паремии (44 %), названия кинофильмов, телепередач и реплики их персонажей (28 %), названия и цитаты из литературных произведений (22 %), названия и фрагменты народных и авторских песен (6 %).

Ядро этого своеобразного лингвокультурного минимума составляют 12 прецедентных единиц, которые были трансформированы 5 и более раз: *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда* (11 трансформов); *Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей* (9); *На воре шапка горит* (8); *Дарёному коню в зубы не смотрят*; *Тише едешь – дальше будешь* (7); *Баба с возу – кобыле легче*; *Гусь свинье не товарищ*; *И один в поле воин*; *Мал золотник, да дорог*; *Не всё то золото, что блестит*; *Работа не волк, в лес не убежит*; *Семь бед, один ответ* (5). Как видим, все 12 наиболее частотных прототипов – паремии.

Центр поля формируют 28 прецедентных единиц, имеющих 3-4 трансформы, в их числе 15 паремий: *Делу время, а потехе час*; *Друг познаётся в беде*; *Своя рубашка ближе к телу*; *Беда не приходит одна*; *Не суй нос в чужие дела*; *Волков бояться – в лес не ходить*; *Не всё коту масленица*; *Лучше свой кусок, чем чужой пирог*; *Пьяному море по колено*; *Семь раз отмерь – один раз отрежь* и др.

На периферии находятся 48 прецедентных единиц (в том числе 11 паремий), имеющих по два варианта антифраз-перевёртышей: *В гостях хорошо, а дома лучше*; *Готовь сани летом, а телегу зимой*; *Не красна изба углами, а красна*

пирогам; Правда глаза колет; Старый друг лучше новых двух; У семи нянек дитя без глаза; Устами младенца глаголет истина; Что посеешь, то пожнёшь; Яблоко от яблони недалеко падает; 45 – баба ягодка опять и др.

Полагаем, что высокий процент паремиологических единиц, неоднократно послуживших прототипами антифраз, свидетельствует об их актуальности среди носителей русской лингвокультуры.

Известно, что пословичные единицы русского языка представляют собой «грамматически закрытые, с замкнутой синтаксической структурой предложения с выраженным модальным планом, функционирующие как самостоятельные предикативные единицы, что накладывает специфику на их трансформационные процессы» [Третьякова 2015: 67]. Причина выбора известных изречений для создания антифраз связана с тем, что «потребность загадывания загадки в идиоме исходит из её метафорической сущности и её неподчинения представляемым к речи требованиям ясности и логичности. Идиомы, как и загадки, служат для испытания сообразительности у носителя языка, для усиления эффекта в речи и, в целом, для развития поэтического взгляда на мир в данной лингвокультуре» [Там же: 82]: *С кем горе покинёт, с тем и курица бесплодна (У кого счастье поведётся, у того и петух несётся); Было бы горе, да счастье помешало (Не было бы счастья, да несчастье помогло)* и др.

Необходимо отметить, что структурная и функциональная близость загадки и пословичных изречений многократно фиксировалась в лингвистических исследованиях; как полагает Т.М. Николаева, «основной паремиологической параллелью загадки безусловно является пословица» [Николаева 1994: 315]. Рассмотрение корпуса загадок-перевёртышей показывает, что в «антифразах не просто используется тот же универсальный лингвокогнитивный принцип контраста, что и в классических паремиях, но и наблюдается преемственность и в типах лексических средств выражения данного принципа, и в использовании ряда традиционных для русской лингвокультуры оппозиций» [Бочина 2008: 336]. Так, при сравнении антифраз с их прототипами можно выделить разные виды точных антонимов: контрарные антонимы (*новый – старый*), комплементарные антонимы (*жизнь – смерть*), векторные антонимы (*вход – выход*), конверсивы (*покупать – продавать*), а также семантически неоднородные оппозиции (*много – довольно*), грамматически неоднородные оппозиции (*полезно – вредить*) и стилистически неоднородные оппозиции (*хвалить – пенять*); при создании антифраз используются также оппозиции синтаксического отрицания / утверждения (*вернуться – не вернуться*) и оппозиции ассоциативного типа.

Исследуя смысловую структуру пословичных изречений, известный паремиолог Г.Л. Пермяков выделил ряд инвариантных пар, лежащих в основе предметных тематических групп пословиц. Исследователь утверждает, что «практически почти все пословичные изречения (которых, как известно, огромное множество) укладываются в предметные тематические группы, основанные на инвариантных парах» [Пермяков, 1978: 118]. Наблюдение над корпусом антифраз показывает, что в антифразах контрастные замены нередко восходят к бинарным оппозициям мифопоэтической модели мира [Мифы, т. 2,

1991: 161-163], которые неоднократно воспроизведены в инвариантных тематических парах пословиц [Пермяков 1988: 109-118]. Например, архетипическая оппозиция «мужской – женский» реализуется в антифразах с помощью большого числа гипонимических замен единиц разных лексико-грамматических групп:

- наименований человека – *Мужик с телеги – жеребцу напряг (Баба с возу – кобыле легче); Последняя девушка в городе (Первый парень на деревне); Грубая корова трёх отцов (Ласковый телёнок двух маток сосёт); Одному брату по перстню (Всем сестрам по серьгам);*

- собственных имён – *Иван – дурак, короткий ус (Варвара – краса, длинная коса); Баба-Яга на белом коне (Иван-царевич на сером волке);*

- зоонимах – *Поймать синюю курицу (Пустить красного петуха); Украденной кобыле в глаза глядят (Дарёному коню в зубы не смотрят); Не пожалела лиса петуха, забрала крыло и лапу (Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву) и др.*

Игроки в антифразы используют большое количество традиционных для русской лингвокультуры оппозиций. Так, наследуются загадками-антифразами традиционные количественные оппозиции *один – два*: *Новые враги хуже старого одного (Старый друг лучше новых двух); Две ноги – плохо, а одна ещё хуже. (Одна голова – хорошо, а две лучше); Больше двух в лесу бойцы (Один в поле не воин); Двумя ногами бант расплеть (Одной рукой узла не завяжешь)* и *один – семь*: *Одно счастье, много вопросов (Семь бед, один ответ); Семи лесов цветок (Одного поля ягода); Семеро с косой, а один с вилкой (Один с сошкой, а семеро с ложкой).*

Выбор зоонимов для создания антифраз также тесно связан со стереотипными ассоциациями, зафиксированными в фольклорной культуре. Таковы традиционные пары животных-антагонистов *волк – овца, волк – заяц, кошка – собака, кот – мышь* и др.: *Овец любить – в поле не бегать (Волков бояться – в лес не ходить); Лень не заяц – с поля вернётся / Отдых овца, в поле уйдёт (Работа не волк, в лес не убежит); Всегда мышке голодуха / Всё собаке постное (Не всё коту масленица).* И подобные примеры можно множить и множить.

Итак, антифразы представляют собой своеобразные загадки, созданные по универсальному принципу контраста на базе прецедентных феноменов; в качестве игрового материала наряду с другими прецедентными единицами часто используются традиционные паремии, причем 38 из них были использованы разными игроками неоднократно. Это свидетельствует об актуальности паремических единиц для пользователей Рунета, которые охотно играют с традиционными пословицами и поговорками, сохраняя тем самым культурные константы.

Литература

Бочина, Т.Г. Принцип контраста: от пословицы до интернет-игры в антифразы // *Comparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. T. 3 «Frazologia»*. Opole: Universität Greifswald – Institut für Slawistik; Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2008. S. 329–338.

Бочина, Т.Г. Семантическое пространство интернет-игры в антифразы // Учёные записки Казанского ун-та. 2011. Т. 153, кн. 6. С. 140–149.

Бочина, Т.Г., Чэнь, Я. Лингвокультурный минимум в зеркале интернет-игры в антифразы // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 16. С. 93–98.

Левин, Ю.Н. Семантическая структура загадки // Паремииологический сборник: Пословица, загадка: структура, смысл, текст. М.: Наука, 1978. 320 с.

Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2-х т. М.: Сов. энциклопедия, 1991.

Николаева, Т.М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика // Исследование в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. С. 143–177.

Пермяков, Г.Л. Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978. 320 с.

Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремииологии. М.: Наука, 1988. 236 с.

Садовников, Д. Загадки русского народа: Сб. загадок, вопросов, притч и задач. СПб: Тип. Н.А. Лебедева, 1876. 333 с.

Третьякова, И.Ю. Свойства фразеологизмов и паремий, обуславливающие их трансформационную активность (в сопоставительном аспекте) // Устойчивые фразы в парадигмах науки: Мат-лы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского. Тула: С-принт, 2015. С. 64–69.

*Д.С. Краўцова, магістрантка
Навук. кір.: Я.Я. Іваноў, канд. філал. навук, дац.
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова (Магілёў, Беларусь)*

ПРАБЛЕМА ВАРЫЯНТНАСЦІ ПЕРАДАЧЫ БІБЛЕЙСКІХ АСАБОВЫХ ІМЁНАЎ У БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Анатацыя. У артыкуле разглядаецца праблема шматварыянтнасці імёнаў біблейскіх персанажаў у мастацкіх і публіцыстычных тэкстах на сучаснай беларускай літаратурнай мове. Апісваюцца спецыфіка і варыянты ўжывання некаторых асабовых імёнаў-біблізмаў, якія сустракаюцца ў тэкстах Старога Запавету, прыводзяцца ілюстрацыі іх варыянтнага ўжывання ў мове твораў беларускай мастацкай літаратуры.

Ключавыя словы: Біблія, пераклад, сучасная беларуская літаратурная мова, асабовае імя, адекватнасць, варыянтнасць

Біблія з’яўляецца невычэрпнай крыніцай трапных выразаў, дасціпных выслоўяў, павучальных сюжэтаў. Найбольш часта згадваюцца дзейсныя асобы біблейскіх сюжэтаў: Бог, д’ябал, анёлы і, вядома, людзі. Таму прыцягваюць увагу разыходжанні пры перадачы асноўных біблейскіх імёнаў і паняццяў на розных мовах, у тым ліку на беларускай мове. На сённяшні дзень існуюць 13 перакладаў Новага Запавету і 2 поўных перакладу Бібліі на беларускую мову [Чарота 2010: 500]. Прааналізаваўшы біблейскія тэксты, перакладзеныя на беларускую мову з 1920 г., мы выявілі, што пераклады некаторых асабовых імёнаў цалкам супадаюць толькі ў трох з васьмі выданняў. У сувязі з гэтым,

пры перакладзе біблізмаў [Фурс 2003], асабліва ў складзе мастацкіх твораў на беларускую мову актуальным з'яўляецца дакладнасць перакладу, абавязковы ўлік тыпалагічных разыходжанняў [Шальманава 2000; Иванов, Мокиенко 2019], неабходнасць ведаў, адкуль аўтар, твор якога перакладаецца, прыводзіць тое ці іншае напісанне біблейскага асабовага імя, які менавіта пераклад Бібліі ён выкарыстоўвае. Вывучэнне варыянтнасці перадачы біблейскіх імёнаў у сучаснай беларускай літаратурнай мове – адна з актуальных задач беларускага мовазнаўства. Асабліва актуальна слоўнікавае апісанне біблізмаў у нарматывным аспекце, паколькі ў сучаснай беларускай мове як ні ў якой іншай распаўсюджана варыянтнасць у напісанні (і вымаўленні) многіх біблейскіх асабовых імёнаў.

Біблізмы шырока ўжываюцца ў маўленні носьбітаў беларускай мовы, у тэкстах беларускай мастацкай літаратуры і публіцыстыкі. Біблія – адна з асноўных крыніц крылатых выразаў у беларускай мове [Цеплякова, Иванова 2009; Теплякова 2011; Цеплякова, Іваноў 2019]. Біблізмы прадстаўлены часткова ў даведніках крылатых выразаў і афарызмаў у беларускай мове [Венідзіктаў 2006; Венідзіктаў 2004; Іваноў 2011], а таксама ў этымалагічных слоўніках фразеалагізмаў і прыказак [Лепешаў 2014; Лепешаў 2004; Іваноў 2019б]. У апошні час актыўна вядуцца даследаванні па лексікаграфічным апісанні біблейскіх выразаў і афарызмаў, якія ўжываюцца ў беларускай мове [Кравцова 2020а; Кравцова 2020г; Иванов, Кравцова 2019; Иванов 2019б; Іваноў 2019а; Іваноў 2018а; Іваноў 2018б]. Даволі актыўна распрацоўваецца супастаўляльнае апісанне біблізмаў у беларуска-іншамовных перакладных слоўніках [Кравцова 2020д; Вальтер, Иванов, Мокиенко 2019; Іваноў, Макіенка 2019а; Іваноў, Макіенка 2019б; Иванов, Мокиенко 2017; Балакова 2015; Іваноў 2014]. На сённяшні дзень падрыхтаваны два полілінгвальныя беларуска-іншамовныя слоўнікі біблізмаў [Лепта 2019а; Лепта 2019б; Балакова 2014]. Трэба адзначыць, што біблейскія асабовыя імёны прадстаўлены ў іх не ў поўным аб'ёме. Намі папярэдне даследаваны некаторыя праблемы перадачы асабовых імёнаў-біблізмаў у беларускай мове [Кравцова 2020б; Кравцова 2020в].

У дадзеным артыкуле мы разгледзім варыянтнасць асабовых імёнаў-біблізмаў, якія паходзяць са Старога Запавету. Кантэксты ўзяты з твораў беларускіх пісьменнікаў, а таксама мастацкіх і публіцыстычных тэкстаў, перакладзеных на беларускую мову. Асноўнай крыніцай фактычнага матэрыялу паслужыў Нацыянальны корпус беларускай мовы.

У выніку даследавання былі выяўленыя імёны біблейскіх персанажаў, якія маюць некалькі варыянтаў ужывання. Напрыклад, адзін з цэнтральных персанажаў Новага Запавету, Ісус Хрыстос, мае вялікую колькасць варыянтаў ужывання свайго імя: *Ісус, Езус, Іісус, Хрыстус, Хрыстос*. Шматварыянтнымі з'яўляюцца таксама імёны прарокаў, апосталаў, святых і іншых біблейскіх персанажаў. Так, Абрагам мае ў беларускай мове такія варыянты, як *Абрагам, Абрам, Аўрам, Аўраам*. Імя аднаго з галоўных біблейскіх прарокаў Данііла мае варыянты: *Данііл, Даніл, Данелія*. Адзін з дванаццаці малых прарокаў, Захарыя, мае чатыры варыянты ўжывання: *Захарыя, Захары, Захара, Захар*.

На падставе спецыфікі ўжывання бібліеізм, усе асабовыя імёны-бібліеізмы былі дыферэнцаваны на пяць наступных груп.

1. Ужыванне біблейскага імя ў якасці персанажа твора, заснаванага на біблейскіх міфах, напр.: **КАІН**: Ты стамілася? **ЕВА**: Не, зусім не стамілася (Андрэй Курэйчык, “Згублены рай. Драма ў чатырох актах”). Каін і Ева гэта персанажы Старога Запавету. Ева – першая жанчына, створаная з рабрыны Адама, Каін – яе першы сын. Або: Усе распуснічалі, рабавалі, кралі, і гразь маны запоўніла Гарады. Толькі праведныя **Лот** трымаў сям’ю палю ў чысціні (Кастусь Тарасаў, “Тры жыцці княгіні Рагнеды”). Лот – старазапаветны праведнік, які быў разам з сям’ёй vyrатаваны Богам ад гібелі пры разбурэнні нябесным агнём Садома і Гаморы.

2. Ужыванне біблейскага імя ў адсылцы да біблейскага тэксту, напр.: *Мне хочацца паразважаць над сачавічнай поліўкай. У Бібліі ёсць апавед пра Ісава і Іакава. Ісаў – старэйшы брат, Іакаў – малодшы... Ісаў павінен быў атрымаць у спадчыну ад Аўраама ўсе абяцанні Бога (“Звязда”, Меркаванні ўдзельнікаў Усебеларускага Народнага сходу). У дадзеным тэксце згадваецца міф, апісаны ў Кнізе Быцця, у якім Якаў хітрасцю прымусіў свайго брата-блізнюка Ісава адмовіцца ад права першародства за сачавічную поліўку.*

3. Ужыванне біблейскага імя ў метафарах і параўнаннях, напр.: Чорны, як **Каін**, і дзве левыя нагі. Тры дні, тры ночы, браце мой, з хаты не выходзілі! А потым выйшаў ён... (Янка Брыль, “Ніжнія Байдуны”); Лаўчэня быў маладзец, хоць і паліцай. А вось другі аказаўся апошнім гадам. Не памятаю ўжо ягонага прозвішча, але па вёсках яго звалі **Каін**. І сапраўды быў **Каін**, многа бяды нарабіў людзям. І адкуль што ўзялося – чорт ведае (Васіль Быкаў, “Абеліск”). Каін – старэйшы сын Адама і Евы, які забіў з зайздрасці свайго брата. Тут ужываецца ў пераносным сэнсе, як пра злыдня, дрэннага чалавека наогул.

4. Ужыванне біблейскага імя ў складзе фразеалагізма, напр.: Мы, вядома, усе **ад Адама**. Адзін народ. Але ж мы дваране. (Уладзімір Караткевіч, “Каласы пад сярпом тваім”). Тут фразеалагізм абазначае ўсіх людзей, усё чалавецтва як нашчадкаў Адама.

5. Ужыванне біблейскага імя ў складзе прамой цытаты з Бібліі, напр.: *І ўведаюць, што Я – Гасподзь Бог іхні, калі, рассяеўшы іх сярод народаў, зноў зьбярэ іх у зямля іхнюю... (Езэкііль 39:23). (Павал Севярынец, “Нацыянальная ідэя. Фэнаменалёгія Беларусі”). Тут нумар верша ў дужках паказвае на прамую спасылку на кнігу. Або: Як прарок **Ісая** кажа: «Ібо пекла голасу Гасподня скалатнецца **Асур**, жэзлам паражаны» (Уладзімір Слуцанскі, “Драбы”).*

Былі таксама выяўленыя імёны біблейскіх персанажаў, якія маюць некалькі варыянтаў ужывання. Так, адзін са старазапаветных патрыярхаў і родапачынальнікаў габрэйскага народа Абрагам мае ў беларускай мове такія варыянты, як **Абрагам**, **Абрам**, **Аўрам**, **Аўраам**. Самым частотным з’яўляецца імя **Аўраам**, у той час, як **Абрам** ужываецца ў асноўным толькі ў складзе фразеалагізма да **Абрама** на (па) *пiва (трапiць)*, напр.: *Гасподзь, – спытаў Аўраам, – але калі ёсць у гарадах праведнікі...* (Кастусь Тарасаў, “Тры жыцці княгіні Рагнеды”); *І не думайце самі сабе гаварыць: «У нас бацька Абрагам»*

(Іван Лагвіновіч, “**Ян Прадвеснік**”); Паілюць мяне хутка да **Абрама** на піва (Якуб Колас, “Дзікае паляванне караля Стаха”).

Адзін з дванаццаць малых прарокаў, Захарыя, мае чатыры варыянты імя: Захарыя, Захары, Захара, Захар. Але ў мастацкіх і публіцыстычных тэкстах таксама сустракаецца толькі адзін, напр.: *А там на вуніцкім храме Звеставання, што каля торжышча, пачалі прамаўляць пад час ютрані прарокі Захарыя ды Ісая, і ўсё, кажучь, найчасцей гугнявым голасам бажавольнага Баўтрамея, што жыў за ярам у зварынай бярозе* (Уладзімір Арлоў, “Маналог святога Пётры”).

У мастацкіх тэкстах біблейскія асабовыя імёны часцей за ўсё ўжываюцца ў якасці метафар. Звычайна ў дадзенай функцыі згадваюцца такія персанажы, як Каін, Адам, Ева, напр.: *І вы цяпер рукамі кіта гатовы згоду дараваць? Але ці можна у вас брата, скажэце, **каіны**, прызнаць?* (Якуб Колас, “Ворагам...”); *Лаўчэння быў маладзец, хоць і паліцай. А вось другі аказаўся апошнім гадам. Не памятаю ўжо ягонага прозвішча, але на вёсках яго звалі **Каін**. І сапраўды быў **Каін**, многа бяды нарабіў людзям. І адкуль што ўзялося – чорт ведае* (Васіль Быкаў, “Абеліск”) – ва ўсіх прыкладах Каін згадваецца як сімвалічнае імя злачынцы, здрадніка, злодзея. *Што такое каханне? Гэта падман, якім спакусіў д’ябал Адама і Еву ў раі. Каханне – гэта плод тваіх фантазій* (Лідзія Адамовіч, “Кветкі самотнай князёўны”); *І тады, на схіле дзён, я ўспомню адно... То варвара з галаўнёй і доўбняй, то Адама ў вадаспадзе, то пяшчотнага каханка* (Уладзімір Караткевіч, “Чазенія”) – тут Пра Адама гаворыцца як пра супруга, каханага чалавека.

Таксама часта згадваецца Ной, адзін з старазапаветных патрыярхаў, што быў адзіным чалавекам, якому разам з сям’ёй было падаравана выратаванне падчас сусветнага патапу, напр.: *Што насы навесілі, быццам сусветны патап, – сказаў Богдан. – Вы – не птушкі, а я – не **Ной**. Мяне завуць Васілём* (Віктар Супрунчук, “Лінія”).

Самыя частотны фразеалагізм, у якім ужываецца біблейскае асабовае імя, гэта *ад Адама* – выраз, які абазначае ўсіх людзей, усё чалавецтва як нашчадкаў Адама, напр.: *Мы, вядома, усе **ад Адама**. Адзін народ. Але ж мы дваране* (Уладзімір Караткевіч, “Каласы пад сярпом тваім”), а таксама ўжываецца як сінонім паняцця ‘здаўна, ад пачатку света’, напр.: *Мы ўладары яшчэ **ад Адама**, Вы – **ад Адама** яшчэ рабы* (Уладзімір Караткевіч, “Хрыстос прыязмліўся ў Гародні”). У такім жа значэнні выкарыстоўваецца фразеалагізм *пры Еве і Адаме*, напр.: *Не злічыць яго гадамі, часу мерай ніякой. Ён **пры Еве і Адаме** ганарыўся барадой* (Пятрусь Броўка, “Ода Зубру”).

Фразеалагізм у каццюме Адама апісвае аголенага чалавека, напр.: *Былі яны зусім голяы, як **Ева ў каццюме Адама**, сабою цёмныя, з «зубкамі, як часнык» і «хвосцікам, як памялцо», па словах неўміручай народнай песні пра смерць карчмара Лейбы* (Уладзімір Караткевіч, “Хрыстос прыязмліўся ў Гародні”).

Фразеалагізм *да Абрама на піва* (трапіць) у значэнні ‘адправіцца на той свет, памерці’ сустракаецца ў некалькіх варыянтах, напр.: *А цяпер загадай назад у астрог весці, пайду да Абрама на пачостку збірацца* (Уладзімір Арлоў, “Міласць князя Гераніма”); *У вечаровым зацішку галерэі яму наўздзіў выяўна, нібыта ў памяці расхінулася нейкая заслона, згадалася іхняя першая сустрэча, якая магла стаць і апошняю, бо выправіцца з таго палявання*

прамятка да **Абрама на ніва** Гусоўскаму было нашмат прасцей, чым вярнуцца дахаты жывым (Уладзімір Арлоў, “Час чумы”); Роснымі лугамі, полечкам траўлівым – іду да **Абрама на моцнае ніва** (Уладзімір Караткевіч, “Ладдзя распачы”); Чого мне баяцца? Мне ўсяго жыцця з вераб’іныя нагавіцы. Ну і Сібір. Няхай. Ці не ўсё адно, адкуль да **прабацькі Абрама на ніва выпраўляцца** (Уладзімір Караткевіч, “Каласы пад сярпом тваім”).

У мастацкіх тэкстах біблейскія імёны таксама выкарыстоўваюцца ў якасці імя персанажа твора, заснаванага на біблейскіх міфах, напр.: *Пачынаў тут Ной будаваць каўчэг з таго дзерава ліванскага. Ёшчыкі гэтаму каўчэгу – сто лацёў, А ўдаўжкі – болей тысячы. Ды узяў туды Ной і птах і звяроў, Каб не звёўся іх род з зямлі* (Максім Багдановіч, “Страцім-лебедзь”); *Ёсіф мовіў, – Прарочае такое слова Скажаў мне, што святы закон І Аўраама і Майсея Адновяць мужы іасей* (Тарас Шаўчэнка, “Марыя”).

Публіцыстычныя тэксты, якія змяшчаюць у сабе бібліэзмы-імёны даволі нешматлікія. У іх часцей за ўсё прадстаўлены біблейскія імёны, якія адсылаюць да біблейскага тэксту / персанажа і якія не выкарыстоўваюцца пры гэтым у якасці прамой цытаты са Святога Пісання, напр.: *Зараз Кайн – так называюць людзей, здольных на подлыя ўчынкі. Кіталту брата роднага забіць з-за сваіх амбіцый. Ад такога імя ўтварыўся прыметнік «акаянны»* (Алена Германовіч, “Сёння. Кайн і яго нашчадкі”); Пальміру, як кажуць легенды, заснаваў ізраільскі цар **Саламон**. У ёй захаваліся грандыёзныя набудовы ўзростам да дзвюх тысяч год (“Наша Ніва”, Пальміра, якую страціла чалавецтва. Прыводзяцца і сумныя).

Таксама ў публіцыстычных тэкстах прадстаўлены біблейскія імёны ў складзе метафар або як метафары, напр.: *Учыніць суд над мужам/родным бацькам з прычыны яго вонкавай здрады Радзіме – гэта тое ж самае, што Аўрааму дадаць у ахвяру Богу свайго сына Ісаака* (“Звязда”, Просты смех у спектаклі пра вайну); Сад і гарод для беларуса – вобраз яшчэ таго Эдэму, дзе былі шчаслівыя **Адам і Ева** (Павал Севярынец, “Нацыянальная ідэя. Фэнамэналогія Беларусі”).

Малаўжывальнымі з’яўляюцца прамыя цытаты з Бібліі, у складзе якіх ужываюцца асабовыя імёны, напр.: *О, зямля, зямля, зямля! Слухай слова Гасподня! – заклікае прарок Ерамія з Палестыны (22:29)...* Характэрна, што нацыянальна свядомыя эмігранты на Захадзе, аб’яднаныя пад эгідай Рады БНР, традыцыйна ўтвараюць моцныя хрысціянскія асяродкі. Так, як напісана: *«І рассялю іх паміж народаў, і ў далёкіх краінах яны будуць успамінаць пра Мяне... (Захарыя 10:9)»* (Павал Севярынец, “Нацыянальная ідэя. Фэнамэналогія Беларусі”).

Можна зрабіць выснову, што асабовыя імёны-бібліэзмы, якія ўвайшлі ва ўжытак са Старога Запавету, у публіцыстычных тэкстах на беларускай мове распаўсюджаны не шырока, і выкарыстоўваюцца пераважна ў выглядзе цытат як аргументаў для пацвярджэння або абвяржэння пэўнага пункту гледжання. Метафары, параўнанні і фразеалагізмы з выкарыстаннем імёнаў-бібліэзмаў характэрныя ў асноўным для мастацкіх тэкстаў. Разнастайнасць арфаграфічнага афармлення біблейскіх імёнаў на беларускай мове выклікае неабходнасць іх стандартызацыі для адэкватнага ўспрымання і ідэнтыфікацыі ў маўленні.

Перспектайвай далейшых даследаванняў з’яўляецца складанне слоўніка біблейскіх імёнаў у беларускай мове з улікам варыянтнасці іх перадачы і дыферэнцаванага ўжывання ў межах разнастайных функцыянальных стыляў, а таксама з улікам нацыянальна-культурнай спецыфікі перадачы біблейскіх імёнаў у беларускай мове, па-першае, на фоне рускай мовы [Вальтер, Иванов, Мокиенко 2019], па-другое, у аспекце беларускага лінгвакраіназнаўства [Іваноў 1998], і па-трэцяе, у межах рэлігійнага дыскурсу [Іванов 2019а]. Слоўнік біблейскіх асабовых імёнаў знойдзе выкарыстанне ў сферы адукацыі пры выкладанні беларускай мовы як роднай, як няроднай (ва ўмовах блізкароднаснага руска-беларускага двухмоўя), а таксама як замежнай.

Благодарность. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы БРФФД (разам з РФФД) у рамках навуковага праекта № Г18Р-301.

Літаратура

Балакова, Д., Вальтер, Х., Венжинович, Н.Ф., Гутовская, М.С., Иванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках. Могилёв: МГУ, 2014. 208 с.

Балакова, Д., Вальтер, Х., Иванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. О переводном словаре наиболее употребительных библеизмов (в английском, белорусском, немецком, русском, словацком, украинском языках) // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica. 2015. Вып. 6. С. 154–163.

Вальтер, Х., Иванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. Национально-культурная маркированность библейских выражений и афоризмов русского языка (лингвострановедческая зона русско-белорусского словаря библеизмов с соответствиями в немецком языке) // Но мы сохраним тебя, русский язык!: колл. монография, посвящённая 90-летию академика В.Г. Костомарова. М.: Флинта, 2020. С. 134–160.

Венізіктаў С.В., Даніленка І.Л., Іванова С.Ф., Іваноў Я.Я. Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 1: 3 іншамовных крыніц XII–XX стст. Магілёў: МДУ, 2004. 136 с.

Венізіктаў С.В., Даніленка І.Л., Іванова С.Ф., Іваноў Я.Я., Чэх В.В. Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 2: 3 рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. Магілёў: МДУ, 2006. 208 с.

Іванов, Е.Е. Афоризмы в религиозном дискурсе // Учёные записки ВГУ им. П.М. Машерова. 2019а. Т. 29. С. 142–147.

Іванов, Е.Е. О словаре крылатых библейских выражений современного белорусского литературного языка (с историко-этимологическими комментариями и соответствиями в современном русском языке) // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2019б. Вып. 2. С. 185–199.

Іванов, Е.Е., Кравцова, Д.С. О лексикографическом описании крылатых афоризмов из библейских источников в современном белорусском языке (с эквивалентами библейских афоризмов в русском языке) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). С. 54–63.

Іванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. О европейском словаре библеизмов // Универсальное и национальное в языковой картине мира. Минск: МГЛУ, 2017. С. 188–191.

Іванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. Типы эквивалентности устойчивых выражений-библеизмов в русском и белорусском языках // Религия и общество – XIII. 2019. С. 211–213.

Іваноў, Я.Я. Беларускія прыказкі з біблейных крыніц (матэрыялы да руска-беларуска-англійскага слоўніка біблеізму) // Аврааміевскія чтэння. Смолensk: Радопа, 2014. С. 11–24.

Іваноў, Я.Я. Біблейскае паходжанне фразеалагічных адзінак у сучаснай беларускай літаратурнай мове (па-за межамі этымалагічнага слоўніка фразеалагізмаў) // *Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО*. Могилёв: МГУ, 2019б. С. 68–72.

Іваноў, Я.Я. Біблейская афарыстыка ў беларускай мове (лексікаграфічны аспект) // *Романовские чтения – XIII*. Могилёв: МГУ, 2019а. С. 129–130.

Іваноў, Я.Я. Да складання слоўніка “Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з біблейскіх крыніц” (лексікаграфічны матэрыялы) // *Філолагічний часопис*. 2018а. Вип. 2 (11). С. 16–33.

Іваноў, Я.Я. Крылатыя выразы з Бібліі ў беларускай мове (лексікаграфічны аспект) // *Філолагічні студії*. 2018б. Вип. 18. С. 35–47.

Іваноў, Я.Я., Макіенка, В.М. Састаў і структура руска-беларускага слоўніка крылатых біблейскіх выказаў і афарызмаў // *Труды БГТУ. Серия 4*. 2019а. № 2 (225). С. 108–117.

Іваноў, Я.Я., Макіенка, В.М. Структура руска-беларускага слоўніка біблейскіх выказаў і афарызмаў (з адпаведнікамі ў нямецкай і польскай мовах) // *Немецкий язык – лингводидактическое обеспечение и методика преподавания*. Могилёв: МГУ, 2019б. С. 136–141.

Іваноў, Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамовных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н.э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік. Могилёў: МДУ, 2011. 164 с.

Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы і праблема яе лінгвакраіназнаўчай рэпрэзентацыі (на матэрыяле моўнай афарыстыкі) // *Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы)*. Мінск: Веды, 1998. С. 33–62.

Кравцова, Д.С. Біблейская афорыстыка беларускага мовы (асновныя трудныя лексікаграфічнага апісання) // *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: материалы 78-й Междунар. науч.-технич. конф., 20–24 апреля 2020 г.* Магнітогорск: МГТУ, 2020а. С. 513.

Кравцова, Д.С. Варыянты біблейскіх імён у беларускамоўных мастацкіх тэкстах // *Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО*. Могилёв: МГУ, 2020б. С. 154–158.

Кравцова, Д.С. Варыянтнасць перадачы біблейскіх імён у беларускай мове (агульнае і спецыфічнае) // *Філологіка*. 2020в. Вип. 21. С. 23–32.

Кравцова, Д.С. Фразеалагічныя біблейзмы як аб’ект лінгвістычнага даследавання // *Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VI*. Могилёв: МГУ, 2020г. С. 175–181.

Кравцова, Д.С. Языковое наследие Библии на фразеологических подсистемах русского и белорусского языков // *Итоги научных исследований учёных МГУ имени А.А. Кулешова 2019 г.* Могилёв: МГУ, 2020д. С. 58–59.

Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік прыказак. Мінск: Вышэйшая школа, 2014. 141 с.

Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск: БелЭн, 2004. 443 с.

Летта біблейскай мудрасці: руска-славянскі слоўнік біблейскіх выражэнняў і афарызмаў з адпаведнымі ў германскіх, рымскіх, армянскім і грузінскім мовах: у 2 т. / пад рэд. Е.Е. Іванова, В.М. Мокіенка, Д. Балакавай, Х. Вальтэра. Могилёў: МГУ, 2019а. Т. 1. 334 с.

Летта біблейскай мудрасці: руска-славянскі слоўнік біблейскіх выражэнняў і афарызмаў з адпаведнымі ў германскіх, рымскіх, армянскім і грузінскім мовах: у 2 т. / пад рэд. Е.Е. Іванова, В.М. Мокіенка, Д. Балакавай, Х. Вальтэра. Могилёў: МГУ, 2019б. Т. 2. 308 с.

Теплякова, А.Д. Істочнікі крылатых выражэнняў у беларускай мове // *Фразеалогія і моўная дынаміка / навуц. рэд. В.М. Мокіенка, А.В. Савченко*. Greifswald: E.-M.-A. Universität; Санкт-Пётэрбург: СПбГУ, 2011. С. 67–69.

Фурс, В. Біблейная афарыстыка ў беларускіх перакладах // *Роднае слова*. 2003. № 6. С. 78–80.

Цеплякова, А.Д., Иванова, С.Ф. Запозычаныя крылатыя выразы ў сучаснай беларускай мове // Фразеология германских, романских и славянских языков = Phraseology of Germanic, Romanic and Slavic Languages. 2009. Вып. 1. С. 98–112.

Цеплякова А.Д., Іваноў Я.Я. Літаратурныя крыніцы фразеалагічных адзінак, запозычаных з нямецкай мовы ў беларускую мову (па-за межамі этымалагічнага слоўніка фразеалагізмаў // Немецкий язык лингводидактическое обеспечение и методика преподавания. Могилев: МГУ, 2019. С. 82–87.

Чарота, И.А. Переводы священного писания на белорусский язык // Јужнословенски филолог. Београд, 2010. С. 497–510.

Шальманава, К. Пра некаторыя разыходжанні ў фразеалагічных мікрасістэмах (на матэрыяле бібліэзмаў і антычных міфалагізмаў у англійскай і беларускай мовах) // Роднае слова. 2000. № 12. С. 39–41.

*Е.И. Меснянкина, канд. филол. наук,
гл. ассистент, доктор-преподаватель
Софийский университет им. Св. Климента Охридского
(София, Болгария)*

ИГРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ИНТЕРНЕТЕ

Аннотация. В статье речь идёт об игровых трансформациях фразеологизмов, функционирующих в постерах неофициального русскоязычного Интернета. В контексте лингвокреативной деятельности «сетевого» человека рассматриваются характерные структурно-грамматические, семантические и экстралингвистические особенности узуальных выражений, подвергшихся трансформации.

Ключевые слова: фразеологизм, языковая игра, сетевая среда, речетворчество, лингвокреативное мышление, трансформация

В середине 80-х гг. прошлого века вышел в свет роман-фэнтези американо-канадского автора У. Гибсона «Нейромант» (англ. *Neuromancer*). Содержание романа составляет повествование о некоем киберпространстве, представленном в виде массовой галлюцинации, созданной электроникой. Всего лишь 30 лет спустя придуманные фантастом языковые единицы *киберпространство* и *виртуальная реальность* уже не относятся к разряду литературной фикции, но являются именами понятий, которые мы безошибочно связываем со всемирной паутиной Интернета.

Сегодня виртуальный мир действительно существует. Он служит нам платформой для обеспечения альтернативных форм жизни. Здесь, в виртуальной реальности, мы работаем, получаем дистанционное образование, совершаем покупки, свободно встречаемся и проводим досуг, активно взаимодействуя между собой, делись глубокими рассуждениями и лёгкими рецептами, сообщениями и фотографиями. Киберпространство предоставляет нам возможность свободно общаться, тем более что для проведения интерактивных встреч есть только одно условие – наличие подходящей техники и канала связи.

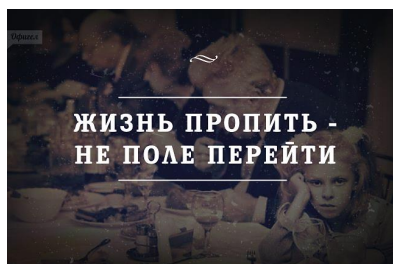
Если одна из основных целей Интернета – предоставить человеку безграничное и свободное в доступе пространство для коммуникации и развлечения, то возникает вопрос: в чём преимущество этого виртуального пространства перед реальным?

Возможный ответ видится нам в стремлении коммуникантов к языковым экспериментам, которые позволяют представить себя миру с разных сторон, в том числе и в неожиданном ракурсе; в стремлении привлечь внимание других посетителей виртуального пространства, благодаря творческому подходу к языку как главному инструменту Интернета, а если точнее – в стремлении привлечь внимание к индивидуально-авторскому отражению «окружающей человека действительности, которое тесно связано с ресурсами конкретного языка» [Роль человеческого фактора в языке 1988: 87]. Только осмысленная субъектом экстралингвистическая действительность может быть представлена оригинально и воспринята сознанием «другого».

Речетворчество в виртуальном пространстве является результатом креативного мышления «сетевого» человека. Изучение сущности этого процесса на материале фразеологизмов, циркулирующих в неофициальных жанрах Интернета, обеспечивает доступ к специфике языковой картины мира любого народа и «ко многим непосредственно не наблюдаемым процессам мыслительного, познавательного характера» [Голованова 2011: 9].

В задачи нашего исследования входит анализ фразеологических единиц, активно используемых в интернет-коммуникации и подвергающихся различного рода трансформациям, которые фиксируют специфику мировосприятия субъекта.

Русская паремия «*Жизнь прожить – не поле перейти*» имеет глубокий философский смысл, она акцентирует внимание на сложностях, тяготах, с которыми неизбежно сталкивается человек на жизненном пути. Трансформация паремии связана с заменой ключевого глагола – *прожить*.

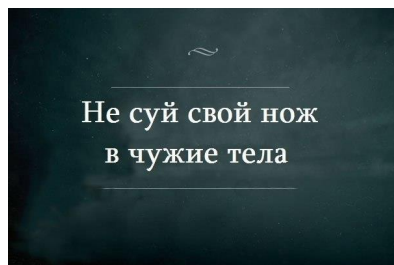

Субституцией лексем *прожить* / *пропить* автор стремится создать эффект «обманутого ожидания». При этом сама замена значительно меняет смысл выражения: внимание акцентируется на позиции, занимаемой субъектом. Моделируется новая ситуация: приобретение жизненного опыта подменяется отказом субъекта от активной деятельности. Пассивная жизненная позиция отмечается А. Вежбицкой как специфическая черта русского

мышления: отказ от стремления контролировать события, ибо их реальные причины ему неизвестны и непонятны [Вежицкая 1996]. При этом паремия-трансформ не теряет связи с русскими национальными и культурными стереотипами [Телия 1996] – о русском пьянстве написано немало.

Последнее замечание очень важно. В анализе трансформационных процессов необходимо учитывать и тот факт, что в рамках интернет-коммуникации наличие лингвокреативного мышления предполагается не только у автора новообразования, но и у потенциального его интерпретатора: «Если создание нового значения есть акт творчества говорящего / пишущего индивида, то в равной степени это относится и к слушающему / читающему, т. к. понять говорящего означает выполнить свой творческий акт, заключающийся в генерировании мысли, конгениальной, совпадающей с мыслью отправителя сообщения. Творчество создателя предполагает творчество потребителя» [Архипов 2008: 196].

На креативное мышление воспринимающего субъекта ориентирован и следующий вариант трансформации паремии «*Не суй свой нос в чужие дела*»:

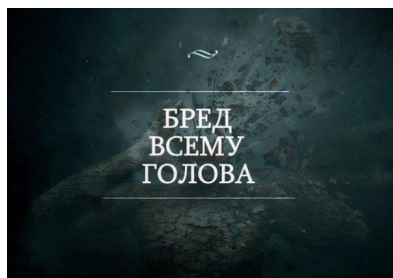
В постере обыгрывается формальное подобие двух пар лексем – *нож / нос* и *дела / тела*. Изменив всего две литеры, автор приглашает интерпретаторов включить творческий режим восприятия для решения языковой задачи. Процесс выбора варианта интерпретации предполагает готовность к поиску возможных способов разгадывания выражения путём поэтапного ассимилирования его фрагментов в рамках целого образа или расшифровывания отдельных компонентов как автономных.

Рассмотренные варианты трансформации русских паремий подтверждают мысль о склонности человека, в том числе и «сетевого», к языковой игре. Языковая игра, основанная на принципе нарочитого нарушения стандарта, представляет собой один из наиболее востребованных способов проявления творческого мышления. В языковом поведении «сетевой» личности стремление к игре обусловлено «специальной прагматической установкой речевого акта и индивидуальными возможностями говорящих в реализации потенциала языковых единиц» [Гридина 1996: 5].

Приведённый постер («аткрытка») наглядно демонстрирует, что креативная и игровая функции тесно взаимодействуют друг с другом. Благодаря многокомпонентной (вербальной и визуальной) экспликации фразеологизма «*Учиться никогда не поздно*» раскрывается не предполагаемая в узусе возможность его толкования. Используя приём двойной актуализации, автор умело жонглирует полисемантом *поздно*, который в предложенном контексте одновременно реализует два значения: первичное («действие, совершаемое после конкретного срока») и производное («тёмное время суток»). Сформированный автором контекст расширяет семантический потенциал фразеологизма и предлагает новую его интерпретацию: завершение светового дня не является препятствием для занятий. Приём расширения компонентного состава фразеологизма за счёт изменения привычного контекста создаёт эффект неожиданности, новизны и свежести, добавляющий высказыванию образность [Доброва 2018].

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет утверждать, что наиболее распространённым способом игровой трансформации фразеологизмов в Интернете является субституция узуального компонента (одного или нескольких) окказиональным; ср. следующие постеры с их прецедентами – «Хлеб всему голова» и «Копейка рубль бережёт»:

«Раскодирование» информации, транслируемой автором постеров, не предполагает следование каким-либо правилам. Можно предположить, что в подобных случаях мы имеем дело с использованием заимствованной в узусе формы как инструмента для игры с языком, поскольку смысл фразеологизма как прецедентного текста в новом выражении не актуализируется.

Авторы постеров, циркулирующих в виртуальном пространстве, черпают вдохновение из реальных и актуальных житейских эпизодов, что нередко приводит к буквализации смысла обыгрываемого фразеологизма.

Так, фразеологизм «*Первый блин комом*» в результате трансформации (включение дополнительных компонентов) утрачивает идиоматическое значение: при этом замена имени числительного *первый* / *седьмой* имеет следствием утрату прежней образной основы фразеологизма, в результате высказывание воспринимается буквально («*неудачно печь блины*»).

Если в узуальном употреблении «общезыковой фразеологический образ слит воедино», то «в случаях контекстного преобразования семантики фразеологизма этот образ предстает перед нами ярким, полнокровным, так как при этом вычлняются обе составные части фразеологического образа: обобщённость, метафоричность и чувственная конкретность предметного представления» [Вакуров 2001]. В результате трансформации фразеологизм обретает новую сущность, становится фрагментом другой истории, другого жанра (постер, мем, демотиватор и др.).

Особый вариант трансформации элемента русской фразеологии представляет внедрение в единицу иноязычных графических элементов:

Сложность языковой игры, к которой прибегает автор постера, заключается в двойном кодировании информации: с одной стороны, простое прочтение букв латинского алфавита позволяет нам восстановить русский фразеологизм «*Всё будет хорошо*»; с другой стороны, сочетание букв латиницы соотнесено с английскими словами (horror show), которые на русский язык

могут быть переведены как ‘шоу ужасов’. Смысл единицы-трансформа оказывается прямо противоположным узуальному значению фразеологизма.

Значительное количество и разнообразие обнаруживаемых в виртуальном пространстве игровых трансформаций русских фразеологизмов не позволяет в рамках статьи рассмотреть все характеристики данного явления. Однако и рассмотренный нами материал свидетельствует об актуальности самого процесса и позволяет выделить наиболее востребованные варианты трансформаций: замена узуального компонента окказиональным; внедрение в узуальную структуру новых компонентов, в том числе и иноязычных; формирование нового контекстного окружения и двойная актуализация смысла.

Литература

- Архипов, И.К.* Язык и языковая личность. СПб.: ООО «Книжный дом», 2008. 248 с.
- Вакуров, В.Н.* Фразеологический каламбур в современной публицистике [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_90 (дата обращения: 08.02.2021).
- Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. М.А.Кронгауз, вступ. ст. Е.В.Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416с.
- Голованова, Е.И.* Введение в когнитивное терминоведение: учеб.пособ. М., Флинта, Наука, 2011. 135 с.
- Гридина, Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 214с.
- Доброва, М.* Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект. Диссертация на соискание... доктора наук. Оломоуц, 2018.
- Мокиенко, В.М.* Многозначность слова и этимология фразеологизма // Проблемы фразеологии. Межвуз. сб. науч. трудов. Тула, 1980. С. 26–34.
- Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Изд-во «Наука», 1988. 216 с.
- Телия, В.Н.* Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288с.

*Н. А. Сикалова, ученица 9 класса МОУ «СОШ № 6»
Науч. рук.: С.Г. Шулежкова, д-р филол. наук, проф.
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)*

НОВАЯ ЖИЗНЬ БИБЛЕЙСКИХ ПАРЕМИЙ

Аннотация: Объектом исследования стали паремии из Книги Притч и их трансформы, бытующие в современных языках христианизированных народов. Материалом исследования послужили Книга притч, паремиологические словари и справочники, отражающие современное состояние паремиологических фондов западноевропейских языков. При анализе единиц с учётом диахронического подхода к изучению паремий применялся сравнительно-сопоставительный метод.

Ключевые слова: библеизм, фразеологизм, пословица, антипословица, Книга Притч

Современная речь славянских, романских и германских народов, в разное время принявших христианство, содержит немало кратких изречений, «зачастую юмористического плана, представляющих собой искажение хорошо известных всем пословиц» [Ларионова 2018: 551]. В современной лингвистике их называют антипословицами. Некоторые из таких паремий восходят к Священному Писанию.

Объектом нашего исследования стали паремии из Книги Притч и их трансформы, бытующие в современных языках христианизированных народов (русском, немецком, французском и английском). Материалом же исследования послужили Книга притч, изданная как часть Ветхого Завета на названных выше языках, а также паремиологические словари и справочники, отражающие современное состояние паремиологических фондов русского, немецкого, французского и английского языков. При анализе паремиологических единиц с учётом диахронического подхода к их изучению применялся сравнительно-сопоставительный метод.

Выяснилось, что в наши дни востребованы три варианта паремий библейского происхождения: 1) *притчевый*, представленный в Книге Притч, которая подверглась анализу по русскому синодальному переводу Библии [Библия 2013: [http](#)]; французскому переводу Библии Луи Сегона [Библия Луи Сегона 2001: [http](#)]; английскому переводу Библии короля Иакова [Библия короля Иакова 2010: [http](#)], немецкому переводу Библии Мартина Лютера [Библия Мартина Лютера 2010: [http](#)], церковнославянскому переводу Елизаветинской Библии [Библия (церковнославянский текст) 2013: [http](#)] и латинскому переводу Иеронима Блаженного [Библия, перевод Иеронима Блаженного 1999: [http](#)]; 2) *пословично-поговорочный*, отражённый в сборниках «Пословицы русского народа» [Даль 1862], «Народная мудрость в пословицах у немцев, русских, французов и других одноплеменных им народов» [Массон 1868], «Пословицы народов мира» [Пословицы народов мира 2012: [http](#)]; по немецко-русскому словарю пословиц и поговорок [Немецко-русский словарь 2010: [http](#)]; 3) *антипословиичный*, исследованный по сборнику антипословиц русского народа [Харри, Мокиенко 2005] и книге «Wörterbuch russischer Anti-Shpichwörter» [Walter, Mokienko 2002].

Многие учёные, придерживающиеся широкого понимания объекта фразеологии, считают паремии разновидностью фразеологических единиц. В.М. Мокиенко в предисловии к книге «В глубь поговорки» пишет о трёх типах фразеологизмов: 1) о словосочетаниях, имеющих обобщённо-переносное значение; 2) обо всех сочетаниях, воспроизводящихся в устойчивом и готовом виде; 3) о крылатых выражениях, афоризмах, и паремиях [Мокиенко 2005: 3]. Для нас принципиально важно то, что паремии – это сверхсловные языковые знаки предикативного типа, которые обогащали языковые системы индоевропейских народов в форме пословиц и поговорок.

На проникновения паремий из Книги Притч в тот или иной язык, а также их адаптацию оказывали влияние различные факторы: экономическая, политическая, религиозная, социальная, культурная и духовная сферы национального или

многонационального государства; интервенция извне; менталитет народа, его традиции и отношение к прошлому, контакты с другими народами.

Библейские паремии представляют собой сочетание духовности и наставлений на праведный путь. Самые древние библейские тексты датируются IV н. э. [Синайский кодекс: <http>]. Священное писание составлялось на основе разных отрывков, их содержание держалось на времени их написания, из-за чего Библия, словно из лоскутков, собранная древними писцами, состоит из разных по типу, содержанию, стилю написания книг. Кроме того, встречаются смысловые расхождения. К примеру, британский антрополог Джеймс Фрейзер при описании библейских текстов сообщает, что «для внимательного читателя Библии едва ли останется незамеченным резкое противоречие между двумя рассказами о сотворении человека, которые изложены в первой и второй главах книги Бытия» [Фрейзер 1985: 13].

Паремиям из Книги Притч присущи противопоставления, через которые автор(-ы) доносят глубину мысли до читателя. Приведём только некоторые примеры.

Притча 17:1. Схема библейской паремии, рождающейся из притчи, проста: на первом месте стоит малое, но реальное и благополучное, на втором – то, что непостижимо или чревато скорбными последствиями: *Лучше малое с благом, чем большее с раздором*. В церковнославянском языке эта паремия выглядит более развёрнутой: *Лучше оукрихъ хлѣба со сластѣю въ мирѣ, нежели домъ исполненъ многихъ благихъ и неправедныхъ жертвъ со бранѣю* [Библия 2013: <http>]. В русском языке она избавлена от старославянизмов: *Лучше кусок сухого хлеба и с ним мир, нежели дом, полный заколотого скота с раздором* [Библия 2013: <http>]. В латинском паремия звучит более категорично: *melior est buccella sicca cum gaudio quam domus plena victimis cum iurgio* [Библия, перевод Иеронима Блаженного 1999: <http>]. Французский вариант пословицы близок к латинскому: *Mieux vaut un morceau de pain sec, avec la paix, Qu'une maison pleine de viandes, avec des querelles* [Библия Луи Сегона 2001: <http>].

Французский язык относится к группе романских языков, генеалогически связанных с латинским, поэтому грамматические структуры латинской и французской паремий совпадают: лат. *melior* / фр. *mieux*; лат. *quam* / фр. *Qu'une* = *que* + *une* (article indéfini).

Английский и немецкий языки относятся к германской группе, и у паремий, восходящих к одной и той же притче, нетрудно обнаружить большое сходство. Сравним, например, англ. *Better is a dry morsel, and quietness therewith, than an house full of sacrifices with strife* [Библия короля Иакова 2010: <http>] и нем. *Es ist ein trockner Bissen, daran man sich genügen läßt, besser denn ein Haus voll Geschlachtetes mit Hader* [Библия Мартина Лютера 2010: <http>]. Здесь нем. *besser* соответствует англ. *better*. У немецкого эквивалента нарушена конструкция «Лучше малое с благом, чем большее с негативом» → «Малое с благом лучше, чем / большое с раздором».

Пословично-поговорочный период освоения библейских паремий свидетельствует о большем разнообразии паремий, восходящих к одному и тому же источнику. «Пословица – образное законченное изречение, имеющее

назидательный смысл и, обычно, специфическое ритмо-фонетическое оформление» [Словарь лингвистических терминов 2004: 341]. *Поговорка* – это краткое образное выражение, оборот речи, метко определяющий какое-либо явление жизни, лишённый обобщающего поучительного смысла, в отличие от пословицы [Дмитриева, Тихонова 2011: [http](#)].

Традиционные пословицы выступают в роли сейфа, в котором в сохранности остаются следы национальных и культурных традиций, совокупность правил и норм поведения, выработанных опытом жизни, постулатов практической философии, передающихся из уст в уста, из поколения в поколение. Эти фундаментальные функции пословиц отображают «некий культурный кодекс, который является своеобразным регулятором отношений людей и даёт возможность для самоидентификации» [Мокиенко, Николаева, Никитина 2010: 6]. Удачно употреблённая пословица имеет свойства повышать эмоционально-оценочный потенциал письменного текста [Хопияйнен, Филимонова 2018: [http](#)] или устной речи, а также позволяет метко и лаконично охарактеризовать ситуацию минимальными средствами, но с максимальной смысловой ёмкостью [Бим 2002: 13].

Фундаментом пословичных единиц служат образы, привычные и ясные для определённой группы людей, на которых нацелена сверхсловная языковая единица. Данные образы позволяют проникнуть в систему ценностных ориентаций лингвокультурного общества, расширить понимание особенностей мышления человека как носителя той или иной культуры [Хопияйнен, Филимонова 2018: [http](#)]. Используя отшлифованные и меткие языковые единицы, носитель языка обобщает и усваивает различные установки, предписания, действительные и признанные для данного общества [Там же]. Зачастую в пословицах содержатся архаичные слова, которые «как бы отдохнувшие от повседневного употребления, придают иной раз языку необыкновенную мощь и праздничность» [Маршак 2018: 110]. Ср. рус. *Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой* [Даль 1862], где архаичное «нежели» заменено общеупотребительным «чем»; фр. *Mieux vaut pain sec et la paix que bonne chère et querelle* [Массон 1868], где опущен артикль, qu'une = que + une (article indéfini) → 'que'; англ. *Better a little fire to warm us, then a great one to burn us*. [Пословицы народов мира 2012: [http](#)] и нем. *Trocken Brot mit Freuden ist besser als Gebratenes mit Kummer* [Немецко-русский словарь 2010: [http](#)].

Антипословичный вариант бытования библейских паремий свидетельствует о более глубоком их «вживании» в национальные языковые системы. Термин *Antispruchwort* (= антипословица) был предложен американским лингвистом немецкого происхождения В. Мидером. Выдающийся паремиолог определяет данные сверхсловные языковые единицы как «перекрученные мудрости» [Харри, Мокиенко 2005]. Позже термин был переведён на русский язык как *антипословица*. В ходе целенаправленной трансформации народных устойчивых комплексов изменяется их внутренняя и внешняя форма, а в итоге появляются *антипословицы* [Мокиенко, Николаева, Никитина 2010: 6]. А.Г. Кудрявцева причисляет эти единицы к фразеологизмам: «Это фразеологические единицы, совпадающие по значению,

но имеющие различный состав лексических компонентов, часто различное грамматическое оформление, различную образность» [Кудрявцева 2017: 20]. Антипословицами добиваются комического эффекта, опровергая древние устои и изначальную суть устоявшихся паремий.

Изменение, искажение, придача новой формы привычным клише – основные пути порождения антипословиц. Причиной возникновения разнообразных семантических модификаций узуальных пословичных единиц является разноплановая и многогранная человеческая жизнь [Хопияйнен, Филимонова 2018: http], которая течёт из дня в день, наполняясь новыми красками, что и позволяет придать новые оттенки значений традиционным пословицам.

Антипословицы появляются за счёт замены одного из компонентов узуальной пословицы или добавления нового компонента при сохранении грамматической структуры всего оборота. Одновременно может изменяться и стилистическая окраска [Кудрявцева 2017]. Антипословицы также возникают с помощью: 1) замены одного из лексических компонентов паремии синонимом; 2) замены одного из лексических компонентов не синонимом, а словом или словосочетанием с иным значением; 3) добавления иного лексического компонента; 4) внедрения лексического компонента, относящегося изначально к другой паремии; 5) включения в состав пословицы какого-либо оборота в роли компонента целиком.

Приведём только один пример такой трансформации. В современной русской антипословице *Лучше рубли в руках, чем доллары в небе* [Харри, Мокиенко 2005] можно наблюдать результат воздействия на известную паремию нескольких обстоятельств, в числе которых находится то, что после смены в России социально-экономического уклада жизни граждан денежные доходы стали одной из главных составляющих материального благополучия, и россияне в 1990-е годы, как и герои одного из основоположников психологического романа, почувствовали, что «Приносить доход – довод, который стал управлять всем...» [Stendhal 1830: 14].

В наши дни у христианизированных народов востребованы все три варианта паремий библейского происхождения: 1) *притчевый*, представленный в Книге Притч; 2) *пословично-поговорочный*, отражённый в многочисленных сборниках славянских, германских и романских народов, и 3) *антипословичный*.

Благодарность. Работа выполнена в рамках научного проекта № 19-51218005\19 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Болгарии.

Литература

Библия (церковнославянский текст), 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek/prit_solom.html#g17 (дата обращения: 19.09.20).

Библия короля Иакова, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bibleonline.ru/bible/kjv/> (дата обращения: 10.08.20).

Библия Луи Серона, 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.info-bible.org/lsg/INDEX.html> (дата обращения: 10.08.20).

Библия Мартина Лютера, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bibleonline.ru/bible/deu/pro/> (дата обращения: 10.08.20)

Библия, перевод Иеронима Блаженного (латинский перевод), 1999 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/bible/latin/vul-pr.htm> (дата обращения: 17.09.20).

Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библийское общество, 2013. 295 с.

Бим, И.Л. Личностно-ориентированный подход – основная стратегия обновления школы // Иностранные языки в школе. 2002. № 2. С. 11–15.

Даль, В. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: Универ. тип., 1863. 707 с.

Дмитриева, М.Ю., Тихонова, Е.В. Сравнительная характеристика английских пословиц и их русских эквивалентов [Электронный ресурс] // Молодёжь и наука: Материалы VI Всерос. науч. конф. Красноярск, Сибирский федеральный ун-т, 2011. Режим доступа: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/4605> (дата обращения: 10.08.20).

Кудрявцева, А.Г. Антипословицы в немецком языке // Евразийский гуманитарный журнал. Изд-во: Пермского гос. нац. исслед. ун-та, 2017. С. 19–24.

Ларионова, Е.И. Способы образования антипословиц в турецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики № 12(90). Ч. 3. Тамбов: Грамота, 2018. С. 551–556.

Маршак, С. Воспитание словом: статьи, заметки, воспоминания. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 416 с.

Масон, М.В. Народная мудрость в пословицах у немцев, русских, французов и других одноплеменных им народов. СПб.: Тип. И И. Глазунова, 1868. 390 с.

Мокиенко, В.М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. 3-е изд., перераб. СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2005. 256 с.

Мокиенко, В.М., Николаева, Е.П., Никитина, Т.Ю. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп; Просвещение, 2010. 1024 с.

Немецко-русский словарь пословиц и поговорок, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scheptikin.narod.ru/sprichwoerter/t.html> (дата обращения: 28.09.20).

Пословицы народов мира // Английские пословицы, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.poslovitza.ru/angliyskie.html> (дата обращения: 31.12.20).

Синайский кодекс [Электронный ресурс] // Википедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Синайский_кодекс (дата обращения 11.10.20).

Словарь лингвистических терминов / сост. О.С. Ахманова. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.

Фрейзер, Д.Д. Фольклор в Ветхом Завете. 2-е изд., испр. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1985. 511 с.,

Харри, В., Мокиенко, В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005. 576 с.

Хопияйнен, О.А., Фильмонова, Н.В. Деформационные стратегии в образовании антипословиц русского, английского и немецкого языков [Электронный ресурс] // Язык и культура. Вып. 42. Режим доступа: http://journals.tsu.ru/language/&journal_page==archive&id=1744&article_id=38886 (дата обращения: 15.05.2020).

От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира: коллективная монография: в 2 ч. Ч. 2 / Мишина Л.Н., Коротенко М.А., Меркулова Н.В., Чурилина Л.Н., Постникова И.А., Гневэк О.В., Михин А.Н., Андреева С.Л., Анохина С.А., Осипова А.А. / под редакцией С.Г. Шулежковой. Магнитогорск, 2008.

Mieder, W. Twisted Wisdom Modern AntiProverbs. Hobart: DeProverbio.com, 2002. 260 p. Stendhal. Le rouge et le noir, les grands texts du XIX siècle. Paris: Pocket classiques, 2019. 665 p.

Walter, H., Mokienko, V. Wörterbuch russischer Anti-Shpichwörter Lehrmaterial für Studenten der Slawistik. Greifswald: Trnst-Moritz-Arndt-Universität, 2002. 153 S.

*А.Д. Цеплякова, аспірантка
Навук. кір.: Я.Я. Іваноў, канд. філал. навук, дац.
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова (Магілёў, Беларусь)*

КАМБІНАВАНЫЯ СПАСАБЫ ТРАНСФАРМАЦЫІ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЗАЎ У МАЎЛЕННІ

Анацыя. У артыкуле разглядаюцца спосабы спалучэння структурных і мадальных трансфармацый крылатых выразаў і афарызмаў у маўленні на матэрыяле мовы мастацкай літаратуры і публіцыстыкі. Вылучаюцца спалучэнні “мадальныя + структурныя змяненні”, “мадальныя + марфалагічныя пераўтварэнні”, “мадальныя + сінтаксічныя + марфалагічныя змяненні”, “сінтаксічныя + марфалагічныя пераўтварэнні”. Робіцца вывад аб прадуктыўнасці трансфармацый розных тыпаў у маўленні.

Ключавыя словы: беларуская мова, крылатыя выразы і афарызмы, структура, змест, трансфармацыя, мова мастацкай літаратуры, мова публіцыстыкі.

Крылатыя словы – гэта розныя па структуры і змесце цытаты з тэкставых крыніц, масава вядомыя і рэгулярна ўжывальныя ў маўленні, якія могуць страчваць асацыяцыю з сваёй крыніцай і ўжывацца як фразеалагізмы або як прыказкі [Лепешаў 1986; 1992; Міхневіч 1994; Іванов 2000; 2003а; 2003б; Іваноў 2005а; Іванова, Іваноў 2008; Іванов, Іванова 2009; Іванов 2017; Ломакіна, Мокиенко 2019]. Рознааспектнае вывучэнне крылатых выразаў і афарызмаў – адна з актуальных праблем сучаснага беларускага мовазнаўства [Іванов 2013].

Структура крылатых выразаў і афарызмаў падпадае трансфармацыям, сярод якіх трэба размяжоўваць змяненні трох тыпаў. Найперш, мадыфікацыі крылатых выразаў і афарызмаў назіраюцца пры іх запазычанні з адной мовы ў іншую [Proverbia et dicta 1993; Венідзіктаў, Іваноў 2002; Цеплякова, Іванова 2009; Іванова, Іваноў 2011а; 2011б; Теплякова 2011а; 2011б; Іваноў 2013; Цеплякова, Іваноў 2019]. Па-другое, крылатыя выразы і афарызмы змяняюцца пры іх парадыйных ці жартоўных трансфармацыях, у выніку якіх ствараюцца т.зв. “антыцытаты” [Іванова, Іваноў 2010; Іванова, Іваноў, Шпакоўская 2011]. І па-трэцяе, крылатыя выразы і афарызмы мадыфікуюцца пры іх ужыванні ў маўленні [Цеплякова 2018а], прычынай чаго з’яўляецца такая іх уласцівасць, як лаканізм [Іваноў 2005б], што перашкаджае моўніку свабодна ўбудоваць іх у сінтаксічную будову маўлення, у выніку чаго структура крылатага выразу ці афарызма ў той ці іншай ступені відазмяняцца (без страты плану зместу). Такія відазмяненні крылатых слоў і афарызмаў у маўленні бываюць адзінкавыя і рэгулярныя, аднастайныя і камбінаваныя.

Камбінаваныя змяненні – гэта спалучэнне трансфармацыйных прыёмаў розных тыпаў у межах аднаго крылатага выразу. Камбінаваныя змяненні можна дыферэнцыраваць на аднатыпныя і рознатыпныя. Аднатыпныя камбінаваныя трансфармацыйныя прыёмы былі разгледжаны намі раней [Теплякова 2007; Цеплякова 2007; 2010; 2011; 2016; 2017; 2018а; 2018б; 2018в]. Рознатыпныя трансфармацыі прадстаўляюць найбольшую цікавасць.

Мэта даследавання – вылучыць розна тыпныя спалучэнні трансфармацый крылатых выразаў і афарызмаў у маўленні. У якасці матэрыялу даследавання выбраны ілюстрацыі ўжывання крылатых выразаў і афарызмаў у мове твораў мастацкай літаратуры і публіцыстыкі, адлюстраваныя ў даведніках крылатых слоў [Янкоўскі 1960; Іванова, Іваноў 1997; Венідзіктаў і інш. 2004; Венідзіктаў і інш. 2006; Іваноў 2011; Лепта 2019а; 2019б], а таксама ў фразеалагічных і парэміялагічных слоўніках [Лепешаў 2014; 2014]. Усяго было праналізавана больш за 1200 выпадкаў ужывання крылатых выразаў і афарызмаў.

У выніку даследавання былі вылучаны шэраг наступных розна тыпных камбінаваных трансфармацый крылатых слоў у маўленні.

Мадалныя + структурныя трансфармацыі (5,3%). У межах гэтага тыпу найбольш пашыранымі з’яўляюцца наступныя камбінаваныя прыёмы.

1. Канкрэтызацыя + лексічная субстытуцыя, напр.: *XX стагоддзе ведае рэмаркаўскае “згубленнае пакаленне”, быкаўскае “забітае пакаленне”*. Апошняя яго трэць павінна была прайсці пад знакам “сямідзесятнікаў” якія, аднак, з-за сваёй малалікасці, абумоўленай ваеннай і паваяеннай дэмаграфічнай сітуацыяй, не здолелі спраўдзіць чакання. (ЛіМ, 2000, № 32) – параўн.: *згубленнае (страчанае) пакаленне; “Усе мы ў адной лодцы. Нікому паасобку гінуць не хочацца”, – заўважыла Валянціна Свяцкая, сакратар цэнтральнай рады Аграрнай партыі. “Мы не будзем лічыць, у каго большы рэйтынг. Сёння мы ўсе разам”, – падкрэсліў Юры Хадыка. (Св., 30.07.1996) – параўн.: Трое ў <адной> лодцы.*

2. Канкрэтызацыя + змена модуса паведамлення + акалічнасная устаўка, напр.: *Людзі, сапраўды будзьце пільнымі: на Менску разгультвае маньяк*. (Н-кі, 5-13.06.2002) – параўн.: *Людзі, <я любіў вас,> будзьце пільнымі!*

3. Змена модуса паведамлення + адмаўленне + анексія, напр.: *Не шукайце жанчыну, бо яна вас ашукае*. (Паг., 2000, № 6) – параўн.: *Шукайце жанчыну!*

4. Змена модуса паведамлення + увядзенне ў стандартны кантэкст, напр.: *Калі кароль голы, князь з ягонай світы. (М. К.) – параўн.: <А> кароль <жа> голы!*

5. Змена модуса паведамлення + элімінацыя лексічных кампанентаў + лексічная субстытуцыя, напр.: *У марыве заўсёды гарыць усёпаглынальны агонь рэвалюцыі – нас чакаюць вялікія справы. І разам з тым творчы напал Расціслава Васільевіча заўсёды змяшчаецца ў непакісную раму канфармізму. (А. Г. 2) – параўн.: Уставайце, граф, вас чакаюць вялікія справы!*

6. Змена модуса паведамлення + аб’ектная і акалічнасная ўстаўкі, напр: *Сёння – амаль кожны чалавек зусім практычна адчувае, бачыць: сэнс ягоных спраў, планаў, надзей наўпрост залежыць ад таго, што адбываецца на ўсёй планеце, з усімі людзьмі. Завастрыліся “пытанні” ў адным і галоўным напрамку – быць альбо не быць чалавеку н а 3 я м л і? У прамым, у фізічным сэнсе і значэнні слова. (Адам.) – параўн.: Быць або (ці) не быць <вось у чым пытанне>.*

7. Змена модуса паведамлення + акалічнасная ўстаўка + структурная інверсія, напр: *“Лепш жыць на каленях, чым памерці, стоячы на панелі...” – робіць вывад жанчына лёгкай паводзін, седзячы на каленях у заможнага мужчыны з бакалам віна каля багатага стала. (Вож., 1999, № 1) – параўн.: *Лепш памерці стоячы, чым жыць на каленях!**

8. Змена модуса паведамлення + аб'ектная ўстаўка + змяненне сінтаксічнай структуры, напр.: *Улада часьцей пераходзіць з рук у рукі, чым з галавы ў галаву. А можа хай два Гамлеты б'юцца: каму з іх быць, а каму ня быць? Сена, што ў галаве некаторых паэтаў, відавочна не падабаецца Пэзасу. У некаторых крыніцах натхнення музы мыюць ногі.* (НН, 1996, № 9) – параўн.: *Быць або (ці) не быць <вось у чым пытанне>.*

9. Змена модуса паведамлення + лексічная субстытуцыя, напр.: *Па шчырасці, я ніколі не думаў, што табе захочацца слухаць пра чыста мужчынскія справы, пра забойствы і вайну, пра Шэкспірава “Быць ці не быць?”, якое для мужчыны гучыць інакш... Забіваць альбо не забіваць? А для жанчыны... Нараджаць ці не нараджаць?”* (А. Г. 1) – параўн.: *Быць або (ці) не быць <вось у чым пытанне>; [Ціхан:] – Не чапіся, Шатун, да чалавека, бо зноў абстрыгуць без суа і следства. [Шатун:] – Таму што іхняя секта – опіў для народа! Можа, я праз яе піць пачаў! Можа, у мяне тры дні свінні някормленыя!* (А. П.) – параўн.: *Рэлігія – опіў <для> народа.*

10. Змена модуса паведамлення + лексічная субстытуцыя + дэактуалізацыя сінтаксічнай структуры, напр.: *Шкада, але ўзровень грамадзянскасці ў нашым грамадстве вельмі нізкі, і ўсё большая колькасць людзей пачынае кіравацца прынцыпамі накішталт “выкарыстоўвай момант, бо адзін раз жывём”, “баяры ўсё, што дрэнна ляжыць”, “пасля мяне – хоць патоп”* (БД, 1995, № 12) – параўн.: *<Пасля нас> хоць патоп!*

Мадальныя + марфалагічныя трансфармацыі (1,6%), напр.: *Прыдумай сваю “машыну часу”.* [Назва артыкула] (Нав., 14.04.1998) – параўн.: *машына часу; Вайна з фашысцкімі захопнікамі раскрыла ва ўсёй сваёй рэакцыйнай разбойніцкай сутнасці нутро фашысцкага “новага парадака”, у імя якога падняла меч прусацкая ваенічына і імя якому – гітлерызм. Руіны і попел, пажарышчы і пустэлі, галеча і голад, разбой і грабеж, няволя і катарга – неадменныя спадарожнікі арганізаваных, да зубоў узброеных фашысцкіх забойцаў і марадзёраў.* (Я. К. 3) – параўн.: *новы парадак; Берлінскі помнік можна будзе паставіць у Маскве як манумэнт невядомаму салдату чачэнскай кампаніі.* (Н-кі, 2001, № 4) – параўн.: *невядомы салдат.*

Мадальныя + сінтаксічныя + марфалагічныя трансфармацыі (2,8%), у межах якіх найбольш пашыранымі з'яўляюцца наступныя кантамінацыйныя прыёмы.

1. Канкрэтызацыя + элімінацыя асобных лексічных кампанентаў + лексічная субстытуцыя + дзеяслоўная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Мы зрабілі для “народных абраннікаў” усё, што маглі. Мы далі ім магчымасць спакойна працаваць. У іх быўдаўпэўненасць у тым, што іх ня “вынесуць” з Авальнай залі, як некалі апазыцыю БНФ. Начная плошча мела свае вочы, вушы й голас, каб у выпадку “вынасу” ўбачыць і паклікаць на дапамогу.* (НН, 02.12.1996) – параўн.: *І сцены маюць вушы.*

2. Канкрэтызацыя + лексічная інверсія + дзеяслоўная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Шумелі Густа дні, бы трыснягі, І гэтак у жыцці знячэўку выйшла: Прайшоў ён некла д'яблавых кругі І нават зачатиў нагамі*

ліщині. (В. М. 3) – параўн.: <Зведаць (прайсці) усе> **колы (кругі)** <дантава (дантавага)> **пекла**.

3. Канкрэтызацыя + адмаўленне + лексічная субстытуцыя + дзеяслоўная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Ад тваёй згоды залежыць мой лёс. – А мой – таксама? – ужо трохі апамятаўшыся, спытала яна. – Безумоўна, Вераніка, – ён кінуў буйною галавою, усміхнуўся аднымі вуснамі, паказаўшы вялікія белыя зубы. Відаць, што іронія ў пытанні Веранікі ён не заўважыў. – Калі ты **не скарыстаеш такога моманту**, ты будзеш сабе вечным ворагам. Запомні!* (Дам. 1) – параўн.: **Лаві момант**.

4. Змена модуса паведамлення + элімінацыя асобных лексічных кампанентаў + дзеяслоўная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *3 райвыканкаму загадалі падаць звесткі, якія газеты і часопісы вытываюць дырэктар саўгасу, старшыня сельсавету ды дырэктар школы. [...] Відаць, вэртыкаль загадзя рыхтуецца да прэзідэнцкіх выбараў. Шукае “надобранадзейных”, каб тыя, крыў Божы, ня трапілі ў выбарчыя камісіі, ад якіх будуць чакаць новых здзяйсненняў у справе падліку нашых галасоў. А мо і КДБ вывучае попыт на “апазыцыйную літаратуру”. Тады дзякуй Богу, што гэта закранае толькі тутэйшую “намэнклятуру”, а ня ўсіх нас. **“Хаў багатыя плачуць!”** (НН, 2001, № 1) – параўн.: **Багатыя таксама плачуць**.*

5. Змена модуса паведамлення + лексічная субстытуцыя + дзеяслоўная марфалагічная трансфармацыя, напр.: **Кароль выключаны. Жыве кароль?** [Назва артыкула]. (Н-кі, 2000, № 15) – **Кароль памёр! Няхай жыве кароль!**

6. Змена модуса паведамлення + змяненне сінтаксічнай структуры + намінацыйная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Лічу ганебным тое, што ў Францыі, зь яе **“свабодай, роўнасцю і братэрствам”**, паліцаў сынагогі, цкуюць габрэў, апаганьваюць іхныя могілкі.* (НН, 03.05.2002) – параўн.: **Свабода, роўнасць, братэрства!**

7. Змена модуса паведамлення + лексічная субстытуцыя + лексічная інверсія + змяненне сінтаксічнай структуры + намінацыйная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Вырашыць праблему можна двума сродамі. Паводле Эрыха Фрома, дэструктыўнасць пераадоўваецца рацыяналізацыяй. Мадэль камунізму і есць неабходнай рацыяналізацыяй – грамадства, пабудаванае на іх ідэях **братэрства, роўнасці і ішчасся**. <...> (НН, 12.12.2003) – параўн.: **Свабода, роўнасць, братэрства!***

8. Адмаўленне + атрыбутыўная ўстаўка + намінацыйная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Мы асуджаем тэразызм, лічым, што **святая мэта не апраўдае любых сродаў***. (ЛіМ, 02.02.1996) – параўн.: **Мэта апраўдае сродкі**.

9. Адмаўленне + субстытуцыя + намінацыйная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Акурат перада мной стаялі **кабеты** далёка ўжо **не бальзакаўскага веку** й мужчына Бальзакавага выгляду.* (НН, 2000, № 51) – параўн.: **жанчына бальзакаўскага ўзросту**.

Сінтаксічныя + марфалагічныя трансфармацыі (13,2%). У межах гэтага тыпу найбольш пашыраны наступныя камбінаваныя прыёмы.

1. Увядзенне ў стандартны кантэкст + парцэляцыя (дыстантная) + лексічная субстытуцыя + намінацыйная марфалагічная трансфармацыя, напр.:

Колькі б ні шукалі ісціну ў віне, на самой справе яна знаходзіцца ў гарэліцы. (Вож., 1996, № 12) – параўн.: Ісціна (праўда) у віне.

2. Дыстантная парцэляцыя + намінацыйная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Усе засяроджана слухалі маладога, ды не, нават юнага загадчыка літчасткі, які вельмі нагадваў Дон Кіхота ці барона Мюнхаўзена, толькі яшчэ бязвусых. Гаварыць ён стараўся гучна, выразна і, як яму, мусіць, здавалася, тэмпераментна: – Дакуль, я вас пытаюся, дарагія таварышы, нашыя паважаныя кабеты бальзакаўскага, а то і ўвогуле няпэўнага ўзросту будуць іграць хлапчукоў?! Гэта ж прафанацыя. Гэта не толькі антыэстэтычна. Гэта амаральна.* (Г. Б.) – параўн.: жанчына бальзакаўскага ўзросту.

3. Элімінацыя + марфалагічныя трансфармацыі праяўляецца ў адзінкавай мадэлі (элімінацыя асобных лексічных кампанентаў + намінацыйная марфалагічная трансфармацыя), напр.: *Дзесяты ці адзінаццаты кажух шые Голуб за зіму. Ён пашыў бы болей, але гаспадар на гаспадара не прыходзіцца. У аднаго аўчын няма, у другога не выраблены, цвёрдыя, як бляха. Дый на другую работу ён адцягваўся, перашываючы розную старызну. Дзень пабольшаў. Праз акенечка стопкі Голубу відаць, якія доўгія капяжы-суслы навіслі са страхі хлява. Сонца ўсё часцей прабіваецца з-за калматых воблакаў, і капяжы безупынна капаюць. Кроплі звіняць, пяюць, падаючы з ледзяшоў, якія падобны на застылую музыку. Вясна на дварэ. (І. Н. 1) – параўн.: Архітэктура – застылая музыка; *Але – не вяртацца ж назад, на раздарожжа, столькі праехаўшы. Уперад, толькі ўперад! Трэба паганяць страчаны час.* (ЛіМ, 2001, № 10–11) – параўн.: у пошуках страчанага часу.*

4. Элімінацыя + субстытуцыя + марфалагічныя трансфармацыі, што рэалізуюцца паводле некалькіх спосабаў.

а) элімінацыя асобных лексічных кампанентаў + лексічная субстытуцыя + намінацыйная і дзеяслоўная марфалагічныя трансфармацыі, напр.: *Выспеў час стварэння новага вучэння, ужо без Хрыста, ці, па-простаму кажучы, антыхрыстовага. Стварыў яго супляменнік Хрыста Маркс. Разам са сваім закадычным дружбаком Энгельсам яны выпусцілі здань камунізму бадзяцца па Еўропе. Бадзялася гэтая здань, бадзялася, пакуль не прыбілася да славян ...* (Вож., 1999, № 12) – параўн.: Прывід ходзіць па Еўропе, прывід камунізму;

б) элімінацыя асобных лексічных кампанентаў + лексічная субстытуцыя + намінацыйная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Для горада, дзе зараз пераважная большасць беспрацоўных належаць да “слабай палавіны” і дзе налічваецца ўсяго некалькі вакансій для жанчын, без перабольшання, гэта стане сацыяльнай катастрофай.* (З-да, 12.12.2002) – параўн.: мая другая (лепшая) палавіна;

в) элімінацыя асобных лексічных кампанентаў + лексічная субстытуцыя + змяненне сінтаксічнай структуры + дзеяслоўная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Мы выкрылі сумніцельную здань светлай будучыні, якая блукала па Еўропе...* (Вож., 1998, № 7) – параўн.: Прывід ходзіць па Еўропе, прывід камунізму.

5. Акалічнасная ўстаўка + дзеяслоўная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Цяпер, калі вярнуцца назад і ацаніць тое мастацтва, то мы павінны проста зняць шапку перад гэтым мастацтвам, перад яго лепшымі творамі...*

Цяпер часы змяніліся. (ЛіМ, 14.05.1993) – параўн.: Часы мяняюцца, <і мы мяняемся разам з імі>.

6. Прэдыкатывная ўстаўка + лексічная субстытуцыя + лексічная інверсія + марфалагічныя трансфармацыі, напр.: *Неяк выходзіць у нас з вамі дзіўна: запрашалі вас да сябе, а вы чамусьці ўсё не выбераце часу. А раз Магамет да гары не ідзе, астаецца гары ісці да Магамета.* (Лыньк.) – параўн.: *Калі гара не ідзе да Магамета, то Магамет ідзе да гары.*

7. Субстытуцыя + марфалагічныя трансфармацыі, што рэалізуецца паводле наступных спосабаў:

а) лексічная субстытуцыя + намінацыйная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Надыходзіць час, калі ў грамадстве ствараецца такая атмасфера, што яму не патрэбны сумленны прынцыповы чалавек, які мае незалежны меркаванні, яшчэ не абалванены марыянэтакнай уладаю.* (Г М.) – параўн.: *марыянэтакны ўрад;*

б) лексічная субстытуцыя + субстытуцыя структурных частак + дзеяслоўная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Яны падышлі да вялікага новага дома на праспекце, і гэта чамусьці канчаткова пераканала Лемяшэвіча, што Дар'я Сцяпанавіч – жанчына замужняя. Ён пажартаваў: – Скажыце, дзе вы жывеце, і я скажу, хто вы, так здаецца? (Шам. 3) – параўн.: *Скажы <мне>, хто твае сябры (твой сябра), <і> я скажу, хто ты.**

8. Лексічная субстытуцыя + лексічная інверсія + намінацыйная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *З унартасцю Сізіфавой // без лінііх парафраз // ён дзень за днём // успіхае свой Камень на Парнас.* (Э. А.) – параўн.: *сізіфава праца.*

9. Інверсія + марфалагічныя трансфармацыі, што рэалізуецца паводле наступных спосабаў:

а) лексічная інверсія + намінацыйная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Усмешлівая парачка схавалася за бурачковай занавескаю, пакінуўшы мяне любавання высокім белым крэслам. Давялося пайсці далей і разглядаць штучны тавар. Заапарк у чырвоным, пурпуровым, бэзавым, ліловым святле. Людзі – жывёлы. Жывёлы – людзі.* (А. Г. 7) – параўн.: *Чалавек – жывёла (звер); Нацыя. Тут, як кажуць, няма каментарыяў – усё даўно ўжо сказана.* (Св., 20.02.1996) – параўн.: *Каментары лішнія (не патрэбны);*

б) лексічная інверсія + дзеяслоўная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Калі б не слухныя парады ды падказкі начальніка рыбааховы, не разуменне з боку кіраўніка раёна – на сённяшні дзень з ветракамі ваяваў бы.* (3-да, 28.06.2002) – параўн.: *ваяваць (змагання) ветракамі.*

10. Змяненне сінтаксічнай структуры + дзеяслоўная марфалагічная трансфармацыя, напр.: *Часам аўтар апаведу трапляе ў палон да, як цяпер кажуць, харызматычнай асобы героя і за ім следам імкнецца ахатніц неабдымнае, “пераблытаць дзень і ноч”, спыніць імгненне”, каб выказаць самае шчырае захапленне.* (ЛіМ, 2001, № 7) – параўн.: *Спыніся імгненне! <Ты цудоўнае>.*

Такім чынам, найбольш прадуктыўным спосабам змянення крылатых выразаў і афарызмаў у маўленні з'яўляецца “сінтаксічныя + марфалагічныя трансфармацыі”. У сваю чаргу, найбольш разгалінаванымі прыёмамі змянення

крылатых выразаў і афарызмаў у маўленні з’яўляюцца спалучэнні “мадальныя + структурныя трансфармацыі”, “мадальныя + сінтаксічныя + марфалагічныя трансфармацыі”.

Благодарность. Даследаванне выканана ў межах задання НДР “Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы (у еўрапейскім моўным кантэксце)” (ДР № 20161332) падпраграмы “Беларуская мова і літаратура» Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў “Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства” на 2016–2020 гг.

Літаратура

Венізіктаў, С.В., Іваноў, Я.Я. Рускамоўныя запазычэнні крылатых слоў у сучаснай беларускай мове // *Dziennikstwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich*. Białystok, 2002. Т. VIII. S. 210–217.

Венізіктаў, С.В., Даніленка, І.Л., Іванова, С.Ф., Іваноў, Я.Я. Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 1: 3 іншамовных крыніц XII–XX стст. Магілёў: МДУ, 2004. 136 с.

Венізіктаў, С.В., Даніленка, І.Л., Іванова, С.Ф., Іваноў, Я.Я., Чэх, В.В. Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 2: 3 рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. Магілёў: МДУ, 2006. 208 с.

Іванов, Е.Е. Белорусская паремнология и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) // XV Міжнародны з’езд славістаў = XV Международный съезд славистов = XV International Congress of Slavists, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г.: тэзісы: у 2 т. Мінск: Беларуская навука, 2013. Т. 1. С. 322–323.

Іванов, Е.Е. К разграничению понятий воспроизводимости и рекуррентности афористических фраз // Материалы XXXII Междунар. филол. конф., 11–15 марта 2003 г. Санкт-Петербург: Филол. фак. СПбГУ, 2003а. Вып. 14. С. 14–23.

Іванов, Е.Е. О рекуррентных прототипах крылатых фраз // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах. Гомель: ГГУ, 2003б. С. 74–78.

Іванов, Е.Е. Языковая природа крылатых слов // Проблемы беларускага літаратуразнаўства. Мінск: МНТ, 2000. С. 303–312.

Іванов, Е.Е., Іванова, С.Ф. Разграничение пословиц и крылатых слов как лексикографическая проблема // Куляшоўскія чытанні: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. конф., 24 красавіка 2009 г. Магілёў: МДУ, 2009. С. 129–131.

Іванова, С., Іваноў, Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакратназнаўчы дапаможнік. Мінск: БФС, 1997. 262 с.

Іванова, С.Ф., Іваноў, Я.Я. Семантыка крылатых слоў // Куляшоўскія чытанні: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. конф., 24 красавіка 2008 г. Магілёў: МДУ, 2008. С. 82–84.

Іванова, С.Ф., Іваноў, Я.Я. Аб паходжанні крылатага афарызма *Amicus Plato, sed magis amica veritas* // Материалы научно-методической конференции преподавателей и сотрудников по итогам НИР в 2010 г., 3–4 февраля 2011 г. Могилёв: МГУ, 2011а. С. 101–104.

Іванова, С.Ф., Іваноў, Я.Я. Аб паходжанні крылатага афарызма *Natura abhorret vacuum* // Куляшоўскія чытанні: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 27–28 апреля 2011 г. Могилёв: МГУ, 2011б. С. 101–104.

Іванова, С.Ф., Іваноў, Я.Я. Антыцытаты ў сучаснай беларускай мове // *Phraseologische Studien: Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie*. Greifswald: E.M.A.-Universität, 2010. S. 174–183.

Іванова, С.Ф., Іваноў, Я.Я., Шпакоўская, В.А. Парадыійныя, іранічныя і жартоўныя трансфармацыі крылатых выразаў (да складання слоўніка беларускіх антыпрыказак) // Даследаванні на германскай і славянскай філалогіі = *Acta Germano-Slavica*. 2011. Вып. 4. С. 52–61.

Іваноў, Я.Я. Афарыстычнае выказванне як моўная мадэль крылатых слоў // Філолагічныя студыі. 2017. Вип. 16. С. 114–121.

Іваноў, Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамовных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н.э.– XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2011. 164 с.

Іваноў, Я.Я. Крылатыя словы // Беларускі фальклор: энцыклапедыя: у 2 т. Мінск: БелЭн, 2005а. Т. 1. С. 729–730.

Іваноў, Я.Я. Лаканізм // Беларускі фальклор: энцыклапедыя: у 2 т. Мінск: БелЭн, 2005б. Т. 2. С. 7–9.

Іваноў, Я.Я. Старажытнагрэчаскія крыніцы некаторых крылатых афарызмаў // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння (да 95-годдзя з дня нараджэння праф. Ф.М. Янкоўскага). Мінск: БДПУ, 2013. С. 225–228.

Лепешаў, І.Я. Крылатыя словы // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 т. Мінск: БелСЭ, 1986. Т. 3. С. 137.

Лепешаў, І.Я. Крылатыя словы і фразеалагізмы // Роднае слова. 1992. № 9. С. 38–41.

Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік прыказак. Мінск: Вышэйшая школа, 2014. 141 с.

Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск: БелЭн, 2004. 443 с.

Лепта біблейскай мудрасці: руско-славянскі слоўарь біблейскіх выражэнняў і афорызмаў з супадзеннямі ў германскіх, рымскіх, армянскім і грузінскім мовах: у 2 т. / пад рэд. Е.Е. Іванова, В.М. Мокиенка, Д. Балаковай, Х. Вальтэра. Могилёў: МГУ, 2019а. Т. 1. 334 с.

Лепта біблейскай мудрасці: руско-славянскі слоўарь біблейскіх выражэнняў і афорызмаў з супадзеннямі ў германскіх, рымскіх, армянскім і грузінскім мовах: у 2 т. / пад рэд. Е.Е. Іванова, В.М. Мокиенка, Д. Балаковай, Х. Вальтэра. Могилёў: МГУ, 2019б. Т. 2. 308 с.

Ломакіна, О.В., Мокиенко, В.М. Крылатіка ў сучасным культурным кантэксце // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 256–272.

Міхневіч, А.Я. Крылатыя словы // Беларуская мова: энцыклапедыя. Мінск: БелЭн, 1994. С. 273–274.

Теплякова, А.Д. Іноязычныя заімаванні крылатых слоў у беларускім і нямецкім мовах // Матэрыялы VI Міжнароднага навучнага канф. «Мова, культура, грамадства», Масква, 22–25 верасня 2011 г. / навуц. рэд. Э.Ф. Володарская. М.: МИИЯ, 2011а. С. 125–126.

Теплякова, А.Д. Істочнікі крылатых выражэнняў у беларускім мове // Фразеалогія і мовавая дынаміка / навуц. рэд. В.М. Мокиенко, А.В. Савченко. Greifswald: E.-M.-A. Universität; Санкт-Пецярбург: СПбГУ, 2011б. С. 67–69.

Теплякова, А.Д. Семантыка і способы функцыянавання крылатых слоў у нямецкім мове // Куляшоўскія чытанні: матэрыялы Міжнароднага навучна-практ. канф., Магілёў, 26–27 красавіка 2007 г. Магілёў: МДУ, 2007. С. 188–190.

Цеплякова, А.Д., Іваноў, Я.Я. Літаратурныя крыніцы фразеалагічных адзінак, запазычаных з нямецкай мовы ў беларускую мову (па-за межамі этымалагічнага слоўніка фразеалагізмаў // Нямецкі мовы лінгвадыдактычнае забеспячэнне і метадыка прэпадарвання. Могилёў: МГУ, 2019. С. 82–87.

Цеплякова, А.Д. Субстытуцыя кампанентаў крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове // Усходнеславянскія мовы і літаратуры ў еўрапейскім кантэксце – 2015. Могилёў: МГУ, 2016. С. 160–163.

Цеплякова, А.Д. Асноўныя віды трансфармацыі клішэ ў тэксце // Ітогі навучных даследаванняў вучоных МГУ імя А.А. Кулешова 2017 г. Могилёў: МГУ, 2018а. С. 89–91.

Цеплякова, А.Д. Інтэртэкстуальныя трансфармацыі крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове // Усходнеславянскія мовы і літаратуры ў еўрапейскім кантэксце – V. Могилёў: МГУ, 2018б. С. 132–134.

Цеплякова, А.Д. Мадальныя трансфармацыі крылатых слоў пры іх ужыванні ў маўленні // Славянская фразеалогія ў сінхроніі і дыяхроніі. Гомель: ГГУ, 2011. С. 223–226.

Цеплякова, А.Д. Сінтаксічныя трансфармацыі кампанентнага складу іншамовных крылатых выразаў у сучаснай беларускай мове (увядзенне ў стандартны кантэкст, парцэляцыя, анексія і інверсія) // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в вузе: материалы IV Междунар. науч.-практ. семинара, 30 марта 2018 г. Могилёв: МГУ, 2018в. С. 97–100.

Цеплякова, А.Д. Скарачэнне і пашырэнне кампанентнага складу іншамовных крылатых выразаў у беларускай мове // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь: материалы IV Респ. науч. конф., 24 ноября – 23 декабря 2016 г. Могилёв: МГУ, 2017. С. 192–194.

Цеплякова, А.Д. Структура, семантика і функцыі запазычаных крылатых слоў у беларускай мове // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах. Гомель: ГГУ, 2007. С. 236–240.

Цеплякова, А.Д. Формы ўжывання іншамовных запазычанняў крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове // Мова і літаратура ў XXI стагоддзі: актуальныя праблемы даследавання. Мінск: БДУ, 2010. С. 401–405.

Цеплякова, А.Д., Іванова, С.Ф. Запазычаныя крылатыя выразы ў сучаснай беларускай мове // Фразеология германских, романских и славянских языков = Phraseology of Germanic, Romanic and Slavic Languages. 2009. Вып. 1. С. 98–112.

Янкоўскі Ф. Крылатыя словы і афарызмы (з беларускіх літаратурных крыніц). Мінск: Выд-ва АН БССР, 1960. 135 с.

Proverbia et dicta: шасцімовы слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / пад рэд. Н.А. Ганчаровай. Мінск: Універсітэцкае, 1993. 255 с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО- ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ РУБЕЖА XX – XXI ВВ.

Е.П. Алексеева, магистр

*Науч. рук.: Ш.Р. Басыров, д-р филол. наук, проф.
Донецкий национальный университет
(Донецк, Украина)*

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОНИМАНИЯ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В статье исследуются фразеологические и паремийные единицы со значением 'понимание' и предпринимается попытка их структурной и семантической классификации. Исследование производится на материале русского, украинского, английского и немецкого языков. Описанию подвергаются наиболее продуктивные семантические группы фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологическая единица, функционирование, сопоставительный анализ, формула толкования.

Проблема понимания является одной из центральных как в научном познании, так и в обыденном. Однако, несмотря на большое количество исследований, посвященных феномену «понимание», определение самого понятия и подход к его описанию в лингвистике не является унифицированным. Методологическая база проводимого нами исследования сформулирована в ряде работ. Так, Э. Лоизу и В.И. Стаценко исследуют феномен 'понимание' на материале немецкого [Лоизу 1992] и в сопоставлении русского и английского языков [Стаценко 2005], рассматривая лексико-семантическую структуру глаголов понимания (ГП), фразеологических единиц (ФЕ) и паремийных единиц (ПЕ) с данным значением и описывают их семантико-синтаксические свойства. Сандиги Гросс строит лексико-семантические поля ГП в английском языке и исследует семантическое окружение ГП, ФЕ и ПЕ [Сандиги Гросс 1991]. А.В. Лазарев подвергает сравнительному структурному и семантическому анализу фразеобразовательную систему единиц со значением 'понимание' в двух

неблизкородственных языках (английском и русском) с целью выделения общих и специфических паттернов.

Проводимое нами исследование имеет целью предложить структурную и семантическую классификации ФЕ и ПЕ со значением 'понимание', основанную на сопоставлении четырёх языков – русского, украинского, английского и немецкого. Состав анализируемых единиц был сформирован в результате обращения к различным источникам: одноязычным и двуязычным словарям ([Молотков 1968], [Ужченко 1998], [Бинович 1995], [Collins COBUILD Idioms Dictionary 2002]), а также исследовательской литературе. Общий объём эмпирического материала составил 175 единиц (рус. – 53 единицы, укр. – 50, англ. – 23, нем. – 49).

Структурный анализ позволил разбить ФЕ и ПЕ со значением понимания на несколько групп.

1) ФЕ со структурой предложения. Данная группа устойчивых фраз охватывает в сопоставляемых языках пословицы и поговорки, преимущественно со структурой простого повествовательного предложения. Устойчивые фразы передают взаимоотношения людей, содержат оценочно-предписывающее содержание либо выражают эмоциональное состояние человека, ср.:

- рус. *Рыбак рыбака видит издалека* <люди, имеющие сходство характеров или интересов, быстро сближаются, хорошо понимают друг друга>: – *Рыбак рыбака видит издалека!* – говорил Мартынов;

- укр. *Свій свояка вгадав здалека* <бути своєю людиною; добре розумітися>: *Бачу, тут свої люди, – тремтячим голосом промовив старець – Свій свояка вгадав здалека.*

Ср. с приведёнными славянскими пословицами аналогичную единицу немецкого языка: *Gleich und gleich gesellt sich gern* <untereinander große Übereinstimmung zeigend, von derselben Art, Gestalt> 'быть такого же вида, сорта как другие ему подобные, обнаруживая с ними большое сходство': *Ich brauche den Sumpf, wie ich gleich und gleich mit dem Abschaum der Menschheit bin* / «Мне нужна пучина порока, в котором я буду одинаковым с отбросами общества».

2) ФЕ-словосочетания, которые являются наиболее продуктивной группой устойчивых единиц и распадаются на подгруппы.

2.1. ФЕ, состоящие из глагола, существительного и предлога, ср.:

- рус. *брать в толк* <понять, уяснить что-л.>: *Никак в толк не возьму: почему ты именно ко мне подошел?*;

- укр. *підбирати (знаходить) ключ (ключа) до кого, чого* <застосовувати певний спосіб для розуміння кого-небудь, розгадування, роз'язання>: *А та її неприступність... Найдємо й до не приступних ключа;*

- англ. *take sth on board* <to understand or accept an idea> 'понять или принять идею': *Banks need to take on board the views of their customers* / «Банки должны учитывать мнения своих клиентов»;

- нем. *auf der Leitung stehen* <etwas nicht begreifen> 'не понимать чего-л.': *Werden Sie nicht unruhig oder hektisch, wenn Sie eine Frage nicht gleich*

beantworten können oder 'auf der Leitung stehen' / «Сохраняйте спокойствие и не переживайте, если Вы не можете сразу ответить на вопрос или не понимаете».

Добавим, что в английском языке в структуре ФЕ могут появляться дополнительные факультативные компоненты (прилагательные, местоимения и др.), например: англ. *get sth into your (thick) skull* <to understand something with difficulty> 'понимать что-л. с трудом': *Has he got the truth into his thick skull yet?* / «Он, наконец, вдолбил в его глупую голову правду?».

2.2. ФЕ, структурными компонентами которых выступают глагол и существительное, ср.:

- рус. (не) *иметь представление* <(не) знать, понимать что-л.>: *Не имею ни малейшего представления, что он хотел от нас*;

- укр. *корчить дурня (дурника) [з себе]* <робити вигляд, що нічого не розумієш, не знаєш>: *Там, братику, не будеш дурня корчити*;

- англ. *get the picture* <to understand> 'понимать': *It's all right, don't say any more – I got the picture* / «Все хорошо, не говори больше ничего – Я понял суть»;

- нем. *einen Quark verstehen* (umg.) <überhaupt nichts verstehen> разг. 'вообще ничего не понимать': *Du verstehst einen Quark von der Liebe!* / «Ты совершенно ничего не смыслишь в любви!».

2.3. Для русского, украинского и немецкого языков характерны сравнительные обороты, обозначающие процесс понимания. Такие конструкции носят экспрессивный и образный характер и типичны для разговорного стиля, ср.:

- рус. *доходит как до жирафа* <о человеке, медленно понимающем>: *Ему ещё сто раз повтори: до него доходит как до жирафа!; смотреть как баран на новые ворота* (прост.) <тупо, с недоумением, ничего не понимая; в растерянности, глуповато смотреть на кого-л., что-л.>: *То есть она смотрела как баран на новые ворота на этого еле видного Владика*;

- укр. як *баран (козел, теля) на нові ворота* (дивитися, витріщатися і т.ін.) <спантеличено, не розуміючи>: *Вночі, як ми [шевіці] поснемо, встромить морду в книжку і дивиться, як баран на нові ворота*;

- нем. (wie) *Chinesisch für jemanden sein* <etwas nicht verstehen> (разг.) 'не понимать чего-л.': *Da ich kein Fachmann bin, ist das wie Chinesisch für mich* / «Так как я не специалист, для меня это как китайский».

Добавим, что в русском разговорном языке также отмечен фразеологизм, подобный последнему (нем.), который, однако, употребляется обычно без сравнительного союза: *Китайская грамота* (разг.) <что-н. недоступное пониманию>: *Самые простые теоремы ему казались китайской грамотой*.

Для описания семантики ФЕ со значением понимания строятся обобщенные формулы толкования (ФТ), представляющие собой перевод словосочетания на семантический язык. ФТ опираются на словарные толкования ФЕ и ПЕ, но не тождественны им. ФТ отличаются от лексикографического описания тем, что они абстрагируются от индивидуальных особенностей ФЕ и отражают характер действия в обобщённом виде. Анализ семантики ФЕ и ПЕ позволил выявить следующие основные семантические группы.

1. ФЕ и ПЕ, в словарных дефинициях которых содержатся семы, указывающие на особенности протекания процесса понимания (скорость, качество понимания и др.). Данные ФЕ и ПЕ имеют ФТ «**X понимает Y определенным образом**», ср:

- рус. *видеть насквозь* <хорошо знать, понимать все намерения кого-нибудь>: *Я вижу все его насквозь, поэтому беспокоиться мне не о чем*;
- укр. *бачити наскрізь* <добре розпізнавати чийсь наміри>: *А ось ти чогось крутиш? Та я ж тебе наскрізь бачу!*;
- англ. *be in tune with* <having a good understanding of someone or something> ‘хорошо понимать кого-то или что-то’: *He is more in tune with his players today* / «Сегодня он лучше понимает своих игроков».

2. ФЕ и ПЕ с ФТ «**X и Y (не) понимают друг друга**» описывают реципрокальную ситуацию (не)взаимопонимания людей, ср.:

- рус. *говорить на разных языках* <не достигать взаимопонимания, согласия; не понимать друг друга>: *Ясно, что мы говорим на разных языках и никогда не договоримся*;
- укр. *говорити на різних мовах (різними мовами)* <не розуміти один одного>: *У всіх друзів бувають важкі часи, коли вони починають говорити різними мовами*;
- англ. *be on the same page* <to have the same ideas as someone else and understand this person> ‘иметь те же идеи, что и кто-то другой, и понимать этого человека’: *Everyone in the office has to be on the same page about what our top priorities are* / «Все в офисе должны быть на одной волне в определении наших приоритетов»;

• нем. *sich wie Hund und Katze verstehen* (umg.) <sich nicht verstehen> (разг.) ‘не понимать друг друга’: *Sie verstehen sich wie Hund und Katze* / «Они не ладят друг с другом (досл. понимать друг друга как кошка и собака)».

3. ФЕ и ПЕ с ФТ «**X не понимает Y**» указывают на отсутствие понимания субъектом чего-л. В структуре данных устойчивых словосочетаний часто присутствуют отрицательные частицы *ни / не* (рус.), *ні / ані* (укр.), *keine / nicht* (нем.), *no* (англ.). Объектом данных ФЕ и ПЕ (**Y**) выступают только неодушевленные предметы, ср.:

- рус. *ни уха ни рыла не смыслить* <быть некомпетентным в чем-либо, ничего не понимать>: *В этом вопросе он ни уха ни рыла не смыслит*;
- укр. *ні (ані) бе ні (ані) ме* <не знати, не розумітися в чомусь>: *Що твої промови, коли ти [Панас] ні бе ні ме в правилах із мови*;
- англ. *have no concept of sth* <to not understand about something> ‘не понимать чего-л.’: *I don't think you concept of the pain you have caused her* / «Не думаю, что ты понял, какую боль ей причинил»;

• нем. *einen Dreck von etwas verstehen* (umgangssprachlich, salopp, derb) <nichts von etwas verstehen> (разг., фам., груб.) ‘не понимать ничего в чем-л.’: *Davon verstehst du einen Dreck!* / «В этом ты ничего не смыслишь!».

4. ФЕ и ПЕ с ФТ «**X не понимает / не знает Р**» описывают ситуацию утраты субъектом способности сообщать из-за обилия забот, дел и т.п., ср.:

рус. *голова идёт кругом* <кто-либо не знает, как поступить; кто-либо теряет способность ясно соображать>: *У меня голова кругом идет – я ничего сообразить не могу*. Близкое значение имеет и немецкая ФЕ, описывающая ситуацию сверхнапряжённой работы субъекта, что приводит к нарушению его восприятия: нем. *j-m raucht der Kopf* (umg.) ‘у кого-л. голова кружится (или идёт кругом), т.е. ‘он теряет способность ясно соображать’: *Mir raucht der Kopf, das kann ich dir sagen. Ich weiß gar nicht, was ich zuerst anfangen soll* / «У меня, поверь, голова идёт кругом. Я просто не знаю, с чего начать».

Сопоставительное исследование ФЕ и ПЕ со значением ‘понимание’ позволяет сделать некоторые выводы.

В русском, украинском, английском и немецком языках выявлены два основных структурных типа ФЕ и ПЕ: а) со структурой предложения; б) со структурой словосочетания.

Группа ФЕ-словосочетания обнаруживает более высокую продуктивность во всех исследуемых языках и распадается на три основные подгруппы: 1) ФЕ и ПЕ, состоящие из глагола, существительного и предлога; 2) ФЕ и ПЕ, состоящие из глагола и существительного; 3) ФЕ и ПЕ со сравнительными оборотами. Компаративные ФЕ более продуктивны в русском и немецком языках, а ФЕ, состоящие из глагола, существительного и предлога, в большей мере характерны для русского и английского языков.

В семантическом плане фразеологическая репрезентация процесса понимания в сопоставляемых языках связана в целом с пониманием субъектом внутренней природы предметов, явлений, а также людей (их мотивов, замыслов, планов, речи и т.п.) и сопровождается часто их оценкой.

ФЕ и ПЕ в сопоставляемых языках распадаются на 4 основные семантические группы, обладающие различной продуктивностью: 1) «Х понимает Y определенным образом»; 2) «Х и Y не понимают друг друга»; 3) «Х не понимает Y»; 4) «Х не понимает / не знает Р». Наиболее продуктивными в сопоставляемых языках являются ФЕ с семантикой «Х и Y не понимают друг друга» и ФЕ «Х понимает Y определенным образом».

Литература

- Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Аквариум, 1995. 768 с.
- Лазарев, А. В. Когнитивно-фреймные особенности глагольных и субстантивных средств выражения понимания: на материале английского и русского языков. Пятигорск, 2009. 209 с.
- Лоизу, Э. Структурно-семантические и прагматические свойства глаголов понимания и уточнения в немецком языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Пятигорск, 1992. 18 с.
- Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.
- Сандиго Гросс, Э. «Поле понимания» в современном английском языке. Характерологическое исследование: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Пятигорск, 1991. 17 с.

Стаценко, В.И. Функционально-коммуникативный потенциал глаголов понимания и уточнения в русском и английском языках: прагматический аспект: дис. ... доктора филологических наук. Краснодар, 2005. 398 с.

Удовиченко, Г.М. Фразеологічний словник української мови. Київ: Вища школа, 1984. Т. 1: А–М. 304 с. Т. 2: Н–Я. 384 с.

Ужченко, В.Д., Ужченко, Д.В. Фразеологічний словник української мови. К.: Освіта, 1998. 224 с.

Collins COBUILD Idioms Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2002. 498 p.

Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Herausgegeben von R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin: Akademie Verlag. Bd. 3. 1984. 2412 s.

С.С. Войславова, аспирант

Науч. рук.: Н.Г. Брагина, д-р филол. наук, проф.

*Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина (Москва, Россия)*

РУССКО-БОЛГАРСКИЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ КЛАССИФИКАТОР: ДИАЛОГИЧЕСКИЕ РЕПЛИКИ С КОМПОНЕНТОМ НАДЕЖДА

Аннотация. Статья посвящена принципам построения русско-болгарского тематического классификатора, двуязычного словаря близкородственных лингвокультур. На примере анализа диалогических ответных реплик с опорным компонентом 'надежда' демонстрируется близость русской и болгарской речевых практик.

Ключевые слова: лингвокультура, словарь, тематический классификатор, фразеологизированные ответные реплики

Несмотря на масштабное в целом развитие словарного дела сегодня, множество активно употребляющихся в живой речи лексических и фразеологических единиц до сих пор ещё не стало объектом отдельного, специального изучения и словарного описания. К числу таких единиц относятся и воспроизводимые в узусе ответные реплики [Бондаренко 2013]. Единицы этого типа уже становились объектом исследования. В научной литературе для их обозначения использовались различные термины: *контекстуальные устойчивые фразы* (В.Л. Архангельский), *контекстуальные пословицы и поговорки* (В.П. Жуков, И.Я. Лепешев), *фразеорефлексы* (В.Г. Гак), *речевые формулы* (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский). Первые попытки лексикографического описания воспроизводимых ответных реплик обнаруживаются уже в известном словаре В.И. Даля, отмечены эти единицы и во многих современных словарях разного типа, отражающих активно проявляющуюся в речи динамическую жизнь языковых единиц.

Предлагаемое нами описание диалогических ответных реплик является одним из этапов разработки семантического представления «мира кажимости» в русской и болгарской лингвокультурах. Словарные статьи, посвященные диалогическим репликам, – это один из фрагментов русско-болгарского

тематического классификатора, в котором планируется представить модели описания разноструктурных единиц: лексических концептов, фразеологизмов, эпонимов и др.

Предваряя представление материалов собственного исследования, несколько слов необходимо сказать о самом проекте. «Тематический классификатор “Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении” – это экспериментальный словарь, в котором должна найти отражение модель “культурного айсберга”» [Hall 1976]. Подробно общая структура и модель тематического классификатора представлена в [Bragina 2018: 33–55]. Заголовочными единицами, или темами, классификатора являются лексические концепты, фразеологизмы, формулы речевого этикета, диалогические ответные реплики, а также жесты, мимика и др. Описание каждой единицы строится с использованием определённого набора параметров.

Специфика описываемых нами диалогических реплик определяется их функцией – выражать отношение говорящего к предмету речи или к актуальной ситуации, а потому многие из них не содержат лексически выраженной информации о самом объекте, что дает основание рассматривать их как интенционально заданные и денотативно опустошенные единицы.

Ответные реплики могут быть как однословными (лексическими), так и неоднословными (фразеологическими). Таким образом, ответные реплики принадлежат лексико-фразеологической системе, им присущи такие свойства языковых знаков, как устойчивость в языке и воспроизводимость в речи. В нашем материале преобладают ответные фразеореплики: фраземы и (преимущественно) устойчивые фразы из числа пословиц, поговорок, крылатых выражений и др.

Объектом описания в статье стали несколько фразеологизированных реплик с компонентом *‘надежда’*. Материалом для анализа послужили данные толковых, переводных, этимологических, фразеологических словарей, а также словарей синонимов, ассоциативных словарей, энциклопедий, словаря ответных реплик [Бондаренко 2013]. Методом сплошной выборки были отобраны примеры из Национального корпуса русского языка [НКРЯ: <http://>] и Болгарского национален корпус [БНК: <http://>].

Ранее мы уже обращались к описанию фразеологических единиц с компонентами, относящимися к семантическому полю «кажимость»: *надежда*, *сон*, *мечта* [Брагина, Войславова 2021]. На данном этапе анализу подлежат встречающиеся в репликах речевые клише с компонентом *надежда*, как части речевого этикета в русской и болгарской культурах.

Выявлено несколько типичных для русского и болгарского речевого этикета интенций, определяющих использование фразеологизированных реплик с компонентом *надежда*.

Используется как выражение поддержки, с целью подбодрить адресата. Типичной эта функция является для реплики *надо надеяться / надо верить и надеяться: **Надо верить и надеяться**, / Не скрывая глаз, / Всё на свете*

перемелется, / Уверяю вас (М. Портникова. Надо верить и надеяться¹); **Нужно ждать, надеяться и верить**. / И никогда не закрывать глаза. / И свет придёт, и станет всем теплее, / И на глазах от счастья выступит слеза (А.В. Власов. Нужно ждать, надеяться и верить). Практически тождественные представленным примеры обнаруживаем и в болгарских текстах; ср.: *Надявай се, трябва да продължиш да вярваш*.

Эта же интенция говорящего определяет использование фразеологизированной реплики *надежда умирает последней* / *надеждата умира последна*. При этом акцент несколько смещается: реплика призвана утешить собеседника и одновременно выразить уверенность в том, что неблагоприятная или опасная ситуация разрешится благополучно: – *Значит, Альбинка вызвала подмогу, – чертыхнулся про себя Яков, но вслух сказал другое: – Мы уже договорились. Ты не лезешь в мои дела, я не касаюсь твоих. Если всё-таки мне понадобится помощь – попрошу. Надеюсь, ты сделаешь так же. – Надежда умирает последней, – снова хохотнул Спартак. – Не знаю, как у тебя, а мне успех обеспечен* (В. Бабкин); – *Ну что, доктор? – спросил он* (Ерхов. – В.Б.) *и одними лишь этими словами подтвердил всё, что Овсов говорил о нём Пафнутьеву. – Надежда есть? – Надежда умирает последней, – пошутил Пафнутьев и, только произнеся эти слова, понял, что промахнулся. Ерхов затравленно взглянул на него, побледнел, хотя, казалось, куда ему дальше бледнеть* (В. Пронин); – *Роберт, существует ли надежда на успешный исход операции? – Надежда, как известно, умирает последней. Сейчас идут переговоры с Мулдашевым. У него есть свой взгляд на состояние Дианы. И, по его мнению, ситуация далеко не безнадежная. Конечно, никаких прогнозов он дать не может. Но считает, что результат может быть неожиданно хорошим. Что для нас уже значит очень многое.* (Комсомольская правда, 18.04.2003); ср. с болгарскими контекстами: – *Защо? – Защото надеждата умира последна. – Надежда за какво? – Че той рано или късно ще се подхлъзне и ще го тупна* (Л. Чайлд. По трудния начин); *Но понеже от опит знаех, че надеждата умира последна, все пак се надявах, че нашите взаимоотношения ще продължат, при това ще се движат към ония незабравими преживявания от първото ми гостуване* (А. Ангелов. Сутрешни залези).

Противоположными по интенции являются примеры использования в ответных репликах компонента ‘надежда’ в сочетании с отрицанием с целью выразить ироничное отношение к ожиданиям собеседника: **И не надейся**, что я туда войду; *Работы ты там не найдёшь, и не надейся* (М. Петросян. Дом, в котором...); **И не надейся**, что ты случайно проговорился во сне или Мальчик рассказал одноклассникам на перемене – и оттуда оно пошло гулять по всему Городу!» (А. Пятигорский. Древний Человек в Городе); *Да, Рита, Вичка живёт тут, и Зина её прячет, кормит и лелеет, и адрес можешь у неё прямо и узнать – всё равно втихую с Вичкой не разберёшься, не надейся* (Г.С. Зеленина. Куриная Слепота и её обитательницы). Как и в предыдущем случае, примеры

¹ Здесь и далее примеры из НКРЯ и БНК.

ответных диалогических реплик в болгарских текстах практически тождественны; ср.: *С богом, Рафал. Не ме обвинявай в лекомислие и не се надявай, че нещо може да ме накара да променя решението си. Няма да го направля, защото бих предпочела смъртта* (Т. Доленга-Мостович. Знахар); *Придържай се към задачите, стоящи пред теб, и не се надявай на нищо повече. Той отвори папката за Медоус и започна внимателно да четe всяка страница, понеже преди това в колата на Уиш само се беше преструвал* (М. Конъли. Черното ехо).

Компонент 'надежда' может являться частью прецедентного текста, как, например, воспроизводимый в русской и болгарской речи трансформированный вариант выражения, принадлежащего М.В. Ломоносову, *надежды юношей питают / надежда на е в младите!* (в оригинале «Науки юношей питают»); – Но-но! – прикрикнул Завадский. – Не смей раскисать ранние времени. Сейчас вся надежда на тебя. – *Надежды юношей питают*, – хихикнул Конягин. – Только мы с тобой давно из пионерского возраста вышли. *Старпёрам вроде нас с тобой в следственном изоляторе смерть* (С. Донской); – Если надежда одна, то её нетрудно исполнить? – усмехнулся Пафнутьев. – Да! Конечно! А заключается она в том, что вы пришли со своим юным другом не по делу! Что пришли вы насладиться отдыхом, кушаньями и напитками! Что пришли вы повидать своего старого друга и покорного слугу! – Боже, до чего изысканно ты стал выражаться, – озадаченно проговорил Пафнутьев. – Аж противно, Жора. – Но я могу надеяться? – И выражение лица официанта стало настолько плутоватым, что все предыдущие гримасы померкли, как слабые и невыразительные. – *Надежды юношей питают, надежда на е в младите* – да имат такива условия, че да им е драго да живеят тук... Те ще променят света, в който живеем. Вярваме и винаги ще ги подкрепяме в мечтите им (газ. «24 часа», 13.04.2019).

Приведённые контексты свидетельствуют о выражении с помощью фразеологизированной реплики иронического, насмешливого отношения к собеседнику или к содержанию его высказывания; реплика призвана объективировать полную уверенность говорящего в невозможности осуществления / существования чего-либо.

К прецедентному тексту восходит и фразеологизированная реплика на Бога надейся, а сам не плошай: – Как вам наши планы? (Мыловарцева) Товарищ Епифанцев рассчитывает на вас. Мы окажем вам всемерную поддержку. Можете надеяться. (Терентьев) *На Бога надейся, а сам не плошай.* (Б. Можаяев); – Майор криво усмехнулся: у него почему-то было предчувствие, а оно редко подводило опытного комитетчика, что игра только началась. – *Будем надеяться.* Полковник встал из-за стола, давая тем самым понять, что аудиенция закончена. – *На Бога надейся, а сам не плошай!* – сказал Колобок. – На сегодня свободен. (А. Воронин). В болгарской фразеологической системе русскому варианту соответствует поговорка *Лозето не иска молитва, иска мотика: Ако не посееш нещо, няма да ожънеш нищо. Без мокри гащи раци се не хващат. Лозето не ще молитва, а мотика.* Знаете, че лозето не ще

молитва, то иска мотика. Така е и с българската политика. Трябва умно да зарежем българското лозе, така че да дадем шанс на най-добрите филизи, а да изрежем излишните, ако искаме да има плод (Р. Радев).

Лингвокультурологический аспект анализа фразеологизированных реплик с компонентом 'надежда' в русском и болгарском языках свидетельствует о близости речевых практик. Лексикографический проект «Тематический классификатор “Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении”» позволит не только точнее охарактеризовать лингвокультурные универсалии славянских языков, но и отразить лингвокультурные различия.

Литература

Балакай, А.Г. Словарь русского речевого этикета. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 670 с.

Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики : около 8 000 идиом современного русского языка. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1134 с.

Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Речевые формулы в русском языке (определение понятия и параметры типологии) // Русский язык сегодня 2. Активные языковые процессы конца XX века. М.: «Азбуковник», 2003. С. 41–54.

БНК – Български национален корпус [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dcl.bas.bg/bulnc/en/> (дата обращения: 27.02.2021).

Бондаренко, В.Т. Ответные реплики в русской диалогической речи (словарь). Тула., 2013. 339 с.

Брагина, Н.Г. «И к былям небылиц без счета прилыгал». О границах между памятью и воображением // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., Индрик, 2008. С. 624–637.

Брагина, Н.Г., Войславова, С.С. Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении»: основные принципы составления // Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения», 2019. ??

Брагина, Н.Г., Войславова, С.С. Русско-болгарский тематический классификатор: фразеологизмы с опорным компонентом надежда // Знаки языка и смыслы культуры / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев; сборник научных трудов в честь 90-летия В.Н. Телия / отв. ред. Выпуска М.Л. Ковшова. Тамбов (в печати)

Войславова, С.С. Границы семантического поля «мир кажимости». // Международный аспирантский вестник. (в печати).

Делева, Н. Русско-болгарские аналоги (Лексикографический аспект). София, 2020.

Липовска, А. Русско-болгарская лексикография: традиции и тенденции развития. София: Издательство Софийского университета, 2009. 216 с.

Меликян, В.Ю. Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М.: Флинта, 2001. 239 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 27.02.2021).

Червенкова, И.В. Сопоставительное исследование современной русской и болгарской лексики. София: Херон прес, 2011. 243 с.

Червенкова, И.В. Об интерференции в области лексики близкородственных языков // Rustina v teorii a v praxi. Meždunarodnaja konferencija prepodavatelej russkogo jazyka. Praga, Sbornik, 1976. С. 155-159.

Шаронов, И.А. Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной международной конференции «Диалог». 2016. С. 605–615.

Bragina, N., Caspers, O. Тематический классификатор лингвокультурных моделей и возможности его применения в преподавании русского языка и культуры // Wiener Slavistischer Almanach 81. 2018. С. 33–55.

Hall, E. Beyond Culture. Garden City, N.Y., Anchor Press, 1976.

И.Н. Николов, студент
Науч. рук.: **Н. Делева**, д-р, доц.
Софийский университет
им. Святого Климента Охридского
(София, Болгария)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ РУБЕЖА XX – XXI вв.

Аннотация. Статья посвящена проблеме семантической близости фразеологических единиц русского и болгарского языков. На основе сравнительного анализа фразеологизмов с пространственной семантикой констатируется преобладание в двух близкородственных языках полных и частичных эквивалентов.

Ключевые слова: фразеология, сравнительный анализ, эквивалентность, перевод

Начальный этап формирования фразеологической системы любого языка относится исследователями к древним периодам, что не исключает возможности эволюции этой системы – включения в неё новых единиц и переход в пассивный запас вышедших из употребления. Фразеологические единицы отражают реальность и мышление людей определенного периода. Мысль объективируется в языковой единице, языковая единица становится абстрактным воплощением мысли. Такими взаимоотношения языка и мысли видели многие лингвисты, об этом говорил французский лингвист Ш. Балли: «Если мысль воздействует на язык, то и язык в меру своих возможностей формирует мысль» («Si la pensée agit sur la langue, la langue façonne, elle aussi, la pensée à sa mesure») [Bally 1955: 15]. Новый виток осмысления этой проблемы отмечается в середине XX века и связан он с привлечением внимания исследователей к содержательной стороне языкового знака, с формированием лингвистической семантики.

Анализ фразеологического значения даёт возможность более широкого ретроспективного взгляда на языковую систему, позволяет не просто «разместить» единицу на временной шкале, зафиксировав момент её появления в языке, но реконструировать образ, положенный в основу фразеологизма, и

проследить за развитием семантической структуры. Близость этносов, определяемая географией и историей, имеет своим следствием родство языков, проявляющее себя на разных уровнях, в том числе и на уровне фразеологии. Ключевым для нашего исследования является вопрос о соотносённости фразеологических систем двух славянских языков – русского и болгарского. Сравнительный анализ русских и болгарских фразеологизмов как элементов разных систем позволит выявить меру их эквивалентности. Вопрос о семантической близости фразеологических единиц разных языков имеет прикладное значение, прежде всего в области изучения неродного языка и переводческой деятельности, в лексикографической практике (см. работы [Секанинова 1973], [Ярцева 1981], [Червенкова 2011], [Данчев 2002]).

Рождение фразеологии как особой отрасли языкознания, объектом которой является номинативная единица, не равная слову, связано с именами российских учёных – В.В. Виноградовым и И.Е. Аничковым. Ими выделены классификационные признаки фразеологизмов, что позволило предложить несколько вариантов классификаций на основе разных параметров (структурных у И.Е. Аничкова и мотивационных, или семантических, у В.В. Виноградова) [Баранов, Добровольский 2014: 8]. Более развёрнутой является классификация, предложенная В.Л. Архангельским, который вводит понятия «фразема» и «устойчивые фразы». Основываясь на этой теории, современные исследователи А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский предлагают в качестве дополнительного классификационного критерия рассматривать синтаксическую функцию фразеологизма: «Фраземы имеют структуру словосочетания, а устойчивые фразы – структуру предложения» [Баранов, Добровольский 2014: 9].

Сравнительный анализ единиц двух фразеологических систем, учитывающий разные признаки единиц – семантические и морфосинтаксические, будет более продуктивным, если включить в него культурологическую информацию.

Принципы сравнительного анализа, имеющего целью установить отношения эквивалентности между сравниваемыми единицами, активно разрабатываются в современной гуманитарной науке. Известный американский писатель Эдгар Аллан По в поэме «Эврика» (1848 г.) замечает: «*“Infinity”. This like “God”, “spirit”, and some other expressions of which the equivalents exist in all languages, is by no means the expression of an idea – but of an effort at one*» («Бесконечность»). Это слово, так же, как слова «Бог», «дух» и некоторые другие выражения, коих равнозначные существуют на всех языках, отнюдь не есть выражение какой-нибудь мысли, а лишь некое усилие, устремленное к ней») [По 2008: 7]. Автор работ по теории перевода Н.К. Гарбовский, развивая теорию Я. Рецкера, понимавшего под эквивалентностью постоянное равнозначное соответствие, не зависящее от контекста, утверждает, что термин «эквивалентность» соотносится с представлением об адекватности. Такое толкование термина является более точным, поскольку в текстах «может быть лишь соответствие частице действительности, описанной в оригинале, равноценность средств определяется если не тождеством, то максимальным

приближением полученного результата к воздействию оригинала» [Гарбовский 2004: 313].

Говоря о специфике перевода фразеологических единиц, мы опираемся на определение С.И. Влахова и С.П. Флорина, считающих, что эквивалентность при переводе бывает полной, неполной (или частичной) и относительной, а также совсем непереводаемой [Влахов, Флорин 2006: 240-241]. Этой классификацией мы будем пользоваться в процессе сравнительного анализа выбранных нами из русско-болгарского тематического словаря фразеологических единиц [Руско-български тематичен речник 1994] со значением *пространства*.

Полная эквивалентность

1) рус. **На краю света быть** – болг. **На край света иди** – (Съм, отивам) на края на света, на край света, много далеч. *С ним она пойдёт на край света. С него тя ще отиде на края на света*

В этих фразеологизмах наблюдается полное соответствие семантических, лексических и морфосинтаксических характеристик, что позволяет признать их полными эквивалентами.

2) рус. **В двух шагах** от кого-чего и без доп. – болг. **На две крачки**, на една крачка; съвсем близко до някого-нещо. *Там Безбородкин сад, Охта под боком, Нева в двух шагах, свой город – ни пыли, ни духоты* (И.А. Гончаров. Обломов). – *Там е Безбородкината градина, Охта е на две крачки, Нева е на хвърлей място, собствен бостан – ни прах, ни задух*.

В этой паре фразеологизмов обнаруживается соответствие на всех уровнях сопоставления, что свидетельствует об полной эквивалентности. Разницу в предлогах (рус. **в** – болг. **на**) не следует рассматривать как существенное различие, поскольку оно обусловлено историческими причинами развития языков.

3) рус. **На каждом шагу** – болг. **На всяка крачка**; под път и над път; навсякъде. *Теперь итики чудились Максиму на каждом шагу. Сега на Максим ченгета му се привиждаха на всяка крачка*.

Можно считать эти фразеологизмы полными эквивалентами, так как наблюдается совпадение по всем параметрам.

Неполная (частичная) эквивалентность

4) рус. **Нога чья не ступала** где, куда – болг. **Не е стъпвал човешки крак**; глухо, затыннено място, много далеч. *Можно было подумать, что нога человеческая ещё не ступала в этих диких местах. Но вот внезапно открылось первое селение. Можеше да се помисли, че човешки крак не е стъпвал в този пуцинак. И ето че изведнъж се показа първото селище*.

На примере этой пары сопоставляемых фразеологических единиц можно обнаружить признаки частичной, неполной эквивалентности. Хотя семантически и контекстуально они совпадают, в русском варианте не является обязательным уточнение «человеческая» нога, в то время как в болгарском варианте компонент «человеческая» является обязательным.

5) рус. *Скрыться / Скрываться из глаз (из виду) – болг. (Из)губя се, изчезна / изчезвам от погледа, от очите на някого. Телега... скрылась из глаз. Каруцата... се изгуби от очи.*

Обнаруживаемые при сравнительном анализе этой пары фразеологизмов различия связаны с морфологией, при этом сохраняется относительная эквивалентность на остальных уровнях.

Проведённый сопоставительный анализ русских и болгарских фразеологизмов с пространственной семантикой позволяет обнаружить их полную или частичную эквивалентность. Близость когнитивных структур, связанных с осмыслением пространства, может быть обусловлена историческими причинами и географией. По мысли болгарского исследователя С. Георгиевой, подобная близость фразеологических систем наблюдается в том случае, когда универсальная коннотативность сливается со структурной универсальностью [Георгиева 2019: 40]. Совпадение компонентов фразеологических единиц, обусловленное родством русского и болгарского языков, является свидетельством близости сложившихся в этих культурах способах восприятия (перцепции) пространства.

Литература

- Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Основы фразеологии. Краткий курс. М.: Изд-во «ФЛИНТА», 2014. 312 с.
- Влахов, С.И., Флорин, С.П. Непереваемое в переводе. М.: Р. Валент, 2006. 360 с.
- Гарбовский, Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во МГУ, 2004. 544 с.
- Георгиева, С. Сравнение на фразеологичните фондове на руския и българския език (Развитие и проблеми) 2019, Списание «Български език». Изд-во «Ик ЕМАС», 2020.
- Данчев, А. Съпоставително езикознание. Теория и методология. София: Издателство УИ Климент Охридски, 2002. 254 с.
- По, Э. Эврика. Поэма в прозе (Опыт о вещественной и духовной вселенной) / Пер. К. Бальмонт. М.: Эксмо, 2008. 400 с.
- Руско-български тематичен речник на фразеологизмите / С.И. Влахов, А. Георгиева, Г. Гочев, С. Гочева, Е.И. Превыш-Квинто, Т. Томева, И. Христова, Д. Шкодрова; под ред. С.И. Влахова. Велико Търново, 1994. 271 с.
- Секанинова, Э. Значение сопоставительной единицы в сопоставительном плане // Slovo a slovník. Bratislava, 1973.
- Червенкова, И. Сопоставительное исследование современной русской и болгарской лексики. София: Херон прес, 2011. 243 с.
- Ярцева, В.Н. Контрастивная лингвистика. М.: Наука, 1981. 112 с.
- Bally, Ch. Linguistique générale et linguistique française. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.

*Ю.А. Петрушэўская, аспірантка
Навук. кір.: Я.Я. Іваноў, канд. філал. навук, дац.
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова (Магілёў, Беларусь)*

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЯ МАРКІРАВАНАСЦЬ БЕЛАРУСКІХ АНАЛАГАЎ УНІВЕРСАЛЬНЫХ ПРЫКАЗАК

Анотацыя. У артыкуле апісваецца нацыянальна-культурная маркіраванасць беларускіх аналагаў універсальных прыказак, якая рэалізуецца ў наяўнасці такіх элементаў іх зместавага плану, як нацыянальныя варыяцыі прыказкавых прататыпаў, а таксама словы-рэаліі, нацыянальна спецыфічныя паняцці, нацыянальна спецыфічныя вобразы, адлюстраваныя ў слоўных кампанентах прыказак.

Ключавыя словы: беларуская мова, прыказкавы фонд мовы, нацыянальна-культурная маркіраванасць, універсальная прыказка, нацыянальны аналаг універсальнай прыказкі

Дакладнае размежаванне нацыянальнага і ўніверсальнага (агульнага) у прыказкавым фондзе мовы – адна з актуальных праблем сучаснай парэміялогіі, якая пакуль не знайшла свайго вырашэння [Парэміялогія 2015; Парэміялогія без границ 2020]. Прыказкавы фонд беларускай мовы (як і любой іншай мовы) складаецца як з адзінак уласнага паходжання (што складаюць яго спецыфічную частку), так і з агульных з іншымі мовамі адзінак (што ўтвараюць яго агульную з іншымі мовамі частку). Адмежаванне спецыфічнага ад агульнага з іншымі мовамі ў беларускіх прыказках, як адзначыў Я.Я. Іваноў на XV Міжнародным з’ездзе славістаў [Іванов 2013], з’яўляецца адной з першачарговых задач беларускай парэміялогіі [Іваноў 2016]. Універсальныя прыказкі дагэтуль не вывучаліся ў беларускай мове [Іванов, Петрушевская 2015].

Мэта даследавання – вызначыць у складзе беларускіх прыказак такія адзінкі, якія маюць аналагі ў няроднасных і некантактных з беларускай мовах (г.зн. універсальных), а ў складзе такіх адзінак нацыянальна спецыфічныя (уласна беларускія) моўныя кампаненты. Найбольш рэпрэзентатыўным моўным матэрыялам для даследавання, з’яўляецца на наш погляд [Петрушэўская 2015], сукупнасць трох груп прыказак, па-першае, прыказкавы склад літаратурнай мовы [Лепешаў, Якалцэвіч 2002; 2011], прыказкавы мінімум [Котова 2000; Ivanov 2002: 5–20; Іваноў 2017: 99–106], асноўны прыказкавы фонд [Ivanov 2002: 41–84; Іваноў 2006; Іваноў 2017: 85–99]. Таксама трэба ўлічваць аналагі і адпаведнікі беларускіх прыказак, вызначаныя ў іншых мовах [Іванов 2001; Беларуская-нямецкі 2006; Іванов, Мокиенко 2007; Польска-беларускі 2007; Англа-беларускі 2009]. Моўны матэрыял адлюстраваны ў полілінгвальным беларуска-іншамоўным слоўніку прыказак [Петрушэўская 2020].

Даследаванне паказала, што ў разнастайных адзінках прыказкавага фонду мэтазгодна вылучаць “ўніверсальныя” прыказкі, якія ў сучаснай парэміялогіі разумеюцца вельмі неадназначна ад пэўных тыпаў парэмій да тых асобных прыказкавых адзінак, што фіксуюцца ў вялікай колькасці моў розных моўных сямей і груп. Трэба адзначыць, што ўніверсальныя адзінкі, як і ўніверсальны кампанент прыказкавага фонду, спецыяльна не вывучаліся ў мовазнаўстве.

Прыказкі не з’яўляюцца прадметам лінгвістычнай універсальнасці, паколькі іх месца і статус у моўнай сістэме, а таксама заканамернасці іх мадэлявання як моўных утварэнняў застаюцца недакладна вызначанымі. Супастаўляльныя даследаванні прыказак на шырокім моўным фоне абмяжоўваюцца прыкладнымі мэтамі ўкладання парэміяграфічных полілінгвальных даведнікаў [Strauss 1994; Котова 2000] або нападзення параўнаўча-супастаўляльнай зоны ў слоўніках прыказак адной мовы [Wander 1867–1880]. Этымалагічнае вывучэнне прыказак толькі пачынае распрацоўвацца ў мовазнаўстве як асобная галіна [Ivanov, Petrushevskaja 2015; Иванов Петрушевская 2019]. У беларускім мовазнаўстве існуе этымалагічны слоўнік прыказак [Лепешаў 2014], які з’яўляецца першым і адзіным спецыялізаваным даведнікам такога кшталту.

Прыказкі ў розных мовах бываюць падобныя адна на адну па змесце, лагічнай пабудове, структуры, лексічным складзе, сінтаксічнай арганізацыі, вербальных сродках выразнасці, спосабах функцыянавання. Гэтае падабенства абумоўлівае пошукі іх агульных (універсальных) уласцівасцей як фразавых тэкстаў і як устойлівых адзінак. На наш погляд, структурныя прыказкавыя мадэлі з’яўляюцца эмпірычнай падставай для кваліфікацыі асобных прыказак як універсальных, паколькі дазваляюць абстрагавацца ад лексічна-граматычных адрозненняў адной і той жа прыказкі ў розных мовах. Напрыклад, адзінкі, кваліфікаваныя ў мультылінгвальным парэміяграфічным даведніку “European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese” Дж. Пацалаі [Paczolay 1997] як загалоўкавыя, на самай справе з’яўляюцца структурнымі прыказкавымі мадэлямі, якія можна вызначыць як інварыянтны ў адносінах да тоесных па лагічнай структуры і зместу, але ў той ці іншай ступені адрозных па лексічна-граматычным афармленні прыказак у розных мовах (а таксама нярэдка і ў адной мове), напр.: *As you sow, so (will) you reap* or *As one sows so one reaps* V1 – *What you sow that will reap (too)* or *What one sows that will be reaped too* V2 – *Like sowing, like reaping* V3 – *He who does not sow / does / will not reap* V4 [Paczolay 1997: 38], параўн.: бел. *Як пасееш, так і пажнеш* V1 – *Што пасееш, тое і пажнеш* V2 – *Як пасееш, так пажнеш* V3 – *Хто не сее, не жне / не пажне* V4 [Paczolay 1997: 38–39]. Можна меркаваць, што паходжанне таго ці іншага варыянта ўніверсальнай прыказкі ў пэўнай мове можа залежыць ад роднасці моў ці ад моўных кантактаў, але сама наяўнасць менавіта гэтай прыказкі ў гэтай мове з’яўляецца вынікам агульных для розных моў працэсаў фарміравання іх прыказкавых фондаў, у якіх належнае месца займаюць адзінкі з універсальным зместам і універсальнай структурай, г. зн. з адлюстраваннем універсальных паняццяў з дапамогай універсальных вобразаў па ўніверсальных мадэлях.

Да ўніверсальных прыказак, на наш погляд, трэба адносіць адзінкі, якія маюць у розных мовах прыказкі-аналагі, пабудаваныя па адной і той жа структурнай мадэлі, якая не абумоўлена (наяўнасць якой нельга патлумачыць) ні роднасцю моў, ні моўнымі кантактамі. Універсальныя прыказкі не могуць мець пэўнай мовы-крыніцы, хоць асобныя (як правіла, нацыянальна-культурна маркіраваныя) іх варыянты і могуць пераходзіць з мовы ў мову. Універсальныя прыказкі не заўсёды супадаюць у розных мовах паводле лексічнага складу і

граматычнай арганізацыі, што абумоўлена адрозненнямі нацыянальных (этнічных) лінгвакультур у моўных сродках і кагнітыўных асаблівасцях абагульнена-ўніверсальнага адлюстравання адных і тых заканамернасцей рэчаіснасці, тыповых сітуацый жыцця, сцвярджэнняў цвярозага розуму і г. д. Такія адрозненні ў сваёй сукупнасці складаюць у кожнай мове, дзе ўжываецца ўніверсальная прыказка, яе нацыянальную адметнасць (лінгвакультурную маркіраванасць).

Нацыянальна-культурная семантыка прыказак – гэта адлюстраванне ў іх фактаў гісторыі Беларусі, асаблівасцей беларускай матэрыяльнай і духоўнай культуры, фрагментаў нацыянальнай карціны свету [Іваноў 1994; 1998; 2000; Іванова, Іваноў 1997]. Нацыянальна-культурная маркіраванасць беларускіх аналагаў універсальных прыказак рэалізуецца ў наяўнасці шэрага элементаў іх плану зместу: нацыянальныя варыяцыі прыказкавых прататыпаў, словы-рэаліі, спецыфічныя паняцці і вобразы. Папярэдне намі былі вызначылі прынцыпы выяўлення нацыянальна-маркіраваных кампанентаў у складзе беларускіх прыказак [Петрушевская 2014; Петрушэўская 2017; 2018а; 2018б; 2019].

Нацыянальныя варыяцыі прыказкавых прататыпаў уласцівы 6% ад агульнай колькасці беларускіх аналагаў універсальных прыказак. Нацыянальна-культурны змест прыказкавых прататыпаў абумоўлены, з аднаго боку, іх адметным лексічным складам, а з другога боку, адлюстраваннем у іх слоўных кампанентах спецыфічных (на фоне іншых моў) паняццяў ці вобразаў. Нацыянальныя варыяцыі прыказкавых прататыпаў у пераважнай большасці выпадкаў знаходзяцца ў адносінах узаемнай дэтэрмінацыі з унікальнымі варыянтамі структурных мадэляў беларускіх аналагаў універсальных прыказак. Напрыклад, прататып аднаго з фармальных варыянтаў беларускага аналогу ўніверсальнай прыказкі *Адна ластаўка вясны не робіць* [Лепешаў, Якалцэвіч 2002: 48; Лепешаў, Якалцэвіч 2011: 65; Іваноў 2011: 21] або *Гракі цяпла не прыносяць* [Лепешаў, Якалцэвіч 2002: 106; Лепешаў, Якалцэвіч 2011: 143] або *Першая ластаўка (Першы шпак) вясны не робіць* [Котова 2000: 280] маркіруе нацыянальна-культурны змест, паколькіясення пара атаясамліваецца з *цяплом* ‘цёплым надвор’ем’ (спецыфічнае паняцце), а сімвал наступлення вясны – паяўленне *гракоў*, якія прыляцелі з цёплых краін (спецыфічны вобраз ‘прылёт гракоў’), у той час як у іншамоўных аналагах універсальнай прыказкі няма згадкі пра цеплыню, а сімвалам вясны выступае ластаўка, у адпаведнасці з структурнай мадэллю гэтай прыказкавай адзінкі (паводле Дж. Пацалаі) “*One swallow does not make / bring a spring / summer*” (‘Адна ластаўка не робіць / не прынясе вясны / лета’) or *One flower makes no spring / summer* (‘Адна кветка не робіць вясны / лета’)” [Paczolay 1997: 49].

Лексічныя рэаліі сустракаюцца ў складзе 1% ад агульнай колькасці адзінак універсальнай часткі прыказкавага фонду беларускай мовы. Зафіксавана ўсяго адно слова-рэалія. У двух фармальных варыянтах беларускага аналога ўніверсальнай прыказкі *Не адразу Масква будавалася* [Лепешаў, Якалцэвіч 2002: 260; Лепешаў, Якалцэвіч 2011: 357] або *Не адразу Вільню пабудавалі* [Котова 2000: 278] або *Не за дзень Вільня становілася* [Котова 2000: 279] адлюстравана рэалія *Вільня* – назва старажытнай сталіцы Вялікага Княства

Літоўскага, Рускага і Жамойцкага ў пачатку XIV – канцы XVIII ст., большасць земляў якога знаходзілася на тэрыторыі сучаснай Беларусі (назву горада атрымаў ад назвы ракі *Вільня*, славянскае, г. зн. беларускае, паходжанне якой не аспрэчваецца). Паказальна ў нацыянальна-культурным плане, што ў літоўскім аналагі гэтай прыказкі слова-рэалія *Вільнюс* (сталіца сучаснай Літоўскай Рэспублікі) не выкарыстоўваецца, параўн.: літ. *Už sykiu Rymo nepastatė* ('Не адразу Рым быў пабудаваны') [Paczolay 1997: 450].

Трэба адзначыць, што ў іншамовных аналагах універсальнай прыказкі таксама сустракаюцца ўрбаністычныя словы-рэаліі (у англійскай, польскай, славенскай, турэцкай, украінскай, французскай мовах – сучасныя, у венгерскай, рускай, славацкай мове – гістарычныя), у тым ліку з нацыянальна-культурным зместам у адным са значэнняў (у літоўскай, польскай, іспанскай, французскай, чэшскай мовах – *Рым* як 'цэнтр каталіцкага веравызнання', якое гістарычна было распаўсюджана ў Літве, Польшчы, Іспаніі, Італіі, Францыі, Чэхіі) параўн.: польск. *Nie w jednym dniu (Nie zaraz) Rzym zbudowano* ('Не ў адзін дзень (Не адразу) Рым быў пабудаваны') [Paczolay 1997: 450]; *Nie od razu (Nie za jeden dzień) Kraków zbudowano* ('Не адразу (Не за адзін дзень) Кракаў быў пабудаваны') [Paczolay 1997: 450] = руск. *He в день Москва построена* [БСПП 258] = слав. *Prahu za rok nepostaviš* ('Прагу не за год пабудавалі') [Paczolay 1997: 451] = славен. *Ni na en dan sezidan Zagreb* ('Не за адзін дзень Заграб пабудавалі') [Paczolay 1997: 451] = укр. *Київ не відразу збудований* [Paczolay 1997: 451] = чэш. *Řím za rok nevystavěn* ('Рым не за год пабудаваны') [Paczolay 1997: 450]; *Praha neza jeden rok ustavena* ('Прага не за год пабудавана') [Paczolay 1997: 450] = літ. *Už sykiu Rymo nepastatė* ('Не адразу Рым быў пабудаваны') [Paczolay 1997: 450] = англ. *Rome was not built in a / one day (in a day)* ('Рым не быў пабудаваны ў адзін дзень (за дзень)') [Paczolay 1997: 450] *Washington city was not built in a day, any more than Rome* ('Вашынгтон не быў пабудаваны за дзень, як і Рым') [Paczolay 1997: 450] = ням. *Rom ist (auch) nicht in / an einem Tag gebaut / erbaut (worden)* ('Рым (нават) у / за адзін дзень не пабудаваны / не быў пабудаваны') [Paczolay 1997: 450] = ісп. *Roma no fue construida en un día* ('Рым не быў пабудаваны за адзін дзень') [Paczolay 1997: 451] = фр. *Rome / Paris ne s'est pas fait en un jour* ('Рым / Парыж не быў зроблены за адзін дзень') [Paczolay 1997: 450] = венг. *Nem egy nap alatt épült fel Róma* ('Не за адзін дзень Рым быў пабудаваны') [Paczolay 1997: 450] = фін. *Ei Roomakaan päivässä rakennettu* ('Рым не быў пабудаваны за адзін дзень') [Paczolay 1997: 450] і г.д. У большасці іншамовных аналагаў прыказкі выкарыстоўваецца назва *Рым*, і толькі ў дзевяці мовах, акрамя беларускай, ужываюцца назвы іншых гарадоў (ці іх вызначальных частак) – англійскай, венгерскай, польскай, рускай, славацкай, турэцкай, украінскай, французскай, чэшскай, у адпаведнасці з структурнай мадэллю гэтай універсальнай прыказкі (паводле Дж. Пацалаі) "*Rome / Moscow / Krakov / Prague / Kiev / Zagreb / Paris / Washington / Lviv / Kayseri / Buda castle / Soho was not built / made in a / one day (in a day)*" ('Рым / Масква / Вільня / Кракаў / Прага / Кіеў / Загрэб / Парыж / Вашынгтон / Львоў / Кайсеры / замак Буды / Соха не быў пабудаваны / зроблены ў адзін дзень (за дзень)') [Paczolay 1997: 449].

На такім моўным і культурным фоне ўжыванне ў беларускім аналагаў універсальнай прыказкі слова-рэаліі *Вільня* набывае ярскія нацыянальна-культурны характар як адлюстраванне не толькі гістарычнага мінулага або цяперашніх фактаў, але і сучасных нацыянальных сімвалаў – дзяржаўнасці (сучасная дзяржаўнасць Беларусі вынікае з дзяржаўнасці Вялікага Княства Літоўскага) і культурных каштоўнасцей (у сучасным Вільнюсе знаходзіцца адзіная на сённяшні дзень прыватная беларускамоўная адукацыйная, навуковая і культурная ўстанова – Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт).

Спецыфічныя паняцці, адлюстраваныя ў слоўных кампанентах прыказкі, сустракаюцца ў 9% ад агульнай колькасці беларускіх аналагаў універсальных прыказак. Кожнае спецыфічнае (на фоне іншых моў) паняцце адлюстроўваецца спецыфічным лексічным кампанентам (г. зн. заўсёды як вынік адметнага лексічнага складу прыказкавай адзінкі). Напр.: *Чалавек мяркуе, а Бог не чуе* (распараджаецца) [Лепешаў, Якалцэвіч 2002: 426; Лепешаў, Якалцэвіч 2011: 579], дзе *не чуць* мае спецыфічнае значэнне ‘рабіць, распараджацца пасвойму’, якога вымагае агульны змест усіх іншамовных аналагаў універсальнай прыказкі, у адпаведнасці з яе структурнай мадэллю (паводле Дж. Пацалаі) “*Man proposes, God disposes* (v1) ‘Чалавек мяркуе, Бог распараджаецца’” [Paczolay 1997: 308], параўн.: балг. *Човек предполага, а Бог разполага* ‘Чалавек мяркуе, а Бог распараджаецца’ [Котова 2000: 173] = лат. *Colvēks domā, dievs dara* ‘Чалавек мяркуе, Бог робіць’ [Paczolay 1997: 309] = англ. *Man proposes and God disposes* ‘Чалавек мяркуе, а Бог распараджаецца’ [Strauss] = ісп. *El hombre propone y Dios dispone* ‘Чалавек мяркуе, і Бог распараджаецца’ [Paczolay 1997: 310] = іт. *L'uomo propone e Dio dispone* ‘Чалавек мяркуе, і Бог распараджаецца’ [Paczolay 1997: 309] = фр. *L'homme propose et Dieu dispose* ‘Чалавек мяркуе, і Бог распараджаецца’ [Paczolay 1997: 309] = венг. *Embér tervez, Isten végez* ‘Чалавек мяркуе, Бог робіць’ [Paczolay 1997: 309] = фін. *Ihminen päättää, Jumala säätää* ‘Чалавек мяркуе, Бог настойвае’ [Paczolay 1997: 309] = тур. *Murat insandan takdir Allah'tan* ‘Чалавек мяркуе, Аллах распараджаецца’ [Paczolay 1997: 310] = араб. (літаральна на англ.) “*Man thinks, God provides*” ‘Чалавек думае, Бог падае’ [Paczolay 1997: 310] = перс. (літаральна на англ.) “*Man makes the plan, and God predestinates*” ‘Чалавек плануе, Бог распараджае’ [Paczolay 1997: 310] і г. д.

Спецыфічныя вобразы, адлюстраваныя ў 6% ад агульнай колькасці беларускіх аналагаў універсальных прыказак. Спецыфічныя (на фоне іншых моў) вобразы ў плане зместу ўніверсальных прыказак або замяшчаюць нейтральныя ці іншародныя для беларускай нацыянальнай культуры вобразы, або дадаюцца да іх. Спецыфічная вобразнасць універсальных прыказак узаемна дэтэрмінавана нацыянальнымі варыяцыямі прыказкавых прататыпаў і прама залежыць ад ужывання адметных (спецыфічных на фоне іншых моў) лексічных кампанентаў. Так, у дзвюх фармальных разнавіднасцях беларускага аналага шырока вядомай універсальнай прыказкі *Адна ластаўка вясны не робіць* [Лепешаў, Якалцэвіч 2002: 48; Лепешаў, Якалцэвіч 2011: 65; Іваноў 2011: 21] або *Гракі цяпла не прыносяць* [Лепешаў, Якалцэвіч 2002: 106; Лепешаў, Якалцэвіч 2011: 143] або *Першая ластаўка (Першы шпак) вясны не робіць*

[Котова 2000: 280] сімвалам наступлення вясны з'яўляюцца *гракі* і *шпакі* (ужываюцца спецыфічныя вобразы – ‘прылёт гракоў’ і ‘прылёт шпакоў’ з цёплых краін), у той час як у іншамовных аналагах універсальнай прыказкі сімвалам вясны выступае *ластаўка*, у адпаведнасці з структурнай мадэллю гэтай прыказкавай адзінкі (паводле Дж. Пацалаі) *One swallow does not make / bring a spring / summer* (‘Адна ластаўка не робіць / не прынясе вясны / лета’) or *One flower makes no spring / summer* (‘Адна кветка не робіць вясны / лета’)) [Paczolay 1997: 49].

Такім чынам, наяўнасць пералічаных вышэй нацыянальна адметных элементаў змештавага плану прыказак выяўляе нацыянальную маркіраванасць кожнай пятай адзінкі ўніверсальнай часткі прыказкавага фонду беларускай мовы. На гэтай падставе можна зрабіць выснову, што нацыянальная адметнасць прыказкавага фонду беларускай мовы абумоўлена не толькі самім аб'ёмам спецыфічна беларускіх прыказак, але і высокай ступенню лінгвакультурнай маркіраванасці ў беларускай мове агульных з іншымі мовамі (у тым ліку ў універсальных) прыказак.

Благодарность. Даследаванне выканана ў межах задання НДР “Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы (у еўрапейскім мовным кантэксце)” (ДР № 20161332) падпраграмы «Беларуская мова і літаратура» Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў “Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства” на 2016–2020 гг.

Літаратура

Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік = English-Belarusian Paremiological Dictionary / пад рэд. Я.Я. Іванова. Магілёў: МДУ, 2009. 240 с.

Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік = Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch. Магілёў: МДУ, 2006. 108 с.

Іванов, Е.Е. Белорусская паремиялогия и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) // XV Міжнародны з’езд славістаў = XV Международный съезд славистов = XV International Congress of Slavists, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г.: тэзісы дакладаў: у 2 т. Мінск: Беларуская навука, 2013. Т. 1. С. 322–323.

Іванов, Е.Е. Русско-белорусский словарь пословиц: 777 пословиц русского языка, свыше 5000 белорусских эквивалентов и соответствий: в 2 ч. Могилёв: Брама, 2001.

Іванов, Е.Е., Мокіенко В.М. Русско-белорусский паремиялогический словарь. Могилёв: МГУ, 2007. 242 с.

Іванов, Е.Е., Петрушевская, Ю.А. Белорусская паремиялогия конца XX – начала XXI века (1991–2014 гг.): библиографический обзор // Паремиялогия в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015. С. 252–292.

Іванов, Е.Е., Петрушевская, Ю.А. Происхождение и история английских пословиц = The Etymology and History of English Proverbs. Могилёв: МГУ, 2019. 80 с.

Іванова, С., Іванюў, Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакратназнаўчы дапаможнік Мінск : БФС, 1997. 262 с.

Іванюў, Я.Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове. Магілёў: МДУ, 2017. 208 с.

Іванюў, Я.Я. Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы // Веснік БДУ. Серыя 4. 2006. № 3. С. 103–109.

Іванюў, Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамовных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н.э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2011. 164 с.

Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы і праблема яе лінгвакраіназнаўчай рэпрэзентацыі (на матэрыяле моўнай афарыстыкі) // Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы). Мінск: Веды, 1998. С. 33–62.

Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай моўнай афарыстыкі (лінгвакраіназнаўчы аспект) // Нацыянальна-культурны кампанент у тэксце і ў мове: докл. Міжнарод. науч. конф., 5–7 окт. 1994 г.: у 2 ч. Мінск: Універсітэцкае, 1994. Ч. 2. С. 55–57.

Іваноў, Я.Я. Семантыка беларускіх афарызмаў // Известия Гомельского гос. ун-та. 2000. № 2 (25). С. 94–99.

Іваноў, Я.Я. Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксце (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) // Славянская фразеалогія ў сінхроніі і дыяхроніі. 2016. Вып. 3. С. 46–49.

Котова, М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями) / под ред. П.А. Дмитриева. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.

Ленешаў, І.Я., Якалэвіч, М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011. 695 с.

Ленешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік прыказак. Мінск: Вышэйшая школа, 2014. 139 с.

Ленешаў, І.Я., Якалэвіч, М.А. Слоўнік беларускіх прыказак. Мінск: Беларуская навука, 2002. 511 с.

Парэміялогія без граніц / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: Изд-во РУДН, 2020. 244 с.

Парэміялогія ў дыскурсе / В.М. Мокиенко, Т.Г. Бочина, Е.Е. Иванов [и др.]; под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015. 294 с.

Петрушэўская, Ю.А. Інтернацыянальныя, заімаваныя і ісконна мовныя адзінкі ў складзе парэміялагічнага фонду сучаснага беларускага мовы // Вестник Новгородского гос. ун-та. Серия “Филологические науки”. 2014. № 77. С. 123–126.

Петрушэўская, Ю.А. Паняцце парэміялагічнага фонду мовы і прыпынкі яго дыферэнцыяцыі (у сувязі з вызначэннем універсальнага і нацыянальнага кампанентаў у парэміялагічнай сістэме мовы) // Філолагічны часопіс. 2015. Вып. 1(6). С. 100–106.

Петрушэўская, Ю.А. Універсальны, інтэрнацыянальны і нацыянальны кампаненты парэміялагічнага фонду сучаснай беларускай літаратурнай мовы (на матэрыяле публіцыстычных тэкстаў) // Філолагічны студыі. 2017. Вып. 16. С. 195–201.

Петрушэўская, Ю.А. Аб’ём і склад універсальных адзінак у парэміялагічным фондзе беларускай мовы // Філолагічны студыі. 2018а. Вып. 18. С. 48–62.

Петрушэўская, Ю.А. Да праблемы вызначэння нацыянальнай адметнасці прыказкавага фонду беларускай мовы // Філолагічны часопіс. 2018б. Вып. 2 (12). С. 70–75.

Петрушэўская, Ю.А. Вывучэнне нацыянальна-культурнага кампанента ў парэміялагічным фондзе беларускай мовы // Труды БГТУ. Серия 4. 2019. № 1(217). С. 123–129.

Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік = Polsko-białoruski słownik paremiologiczny. Магілёў: МДУ, 2007. 192 с.

Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамовны слоўнік / аўт.-уклад. Ю.А. Петрушэўская. Магілёў: МДУ, 2020. 312 с.

Ivanov, E.E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague: RSS, 2002. 136 p.

Ivanov, E.E., Petrushevskaia, Ju.A. Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 8, No 5. P. 864–872.

Paczolay, G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém (Hungary): Veszprémi Nyomda, 1997. 528 p.

Strauss, E. Dictionary of European Proverbs: Vol. 1–3. London & New York: Routledge, 1994.

Wander, K.F.W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon: Bd. I–V. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1867–1880.

*А.А. Рамачкоў, студэнт
Навуц. кір.: Я.Я. Іваноў, канд. філал. навук, дац.
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова (Магілёў, Беларусь)*

ПРАДМЕТНА-ТЭМАТЫЧНЫЯ ПАЛІ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ З КАМΠΑНАНТАМ БІБЛЕЙСКАГА ПАХОДЖАННЯ Ў БЕЛАРУСКАЙ, РУСКАЙ, АНГЛІЙСКАЙ МОВАХ

Анацыя. У артыкуле разглядаюцца прадметна-тэматычныя палі фразеалагічных падсістэм беларускай, рускай і англійскай моў з кампанентамі біблейскага паходжання. Вылучаюцца такія прадметна-тэматычныя групы, як “маральныя якасці”, “эмоцыі і пачуцці”, “маўленчыя акты”, “эстэтычная ацэнка”, “вера”, “няведанне”, “смерць”. Робіцца выснова аб блізкасці прадметнага і аксіялагічнага зместу фразеалагізмаў з кампанентамі-біблеізмамі ў беларускай і рускай мовах, нязначных адрозненнях у беларускай і англійскай мовах.

Ключавыя словы: Біблія, біблеізм, фразеалогія, семантыка, прадметна-тэматычныя палі, беларуская мова, руская мова, англійская мова

Біблія з’яўляецца неад’емнай часткай духоўнага жыцця ўсіх народаў, якія прынялі хрысціянства, таму фразеалагізмы і прыказкі з біблейскім кампанентам – універсальная з’ява, агульная для моў такіх народаў. Біблеізмы натуральна шырока ўжываюцца ў рэлігійным дыскурсе, адкуль масава трапляюць у самыя розныя сферы камунікацыі [Іванов 2019а]. Даследаванне біблейскіх выразаў і афарызмаў у беларускай мове ў кантэксце еўрапейскай ідыяматыкі – адна з асноўных праблем сучаснай беларускай фразеалогіі [Іванов 2013; Зверева 2016; Іваноў 2016; Зверева 2017]. Трэба адзначыць, што вывучэнне ўстойлівых выразаў і афарызмаў біблейскага паходжання як асобнай групы адзінак у беларускай мове пачалося адносна нядаўна [Лепешаў 2007; Качаноўская 2007; Сёмуха 2009; Цеплякова, Іванова 2009; Теплякова 2011; Іваноў 2019; Иванов 2019б; 2019в; 2019г; Кравцова 2020а; 2020б; 2020в; 2020г], у тым ліку, што паказальна, у супастаўляльным аспекце [Шальманав 2000; Фурс 2003; Казлоўская-Дода 2013; Іваноў 2014; Иванов, Мокиенко 2017; Иванов, Мокиенко 2019; Кравцова 2020д]. Актualityнасць супастаўляльнага даследавання біблеізмаў беларускай, рускай і англійскай моў тлумачыцца развіццём, па-першае, параўнальнай лінгвакультуралогіі [Вальтер, Иванов, Иванов, Мокиенко 2020], па-другое, адпаведнага аспекту міжкультурнай камунікацыі [Іванов 2008; 2012].

Мэта даследавання – вылучыць у беларускай мове ўстойлівыя адзінкі з кампанентамі-біблеізмамі і супаставіць іх з адпаведнымі адзінкамі ў рускай і англійскай мовах у рэчышчы прадметна-тэматычнай дыферэнцыяцыі. У якасці фактычнага матэрыялу даследавання паслужылі тэксты Бібліі на трох мовах [Біблія 1968; Біблія 2002; The Holy Bible 2006], слоўнікі біблеізмаў [Балакова і др. 2014; Лепта 2019а; Лепта 2019б], фразеаграфічныя і парэміяграфічныя даведнікі [Лепешаў 2004; Лепешаў 2014].

Чалавек, чытаючы Біблію, атаясамлівае сябе з яе галоўнымі дзеючымі асобамі, захапляецца іх цнотамі або прыходзіць у жах ад іх заганаў. Дзякуючы гэтаму атаясамленню, з’яўляюцца ўстойлівыя выразы, якія ўключаюць імёны біблейскіх

персанажаў, што дазваляе вылучыць у розных мовах вялікую групу фразеалагізмаў і прыказак з кампанентам «імя біблейскага персанажа». Такія фразеалагізмы і прыказкі часта шчыльна звязаны з тэкстам Бібліі або паходзяць з яе. Другая вялікая група фразеалагізмаў-біблеізмаў уключае кампаненты «Бог» і «Д’ябал». Вечнае супрацьстаянне гэтых двух сіл ляжыць у аснове многіх біблейскіх сюжэтаў. Бог лічыцца Абсалютам, увасабленнем ідэалу, да якога імкнецца любой вернік, Д’ябал – яго антыподам, які ўвасабляе ў сабе ўсе адмоўныя якасці і заганы. Не выпадкова гэтыя два імя паслужылі асновай для ўтварэння многіх фразеалагічных і парэміялагічных адзінак. Вылучаюцца таксама ўстойлівыя адзінкі з кампанентам «анёл». Анёлы – паўнаважасныя біблейскія персанажы, у многіх з іх ёсць імёны. Разам з тым цяжка вылучыць кампаненты «чорт», «бес», «сатана», «дэман» у асобную групу, паколькі гэтыя персанажы часцей за ўсё з’яўляюцца ўвасабленнямі Д’ябла, а не самастойнымі героямі. І нарэшце варта таксама вылучыць кампаненты «рай» і «пекла» ў складзе фразеалагізмаў і прыказак. Гэтыя два месцы з’яўляюцца ключавымі лакацыямі, адлюстраванымі ў Бібліі, месцамі, куды веруючы чалавек імкнецца трапіць або ўсімі сіламі спрабуе пазбегнуць, дзякуючы чаму яны знаходзяць шырокае адлюстраванне ў звышсуслоўных моўных адзінках.

У выніку даследавання вылучаны наступныя прадметна-тэматычныя палі фразеалагічных адзінак з кампанентам-біблеізмам.

«Маральныя якасці асобы». Ва ўсіх трох мовах дадзенае поле дзеліцца на два вялікія разрады «Станоўчыя якасці» і «Адмоўныя якасці», якія, у сваю чаргу, дыферэнцыюцца на падразряды, што канкрэтызуюць тую ці іншую рысу характару. Носьбіты ўсіх трох моў сыходзяцца ў меркаванні, што чалавек павінен валодаць такімі станоўчымі якасцямі, як талент, розум, цярдлівасць і справядлівасць, што адлюстроўваецца ў наяўнасці аднайменных падразрадаў ва ўсіх трох мовах.

Станоўчыя рысы			Адмоўныя рысы		
<i>Angelic patience</i>	<i>Хітёр (умён) как дьявол</i>	<i>Хітры (разумны) як д'ябал</i>	<i>as proud as Lucifer</i>	<i>Ангел без крылышек</i>	<i>Анёл без крыльцаў</i>
<i>As patient as Job</i>	<i>Искра божья Божий дар</i>	<i>Искра Божья Божьи дар</i>	<i>Possessed with/by demons Devil's spawn</i>	<i>Богом убитый Олух царя небесного</i>	<i>Богом забіты Ёлуп Цара Нябеснага</i>
<i>David and Jonathan</i>	<i>Ангел во плоти</i>	<i>Анёл у плоти</i>	<i>A doubting Thomas</i>	<i>Богом обделённый Богом забытый</i>	<i>Богом абдзелены Богом пакінуты</i>
<i>Solomon's wisdom</i>	<i>Суд Соломона Соломоново решение</i>	<i>Суд Саламона Саламонава рашэнне</i>	<i>A Judas kiss Satan rebuking sin</i>	<i>Иуда-предатель Иудино лобзание</i>	<i>Юда-зрадник Юдзіна цалаванне</i>
<i>Be on the side of the angels a judgment of Solomon</i>	<i>Валаамова ослица Ангельское терпение</i>	<i>Валаамова аслица Анёльскае цярдненне</i>	<i>Rush in where the angels feat to tread</i>	<i>Кающаяся Магдалина</i>	<i>Каяцца як Магдаліна</i>

«Тэрміналагічныя адзінкі». Фразеалагізмы дадзенага поля з’яўляюцца адначасова тэрмінамі ў розных сферах жыццядзейнасці носьбітаў мовы, а таму таксама могуць быць культурна-спецыфічнымі. Ва ўсіх трох мовах дадзенае поле дзеліцца на разрады паводле сфер ужывання. Агульнымі для трох моў з’яўляюцца разрады «Царкоўныя тэрміны», «Юрыдычная тэрміналогія» і «Біялагічныя тэрміны». Наяўнасць апошніх двух разрадаў тлумачыцца тым, што доўгі час у Еўропе прадстаўнікі царквы займаліся навуковай дзейнасцю і мелі права тварыць правасуддзе.

<i>День ангела</i>	<i>Дзень анёла</i>	<i>Angel food</i>
<i>Адамовы слезы</i>	<i>Адамавы слёзы</i>	<i>Angels' eyes</i>
<i>Бог войны</i>	<i>Бог вайны</i>	<i>Angel shark</i>
<i>Налоговый рай</i>	<i>Падатковы рай</i>	<i>Truce of God</i>
<i>Адский камень</i>	<i>Пякельны камень</i>	<i>Angel lust</i>
<i>Божья коровка</i>	<i>Багоўка</i>	<i>Society of Jesus</i>
<i>Адамово яблоко</i>	<i>Адамаў яблык</i>	<i>God's advocate</i>

«Эмоцыі і пачуцці». У англійскай мове гэта поле дзеліцца на 7 разрадаў, 6 з якіх маюць яскрава негатыўнае значэнне. Напрыклад, разрад «Пакута», у які ўваходзіць выраз *go through hell* (моцна пакутаваць), або разрад «Зайздрасць». Неабходна адзначыць, што дадзенае поле складаецца з фразеалагізмаў з кампанентамі «пекла», «д’ябал» і «біблейскі персанаж», два з якіх у свядомасці вернікаў валодаюць адмоўнай канатацыяй.

<i>Боятся как чёрт ладана</i>	<i>Баяцца як чорт ладану</i>	<i>Fear smt as the devil fears holy water</i>
<i>Ангелы на душе запели</i>	<i>Анёлы на душы заспявалі</i>	<i>Hate smbas the devil hates holy water</i>
<i>Скука адская</i>	<i>Нуда пякельная</i>	<i>Naboth's vineyard</i>
<i>Чёрт с младенцем связался</i>	<i>Чорт з немаўлём звязаўся</i>	<i>Merryhell</i>
<i>Ад кромешиный на душе</i>	<i>Апраметная ў душы</i>	<i>Blue devils</i>
<i>Ад в груди</i>	<i>Пекла ў грудзях</i>	<i>Go through hell</i>

«Фізічныя велічыні». У англійскай мове вылучаюцца такія разрады, як «Узровень шуму» і «Хуткасць», у той час як беларусы і рускія сыходзяцца ў меркаванні, што колькасць таксама важна.

<i>У чёрта на куличках</i>	<i>У чорта на кулічках</i>	<i>Like a bat out of hell</i>
<i>Чёрта лысого</i>	<i>Чорта лысага</i>	<i>Jonah's gourd</i>
<i>До чёрта</i>	<i>Да чорта</i>	<i>Benjamin's mess</i>
<i>Мафусаилов век</i>	<i>Мафусаілавы вякі</i>	<i>Black as hell</i>
<i>Адамовы времена</i>	<i>часы Адама</i>	<i>Devil's dozen</i>
<i>Бог знает сколько</i>	<i>Бог ведае колькі</i>	<i>The devil rides on a fiddle stick Raise hell</i>
		<i>At the back of God-speed</i>

«Маўленчыя акты». Рускія і англічане выкарыстоўваюць фразеалагізмы з біблейскімі кампанентамі для таго, каб пажадаць поспеху суразмоўцу або для таго, каб выказаць яму сваё незадавальненне і прапанаваць у даволі грубай форме пакінуць моўніка ў спакоі.

<i>Бог-свидетель!</i>	<i>Бог-сведка!</i>	<i>Bid smb God speed</i>
<i>Вот тебе Христос!</i>	<i>Вось табе Хрыстос!</i>	<i>Call down the wrath of the god on smd's head</i>
<i>К чёртовой бабушке</i>	<i>Да чортавай бабулі</i>	<i>Get the hell out of here</i>
<i>Вот тебе Бог, а вот порог</i>	<i>Вось Бог, а вось парог</i>	<i>The devil take the hindmost</i>
<i>Бог в помощь</i>	<i>Божа памагай</i>	

«Эстэтычная ацэнка». Як і поле «Маральныя якасці асобы», ва ўсіх трох мовах дзеліцца на два проціпастаўленыя ідэаграфічныя разрады «Станоўчая ацэнка» і «Адмоўная ацэнка». Поле «Эстэтычная ацэнка» не мае сэнсавых адрозненняў у розных мовах. Таксама ва ўсіх трох мовах для фразеалагізмаў, якія ўваходзяць у разрад «Станоўчая ацэнка», выкарыстоўваюцца станоўчыя кампаненты «рай», «анёл», «біблейскі персанаж», а для фразеалагізмаў, якія ўваходзяць у разрад «Адмоўная ацэнка» – кампаненты адпаведна з негатыўным значэннем. Эмацыйная афарбоўка кампанента ў дадзеным выпадку ўплывае на афарбоўку фразеалагізма. Фразеалагізмы з нейтральным значэннем маюць яскрава адмоўную афарбоўку з-за імя Юды ў сваім складзе.

Положительная			Отрицательная		
<i>Красив как ангел</i>	<i>Прыгожы як анёл</i>	<i>A bird of paradise</i>	<i>Исчадие ада</i>	<i>Вырадак пекла</i>	<i>The brand/mark of Cain</i>
<i>Райские куццы</i>	<i>Райскія шаты</i>	<i>Earthly paradise</i>	<i>Каинова печать</i>	<i>Каінава пячатка</i>	<i>Judas hair</i>
<i>Рай земной</i>	<i>Рай зямны</i>	<i>a little paradise</i>	<i>Страшный как чёрт</i>	<i>Страшны як чорт</i>	<i>A hell on earth</i>
<i>Божий одуванчик</i>	<i>Божы чалавек</i>	<i>voice of an angel</i>	<i>Чёрт в корзине нёс, да расстрёс</i>	<i>Чорт у кошыку нёс, ды распрос</i>	<i>Devil's spawn</i>
<i>Бог лба ему прибавил</i>	<i>Бог ілба яму дадаў</i>	<i>Joseph's coat</i>	<i>Чёрт ногу сломит</i>	<i>Чорт нагу зломіць</i>	<i>The devil's limb</i>

«Вера». На першы погляд здаецца, што ў гэтым полі цяжкая вылучыць культурную спецыфіку, паколькі яно адлюстроўвае пэўныя рэлігійныя рэаліі, стаўленні ды Бога, падобныя ва ўсіх народаў, якія лічаць хрысціянства сваёй рэлігіяй. Акрамя разраду «Адмова», у англійскай мове вылучаецца яшчэ адзін культурна-спецыфічны разрад «Акт». Гэты разрад утрымлівае фразеалагізмы, што апісваюць паўсядзённыя дзеянні, якія здзяйсняюцца вернікамі, ці нейкія выбітныя ўчынкі, якія здзяйсняюцца ў імя хрысціянскай рэлігіі, што сведчыць аб значнасці веры ў жыцці носьбітаў англійскай лінгвакультуры.

<i>Бог не без милости</i>	<i>Бог не без літасці</i>	<i>Bring smb to Christ</i>
<i>Все в руках Господа</i>	<i>Усё ў руках Госпада</i>	<i>To accept Christ</i>

<i>Обрацаць к Богу душу</i>	<i>Звяртацца да Бога</i>	<i>Stand in awe of God</i>
<i>Как у Христа за пазухой</i>	<i>Як у Хрыста за пазухай</i>	<i>To call upon God</i>

«Дэвіянтнае паводзіны». Дадзенае поле апісвае паводзіны, непрымальнае ў грамадстве. Ва ўсіх трох мовах яно вылучаецца ўжываннем кампанентаў «д’ябал», «дэман», «чорт» і да т.п.

<i>Бес попутал</i>	<i>Нячысцік падбіў</i>	<i>Baal worship</i>
<i>Христовым именем перебиваться</i>	<i>Хрыстовым імем харчавання</i>	<i>Take the name of God in vain</i>
<i>Нализаться как ангел с рожками</i>	<i>Нажлуціцца як анёл з рожкамі</i>	<i>Hold a candle to the devil</i>
<i>Рассыпаться мелким бесом</i>	<i>Рассыпацца дробным чортам</i>	<i>The old Adam</i>
<i>Искушать Бога</i>	<i>Спакушаць Бога</i>	<i>The devil's own luck</i>
<i>Словно бес дразнит</i>	<i>Нібы чорт дразніць</i>	<i>The devil's playthings</i>

«Паказ няведання». Дадзенае поле таксама аднастайна ва ўсіх трох мовах, яго наяўнасць кажа пра тое, што ўсе схільныя да сумнення, можам чагосьці не ведаць, быць у чымсьці няўпэўненымі, і што гэта з’яўляецца агульначалавечай рысай, а не прыкметай носьбітаў нейкай адной лінгвакультуры. У рускай мове гэта поле самае вялікае па аб’ёме і складаецца ў асноўным з фразеалагізмаў з кампанентам «Бог», гэты ж кампанент дамінуе ў англійскай мове. На другім месцы па ўжывальнасці знаходзіцца кампанент «д’ябал».

<i>Одному Богу известно</i>	<i>Аднаму Богу вядома</i>	<i>And the devil knows what</i>
<i>Не Бог весть (знает) как</i>	<i>Бог ведае як</i>	<i>Not to know smb from Adam</i>
<i>Бог её душу знает</i>	<i>Бог яго ведае</i>	<i>The devil alone knows</i>
<i>Бог весть</i>	<i>Бог ведае</i>	<i>God knows –I don't!</i>
<i>Бес его знает</i>	<i>Чорт ведае</i>	<i>Entertain an angel unawares</i>

«Выраз смерці». Дадзенае поле прысутнічае ва ўсіх трох мовах, што зноў жа кажа аб агульначалавечым характары дадзенага феномену. Яно аднастайнае па структуры і невялікае па колькасці фразеалагічных адзінак.

<i>Отдать Богу душу</i>	<i>Адаць Богу душу</i>	<i>Join the angels</i>
<i>Господь прибрал</i>	<i>Гасподзь прыбраў</i>	<i>Be with God</i>
<i>Бог прибрал</i>	<i>Бог прыбраў</i>	<i>Depart to God</i>
<i>Бог посетил</i>	<i>Бог наведаў</i>	<i>In Abraham's bosom</i>

Такім чынам, у фразеалогіі англійскай мовы ўсіх кампанентаў-біблеізмаў ужываецца прыкладна пароўну (за выключэннем малапрадуктыўнага для ўсіх трох моў кампанента «рай»), англічане аднолькава ставяцца да Бога, д’ябла і біблейскім герояў. Аднак у англійскай мове фразеалагізмаў з кампанентам «пекла» значна больш, чым у іншых мовах. Такія фразеалагізмы носяць у асноўным павучальны ці папераджальны характар, з чаго можна зрабіць выснову пра веру прадстаўнікоў англійскай лінгвакультуры ў жыццё пасля

смерці, а таксама пра імкненне пазбегнуць незайздроснай долі знаходжання пасля смерці ў пекле. У цэлым прадстаўнікі ўсіх трох культур імкнуцца да светлага і добрага, пра што кажа агульная перавага фразеалагічных адзінак з становучымі кампанентамі «Бог», «анёл» і «рай».

Благодарность. Даследаванне выканана ў межах задання НДР “Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы (у еўрапейскім моўным кантэксце)” (ДР № 20161332) падпраграмы «Беларуская мова і літаратура» Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў “Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства” на 2016–2020 гг.

Літаратура

Балакова, Д., Вальтер, Х., Венжинович, Н.Ф., Гутовская, М.С., Иванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках. Могилёв: МГУ, 2014. 208 с.

Библия: книги Священного писания Ветхого и Нового завета. Репринт издания 1912 г. М.: Издание Московской Патриархии, 1968. 1371 с.

Біблія: кнігі Святога Пісання Старога і Новага Завету кананічныя ў беларускім перакладзе. Duncanville, USA: World Wide Printing, 2002. 1535 с.

Вальтер, Х., Иванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. Национально-культурная маркированность библейских выражений и афоризмов русского языка (лингвострановедческая зона русско-белорусского словаря библеизмов с соответствиями в немецком языке) // Но мы сохраним тебя, русский язык!: колл. монография, посвящённая 90-летию академика В.Г. Костомарова. М.: Флинта, 2020. С. 134–160.

Зверева, Ю.С., Иванов, Е.Е. Национально-культурный компонент семантики фразеологических единиц английского и русского языков // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь: материалы IV Респ. науч. конф., 24 ноября – 23 декабря 2016 г. Могилев: МГУ, 2017. С. 164–168.

Зверева, Ю.С., Иванов, Е.Е., Шестернёва, А.Н. Сравнительная типология фразеологии английского и белорусского языков (актуальность, методология, перспективы исследования) // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015. Могилёв: МГУ, 2016. С. 164–168.

Иванов, Е.Е. Афоризмы в религиозном дискурсе // Учёные записки ВГУ им. П.М. Машерова. 2019а. Т. 29. С. 142–147.

Иванов, Е.Е. Качество лингвистического образования в Республике Беларусь (в аспекте межкультурной коммуникации) // Проблемы качества образования в Белоруссии и России в контексте интеграционных процессов: в 2 ч. М.: РАО, 2008. Ч. 1. С. 161–170.

Иванов, Е.Е. Критерии систематизации устойчивых выражений-библеизмов в современном белорусском литературном языке / Е. Е. Иванов // Итоги научных исследований учёных МГУ имени А.А. Кулешова 2018 г. / под ред. Е. К. Сычовой. Могилёв: МГУ, 2019б. С. 58–59.

Иванов, Е.Е. Объём и состав устойчивых выражений-библеизмов в современном белорусском языке / Е. Е. Иванов // На перекрёстке культур: единство языка, литературы и образования – I. Могилёв: МГУ, 2019в. С. 87–91.

Иванов, Е.Е. Общность задач преподавания русского и иностранных языков белорусам (в аспекте межкультурной коммуникации) // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте. Могилёв: МГУ, 2012. С. 3–7.

Иванов, Е.Е. Типы устойчивых выражений-библеизмов в современном белорусском языке // Текст. Язык. Человек. Мозырь: МГПУ, 2019г. С. 144–151.

Иванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. Европейский словарь библеизмов // Слово и словарь. Минск: Четыре четверти, 2017. С. 523–528.

Иванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. Типы эквивалентности устойчивых выражений-библеизмов в русском и белорусском языках // Религия и общество – XIII. 2019. С. 211–213.

Иванов, Е.Е. Белорусская паремнология и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) // XV Міжнародны з'езд славістаў = XV Международный съезд славистов = XV International Congress of Slavists, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г.: тэзісы дакладаў: у 2 т. Мінск: Беларуская навука, 2013. Т. 1. С. 322–323.

Іваноў, Я.Я. Біблейская афарыстыка ў беларускай мове // Романовские чтения – XIII. Могилёв: МГУ, 2019а. С. 129–130.

Іваноў, Я.Я. Беларускія прыказкі з біблейных крыніц (матэрыялы да руска-беларуска-англійскага слоўніка біблізмаў) // Авраамиевские чтения. Смоленск: Радопа, 2014. С. 11–24.

Іваноў, Я.Я. Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксце (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) // Славянская фразеология в синхронии и диахронии. 2016. Вып. 3. С. 46–49.

Казлоўская-Дода, Я. Біблейная фразеалогія беларускай і польскай моў: агульнае і рознае // Studia Białorusnistyczne. 2013. Т. 7. S. 245–258.

Качанюўская, В.Б. Тэкставыя фразеалагічныя біблізмы беларускай літаратурнай мовы // Веснік Гродзенскага дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Серыя 3. 2007. № 4. С. 39–43.

Кравцова, Д.С. Библийская афористика белорусского языка (основные трудности лексикографического описания) // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: материалы 78-й Междунар. науч.-технич. конф., 20–24 апреля 2020 г. Магнитогорск: МГТУ, 2020а. С. 513.

Кравцова, Д.С. Варианты библийских имён в белорусскоязычных художественных текстах // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО. Могилёв: МГУ, 2020б. С. 154–158.

Кравцова, Д.С. Вариантность передачи библийских имён в белорусском языке (общее и специфическое) // Філологіка. 2020в. Вып. 21. С. 23–32.

Кравцова, Д.С. Фразеологические библеизмы как объект лингвистического изучения // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VI. Могилёв: МГУ, 2020г. С. 175–181.

Кравцова, Д.С. Языковое наследие Библии на фразеологических подсистемах русского и белорусского языков // Итоги научных исследований учёных МГУ имени А.А. Кулешова 2019 г. Могилёв: МГУ, 2020д. С. 58–59.

Лепешаў, І.Я. Біблія і біблізмы // У пошуках ісціны. Ліда: ТБМ, 2007. С. 42–59.

Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік прыказак. Мінск: Вышэйшая школа, 2014. 139 с.

Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск: БелЭн, 2004. 443 с.

Лепта библийской мудрости: русско-славянский словарь библийских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Могилёв: МГУ, 2019а. Т. 1. 334 с.

Лепта библийской мудрости: русско-славянский словарь библийских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Могилёв: МГУ, 2019б. Т. 2. 308 с.

Сёмуха, Д. Біблейскія запаведзі і беларуская фразеалогія: універсальнае і адметнае // Працы кафедры сучаснай беларускай мовы БДУ. 2009. Вып. 8. С. 141–144.

Теплякова, А.Д. Источники крылатых выражений в белорусском языке // Фразеология и языковая динамика / науч. ред. В.М. Мокиенко, А.В. Савченко. Greifswald: E.-M.-A. Universität; Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. С. 67–69.

Фурс, В. Біблійная афарыстыка ў беларускіх перакладах // Роднае слова. 2003. № 6. С. 78-80.

Цеплякова, А.Д., Іванова, С.Ф. Запазычаныя крылатыя выразы ў сучаснай беларускай мове // Фразеология германских, романских и славянских языков = Phraseology of Germanic, Romanic and Slavic Languages. 2009. Вып. 1. С. 98–112.

Шальманава, К. Пра некаторыя разыходжанні ў фразеалагічных мікрасістэмах (на матэрыяле біблізмаў і антычных міфалагізмаў у англійскай і беларускай мовах) // Роднае слова. 2000. № 12. С. 39-41.

The Holy Bible: King James Version: 1611 Ed. Hendrickson Publishers, 2006. 1536 pp.

*А.А. Салтанова, студэнтка
Навук. кір.: Я.Я. Іванов, канд. філал. навук, дац.
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова (Магілёў, Беларусь)*

АГУЛЬНАЕ І РОЗНАЕ Ў АДЛЮСТРАВАННІ КАРЦІНЫ СВЕТУ Ў БЕЛАРУСКІХ І ФРАНЦУЗСКІХ ПРЫКАЗКАХ

Анацыя. У артыкуле разглядаюцца агульныя і спецыфічныя рысы у адлюстраванні карціны свету ў беларускіх і французскіх парэміялагічных адзінах (прыказках). Звяртаецца ўвага на ўяўленні пра чалавека і на яго ацэнку самога сябе і навакольнай рэчаіснасці. Робіцца выснова аб светапогляднай і аксіялагічнай блізкасці беларускіх і французскіх прыказак як з’яў агульнай еўрапейскай парэміялагічнай прасторы.

Ключавыя словы: лінгвакультуралогія, карціна свету, беларуская мова, французская мова, прыказка, нацыянальна-культурная семантыка

Актуальнай праблемай сучасных лінгвакультуралагічных даследаванняў з’яўляецца выяўленне і апісанне нацыянальна-культурнай спецыфікі моўных адзінак розных узроўняў, у шэрагу якіх прыказкі займаюць адно з цэнтральных месцаў. Прыказкавая карціна свету [Іванова 2002] – гэта адзін з асноўных «кодаў» нацыянальнай культуры, тая яе частка, якая ўзнікла на працягу стагоддзяў фарміравання штодзённай культуры, якая перадаецца з пакалення ў пакаленне, якая адлюстроўвае ўсе катэгорыі і ўстаноўкі жыццёвай філасофіі народа-носьбіта мовы. Менавіта прыказкавая карціна свету надае прыказкам лінгвакультурную каштоўнасць [Паремиология без границ 2020].

Моўная афармленне ведаў аб свеце і чалавеку ў свеце ажыццяўляецца з дапамогай розных адзінак, кожная з якіх у сілу сваёй прыроды перадае гэтыя веды па-рознаму. Існаванне ў мове рознаўзроўневых і разностатусных сродкаў вербалізацыі ведаў аб свеце прадвызначаецца складанасцю і важнасцю кожнага фрагмента карціны свету, разнастайнасцю задач, якія стаяць перад носьбітамі мовы пры апісанні як навакольнай рэчаіснасці, так і самога чалавека як яе арганічнай часткі. Прыказкі з’яўляюцца закончанымі суджэннямі, вербалізуюць погляд на свет і на чалавека ў свеце скрозь прызму іх сацыякультурнага

разумения, якое склалася на аснове шматвяковага вопыту народа і кожны дзень правяраецца ў розных відах дыскурсу [Пареміолагія в дыскурсе 2015].

Вывучэнне беларускай прыказкавай карціны свету ў шырокім моўным і лінгвакультурным кантэксце з'яўляецца адной з задач сучаснай беларускай парэміялогіі [Іванов 2013; Іваноў 2016]. Актуальнасць супастаўляльнага даследавання прыказкавых карцін свету беларускай мовы і іншых еўрапейскіх моў тлумачыцца, па-першае, вывучэннем аб'ёму нацыянальнага кампанента ў прыказкавым фондзе беларускай мовы [Петрушэўская 2017; Петрушэўская 2018а, Петрушэўская 2018б; Петрушэўская 2019], па-другое, неабходнасцю ўзбагаціць лінгвакультуралагічным зместам параўнальна-тыпалагічныя апісанні прыказак [Іваноў 2002; Иванов, Романова 2006; Ivanov, Feldman 2007; Иванов, Тарасова 2008; Іваноў 2009; Иванов, Петрушевская 2011; Зверева, Иванов, Шестернёва 2016; Шестернёва 2017], і па-трэцяе, развіццём прыкладных аспектаў у беларускай парэміялогіі – стварэннем беларуска-іншамоўных парэміялагічных слоўнікаў [Belarussisches-Deutsch 2006; Polsko-białoruski 2007; English-Belarusian 2009], лінгвакраіназнаўчым апісаннем беларускіх прыказак [Іваноў 1994; Іваноў 1998; Іваноў 2001], зваротам да прыказак пры выкладанні замежных моў у аспекце міжкультурнай камунікацыі [Іванов 2008; Иванов 2012]. Трэба адзначыць, спецыяльных лінгвакультуралагічных даследаванняў беларускіх і французскіх прыказак да нядаўняга часу не праводзілася [Іванов, Петрушевская 2015].

Мэта нашага даследавання – супастаўленне карцін свету, адлюстраваных у беларускіх і французскіх прыказках. Гіпотэза даследавання заключаецца ў тым, што ў беларускіх прыказкавых карцінах свету будзе назірацца больш агульнага, чым адрознага, паколькі і адны, і другія на працягу стагоддзяў былі і застаюцца нераўнаважнымі, але арганічнымі часткамі агульнаеўрапейскага прыказкавага кантынууму. Фактычным матэрыялам паслужылі тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак [Лепешаў, Якалцэвіч 2011], слоўнік французскіх прыказак [Kogout 2016], а таксама полілінгвальны даведнік [Петрушэўская 2020].

На аснове даследаванага беларускага і французскага парэміялагічнага матэрыялу можна сцвярджаць, што ў прыказкавых фондах абедзвюх моў знаходзяць адлюстраванне ўсе асноўныя, базавыя ўяўленні пра свет і пра чалавека, што пацвярджае шырока вядомае палажэнне аб універсальнасці чалавечай мудрасці і змештавай агульнасці еўрапейскіх прыказак.

І ў беларускай, і ў французскай мовах шматлікія прыказкі пра гора і смутку. Пры гэтым прыказак пра радасць менш, чым пра сум. Тлумачыцца гэта характарам эмоцый. Радасць прымаем як належнае, што спрыяе чалавечай дзейнасці. І толькі часткова хочам нешта выправіць у праяве гэтага эмацыйнага стану, ацаніць яго, падправіць, падкрэсліць яго значнасць. Носьбіты абедзвюх моў падкрэсліваюць важнасць радасці, якая напаўняе сэрца, без яе ў сэрцы пустата: *Сэрца без радасці, што хата пустая. У жыцці не адны толькі радасці, за радасцю ідзе гора: Ліха без добра не бывае* = *A quelque chose malheur est bon*.

Чалавек вясёлы, калі ў яго за душой няма ніякіх амаральных учынкаў. У абедзвюх мовах ухваляецца сумленнасць: *Адзін за ўсіх, і ўсё за аднаго* = *Tous pour un, un pour tous*. Калі ў чалавека радасць, вакол яго шмат сяброў; у бядзе ж

сябры часта пакідаюць пацярпелага: *Сябры пазнаюцца ў бядзе = Au besoin on connaît l'ami*. У абедзвюх мовах прасочваецца вера ў магутнасць Усявышняга: *Беражонага і Бог беражэ = Deux sûretés valent mieux qu'une*. Аднак, калі спадзявацца толькі на Бога, будзе кепска: *На Бога спадзявайся, але і сам не давайся = Aide-toi, et le ciel t'aidera*.

Носьбіты беларускай і французскай моў лічаць напышлівасць адмоўнай эмоцыяй. І прыказкі асуджаюць гэта, лічаць напышлівасць кароткачасовым вар'яцтвам: *Пустыя каласы высокая трымаюцца = Ce sont les tonneaux vides qui font le plus de bruit*. Прыказкі вучаць разумна ацэньваць свае магчымасці: *Хто высокая заглядае, той нізка сядзе = Bien bas choit qui trop haut monte*. І не перабольшваць уласныя заслугі перад іншымі: *Мовай у Вільні, а галава за печу = Beau coup de bruit, peu de fruit*.

Усім людзям уласцівы страх. Прыказкі пра страх створаны носьбітамі і беларускай, і французскай моў. Інтэрпрэтацыя яго ў абедзвюх мовах у большасці выпадкаў аднолькавая: *У страху вочы на яблыку = La peur grossit les objets*. Прыказка абавіраецца на ўласцінасць вачэй пашырацца ад страху і выказвае перабольшанне небяспекі, выяўленне яе там, дзе яе няма. У французай некалькі падобных адзінак, у якіх для выражэння думкі выкарыстоўваюцца розныя вобразы, напрыклад, жывёл: *On crie toujours le loup plus grand qu'il n'est*.

У прыказках гаворыцца, што праўда з'яўляецца галоўным у жыцці, нават калі яна непрыемная: *Хлусня як алей – выйдзе наверх = Il vaut mieux une vérité qui fait pleurer qu'un mensonge qui fait sourire*. Прыказкі вучаць не баяцца маючай адбыцця небяспекі, якая можа быць не такой страшнай, як здаецца: *Не такі страшны чорт, як яго малююць = Le corbeau ne peut être plus noir que ses ailes*. Хто перажыў няшчасці, цяжкасці, становіцца асцярожны і баіцца нават таго, што не тоіць у сабе небяспекі: *Напужаная варона і вераб'я баіцца = Chat échaudé craint l'eau froide*. Страх не павінен перашкаджаць нашым справам, не павінен кіраваць намі, сцвярджаецца ў прыказках: *Баючыся ваўкоў, застанешся без грыбоў = Qui a peur des feuilles, ne va point au bois*. Прыказкі паказваюць, што варта трымацца далей ад неразумных людзей: *Благая помач гара за немач = Sont ami c'est un ennemi*. У прыказках выяўляецца назіральнасць беларусаў і ўменне аналізаваць пэўныя сітуацыі, рабіць высновы. Так, сцвярджаецца, што добра знаёмае не страшна: *Мыш капы не баіцца*. Пагроза можа зыходзіць ад жывёлы і чалавека, але самую вялікую небяспеку варта чакаць ад чалавека: *Казы бойся спераду, каня ззаду, а чалавека з усіх бакоў*.

У абедзвюх мовах маюцца прыказкі аб сорама. Носьбіты абедзвюх моў сцвярджаюць, што сорам можна стрываць, ён не небяспечны: *Сорам не воран – вочы не выдзяўбе; Ад сораму вочы не павылазяць*. Можна адзначыць, што ў беларускай мове пачуццё сораму выяўляецца ў прыказках пры дапамозе частак цела, у дадзеных прыкладах пры дапамозе вачэй. У беларускай мове таксама ёсць прыказкі, якія сцвярджаюць, што ад пачуцця сораму няма ніякай карысці: *Ад сораму карысці няма*. Пра сорам гэтак жа гаворыцца, што гэта пачуццё лёгка перамагчы: *Сорам можна і ў кішэнь схваць*. Прааналізаваўшы прыказкі аб сорама, можна сказаць, што ў беларускай мове прыказак якія выказваюць гэта пачуццё, значна больш, чым у французскай мове.

У прыказках абедзвюх моў абмяркоўваецца беднасць, але не негатыўна, а наадварот: *Беднасць сорама ня знае = Pauvreté n'est pas vice*. Гэтак жа ў прыказках можна ўбачыць падтрымку людзей, якія бедныя, але любяць адзін аднаго: *Хоць у будане жыць, абы з каханым быць = Une chaumière et un cœur*.

Эмацыйны стан, які з'яўляецца самапакараннем за парушэнне існуючага правапарадку, этычных, маральных ці рэлігійных прадпісанняў, тлумачыцца ў прыказках як віна ці грэх. Эмоцыя віны цягне за сабой раскаянне. Віна, грэх, пакаянне – усё гэта ў прыказках абедзвю моў. Асабліва шмат прыказак пра грэх ў беларускага народа, як у традыцыйных вернікаў, што эмацыйна хвалююцца за свае грахі. Беларускія прыказкі сцвярджаюць, што кожны чалавек сутыкаецца з грахам: *І на дзеўку грэх бывае*. Можна адзначыць, што ў французскіх прыказках падаецца тое ж, аднак сутнасць у тым, што грахоў бывае вельмі шмат, яны могуць напаткаць нават беззаганнага: *Le juste pèche sept fois le jour*.

Нешматлікія прыказкі з пагардай, адзінкавыя з агідай, бо пагарда і агіда – гэта не норма міжчалавечых адносін. Пагарда ўзнікае да чалавека, які чымсьці адрозніваецца ад сацыяльных уяўленняў аб правільнасці, норме: *Воўк казе не таварыш = Il ne faut pas atteler les ânes avec les chevaux*. З пагардай кажуць пра тых, хто бярэцца судзіць пра чужыя ўчынкi, а сам сябе чымсьці запляміў: *Чужыя грахі перад вачыма, а сваё за плячыма = Voir la paille dans l'œil du voisin et ne pas voir la poutre dans le sien*. Пагарджаюць тымі, хто спрабуе патрапіць у нейкае грамадства, маючы якасці, якія рэзка адрозніваюць яго ад членаў гэтага таварыства. Пагарда звязана з пачуццём перавагі, прыказкі забараняюць прадстаўнікам ніжэйшых сацыяльных слаёў меркаваць аб тым, што выходзяць за межы іх ладу жыцця: *Хто высокая заглядае, той нізка сядзе = Bien bas choisit qui trop haut monte*. Трэба адзначыць, што ў беларускіх прыказках можна ўбачыць пагарду, якая паказвае на тое, што чалавек псуе свой род: *Усякі род не без вырадка*. Французы апынуліся трохі мякчэй, і гэтая ж прыказка выяўляецца ў іх пры дапамозе жывёл, у дадзеным выпадку авечак: *Chaque troupeau a sa brebis galeuse*.

Матывацыйны стан у чалавечай дзейнасці вызначаецца як цікавасць. А паколькі прыказкі нясуць у сабе звычайна павучанне, то сама па сабе цікавасць у іх фіксуецца рэдка. Ёсць шмат прыказак, мэта якіх узрасціць цікавасць да працы: *Рана не ўстанеш – шмат не зробіш*. У французскім варыянце прыказкі, мы можам убачыць не толькі цікавасць, але і свайго роду веліч: *Paris appartient à ceux qui se lèvent tôt*. У прыказках праглядаецца матывацыя да спраў: *Хочаш есці калачы, дык не сядзі на пячы = A qui se lève matin Dieu prête la main; Ад працы ўцякаць – добра не відаць = Nul bien sans peine; Любіш ездзіць – кармі кабылу = Il n'y a pas de plaisir sans peine*. Можна сказаць, што прыказкі выказваюць не толькі матывацыю, але і заклікаюць да рацыянальнасці: *Воўка зубы гадуюць = La faim chasse le loup du bois; За двума зайцамі пагоніўся, ніводнага (ні аднаго) не зловіш = Qui court deux lièvres, n'en prend point*. Прыказкі заклікаюць не баяцца працы: *Дзельніка дзела баіцца = Bon berger tond et n'écorque pas*.

Прыказкі абедзвюх моў часта звяртаюцца да сумлення. Як прыклад можна прывесці прыказкі, дзе людзі, якія здзейснілі дрэнны ўчынак, выдаюць сябе: *На злодзеі і шапка гарыць = Qui se sent morveux se mouche*. У некаторых

беларускіх і французскіх прыказках згадваецца цяпенне: *Памаленьку далей зойдзеш* = *Qui veut voyager loin ménage sa monture*. Аднак тут жа мы знаходзім прыказку з процілеглым значэннем: *Лені паганн ехаць, чым добра ісці* = *Mieux vaut un gigot prochain qu'un (gros) mouton lointain*. Існуюць прыказкі пра тое, што не трэба прыспешваць падзеі: *Усё свой час мае* = *Chaque chose en son temps*. Сюды ж можна аднесці прыказкі, якія кажуць нам пра тое, што спяшацца не варта: *Паспех людзям (чорту) на смех* = *Mieux vaut bonne attente que mauvaise hâte*.

Эмоцыя радасці вельмі часта перадаецца прыказкамі праз пачуццё надзеі на лепшае. Напрыклад, у беларускай мове ёсць прыказка: *Будзе і на маім (на нашым) рынку кірмаш* = *Le diable n'est pas toujours à la porte d'un pauvre homme*; *Загляне сонца і ў наша аконца* = *Le diable n'est pas toujours à la porte d'un pauvre homme*.

Прыказкі часта заклікаюць чалавека да высакародных пачуццяў. Адно з такіх пачуццяў – падзяка, уменне шанаваць тое, што ёсць: *Доранаму каню ў зубы не глядзяць* = *A cheval donné on ne regarde pas à la bride*; *Наварыў ніва, сам і панівай здароў* = *Il a fait la faute, qu'il en boive la sauce*. Негатыўную ацэнку ўтрымліваюць прыказкі аб разнавіднасці цікавасці – цікаўнасці: *Будзеш многа ведаць – рана пастарэеш* = *Moins on en sait, mieux on se porte*. Кароткачасовым раптоўным эмацыйным станам з'яўляецца здзіўленне. Характар гэтай эмоцыі супярэчыць духу прыказак. У іх адлюстраваны шматвяковы вопыт, а гэта рэакцыя імгненная. Цяжка прадбачыць яе, тым больш накіраваць у патрэбнае рэчышча. І, мабыць, таму прыказак са здзіўленнем няма.

Такім чынам, супастаўляльны аналіз рэпрэзентацый фрагментаў карціны свету ў беларускіх і французскіх прыказках паказвае культуралагічную агульнасць іх зместу. Нацыянальная спецыфіка праяўляецца ў расстаноўцы акцэнтаў, гэта значыць у тым, якая інфармацыя аб свеце і чалавеку ў свеце мае большую кагнітыўную значнасць для носьбітаў беларускай ці французскай моў.

Благодарность. Даследаванне выканана ў межах задання НДР “Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы (у еўрапейскім моўным кантэксце)” (ДР № 20161332) падпраграмы «Беларуская мова і літаратура» Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў “Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства” на 2016–2020 гг.

Літаратура

Зверева, Ю.С., Иванов, Е.Е., Шестернёва, А.Н. Сравнительная типология фразеологии английского и белорусского языков (актуальность, методология, перспективы исследования) // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015. Могилёв: МГУ, 2016. С. 164–168.

Иванов Е.Е., Петрушевская Ю.А. Белорусская паремиология конца XX – начала XXI века (1991–2014 гг.): библиографический обзор // Паремиология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015. С. 252–292.

Иванов, Е.Е. Качество лингвистического образования в Республике Беларусь (в аспекте межкультурной коммуникации) // Проблемы качества образования в Белоруссии и России в контексте интеграционных процессов: сб. науч. тр.: в 2 ч. / под ред. М.И. Вишневого, В.В. Мосолова. М.: РАО, 2008. Ч. 1. С. 161–170.

Іванов, Е.Е. Общность задач преподавания русского и иностранных языков белорусам (в аспекте межкультурной коммуникации) // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте. Могилёв: МГУ, 2012. С. 3–7.

Іванов, Е.Е., Петрушевская, Ю.А. Различия в семантике и структуре белорусских и английских пословиц // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь. Могилёв: МГУ, 2011. С. 213–215.

Іванов, Е.Е., Романова Н.К. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц (на материале белорусского и немецкого языков) // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica VII. 2006. С. 161–164.

Іванов, Е.Е., Тарасова, М.В. Семантические типы русских и белорусских пословиц // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica. 2008. Вып. 2. С. 188–212.

Іванов, Е.Е. Белорусская паремиология и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) // XV Міжнародны з'езд славістаў = XV Международный съезд славистов = XV International Congress of Slavists, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г.: тэзісы дакладаў: у 2 т. Мінск: Беларуская навука, 2013. Т. 1. С. 322–323.

Іванова, Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). Санкт-Петербург: Филол. фак. СПбГУ, 2002. 155 с.

Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы як аб'ект лінгвакраіназнаўства (пры вывучэнні беларускай мовы як замежнай і як другой ва ўмовах блізкароднаснага руска-беларускага білінгвізму) // Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. С. 285–290.

Іваноў, Я.Я. Параўнальнае мовазнаўства і нацыянальна-культурная семантыка мовы (на матэрыяле парэміялагічных адзінак) // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння. Мінск: БДПУ, 2009. С. 54–57.

Іваноў, Я.Я. Параўнальны аналіз беларускіх і польскіх прыказак і нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы (лінгвакраіназнаўчы аспект) // Polsko-białoruskie związki językowe, literackie, historyczne i kulturowe: IX Międzynar. konf. nauk. “Droga ku wzajemności”, 20–22 lipca 2001 r. Białystok: UwB, 2002. S. 117–126.

Іваноў, Я.Я. Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксце (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) // Славянская фразеология в синхронии и диахронии. 2016. Вып. 3. С. 46–49.

Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы і праблема яе лінгвакраіназнаўчай рэпрэзентацыі (на матэрыяле моўнай афарыстыкі) // Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы). Мінск: Веды, 1998. С. 33–62.

Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай моўнай афарыстыкі (лінгвакраіназнаўчы аспект) // Нацыянальна-культурны кампанент у тэксце і ў мове: докл. Міжнарод. навуц. конф., 5–7 кастрычні 1994 г.: у 2 ч. / редкол.: С. М. Прохорова (отв. ред.) [и др.]. Мінск: Універсітэцкае, 1994. Ч. 2. С. 55–57.

Лепешаў, І.Я., Якалічэвіч, М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011. 695 с. Парэмиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: Изд-во РУДН, 2020. 244 с.

Паремиология в дискурсе / В.М. Мокиенко, Т.Г. Бочина, Е.Е. Иванов [и др.]; под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015. 294 с.

Петрушэўская, Ю.А. Вывучэнне нацыянальна-культурнага кампанента ў парэміялагічным фондзе беларускай мовы // Труды БГТУ. Серия 4. 2019. № 1 (217). С. 123–129.

Петрушэўская, Ю.А. Да праблемы вызначэння нацыянальнай адметнасці прыказкавага фонду беларускай мовы // Філолагічны часопіс. 2018а. Вып. 2 (12). С. 70–75.

Петрушэўская, Ю.А. Нацыянальная адметнасць прыказкавага фонду беларускай мовы // Учёные записки ВГУ им. П.М. Машерова. 2018б. Т. 27. С. 150–154.

Петрушэўская, Ю.А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. 316 с.

Петрушэўская, Ю.А. Універсальны, інтэрнацыянальны і нацыянальны кампаненты парэміялагічнага фонду сучаснай беларускай літаратурнай мовы (на матэрыяле публіцыстычных тэкстаў) // Філолагічныя студыі. 2017. Вып. 16. С. 195–201.

Шестернёва, А.Н. Сравнительная типология фразеологических единиц белорусского, русского, английского и французского языков // Філолагічныя студыі. 2017. Вып. 16. С. 255–262.

Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch = Беларуская-нямецкі парэміялагічны слоўнік / Я.Я. Іваноў, Н.К. Раманав. Магілёў: МДУ, 2006. 108 с.

English-Belarusian Paremiological Dictionary = Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я.Я. Іванова. Магілёў: МДУ, 2009. 240 с.

Ivanov, E., Feldman, V. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarussian and Russian Languages) // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica. 2007. Вып. 1. С. 85–97.

Kogout, V. Proverbs et dictons de France et leurs équivalents russes = Французскія пошловіцы і поговоркі і іх рускія эквіваленты. Санкт-Пецярбург: Антологія, 2016. 238 с.

Polsko-białoruski słownik paremiologiczny = Польшка-беларускі парэміялагічны слоўнік / С.Ф. Іванова, Я.Я. Іваноў. Магілёў: МДУ, 2007. 192 с.

Е.Н. Соколова, д-р філал. наук, проф.
Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Анотацыя. Стат'я прысвечана сравнительному анализу фразеологизмов с соматическим компонентом в русском и польском языках, осуществленному на материале лексикографических источников. Лексико-семантическое и сравнительно-статистическое описание исследуемой группы фразеологических единиц производится с учетом особенностей репрезентации в них фрагментов языковой картины мира.

Ключевые слова: антропоцентризм, языковая картина мира, фразеологизм, соматизмы, сравнительный анализ

Одним из основных свойств картины мира как феномена является её антропоцентричность, которая, по мнению Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995], выражается в «ориентации на человека». Рефлексия над собственным телом, его границами и строением складывается в систему образов и представлений, служащую «источником концептуализации внутреннего мира человека по образу и подобию внешнего» [Городецкая 2007: 162]. Необозримые пространства, трудовую и интеллектуальную деятельность, чувственное восприятие человек измеряет через себя самого, распространяя себя на окружающий мир (*насколько хватает глаз, каша в голове, не покладая рук, сердце переполняется* и под.). Такие номинативные единицы создают культурно-национальную картину мира, в

которой отражаются быт и нравы, обычаи и поведение людей, их отношение к миру и друг к другу.

Антропоцентрическое направление в современной лингвистике актуализировало необходимость комплексного анализа этнокультурной специфики фразеологических единиц и универсальных межъязыковых отношений на основании культурологически релевантных признаков. Интерес лингвистов к фразеологизмам, объединённым наличием какого-либо общего компонента, обусловлен тем, что их исследование способствует решению многих важных проблем фразеологии, в частности, помогает глубже проникнуть в семантическую структуру фразеологических единиц, раскрыть механизм её формирования, определить роль компонентов в образовании фразеологического значения и природу самого компонента.

Научному изучению русской и польской соматической фразеологии в контексте выявления общих и специфических черт данной группы ФЕ, различий в русской и польской материальной культуре, а также особенностей исторического пути двух родственных народов посвящён ряд работ отечественных и зарубежных лингвистов (см. работы [Мордкович 1971]; [Мокиенко 1989]; [Кузьмин 2003]; [Горды 2010]; [Горбань, Грибкова 2013]; [Войтова 2015]; [Чепасова 2016]; [Leszczyńska 2010] и др.).

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного сравнительного анализа соматических фразеологизмов русского и польского языков, установления регулярных функционально-семантических тождеств между фразеологическими единицами двух близкородственных языков, выявления способов репрезентации языковой картины мира в соматической фразеологии.

Соматизмы, входя в общеславянский лексический пласт, характеризуются высокой продуктивностью и широким фразообразовательным потенциалом. Как отмечает И.В. Кузьмин, соматические фразеологизмы представляют собой «рефлексы периода чувственного мышления, так как восприятие мира всегда осуществлялось теми или иными рецепторами» [Кузьмин 2003: 113]. Значение целого ряда базовых слов сформировалось на основе антропоцентрического понимания мира – *голова колонны, горлышко бутылки, ножка стола, ucha kotła* ‘ручки котла’, *igielne ucho* ‘игольное ушко’ и др.

Весьма отчетливо антропоцентричность языковой картины мира проявляется в системе соматических фразеологизмов, один из компонентов которых обозначает название части тела или органа человека / животного, например, рус.: *валить с больной головы на здоровую, впитаться глазами, бить по рукам, валяться в ногах, до седых волос, разбередить сердце, вешать лапшу на уши, язык без костей, в хвост и в гриву, хвост поджечь*; польск. *na łeb* – ‘сломя голову’, *tydląć oczy* – ‘пускать пыль в глаза’, *ręce opadają* – ‘руки опускаются’, *złamać serce* – ‘разбить сердце’, *być ciętym w języku* – ‘быть острым на язык’, *sam jak palec* – ‘один как перст’, *kręcić nosem* – ‘капризничать’, *zapiierać dech w piersi* – ‘захватывать дыхание’, *z zimną krwią* – ‘хладнокровно’.

Соматическая фразеология – одна из наиболее обширных и продуктивных групп фразеологического фонда славянских языков. Соматические ФЕ, выступая в

качестве метафорических универсалий, характеризуются устойчивостью, большой частотностью употребления и разветвлённостью семантической структуры. Сравнительно-статистический анализ активности соматизмов в русском и польском фразеондах показывает, что на лексическом уровне соматические компоненты ФЕ русского и польского языков характеризуются различной степенью активности, вследствие чего эти лексемы в качестве стержневых компонентов используются неравномерно. В русском языке наибольшей фразеологической активностью обладают соматизмы со значением ‘голова’ (голова / головка / головушка / башка) – более 16%, ‘глаза’ (глаза / белки / шары) – свыше 10%, ‘рука’ – более 8%, ‘язык’ – 8%, ‘нога’ – свыше 6%. В польском языке наибольшая фразеологическая валентность отмечена у соматизмов со значениями: ‘голова’ (głowa / łeb) – более 22%, ‘глаза’ (oczy) – более 14%, ‘рука’ (ręka) – свыше 7%, ‘ухо’ (ucho) – 5%.

Описание денотативного значения соматических ФЕ (далее СФЕ) может быть осуществлено на основе распределения языковых единиц по семантико-грамматическим классам.

1. СФЕ с общим значением предметности, соотносимые с именами существительными: характеристика человека, предмета, явления (*золотые руки, чувство локтя; tęgi łeb* – ‘умная башка’, *włosy anielskie* – ‘ёлочный дождь’); эмоции и состояние человека (*wieszać nos, łamać głowę; ręce opadają* – ‘руки опускаются’, *usta od ucha do ucha* – ‘рот до ушей’) и др.

2. СФЕ с общим значением признаковости, соотносимые с именами прилагательными: качества и признаки лица или предмета (*na głowę wyżej, gołymi rękami nie wozmiesz; ktoś ma lepkie ręce* – ‘кто-либо на руку нечист’, *głupi jak stołowe nogi* – ‘глуп как пробка’, *być ciętym w języku* – ‘быть острым на язык’) и др.

3. СФЕ с общим значением процессуальности, соотносимые с глаголами: (*siedzieć słojąc ręki; wziąć na swoich plecach; na złamanie karku kręcić głowę* – ‘сломая голову’, *mydlić oczy* – ‘пускать пыль в глаза’) и др.

4. СФЕ с общим значением признака действия или другого признака, соотносимые с наречиями: обстоятельственная характеристика времени, места, образа действия, меры и степени (*do szarych włosów, bok o bok, co wszystkich, ni na włos, do bóli w sercu; gołym okiem* – ‘невооруженным глазом’, *całym sercem* – ‘всем сердцем’, *ramię przy ramieniu* – ‘бок о бок’) и др.

Среди лексико-грамматических групп соматических фразеологизмов могут быть выделены следующие.

1. СФЕ, выражающие отношение человека к действительности и другим людям, а также характеризующие взаимоотношения людей (*spoglądać przez palce, mrozić głowę, rta nie dać otworzyć; puszczać mimo uszu* – ‘пропускать мимо ушей’, *patrzeć na coś przez palce* – ‘смотреть сквозь пальцы’, *brać kogoś pod włos* – ‘играть на чьём-либо самолюбии’) и др.

2. СФЕ, характеризующие физическое и эмоциональное состояние человека, описывающие его действия (*przeczekać do końca; włosy wstają dybom, sędzina w brodę, biec w rebrzo; położyć uszy po sobie* – ‘поджать хвост’, *mieć związane ręce* – ‘быть связанным по рукам (и ногам)’, *głowa (mi) pęka, kręci (mi) się w głowie* – ‘голова идет кругом’) и др.

3. СФЕ, дающие качественно-оценочную, образную характеристику человека (*золотая голова, длинный язык; otwarta głowa* – ‘светлая голова’, *mieć głowę na karku* – ‘иметь голову на плечах’, *sam jak palec* – ‘один как перст’, *ma mleko pod nosem* – ‘у него молоко на губах не обсохло’, *mieć wytarte (miedziane) czolo* – ‘быть наглым (бессовестным)’, *ma żyłkę do czegoś* – ‘у него есть какая-то жилка’, *komuś na mózg padło (uderzyło)* – ‘кто-либо спятил (свихнулся)’ и др.

4. СФЕ, отражающие традиционную символику, связанную с частями тела (*правая рука, махнуть рукой; po lewej, po prawej ręce*).

Остановимся подробнее на результатах сравнительного анализа СФЕ с компонентом *глаз / око / oko*.

Глаз во многих культурах понимается не просто как орган зрения, но и как граница, отделяющая человека от внешнего мира. Посредством зрения человек приобретает основную часть имеющихся у него знаний о реальной действительности.

При анализе СФЕ с позитивным значением может быть выделено шесть микросфер: 1) ФЕ, обозначающие скромность, неискущённость, стыд, смущение отмечены только в русском языке: рус. *опустить / потупить глаза, не знать куда глаза девать, не знать, с какими глазами показаться*; 2) ФЕ, определяющие межличностные отношения – знакомство, симпатии: рус. *положить глаз на кого-то, смотреть влюблёнными глазами, глаз радуется* – польск. *strzelać oczyma, robić perskie oko, wpaść komuś w oko*; 3) ФЕ, характеризующие заботу, бережное отношение: рус. *беречь пуще глаза / ока, беречь как зеницу ока, глаз да глаз* – польск. *pilnować (strzec) jak oka w głowie, trzeba mieć oko na to (nie spuszczać oka z tego)*. Остальные микросферы выделены только в русском языке: 4) ФЕ, отражающие удивление, изумление: *делать большие / круглые / квадратные глаза, не верить глазам своим, глаза на лоб лезут*; 5) ФЕ, обозначающие опыт: *набить глаз, глаз намётан, с закрытыми глазами*; 6) ФЕ, выражающие временную характеристику: *не успел глазом моргнуть, в мгновение ока*.

СФЕ пейоративного значения с лексемой *глаз* в русском и польском языках разделены на семь микросфер: 1) ФЕ, выражающие обман: рус. *иметь дурной глаз, врёт и глазом не моргнёт, на голубом глазу, пускать пыль / тумана в глаза* – польск. *tydlić oczu*; 2) ФЕ, обозначающие неверие, недоверие: рус. *искать соринку в чужом глазу* – польск. *patrzeć krzywym (kosym, złym) okiem*; 3) ФЕ, определяющие испуг: рус. *у страха глаза велики* – польск. *strach ma wielkie oczy*; 4) ФЕ, выражающие направленное и внимательное наблюдение, рассматривание: рус. *есть / поедать / пожирать глазами, выкатить глаза, пялить / пучить глаза, не спускать глаз* – польск. *nie spuszczać z kogoś oczu, mieć kogoś na oku*. Ещё три микросферы представлены только русскими СФЕ: 5) ФЕ, определяющие гнев, зависть: *искры из глаз; глаза, налитые кровью; глаза завидующие*; 6) ФЕ, выражающие физическое состояние, недомогание, болезнь, слабость: *потемнело / помутилось / замутилось в глазах*; к данной группе можно отнести характеристику физического состояния опьянения: *наливать глаза, заливать глаза*; 7) ФЕ, обозначающие всевозможные клятвы, проклятия, волеизъявления: *лопни мои глаза, не попадайся на глаза*.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Соматическая фразеология – один из наиболее активных пластов фразеосистем русского и польского языков, поскольку СФЕ, будучи антропоориентированными по своей природе, представляют собой инструмент, позволяющий человеку сравнивать окружающие его объекты с самим собой. СФЕ характеризуются актуальностью содержания, яркой образностью, несложностью грамматического оформления, стилистическим многообразием, разветвленностью семантической структуры.

2. В образовании СФЕ принимают участие в русском языке – 58 лексем (в т. ч. синонимичные), в польском языке – 38 лексем (в т. ч. синонимичные). При этом соматизмы в качестве стержневых компонентов ФЕ используются неравномерно, поскольку функционирование лексемы в роли семантически опорного компонента СФЕ зависит, в первую очередь, от экстралингвистических факторов. Наибольшей фразеологической активностью в обоих языках обладают соматизмы *голова, глаза, рука*, кроме того, большой фразообразующий потенциал имеют лексемы *язык, ноги* в русском языке, *ухо* – в польском языке. Таким образом, при метафоризации наиболее продуктивны соматизмы, обозначающие «внешние», наблюдаемые части тела, функции которых в организации человека наиболее ясны, в силу чего такие лексемы легко поддаются переосмыслению.

3. В языке закрепляются и фразеологизируются те аспекты, которые ассоциируются с культурно-национальными стереотипами. Контролируя семантику СФЕ, стереотип направляет и корректирует современное функционирование фразеологизма. Фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формирует их.

4. Наиболее продуктивным с точки зрения комплексного анализа является объединение СФЕ в тематические группы по стержневому компоненту-соматизму с параллельным выделением оценочных групп СФЕ – фразеологизмы с позитивной оценкой и фразеологизмы с негативной оценкой. При этом обнаруживается не только генетическая связь фразеологического значения с переносными значениями соматизма, но и семантическая асимметрия фразеологической системы, а именно сдвиг в сторону отрицательных значений.

Литература

Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

Войтова, Н.А. Фразеологизмы с соматонимами «глаз», «нос», «ухо» и «язык» в русском и польском языках // Современные тенденции развития науки и технологий. Белгород, 2015. № 9–4. С. 35–40.

Гессен, Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. Москва-Варшава: Сов. энциклопедия, Вєдза повсхєхна, 1967. 1344 с.

Горбань, В.В., Грибкова, М.Н. Фразеологические единицы с партонимом голова в русском и польском языках // Слов'янський збірник: Одеський національний університет імені ІІ Мечникова. 2013. № 17. С. 230–240.

Горды, М. Соматическая фразеология современного русского и польского языков. Щецин: Волумина, 2010. 364 с.

Городецкая, И.Е. Соматический компонент фразеологизмов русского и французского языков // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 51. С. 162–166.

Кузьмин, И.В. Фразеологизмы с соматонимами как «культурно-специфические» показатели (на материале русской и польской фразеосистем) // Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы. М., 2003. С. 113–115.

Мокиенко, В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.

Молотков, А.И., Цеслянская, В. Учебный русско-польский фразеологический словарь. М.: Астрель: АСТ, 2001. 336 с.

Мордович, Э.М. Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов: Актуальные проблемы фразеологии. Новосибирск, 1971. С. 244–245.

Фразеологический словарь русского литературного языка / Под ред. А.И. Федорова. М.: ТОПИКАЛ, 1995. 608 с.

Чепасова, А.М. Функциональные свойства фразеологизмов с компонентами *дух, душа, сердце* // Чепасова, А.М. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Фразеология в контексте современных лингвистических исследований. Челябинск, 2016. С. 106–116.

Leszczyńska, J. Frazeologia somatyczna we współczesnej gwarze regionu wódzislawskiego // Mezinárodní setkání mladých slavistů pořádané pod záštitou. Ostrava, 2010. S. 237–246.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК МЕЖСЛАВЯНСКОГО ОБЩЕНИЯ В НОВЫХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ И ЕГО ИСТОКИ

О.Г. Алексеева, докторант

Ж.Н. Жунусова, д-р филол. наук, проф.

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
(Нур-Султан, Казахстан)*

Н.С. Иванова, д-р PhD, проф.

*Бургасский университет им. проф. А. Златарова
(Бургас, Болгария)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕНАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье анализируются современные подходы к понятиям и терминам теории языковой личности: *языковая личность, коммуникативная личность*. Представлены модели языковой личности, даётся определение *идиостилю, речевому портрету, речевому имиджу, медиадискурсу*. Исследование модели коммуникативной личности позволяет всесторонне описать ту или иную языковую личность в медиапространстве с учётом всех факторов, определяющих речевое поведение языкового субъекта.

Ключевые слова: языковая и коммуникативная личность, речевой портрет, идиостиль, коммуникативное поведение, медиапространство, медиадискурс

На рубеже веков произошла смена научных парадигм, и основной тенденцией современной философии, культурологии, психологии и большинства областей лингвистических исследований становится антропоцентричность. Наиболее активно в научных исследованиях антропоцентрическая парадигма проявляется в когнитивно-дискурсивном подходе. Анализ функционирования языка в процессе коммуникации напрямую связан с рассмотрением человека в его человеческой специфике [Кибрик 2008]. Основным объектом научных исследований теперь стал сам носитель языка, человек говорящий, т.е. языковая личность (Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, В.В. Красных и др.).

Понятие «языковая личность» появилось как дополнение к понятию «личность», о которой ещё в XVIII–XIX вв. было сказано в трудах В. фон Гумбольдта и И.Г. Гердера, а своё дальнейшее развитие оно получило в работах Л. Вайсгербера.

В российской лингвистике термины «языковая личность», «образ автора» были впервые введены В.В. Виноградовым во второй половине прошлого столетия [Виноградов 1980: [http](#)].

Изучение феномена *языковая личность* в казахстанской лингвистике посвящены немногочисленные работы учёных, среди которых следует назвать докторские диссертации Н.И. Гайнуллиной, А.Б. Тумановой, кандидатские диссертации О.Ф. Кучеренко, Т.Е. Пшениной, А.Б. Жуминовой и др. Результаты исследований учёных «обогатили категориальный аппарат в области изучения языковой личности в лингвистике» [Жунусова 2018: 131].

Несмотря на многие изыскания учёных, вопрос дефиниции, разграничения терминов *языковая личность* и *коммуникативная личность* всё еще остаётся нерешённым. Вместе с тем богатый исследовательский материал способствовал появлению нового направления – лингвоперсонологии.

Актуальность данной статьи детерминирована попыткой разграничить понятия *языковая личность* и *коммуникативная личность*, дать определение *речевому портрету*, *идиостилю*, *речевому имиджу* в медиадискурсе, выявить основные уровни языковой личности. Авторами предпринята попытка разграничить вышеприведённые понятия, необходимые для дальнейшего анализа коммуникативного поведения языкового субъекта и составления речевого портрета современной языковой личности с привлечением массмедийных материалов.

В истории изучения понятий *языковая личность* и *коммуникативная личность* выделяют три подхода, определяющие соотношение данных понятий. Так, представители первого подхода С.Г. Воркачев, В.В. Соколова утверждают, что понятие *языковая личность* является более широким, чем понятие *коммуникативная личность*. В соответствии с данной точкой зрения, *языковая личность* выступает как *мыслительная, языковая, речевая, коммуникативная личность* и трактуется как суперкатегория [Воркачёв 2001: [http](#)]. При втором подходе – в работах российского ученого В.И. Карасика – оба понятия (*языковая личность* и *коммуникативная личность*) не разграничиваются: в условиях коммуникации *языковая личность* может рассматриваться как *коммуникативная* [Карасик 2002: [http](#)]. При третьем подходе понятие *коммуникативная личность* определяется шире феномена *языковая личность*. Так, В.П. Конецкая говорит, что понятие *коммуникативная личность* включает в себя вербальный и невербальный код коммуникации, искусственный, смешанный и коммуникативный [Конецкая: [http](#)].

Во многом от избираемого учёным подхода зависит предлагаемая им модель и структура языковой личности. Наиболее регулярно в научных работах используются модели Ю.Н. Караулова и Г.И. Богина. Трёхуровневую структуру языковой личности предлагает Ю.Н. Караулов. Так, *нулевой или вербально-семантический уровень* отвечает за владение языком. Здесь предполагается, что

индивид владеет языком на уровне естественного бытового общения, при этом учитывается умение субъекта правильно использовать вербальные средства в соответствии с различными социальными нормами и их вариантами; *когнитивный (тезаурусный) уровень* включает в себя концептуальную систему индивида (первый). Сюда входят актуальные для носителя языка *понятия, идеи, концепты, системы ценностей*, характеризующие его как языковую личность; *мотивационно-прагматический уровень* включает в себя цели, мотивы, интересы, установки (второй) [Караулов 2010: [http](http://)].

Представленная учёным трёхуровневая структура позволяет рассматривать языковую личность в рамках трёх основных характеристик: вербально-семантической (языковой), когнитивной и прагматической.

В докторской диссертации Г.И. Богина модель языковой личности включает пять этапов – уровней развития: *уровень правильности* предполагает владение достаточно большим лексическим запасом, знание и умение моделировать высказывание в соответствии с нормами и правилами данного языка; *уровень интериоризации* включает в себя умение реализовать и воспринимать речь в соответствии с внутренним планом речевого действия; *уровень насыщенности* отражает степень владения разнообразием и богатством выразительных средств языка; *уровень адекватного выбора* оценивается в соответствии с отбором языковых средств высказывания в зависимости от коммуникативной ситуации и ролей коммуникантов; *уровень адекватного синтеза* учитывает «единство реализации коммуникативной и эстетической функций языка, как, впрочем, и вообще единства всех функций языка в речевой деятельности» [Богин 1986: [http](http://)]. В данной модели четвертый и пятый уровни языковой личности непосредственно относятся к сфере изучения коммуникативной личности.

В трудах учёных, помимо моделей языковой личности, выделяют модели *коммуникативной личности*. Наиболее востребованная модель коммуникативной личности представлена в работах В.П. Конецкой. Модель включает три основных параметра: *мотивационный* – потребность сообщить что-то или получить необходимую информацию, что является обязательной характеристикой индивида как коммуникативной личности; *когнитивный* – способность адекватно воспринимать информацию, оказывать воздействие на партнёра, знание социальных норм коммуникации; *функциональный* включающий в себя а) практическое владение запасом вербальных и невербальных средств коммуникации, б) умение варьировать коммуникативные средства в связи с изменением ситуации общения, в) построение высказываний в соответствии с нормами и правилами речевого этикета [Конецкая: [http](http://)].

Каждая *языковая личность* обладает набором констант, которые выступают в качестве доминант языкового сознания, коммуникативного поведения, которые позволяют определить тип языковой личности. То же самое можно сказать и о *коммуникативной личности*. В настоящее время в зависимости от той или иной доминанты предлагается целый ряд типологий *языковой* и *коммуникативной* личности. При исследовании можно также выделить доминанты, характерные для типологии *языковых личностей*,

определяющие типологию *коммуникативных личностей*; синкретичные, исходя из которых нельзя однозначно сказать, какая из *личностей* будет рассматриваться в том или ином контексте.

В трудах В.И. Карасика выделяются *эгоцентрический* и *социоцентрический* типы языковой личности на основе индивидуальности или коллективности используемых языковых средств. Для *эгоцентрической* языковой личности характерна насыщенность речи яркими и необычными выражениями, используемыми с целью саморепрезентации и украшения речи. *Социоцентрическая* языковая личность характеризуется использованием клишированных выражений для подтверждения своего статуса, а в случае статусной неопределённости – для опознания членов своей социальной группы [Карасик 2002: [http](#)].

На основании использования коммуникативного потенциала В.Б. Кашкин выделяет следующие типы коммуникативной личности: доминантный коммуникант, мобильный, ригидный, интровертный [Кашкин 2000: [http](#)].

По наблюдениям речевого поведения И.Н. Горелова и К.Ф. Седова в зависимости от степени конфликтности, способности к кооперации выделяют конфликтный, централизованный и кооперативный типы языковой личности. Кроме того, учёные строят свою типологию с учётом выбора языковой личностью речевой стратегии и выделяют инвективный, куртуазный и рационально-эвристический типы.

В процессе анализа предлагаемых исследователями моделей *языковой личности* и *коммуникативной личности* легко заметить, что схемы и модели подходят для создания так называемого *речевого портрета* современного языкового субъекта. В лингвистике под *речевым портретом* понимается «образ, который формируется у слушающего о говорящем в момент речи» [Горелов 1997: [http](#)]. При этом *речевой портрет* представляет собой функциональную реализацию языковой личности в общении, акте коммуникации. В данном случае понятия *языковая личность* и *речевой портрет* как лингвистические концепции соотносятся по линии абстрактности / конкретности: они стремятся определить структуру личности, раскрыть то, что является общим для всех субъектов, говорящих на данном языке.

При изучении отдельной социальной личности и речевого портрета, в случае если рассматривается отдельная языковая личность, следует обращать внимание на индивидуальные черты и на групповой характер.

В политической лингвистике и медиалингвистике актуальным является соотношение понятий *речевого портрета* и *речевого имиджа*. Так, Т.Ф. Волкова под *речевым имиджем* понимает «стандартное речевое поведение говорящего субъекта в рамках заданной коммуникативной ситуации» [Волкова 2008: 61]. В целом, для данных категорий значимым является факт наличия характерных черт в речевом поведении субъекта. Ещё одним понятием, относящимся к речевому портрету, является понятие *речевая индивидуальность*, определяемая как совокупность речевых и языковых особенностей, позволяющих противопоставить одну языковую личность другой [Седов 2011]. При анализе речевого портрета необходимо принимать во внимание то, что речевой портрет – это образ личности, возникающий у слушателя в момент выступления

коммуниканта. На формирование данного образа оказывают влияние языковые и экстралингвистические факторы.

Исходя из всего сказанного, можно выделить три аспекта анализа индивидуального речевого портрета личности: социальный, лингвистический, поведенческий.

Медиадискурс также оказывает влияние на характер речевого портрета личности и определяет выбор языковых средств, определённых коммуникативных стратегий и тактику поведения, так как «в сложившейся новой языковой ситуации интерес к медийному тексту как проводнику воздействующих речевых стратегий, реализующему огромный прагматический потенциал публичного общения, в современном обществе возрастает» [Иванова 2014: 56].

При рассмотрении коммуникативного поведения субъекта стоит определить, какие из его особенностей являются результатом социальной принадлежности личности, а какие носят исключительно индивидуальный характер. При этом следует отметить, что языковая / коммуникативная личность как субъект дискурса строится на основе модели индивидуального речевого портрета говорящего, в структуру которой входят следующие аспекты: статусно-ролевой, гендерный, поведенческий, стилистический, стратегический, лингвокультурологический [Канчер 2000: 312].

Таким образом, при анализе коммуникативной личности с привлечением материала массмедиа-дискурса выбор перечисленных выше параметров поможет исследователю всесторонне описать языковую личность. Несмотря на повышенный интерес лингвистов к изучению «человека в языке», понятия *языковая личность* и *коммуникативная личность* выступают как динамические категории.

Следует учитывать, что в лингвистике понятие *коммуникативная личность* трактуется шире, чем понятие *языковая личность*, поскольку первая включает в свою структуру и невербальные средства, для её анализа необходимо наблюдать за деятельностью коммуниканта. Языковая практика регулирует количество моделей этих двух понятий личности и определяет выбор основных из них, что позволяет разграничить понятия *речевой портрет*, *речевой имидж*, *идиостиль*.

Медиапространство открывает большие возможности для анализа языковой личности как участника дискурса «во всём многообразии её проявления в полилингвоментальном сообществе», а создание методологической базы для описания данного явления является приоритетной задачей лингвистики [Жунусова 2018: 131].

Литература

Богин, Г.И. Типология понимания текста [Электронный ресурс]: учеб. пособие. Калинин: КГУ, 1986. 87 с. Режим доступа: <http://linguistics-online.narod.ru/index/0-240> (дата обращения: 15.12.2020).

Виноградов, В.В. О художественной прозе [Электронный ресурс]. М.: Наука, 1980. 362 с. Режим доступа: <https://www.academia.edu/> (дата обращения: 16.12.2020).

Волкова, Т.Ф. Теоретические и прикладные аспекты изучения публичной языковой личности // Филологические науки. 2008. Т. 1. № 1. С. 60–63.

Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Электронный ресурс] // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64 –72. Режим доступа: <http://www.lincon.narod.ru/lingvocult>. (дата обращения: 16.12.2020).

Горелов, И.Н., Седов, К.Ф. Основы психолингвистики [Электронный ресурс]. М.: Лабиринт, 1997. 220с. Режим доступа: <https://www.gramota.net/materials/2/> (дата обращения: 16.12.2020).

Жунусова, Ж.Н. Языковое пространство художественного дискурса Чингиза Айтматова // Материалы международной научно-практической конференции «Творчество Чингиза Айтматова в контексте традиций ВОСТОКА – ЗАПАДА». Казань: Казан. ун-т, 2018. С.131-136.

Иванова, Н.С. Словотворчество на страницах современных русских и болгарских СМИ [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». № 1 (28). 2014. Режим доступа: www.grani.vspu.ru (дата обращения: 16.12.2020).

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Электронный ресурс]. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. Режим доступа: <https://docplayer.ru/66475072-Yazykovoy-krug-lichnostl> (дата обращения: 16.12.2020)

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Электронный ресурс]. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с. Режим доступа: URL: <https://ru.b-ok.cc/book/2040030/51f9> (дата обращения: 17.12.2020)

Канчер, М.А. О трех аспектах описания языковых личностей//Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. С. 312 – 319.

Кашкин, В.Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.

Кибрик, А.А., Плунгян, В.А. Функционализм. Функциональные и когнитивные теории // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М.: Едиториал УРСС, 2002. 208 с.

Конецкая, В.П. Социологии коммуникации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iru.biblio/archive> (дата обращения: 15.12.2020)

Седов, К.Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011. 336 с.

А.А. Жоржева, магистрант
Науч. рук.: Ж.Н. Жунусова, д-р филол. наук, проф.
Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилёва (Нур-Султан, Казахстан)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА *ОГОНЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Целью автора статьи является определение значимости концепта *огонь* в языковой картине мира русского этноса. Вербализаторы концепта описываются с лингвокультурологических позиций, применяется полевой метод исследования. Определяются семантические свойства лексем – вербализаторов концепта. Выявляются конкретные культурные коды, в которых проявляются семантические свойства лексем.

Ключевые слова: концепт, лексема, семантическое поле, лингвокультурологическое поле

Язык и культура взаимосвязаны между собой, и язык в данной взаимосвязи выступает как инструмент, объективирующий знания о культуре. Как известно, реализация концепта в системе любого языка осуществляется посредством значения лексемы, реконструкция же концепта осуществляется за счёт описания наиболее характерных признаков совокупности лексем-репрезентантов концепта [Болдырев 2001], через вычленение и описание семного состава слова, номинирующего данный концепт [Стернин, Попова 2001].

Целью нашего исследования является определение значимости концепта «Огонь» в языковой картине мира русского этноса. Концептуальная структура исследуется в лингвокультурологическом аспекте, основным методом исследования является метод поля. Избранный подход обусловлен двумя обстоятельствами: 1) иерархической структурой поля в целом, отвечающей требованиям системного подхода в современном науковедении; 2) связью лингвистики и культурологии как симбиоза наук. Полевой метод даёт возможность оценить удельный вес реалии в контексте культуры конкретного народа. Метод лингвокультурологического поля предполагает работу с концептами, которая реализуется с двух взаимодополняющих позиций: лингвистической и культурологической. С лингвистической точки зрения работа с концептами подразумевает определение семантических свойств лексем, обозначающих данные реалии. С точки зрения культурологии наша задача состоит в обнаружении конкретных культурных кодов, в которых проявляются семантические свойства лексем. Учёные добиваются наибольших успехов в исследованиях, «реализуя лингвокультурологический подход при изучении своего объекта, отражающего процессы взаимовлияния языка и культуры» [Жунусова, Сакенова 2018: 156].

Структура концепта «Огонь» рассматривается через семы, наличествующие в лексическом значении имени концепта *огонь* и выделяемые путём формирования лингвокультурологического поля. Представление лингвокультурологического поля сопряжено с некоторыми трудностями, которые связаны с нестабильностью лексического яруса языка. В процессе конструирования лингвокультурологического поля концепта мы будем опираться на мнение Л.М. Васильева, считающего, что семантическое поле – это парадигматическая структура. В данной структуре, по мнению учёного, единицы лексического уровня связаны между собой отношениями противопоставления, при этом обязательные (ядерные) и факультативные (периферийные) места в такой структуре занимают классы слов, объединённые той или иной семантической категорией. В рамках концепции Л.М. Васильева, структурирование поля представляет собой выделение типизируемой области, которой является отражённая в языке концептуальная сфера, соответствующая определённым категориям, называемая семемой [Васильев 1971].

Такой подход к выделению семем И.А. Стернин и М.С. Саломатина называют семемным анализом слова [Стернин, Саломатина 2011: 3]. При семемном анализе мы использовали данные «Большого толкового словаря русского языка», изданного под ред. С.А. Кузнецова [Большой толковый словарь 2000: [http](#)].

Для выделения набора семем лексемы нам необходимо определить все её значения. Структура словарной статьи *огонь* в «Большом толковом словаре русского языка» представлена пятью ЛСВ: «1. Раскалённые светящиеся газы, выделяющиеся при горении, пламя. 2. Свет от чего-либо горящего. 3. О жаре, повышенной температуре тела. 4. *Перен.* Пыл, жар, страстность (как свойство человека, человеческой натуры). 5. Стрельба (ружейная или артиллерийская)» [Большой толковый словарь 2000: [http](http://)].

Анализ семного состава, выделенного в совокупности семем, позволяет определить типизируемые области (поле семем) лингвокультурологического поля концепта «Огонь». Поле семем лексемы *огонь* представляет собой четыре доминантных области, означенными именами *взрыв*, *горение*, *жар*, *свет*, *пыл*.

На следующем этапе исследования проводился анализ выделенных имён доминантных областей. Представим его результаты:

– *взрыв*. Два значения: «1. Разрыв разрушающегося снаряда, являющийся результатом действия особых химических веществ. 2. Химическая реакция, сопровождаемая мгновенным расширением образовавшихся газов и приводящая к разрушительным действиям» [Большой толковый словарь 2000: [http](http://)]. Распределив значения на основе общности семантических компонентов, мы выделили следующие семы семемы **взрыв**: ‘химическая реакция’ и ‘проявление сильного чувства’;

– *гореть*: «1. Поддерживать собой пламя, давать жар, пылать. 2. Протекать стремительно, оживлённо; быть в разгаре, кипеть в волнении, испытывать какое-либо сильное чувство. 3. Излучать свет, светиться. 4. Быть в жару, в лихорадочном состоянии; чувствовать жар. 5. Приходить в негодность при небрежном обращении (об одежде, обуви)» [Большой толковый словарь 2000: [http](http://)]. Логический анализ позволяет выделить пять сем: ‘пламя огня’ (в прямом значении), ‘проявление сильного чувства’, ‘излучение света’, ‘повышенная температура тела’, ‘переход в негодное состояние’;

– *жар*: «1. Сильно нагретый, горячий воздух. 2. Повышенная температура тела при нездоровье. 3. *Перен.* Рвение, порыв, пыл. 4. Горячие угли без пламени. 5. Румянец на лице» [Большой толковый словарь 2000: [http](http://)]. Выделен следующий набор сем: сема ‘пламя огня’ является имплицитной – проявляется посредством признака *высокая температура, большое наличие тепла*; сему *болезнь*, атрибутивным признаком для выделения которой становится также признак повышенной температуры у человека, вербализующейся в выражении «лихорадочное состояние», в существительных «нездоровье» и «болезнь»; семы ‘*страсть*’, ‘*порыв*’, которые выделяются в переносном значении: внешние признаки высокой температуры – «горячность», «страстность», «румянец». Ещё две семы ‘*цвет*’ и ‘*тление*’ выводятся опосредованно – на основе признака, связанного с образом углей: в семе ‘*цвет*’ на этот признак указывают включенные в толкование прилагательное *яркий* и наречие *докрасна*, в семе ‘*тление*’, напротив, – «отсутствие (огня, пламени)»;

– *свет*: «1. Лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая окружающий мир видимым. 2. Место, откуда исходит освещение; освещённое место, пространство, где светло. 3. Источник освещения и приспособление для

освещения в домах и на улице. 4. Рассвет, восход солнца. 5. Светлое пятно на картине, передающее наибольшую освещённость какого-либо участка изображаемого; блик. 6. *Перен.* Сияние, блеск глаз; внутренняя озарённость глаз, лица под влиянием какого-либо чувства. 7. Употребляется как символ истины, разума, просвещения или радости, счастья. 8. *Народно-поэт.* Ласковое, приветливое обращение к кому-либо» [Большой толковый словарь 2000: [http](http://)]. Анализ словарной статьи позволил выделить следующие семы (в скобках представлены элементы толкования, на которые мы опирались, выделяя семы): 'физическое явление' («лучистая энергия», «электромагнитное излучение», «окружающий мир»), 'источник света' («освещение», «светло», «светильник»), 'природное явление' («рассвет», «восход солнца», «часть суток»), 'самое светлое место' («наибольшая освещённость»), 'знание' («истина», «разум», «просвещение», «радость», «счастье», «радостная жизнь», «счастливая жизнь»), 'сияние лица' («сияние», «блеск», «озарённость», «радостный», «ясный») и 'ласка', 'любовь' («ласковый», «приветливый», «почтительный», «любовный»);
 – *пыл.*: «1. Сильный жар от огня. 2. Душевный подъём, горячность» [Большой толковый словарь 2000: [http](http://)]. Выделяем следующие семы: 'пламя огня' («жар от огня», «пылающий огонь») и 'страсть', 'порыв' («горячность», «сильное внутреннее возбуждение» и «страстный»);

На следующем этапе исследования мы попытались провести процедуру типологизации семного поля лексемы *огонь*. Результаты процедуры представим в виде схемы, отражающей и количественное соотношение её семем и сем (Схема 1).

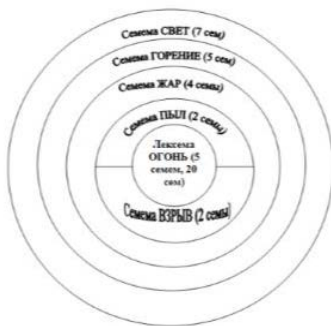

Схема 1. Соотношение семем и сем (семное поле) лексемы *огонь*

Семное поле состоит из ядра, центра (специализированных классов с более сложным значением) и периферии (вторичных наименований), центр и периферии отождествляются с семемами и семами. Те семемы, которые содержат больше всего сем, скорее всего, будут представлять собой периферийные части поля. Семемы, обладающие меньшим числом сем, возможно, станут точками пересечения для этих же сем, но располагающихся в других семемах, что позволит им приблизиться к ядру поля. Самим же ядром

поля, как правило, будет выступать лексема, передающая основное значение лингвокультурологического поля.

Теперь предлагаем к рассмотрению схему 2, на которой мы изобразили наиболее часто пересекающиеся между собой семы в рамках различных семем, что в соответствии с описанным выше принципом позволяет сформировать лингвокультурологическое поле концепта «Огонь» (Схема 2):

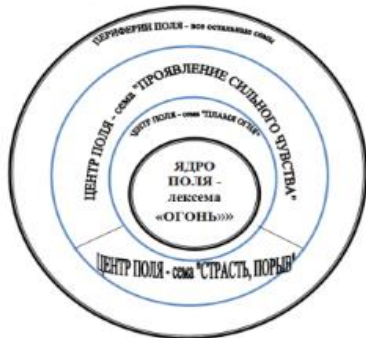

Схема 2. Структура лингвокультурологического поля концепта «Огонь»

Подведём итоги. Семантическое поле лексемы *огонь* представлено пятью семемами (субкатегориями), включающими в себя в совокупности двадцать сем.

Концепт «Огонь» относится к числу базовых в любой картине мира, что объясняет неугасающий интерес к исследованию средств его вербализации на материале разных языков, ибо в языковых единицах «зафиксирован жизненный опыт человечества и запечатлены сведения о культуре и менталитете каждого народа» [Жунусова, Ермұқан 2020: 111].

Литература

- Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 123 с.
- Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинг, 2000. 1536 с. Режим доступа: file:///C:/Users/mil/Downloads/63508_cdb73faf71cbfc943615081857d66bda.pdf (дата обращения: 20.02.2021).
- Васильев, Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105–113.
- Жунусова, Ж.Н., Ермұқан, Е.Б. Заимствованная лексика в составе тематической группы «флора» // Сборник материалов Всерос. науч. онлайн-конференции с междунар. участием «Филологи земли орловской: истоки и развитие направлений исследований». Орёл: ОГУ, 2020. С. 110–115.
- Жунусова, Ж.Н., Сакенова Н.М. Репрезентация числительного *сорок* во фразеологических единицах разноструктурных языков // «Благословенны первые шаги...». Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2018, вып.12. С. 155-163.
- Новиков, Л.А. Семантическое поле. М.: Дрофа, 1997. 458 с.

Стернин, И.А., Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 192 с.

Стернин, И.А., Саломатина, М.С. Семантический анализ слова в контексте: учеб. пособие. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.

*М.А. Казначеева, студентка
О.В. Франчук, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)*

ГРУСТЬ-ТОСКА МЕНЯ «СЪЕДАЕТ»... ? (Об изменении семантики лексем *грусть* – *печаль* – *тоска* по данным лексикографических источников)

Аннотация. Объектом анализа в статье является процесс эволюции концепта, вербализаторами которого в русском языке являются слова *грусть* – *печаль* – *тоска*. Авторы обращаются к материалам этимологических и толковых словарей, словарей молодёжного жаргона, на базе которых прослеживает изменение семантики лексем от момента их первоначальной фиксации в древних текстах до образцов современной речевой практики.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, наименования чувств и эмоций, лексическая семантика, эволюция

Наименования чувств и эмоций, представляющие основные концепты русской языковой картины мира, неоднократно становились объектом изучения лингвистов (см. работы [Вежицкая 2001], [Степанов 2001], [Гамаюнова 2003], [Колесов 2014]). По мнению А. Вежицкой, концепт «грусть – тоска» является одним из определяющих для русского национального самосознания и наиболее полно отражает черты национального характера [Вежицкая 2001].

Современному носителю русского языка достаточно сложно разграничить понятия, стоящие за лексемами *грусть*, *тоска* и *печаль*. На протяжении истории развития русского языка значение этих языковых единиц менялось. Интуитивно мы понимаем, что **грусть** – это «лёгкое» эмоциональное состояние, которое порой приводит к унынию, но не вгоняет в депрессию. Слово **тоска** обозначает чувство, которое испытываешь, скучая по кому-то. Абстрактное имя **печаль** служит обозначением более сильных чувств и эмоций. Именно печаль сильнее грусти и тоски, она проникает в душу. Но чем можно объяснить включение в ближайших контекст этих единиц глагола активного действия *съедает*? Может ли тоска «съедать» представителей современной молодёжи?

В современных толковых словарях семантика анализируемых лексем определяется, как правило, через те же слова-синонимы и дифференциация значений не проводится. Так, в «Большом толковом словаре русского языка» читаем: «Грусть – чувство и состояние печали, лёгкого уныния» [Кузнецов 2000: 232]; «печаль – чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи» [Там

же: 829]; «тоска – тяжёлое гнетущее чувство, душевная тревога, грусть, уныние» [Там же: 1335].

Обращение к истории появления лексем *грусть*, *печаль*, *тоска* в русском языке позволяет выявить различия в их семантике и особенностях функционирования.

Характерно, что психические процессы и явления в древних языках практически никогда не отражались прямо, но всегда через уподобление чему-то. Названия эмоций появились на основе переноса – метафорического или метонимического, посредством которого эмоции концептуализировались в праиндоевропейском и праславянском языках. Так, по сходству с наименованиями физиологических и болевых ощущений появились наименования *горе* (родств. *гореть*), *стыд* (родств. *стынуть*); *печаль* (родств. *печёт*); *грусть* (родств. *грызёт*).

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных читаем: «Грусть. Вероятно, связано с грызть, грыжа. Следовательно, грусть из *gruzъ» [Черных, т. 1, 1999: 223]. Значит, в данном случае метафорический перенос основан на представлении о физиологическом состоянии человека, испытывающего физическую боль: *грусть* – ‘то, что грызёт человека изнутри’.

Имя эмоционального состояния *тоска* восходит к общеславянской форме *tъska и индоевропейской основе *tus-sk- ‘опорожнять’, ‘делать пустым’, ‘осушать’. «Основна та же, что и у слов тощий, тщета, тщательный. Старшее значение ‘давление’, ‘теснота’. Первоначальное значение ‘ощущение беспомощности’, ‘волнение’» [Черных, т. 2, 1999: 253]. Таким образом, ощущение тоски в сознании древних славян связывалось с чувством тесноты и сдавливания в груди, с одной стороны, а с другой – с чувством опустошённости и беспомощности.

Несколько иное представление о переживании конкретной эмоции может дать обращение к этимологии существительного *печаль*. Общеславянская форма *rečalъ (<*pekělъ < *pekēlis) образована от *pekti sę, pekō sę (> рус. пекусь) при помощи суффикса *ělъ [Черных, т. 2, 1999: 28]. Следовательно, данная эмоция изначально была связана с переживанием и заботой о ком-то (неслучайно *пекусь* > *опека*, *опекать* кого-либо). Хотя и связь с непосредственным физиологическим состоянием (ощущением жжения), несомненно, присутствует.

Исторические и этимологические словари фиксируют ещё несколько слов, относящихся к тому же синонимическому ряду и непосредственно связанных с концептом **грусть**: существительные *туга*, *жсая*, *горе*, *скорбь* и *уныние*. Возможно, данные лексемы означали эмоции и чувства более интенсивные по сравнению с грустью и тоской.

Существительное *туга* (тоу҃га, тѣ҃га, т҃ж҃га) встречается в древнерусских письменных памятниках XI–XVII вв. в значении ‘печаль, скорбь’. М. Фасмер возводит корень *туг-* к праславянскому *toга < *тогъ ‘тугой’, который в свою очередь восходит к индоевропейскому глаголу *ten(g)noti ‘стягивать, сдавливать, сжимать, стеснять’ [Фасмер: [http](http://)]. Возможно, речь идёт о психофизиологическом состоянии человека, у которого «сжата и сдавлена» грудь.

Вариант метафорического переноса наименования болевого ощущения на название эмоции представлен словом *жаль* (*жаля*), зафиксированным в древнерусских источниках XII в. в значении 'горе, печаль'. Этимологически праславянский корень *žal- восходит к индоевропейскому *q^uēl- 'колоть, жалить; боль, мучение, смерть' [Черных, т. 1, 1999: 299]. В родственных индоевропейских языках сохранились слова с древнейшим значением: литовское *gelti* 'очень болеть, жалить', *gēla* 'жесточкая боль, мучение'. В славянских языках слова с тем же корнем напрямую связаны с поргребальной тематикой: старославянское *жаль* 'гробница', словенское *žalovati* 'быть в трауре, оплакивать' [Фасмер: <http>]. Основываясь на приведённых аргументах, Ю.И. Гамаюнова делает вывод о том, что основой для метафорического переноса в данном случае «послужило значение 'острая, колющая (смертельная) боль', а глагол *жадеть* буквально означает 'беречь, охранять от боли и мучений'» [Гамаюнова 2003: <http>].

К наименованию температурного ощущения жара, жжения в груди восходит и существительное *горе* 'скорбь, тяжёлые переживания, связанные с какой-нибудь бедой, несчастьем' [Черных, т. 1, 1999: 204], зафиксированное в древнерусских памятниках с XI в. и сохранившееся в современном русском языке. По семантике со словом *горе* сближается существительное *скорбь*, встречающееся в древнерусских памятниках в старославянской огласовке (*скръвь, скръь*). По мнению В.В. Колесова, концепт **скорбь** для русского языкового сознания является «заимствованием извне» и не может быть признан «природно русским» [Колесов 2017: <http>].

Такой обширный синонимический ряд существительных, связанных с переживаниями тоски и грусти, вполне соответствовал христианскому мировоззрению, ибо «*жизнь всех людей, рожденных от жён, пресыщена печальми*» (Иов.14:1). Страдание и мучение причисляются к ценностям средневекового христианина и в какой-то мере могут быть признаны подвигами. Ортодоксальное христианство трактует страдания и печали земной жизни как приготовления к жизни вечной, при этом практически отрицая любые проявления «весёлости» [Франчук 2013]. Тем не менее седьмым в списке смертных грехов значится уныние. Возможно, это связано с тем, что существительное *уныние* означало крайнюю степень выражения тоски и печали, которая представляет собой болезненное расстройство психики человека и в современной психологии обозначается термином *депрессия*.

В народной культуре **тоска** считалась результатом порчи. Если человек беспричинно тосковал, то у односельчан возникали подозрения, что на него наложили порчу. Эта порча влекла за собой много разных последствий, например, человек не узнавал своих родных, разрывал на себе одежду, кусался. Несмотря на то что состояние тоски в некоторых случаях было связано со смертью близкого человека, предаваться этому чувству в течение долгого времени запрещалось. Считали, что умерший будет навещать живого, который слишком долго тоскует по нему [Славянские древности 2012: 296–297].

В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля можно обнаружить отголоски древнейших славянских представлений о грусти, тоске и печали. Так,

существительное *печаль* (ещё одна форма *печа*) зафиксировано в двух значениях: «1) то же что жаль, грусть, туга, боль души, кручина; 2) забота, печка, усердные и сердечные хлопоты о чём, рвенье на чью пользу, застой, заступничество» [Даль: [http](#)]. Иллюстрируя функционирование лексемы *печаль* в значении ‘забота, сердечные хлопоты’, В.И. Даль приводит следующие примеры из живой речи наших предков: «Ты печаль моя, застоюшка моя! (‘ты мой печальник, -ница, покровитель, заступник, благодетель’). *Печальщик*, -ица (сев.) то же. *Печальники*, отец и мать, родители. *Печаливый человек* (сев.) радушный, заботливый о других, сердобольный, милосердный. *Печальничать*, заботиться усердно о чужих делах» [Даль: [http](#)].

По мнению В.И. Даля, существительное *тоска* этимологически связано с глаголом *теснить* и обозначает «теснение духа, томление души, мучительную грусть; душевную тревогу; ноюку сердца, скорбь» [Даль: [http](#)]. Анализ примеров использования в речи лексем с корнем *груст-*, представленных в рассматриваемом словаре, позволяет предположить, что соответствующая эмоция могла выражаться в большей или меньшей степени, а через некоторое время заканчиваться без каких-либо последствий: «Ему что-то грустит, или он грустит. Взгрустил я по ней. Догрустилась до чахотки. Загрустил было, да погрустив, перегрустил и утешился» [Даль: [http](#)].

Думаем, что восприятие **грусти** как лёгкой печали, сопровождающейся неглубокими и кратковременными переживаниями, сохранилось и в современной русской картине мира. Исследователи отмечают, что в некоторых случаях грусть даже может быть приятна: всем нам известно выражение «светлая грусть» [Сироткина 2012: [http](#)].

Тоска представляется наиболее интенсивным и продолжительным чувством, которое связано с глубокими переживаниями. Тоску по причине утраты кого-либо или чего-либо ценного, необходимого называют горем: «Горе имеет своим следствием особый тип поведения – скорбь, которая детерминирована и предписывается главным образом социокультурными нормами» [Сироткина 2012: [http](#)].

Подробнейший анализ семантики и функционирования синонимического ряда «тоска – уныние – печаль – грусть» встречаем в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка». Данные языковые единицы объединены общим значением ‘неприятное чувство, какое бывает, когда нет того, что человек хочет, и когда он думает, что желаемое невозможно’. Дифференцирующими признаками для рассматриваемого синонимического ряда являются следующие: «1) отношение человека к желаемому; 2) интенсивность, глубина и длительность чувства; 3) степень неприятности чувства; 4) желание изменить ситуацию; 5) формы проявления чувства; влияние чувства на жизнедеятельность; 6) близость чувства желанию иметь определённый объект; 7) связь чувства с особенностями характера человека» [Новый объяснительный словарь синонимов 2004: 1165–1166].

На наш взгляд, в современной русской языковой картине мира различия в семантике слов *грусть*, *печаль*, *тоска* постепенно стираются, а в речи представителей молодого поколения практически не прослеживаются. Анализ

доступных словарей молодёжного жаргона и анкетирование студентов и школьников показали, что языковые единицы со значением 'грусть, печаль, тоска' в жаргоне современной молодёжи – явление достаточно редкое. Кроме того, значение таких слов существенно отличается от зафиксированного традиционными словарями.

Словари молодёжного жаргона фиксируют существительное **печалька** / **пичалька** в значении 'печаль, плохое настроение; оценка ситуации как неприятной': *«Пичалька – каникулы кончились, сейчас придётся встать в 7 утра. На моей куртке молния разошлась и это пичалька»* [Словарь молодёжного сленга: <http>]. Способ образования существительного **печалька** / **пичалька** при помощи одного из суффиксов субъективной оценки с уменьшительно-ласкательным значением, а также примеры его употребления в речи доказывают, что мы не можем говорить уже ни об интенсивности чувства, ни о его глубине. Возможно, в данном случае мы имеем дело с нежеланием подрастающего поколения концентрировать своё внимание на незначительных проблемах, демонстрируя подчас ироничное отношение к тому, что принято называть печалью или тоской.

Со значением 'неприятность' современная молодёжь использует сложное слово **печальбеда**: *«Ох, не туда метеорит упал, не туда... печальбеда. Не то, чтоб мой размер последний, нет. Но печальбеда. Хочу стройные ножки. Как жаль, что я не умею вязать крючком, печальбеда»* [Жаргон. Словарь молодёжного сленга: <http>].

В словарях молодёжного жаргона нами обнаружено ещё одно слово с корнем «печал» – существительное **печалити** в значении «печальное событие, способное добить тебя в конце тяжелого дня». По данным электронного словаря, это существительное женского рода образовано от русского существительного *печаль* и английского слова *Fatality* [Жаргон. Словарь молодёжного сленга: <http>]. В интернет-сети содержится огромное количество мемов, комиксов и видеороликов с названием **печалити**, что свидетельствует о востребованности данной сленговой единицы.

Онлайн-словари молодёжного жаргона демонстрируют употребление в молодёжной субкультуре устойчивого словосочетания *по тихой грусти* со значением «не напрягаясь, ненавязчиво, практически не думая сделать что-либо». Например: *«Сидел у компа, решил пивка хлебнуть по тихой грусти. Шёл домой. По тихой грусти зашёл к другу поговорить о том, о сём, типа за жизнь и не о чём. Просто накатело»* [Жаргон. Словарь молодёжного сленга: <http>].

Однако перечисленные единицы жаргонной лексики не могут служить доказательством того, что современная молодёжь, ведя беззаботный образ жизни, не способна испытывать глубокие чувства и эмоции. В большинстве студенческих анкет указано, что для обозначения чувств и эмоций участники эксперимента используют общеупотребительные слова и выражения.

Современные психологи констатируют в поведении подростков и молодёжи частое проявление состояний печали или тоски, ощущение мрачности и безысходности, свидетельствующие о серьёзной психологической проблеме – депрессии. Характерно, что в подростковом и молодёжном жаргоне

единицы, связанные с депрессией, представлены достаточно широко: *депрес*, *деперессняк*, *даун* ‘депрессия; застой, упадок’, *задепрессневает* ‘впасть в депрессию’ [Никитина 2009: [http](http://)], *депрессуха*, *депра* [Жаргон. Словарь молодёжного сленга: [http](http://)].

Следует обратить внимание на ещё один факт. Лексема *тоска* активно используется в жаргоне наркозависимых в значениях «ощущение потребности в наркотиках» и «приятное ощущение, получаемое после первого введения наркотического вещества внутривенно» [Словарь современной лексики жаргона и сленга: [http](http://)].

Таким образом, представление о том, что грусть и тоска могут «съедать» человека, напрямую связано с этимологией имён человеческих эмоций в праславянском языке, восходящих к переживаниям физиологических состояний. Со временем такая связь начинает утрачиваться, современные носители языка практически не проводят границы между переживаниями грусти, печали или тоски. Представители молодёжной среды, с одной стороны, не склонны преувеличивать жгущее, давящее грусть ощущение печали (именуя её «печалькой»), но с другой стороны, в силу возрастного максимализма, способны «впадать» в другую крайность – болезненное расстройство психики или депрессию.

Литература

Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. Режим доступа: file:///C:/Users/mil/Downloads/63508_cdb73faf71cbfc943615081857d66bda.pdf (дата обращения: 20.02.2021).

Вежицкая, А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.

Гамаюнова, Ю.И. Историко-этимологическое исследование названий эмоций в русском языке XI–XVII вв. (семантический и лингвокультурологический аспекты): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Барнаул, 2003. 18 с.

Даль, В.И. Словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyy-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja/> (дата обращения: 20.02.2021).

Жаргон. Словарь молодёжного сленга [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.terminy.info/jargon/dictionaries-of-teen-slang> (дата обращения: 20.02.2021).

Колесов, В.В. Грусть-тоска в русском языковом сознании [Электронный ресурс] // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 5–13. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/grust-toska-v-russkom-yazykovom-soznanii> (дата обращения: 20.02.2021).

Колесов, В.В., Колесова, Д.В., Харитонов, А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. Санкт-Петербург: Златоуст, 2014.

Никитина, Т.Г. Молодёжный сленг: толковый словарь: ок. 20 000 слов и фразеологизмов [Электронный ресурс]. М.: АСТ: Астрель, 2009. 1102 с. Режим доступа: https://vk.com/doc298510209_587244944?hash=110f7f1044a7ecd1b5&dl=aeacc8a7fdbcf49cd4 (дата обращения: 20.02.2021).

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Электронный ресурс] / под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с. Режим доступа: http://www.ruslang.ru/text_noss2_title (дата обращения: 20.02.2021).

Сироткина, И.В. Языковые средства создания образности фразеологизмов, выражающих печаль, в русском и английском языках [Электронный ресурс] // Вестник ЧГПУ. 2012. № 1. Словарь молодёжного сленга. Режим доступа: <https://teenslang.su/> (дата обращения: 20.02.2021).

Словарь современной лексики жаргона и сленга [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-192.htm> (дата обращения: 20.02.2021).

<https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-sozdaniya-obraznosti-frazeologizmov-vyrazhayuschih-pechal-v-russkom-i-angliyskom-yazykah/viewer> (дата обращения: 20.02.2021).

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей редакцией Н.И. Толстого. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. 736 с.

Словарь молодёжного сленга [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://teenslang.su/> (дата обращения: 20.02.2021).

Словарь современной лексики жаргона и сленга [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-192.htm> (дата обращения: 20.02.2021).

Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2001. 989 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (дата обращения: 20.02.2021).

Франчук, О.В. Досуг средневекового славянина (по материалам древнерусских слов и поучений, направленных против остатков язычества) // Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности: колл. монография / гл. ред. С. Г. Шулежкова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 149–174.

Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1999.

От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира: коллективная монография: в 2 ч. Ч. 2 / Мишина Л.Н., Коротенко М.А., Меркулова Н.В., Чурилина Л.Н., Постникова И.А., Гневэк О.В., Михин А.Н., Андреева С.Л., Анохина С.А., Осипова А.А. / под редакцией С.Г. Шулежковой. Магнитогорск, 2008.

Т.С. Маурко, студент
Науч. рук.: М.В. Пименова, д-р филол. наук, проф.
Владимирский государственный
университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
(Владимир, Россия)

СТРУКТУРА УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА: СОЧЕТАНИЯ С УСТОЙЧИВЫМИ КНИЖНЫМИ АТРИБУТАМИ (на материале «Жития Ефросинии Суздальской»)

Аннотация: Исследование посвящено структурным особенностям устойчивых атрибутивных сочетаний как неотъемлемой части древнерусских текстов. Контекстуальный анализ словосочетаний «прилагательное + существительное» показывает вариативность в их построении, поскольку имя прилагательное обнаруживает способность занимать разные позиции по отношению к существительному.

Ключевые слова: устойчивые сочетания, атрибутивные сочетания, синкретема, определение, препозиция, постпозиция

Древнерусская литература значительно отличается от новой прежде всего своей традиционностью и анонимностью. Чаще всего произведения этой эпохи (XI – XVII вв.) не являлись авторскими. Мы знаем лишь несколько выдающихся личностей того времени, которые имели собственный литературный стиль, это Владимир Мономах, Иван Грозный, Максим Грек, Епифаний Премудрый, однако и здесь авторская индивидуальность выражается слабее, чем в литературе новой. Многие произведения, кроме тех, что принадлежали церковным или светским авторитетам, неоднократно переписывались, «в результате тексты произведений тесно переплетались между собой. Сходство сюжетов стимулировало заимствования выражений, описаний, целых пассажей» [Лихачёв 1967: 30].

Исследователи древнерусской литературы неоднократно обращали внимание на устойчивые словосочетания, которые широко используются в наших летописях, воинских повестях, житиях. Такие конструкции изучали следующие лингвисты и литературоведы: В.П. Андрианова-Перетц, Н.К. Гудзий, И.П. Ерёмин, Б.А. Ларин, А.Г. Ломов, О.П. Лопутько, А.С. Орлов, О.В. Творогов, П.Д. Ухов и др. Атрибутивным сочетаниям посвятили свои труды такие учёные, как О.С. Казаковцева, О.А. Лаптева, Н.Г. Михайловская, М.В. Пименова, Н.В. Юдина и др. Однако особенностей построения атрибутивных сочетаний в текстах Владимирского края до сих пор остаются недостаточно изученными, что определяет актуальность проводимого исследования.

При обозначении устойчивых единиц древнерусского текста мы будем оперировать термином М.В. Пименовой «синкретема», предложенным для использования по отношению к особым фразеологизмам, отличающимся от современных в первую очередь с семантической точки зрения: они реализуют синкретичное значение, отражающее древнюю концептуальную форму ментальности, основанную на метонимии (а не на метафоре, как большинство современных фразеологических единиц) [Пименова 2007: 46–47]. Синкретема является единицей структурно-синтагматической синкретсемии, «при которой одно синкретичное значение (одна семема) выражается узуально закреплёнными в языке формами двух и более лексико-грамматически связанных слов (несколькими лексемами), представляющими собой минимальные лексические единицы древнерусского текста (синкретемы)» [Пименова 2007: 52]. Следовательно, синкретемы представляют собой словосочетания, устойчивость которых проявляется на синтагматическом уровне, что позволяет нам говорить о существовании определённых структурных моделей употребления лексических единиц.

Понятие структурной модели достаточно разработано во фразеологии. В.М. Мокиенко даёт ему следующее определение: «...под структурной фразеологической моделью понимается тип синтаксических конструкций, по которому образуется ряд устойчивых сочетаний» [Мокиенко 1989: 51]. Дифференциальные признаки синкретемы (линейный характер проявления всех типов отношений между компонентами словосочетания) соотносимы с понятием модели, что позволяет использовать его при характеристике минимальных лексических единиц древнерусского текста (синкретем).

М.В. Пименова выделяет три типа моделей синкретем: 1) синкретемы парадигматического структурно-семантического типа: парные именованья – устойчивые сочетания, обычно состоящие из двух существительных, «реализующих нерасчлененное значение парности» (*небо и земля, хлеб и соль, гуси-лебеди*); два на два – устойчивые сочетания, компоненты которых представлены антропонимами («имя + имя»: *Петръ и Павелъ, Пётръ и Феврония* и т.д.); 2) синкретемы синтагматического структурно-семантического типа, соединённые подчинительной связью: атрибутивные сочетания («прил. + сущ.»), включающие словосочетания с постоянными эпитетами (*добрый молодец, красна девица*) и словосочетания с устойчивыми книжными атрибутами (*великий князь, святой духъ, божественное слово*); глагольные синкретемы (*сътворити миръ, даждь Бог*); предикативные конструкции (*бысть радость велико, бысть сѣча зла*); устойчивые сравнительные обороты (*аки мълния, яко свѣтила, аки волцы*); 3) синкретемы эпидигматического структурно-семантического типа: этимологические фигуры – объединённые общим корнем: имена сущ. и родственные им. прил. / глагольные формы (*свет светлый, видеть видение, льстить лестно*) [Пименова 2007: 63].

Источником материала исследования особенностей устойчивых сочетаний «прилагательное + существительное» в нашем случае стало «Житие Ефросинии Суздальской», написанное в XVI веке монахом Спасо-Евфимиева монастыря. С литературоведческой точки зрения это житие изучалось В.А. Колобановым [Колобанов 1978], представившим его список из собрания Г.М. Прянишникова (Список ГБЛ, ф. 242) (всего же существует 53 списка). Именно этот текст анализировался нами.

Наибольший интерес для нас представляют сочетания с устойчивыми книжными атрибутами. Это синкретемы синтагматического структурно-семантического типа, компоненты которых (существительное и прилагательное) соединены подчинительной связью.

С точки зрения морфологических свойств, т. е. места в системе частей речи русского языка, устойчивые книжные атрибуты можно отнести к качественным прилагательным. Они содержат в себе значение подвижного признака, с разной степенью его проявления. На синтаксическом уровне, учитывая функцию атрибутивных сочетаний и позицию, занимаемую определением по отношению к определяемому слову, устойчивые книжные атрибуты являются согласованными определениями, выраженными именными прилагательными: *...Послушаи, чадо, Феодулие, послушаи дщи праведныхъ и разумѣи глаголы живота, покажи житие богоугодно, вождѣлѣи радование праведныхъ и царствующаго Бога предстание, и безконечныя жизни наслаждение, райскыя пища избирая; вечныя муки пламени избѣгая, всякия злобы не твори, и всѣмъ добродетелемъ предлѣжи* (Жит. Еф. Сузд., с. 71); *Да всѣхъ лютыхъ избывъ, уготованныхъ любящимъ Бога вѣчныхъ благополучиши* (Там же); *Сему же паче ума видению показа ему бывшо, вразумися отроковица*

*божественнымъ разумомъ о видѣнии бывшемъ внимая и тщащися исполнити
глаголанная ей от пресвятыя Богородица* (Там же).

Наблюдения за структурой словосочетаний с устойчивыми книжными атрибутами выявлены три характерных особенности.

1. В зависимости от того, какую позицию по отношению к существительному занимают определения, выделяются **препозиционные** и **постпозиционные атрибуты**. При этом в тексте «Жития Ефросинии Суздальской» словосочетания с препозицией прилагательного по отношению к существительному являются наиболее типичными, так как языковых единиц подобного типа в данном памятнике письменности насчитывается более 200, а словосочетаний с постпозицией определения около 80. Приведём наиболее типичные для анализируемого текста варианты атрибутивных сочетаний.

• *Подобаетъ же вама со всякимъ страхомъ хранити сия сосудъ бо честень будетъ святому духу и царицинѣ церкви...* (Жит. Еф. Сузд., с. 67); *...и просвѣтися все блаженная от духа святаго* (Там же, с. 76).

• *...На того убо истиннаго бога нашего надежю свою положимъ...* (Жит. Еф. Сузд., с. 64); *И со слезами великая благодаряще владыку Христа истиннаго, всегда всѣмъ богато своя дары подавающа* (Там же, с. 74).

• *Диявол же преобразися во образе отца ея, и влѣзе в хижю идѣже от труда почиваше блаженная Ефросиния...* (Жит. Еф. Сузд., с. 78); *Россия же великая в неубѣжие богоспасаемый град Суждаль показа, иже в посте просищуию паче всѣхъ росийскихъ постницѣ, им подобну великимъ преподобнымъ матеремъ Ефросинию всеблаженную* (Там же, с. 86).

• *Аще бо не подвигаемся мужскы к прилогу страстныхъ помыслѣ, но сии победятъ ны и привлекутъ к неподобнымъ страстемъ* (Жит. Еф. Сузд., с. 81); *Невозможе ту никако же прельстити скречча убо на блаженную зубы, нача убо влагати и помыслы скверныя* (Там же, с. 79).

• *И помолися божия раба: господи боже всяческихъ покрывавый Синаискую гору мракомъ при угодницѣ твоемъ Моисеи* (Жит. Еф. Сузд., с. 90); *И помолися раба христова о неи паче же Суждаля града прошаше избавитися ему неприкосновенну* (Там же, с. 87).

• *Избави, госпоже, во всемъ Росии милостию своею человеческий родъ от смертоносныя сея язвы* (Жит. Еф. Сузд., с. 97); *Никого же тако чадо, тои злодѣи не ратуетъ в родѣ человеческѣмъ* (Там же, с. 77).

2. С учётом признака непосредственного соседства определения с существительным (*Ефросинию всеблаженную*) или на их разделении частицами, местоимениями (знамениемъ убо крестнымъ) атрибутивные сочетания могут быть разделены на **контактные** и **дистактные**; приведём примеры второго типа:

Слышаше бо божественная писания, како похваляютъ дѣвѣ тѣлеса честна Богу представляющихъ святая та душа Богу яже о себе возложивши...

(Жит. Еф. Сузд., с. 72); **Знамением убо крестным** знаменався и щить вѣры и во всеоружие божие одѣвѣся (Там же, с. 80); **Не отвратитъ ли лица своего от мене в день онъ судный?** (Там же, с. 94); **Преподобнеи же Ефросинии** благодати умножение изобиловався ей паче (Там же, с. 95); **Нечестивый бо царь Батый** убиень будет днесъ от краля Угорского... (Там же, с. 95); ...И отселе свободятся области Росийския от держателии нечестивыхъ, **кровь бо христианская** вопиет на нечестивыхъ к господу (Там же, с. 95).

3. Особую группу устойчивых сочетаний типа «прил. + сущ.», выявленных в тексте «Жития Ефросинии Суздальской», образуют единицы с двумя и более определениями при одном субстантиве: **Бѣ в Черниговѣ** преименителъ граде **нѣкто благовѣрный великий князь Михаилъ**, сынъ Всеволодовъ... (Жит. Еф. Сузд., с. 65); **Благочестивый же великий князь Михаилъ**, отецъ ея, пребысть уча ю книгамъ и прочим премудростемъ... (Там же, с. 69); Въ дни же оны, в преименителъ граде Суждале **ѣ** подѣ стѣною грозною, аky вержениемъ камени **бѣ** монастырь во имя пресвятыя Богородица **честныя и славныя ея ризы** положение иже Влахерне... (Там же, с. 71); **Благословенъ и преблагословенъ истинный благи богъ** нашъ, иже вся человекы хотя спасти и в познание истиннѣ приити (Там же, с. 64); ...Слово вкратцѣ предложимъ о житии **благовѣрныхъ и всеблаженныя преподобныя Ефросинии**... (Там же, с. 64); **Росия же великая в ней же бѣ**яше богоспасаемый град Суждаль показа, иже в постѣ просившую паче всѣхъ росийскихъ постницъ, им подобну **великимъ преподобнымъ матеремъ Ефросинию всеблаженную** (Там же, с. 86).

Таким образом, проведенный анализ устойчивых атрибутивных словосочетаний в тексте «Жития Ефросинии Суздальской» позволил нам выявить основные их типы. Синкретемы, построенные по структурной модели «прил. + сущ.», характеризуются тем, что определение может занимать разные позиции по отношению к главному слову: находиться перед ним или после, отделяться словами других частей речи.

Литература

- Колобанов, В.А. Владимиро-Суздальская литература XIV–XVI вв.: Спецкурс по древнерус. литературе. Владимир, 1978. Вып. 3. 102 с.
- Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1967.
- Мокиенко, В.М. Славянская фразеология: учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 286 с.
- Пименова, М. Вас. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.-Владимир, 2007. 419 с.

*А.Ю. Петкау, канд. филол. наук, доц.
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)*

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ЗОНА КОНЦЕПТА ЗДОРОВЬЕ В ВОСПРИЯТИИ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН

Аннотация. В статье представлены результаты проведённого автором психолингвистического эксперимента с беременными женщинами с интенцией выявления возможной специфики концепта *здоровье*. Методом концептуального анализа из полученного материала выделены когнитивные признаки, проведено ранжирование их яркости. Материалы статьи отражают особенности восприятия паремиологической зоны изучаемого концепта в границах определённой социальной группы.

Ключевые слова: концепт, здоровье, психолингвистический эксперимент, когнитивные признаки, паремии

Проведённое нами исследование посвящено одному из антропологически важных концептов русской культуры – концепту *здоровье*, содержательной единице ментального лексикона. Доступ к национальному опыту постижения концепта открывает лингвокультурологический подход, в рамках которого язык и культуру рассматриваются как единый феномен с акцентом на «этноспецифическую концептуализацию действительности» [Карасик 2010: 83] (также см.: [Алефиренко 2012], [Воркачев 2013], [Красных 2002], [Норман 2004], [Степанов 2004]).

Этническую константу как совокупность признаков, неизменных на всём протяжении существования этноса, можно выявить на основе данных паремиологического фонда русского языка, отражающего состояние национального языкового сознания на протяжении не одной сотни лет.

Для изучения особенностей паремиологической зоны структуры концепта, «объективируемой пословицами, поговорками и афоризмами, то есть совокупностью утверждений и представлений о явлении, отражаемом концептом» [Попова, Стернин 2007: 113], нами было проведено анкетирование будущих матерей. В качестве информантов выступили 40 женщин последнего триместра беременности, возраст опрашиваемых – 25-44 лет. Обращение в исследовании к данной категории информантов имеет объективную основу: для будущих матерей характерно обострённое чувство заботы о собственном здоровье и здоровье своего малыша. Кроме того, женщины традиционно настроены на трансляцию культурных установок своим детям. В ходе эксперимента респондентам предлагалось вспомнить пословицы, поговорки, устойчивые выражения со словом *здоровье*. В результате эксперимента нами было получено 52 реакции, к последующей когнитивной интерпретации было отобрано 49 ответов, поскольку некоторые предложенные респондентами единиц («*здравствуйте*» и «*здорово*») не относятся к паремиям.

На первом этапе обработки полученного материала методика анализа включала в себя выявление семантики ассоциатов, которая методом

когнитивной интерпретации обобщалась в когнитивные признаки, а затем на основе близости их значения – в когнитивные классификаторы. Проводилось определение и ранжирование их яркости по принципу частотности (см.: [Вепрева, Петкау 2012: 67-75]). На втором этапе работы нами проводился сопоставительный анализ с полученными ранее результатами анкетирования разных возрастных групп [Там же: 76-85]. Для сравнения были отобраны ответы 40 женщин в возрасте от 25 до 49 лет, которые в момент заполнения анкеты не были беременны. Объем полученного материала у этой группы респондентов составил 93 паремии.

Представим результаты первого этапа исследования в виде графика (рис. 1) и затем его прокомментируем.

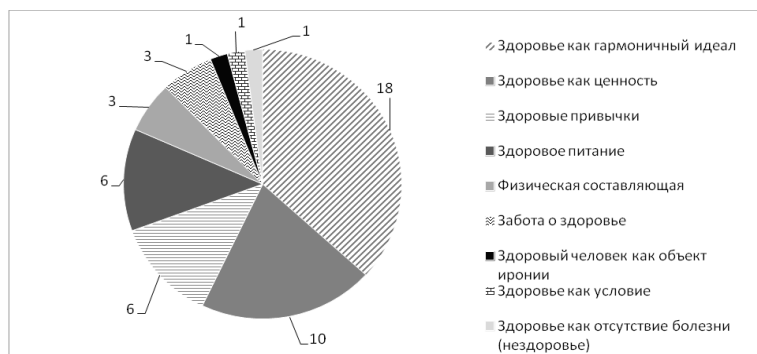

Рисунок 1. Распределение пословиц по смысловым группам
(число указывает на количество пословиц в каждой группе, n=49)

Первое место по яркости выражения занимает когнитивный классификатор **Здоровье как гармоничный идеал**, его экспликаторами стали следующие паремии, иллюстрирующие взаимосвязь физического и духовного здоровья: *В здоровом теле – здоровый дух*; *Красота – залог здоровья*; *Не спрашивай о здоровье, а глянь в лицо*. Базовым суждением для выделения данного когнитивного классификатора стало латинское крылатое выражение *В здоровом теле – здоровый дух (Mens sana in corpore sano)*¹. Наиболее существенные одновременные изменения во внешнем и внутреннем облике у женщины происходят именно во время вынашивания ребенка, возможно, поэтому паремии данного классификатора актуализированы больше других.

¹ Данный афоризм по иронии судьбы возник как интерпретация известной в Древнем Риме поговорки *В здоровом теле здоровый дух – редкое явление*. В одной из сатир древнеримского поэта Ювенала полный вариант этого изречения звучит так: *Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом (Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano)* (перевод Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского). Российская история переводов Ювенала началась в эпоху Петра Великого, но свою популярность выражение получило в советскую эпоху и остается актуальным и по настоящее время.

Второе место занимает когнитивный классификатор ***Здоровье как ценность***, его формируют паремии *Здоровье дороже золота; На что корова, была бы жена здорова* и др. Безусловно, здоровье – аксиологическое понятие для каждого человека, но в период беременности будущая мама особенно остро осознаёт его важность как для себя, так и для своего ребенка. Полученные нами ответы утверждают приоритет здоровья над деньгами: здоровье ценится выше богатства, оно бесценно, ср.: *Здоровье не купишь* и др.

Третье место разделяют когнитивные классификаторы ***Здоровое питание*** и ***Здоровые привычки***.

Паремии классификатора ***Здоровое питание*** акцентируют внимание на важности ежедневного правильного питания в качестве основы здоровья и красивого внешнего вида: *Молоко пить – здоровым быть; Пейте, дети, молоко – будете здоровы; Хлеб да крупы на здоровье лупи; Лук от семи недугов; Аппетит от больного бежит, а к здоровому катится*. Общеизвестно, что беременные больше других испытывают недостаток в кальции, который необходим не только им, но и ребенку для правильного развития организма и метаболизма, возможно, поэтому важность молока для правильного (здорового) питания транслируется больше других продуктов. К тому же, важно отметить, что респонденты в момент проведения опроса находились на последних месяцах беременности: это время характеризуется усиленным ростом плода, поэтому организм нуждается в достаточном количестве минеральных веществ. Возможно, поэтому происходит актуализация классификатора в сознании.

Классификатор ***Здоровые привычки*** формируют паремии, представляющие собой дидактические рекомендации – что нужно делать, чтобы быть (или оставаться) здоровым человеком: *Пить и курить – здоровью вредить; Солнце, воздух и вода – наши лучшие друзья; Чистота – залог здоровья; Кто встал до дня, тот днём здоров*.

Четвертое место занимают когнитивные классификаторы ***Забота о здоровье*** и ***Физическая составляющая***. Паремии когнитивного классификатора ***Забота о здоровье*** эксплицируют систематический подход к здоровью, а не импульсивный: *Береги платье снову, а здоровье смолоду; Живешь каково и здоровье таково*. Паремии когнитивного классификатора ***Физическая составляющая*** транслируют внешний образ здорового человека: *Кровь с молоком; Здоров как бык*.

Обратимся ко второму этапу исследования. Сопоставительный анализ показал, что ядерная часть двух сравниваемых групп неизменна: на первом месте по яркости зафиксирован когнитивный классификатор ***Здоровье как гармонический идеал***. На втором месте по частотности в группе небеременных респондентов находится классификатор ***Забота о здоровье: Береги платье снову, а здоровье смолоду***, на третьем – ***Здоровье как ценность: Здоровье дороже золота; Здоровье – главное богатство***. На четвертом месте по яркости отмечены паремии, связанные с когнитивным классификатором ***Здоровье как отсутствие болезни (нездоровье): Тот здоровья не знает, кто болен не бывает; Болен – лечись, а здоров – берегись!; Здоровому врач не нужен***.

Сравнение показывает разную актуализацию когнитивных признаков в сознании беременных и небеременных женщин. Значимым отличием является отсутствие когнитивного классификатора *Здоровье как отсутствие болезни (нездоровье)* в группе беременных женщин и классификатора *Физическая составляющая* в группе небеременных респондентов в числе частотных признаков, что коррелирует с внутренним и внешним поведением женщин в период ожидания рождения ребенка.

Литература

- Алефиренко, Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. 2-е изд. Москва: Флинта Наука, 2012. 288 с.
- Вепрева, И.Т., Петкау, А.Ю.* Возрастная специфика осознания концепта здоровье // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2012. Вып. 10. С. 76–85.
- Воркачев, С.Г.* Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре: монография. Москва: ИНФРА-М, 2013. 151 с.
- Карасик, В.И.* Лингвокультурная стилистика русских и китайских аллегорий // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей, посвященных памяти Ю.А. Сорокина / Отв. ред. Н.В. Уфимцева, В.В. Красных, А.И. Изотова. Москва: МАКС Пресс, 2010. Вып. 40. С. 83–96.
- Красных, В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. Москва: Гнозис, 2002. 284 с.
- Норманн, Б.Ю.* Когнитивные аспекты паремииологии и национальная картина мира в славянских языках // Славянский вестник. 2004. № 2. С. 246–256.
- Попова, З.Д., Стернин, И.А.* Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
- Степанов, Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва: Академический Проект, 2004. 982 с.

Е.А. Постовит, студентка
Науч. рук.: Ю.Л. Дмитриева, канд. филол. наук, доц.
Горловский институт иностранных языков
(Горловка, ДНР)

ОСОБЕННОСТИ КОДИФИКАЦИИ СЛОВ *ГРУСТЬ*, *ГРУСТИТЬ*, *ГРУСТНЫЙ* В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу словарных статей тематической группы «чувство»: *грусть*, *грустить*, *грустный*. Автором выявлены сходство и различия семантической структуры слов, отмеченные в ходе лексикографирования. Внимание уделено и избираемым авторами словарей способам описания слов одной тематической группы.

Ключевые слова: лексема, тематическая группа, лексико-семантическая группа, заглавное слово, лексикография

Жизнь любого общества характеризуется изменчивостью, динамичностью. Аксиоматичен тезис о том, что интенсивность изменений в разных сферах деятельности социума влияет на процесс изменения лексической системы языка на каждом этапе её развития. С 2014 г. в жизни жителей Донбасса произошли и происходят кардинальные изменения, которые отразились как на политической, экономической, военной лексике, так и на частоте использования определённых тематических групп слов и входящих в их состав лексико-семантических групп.

Отметим, что тематическая группа слов – это слова разных частей речи, объединённые одной темой или общей ситуацией. Лексико-семантическая группа рассматривается как класс слов, имеющий в структуре значения интегральный семантический компонент / компоненты и типовые уточняющие дифференциальные компоненты, а также характеризующийся развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности.

Активные изменения в речевой практике имеют своим следствием актуализацию проблемы фиксации этих изменений в практике лексикографирования. В современной лексикологии интенсивно идёт процесс описания как тематических, так и лексико-семантических групп, в особенности – глаголов. Актуальность проводимого нами исследования определяется тем, что специфика функционирования тематической группы «чувство» в текстах писателей Донбасса в условиях не прекращающегося военного конфликта ранее не становилась объектом изучения.

Цель исследования – выявить способы фиксации слов тематической группы «чувство» *грустный, грустить, грусть* в различных лексикографических источниках; в качестве частной задачи рассматривается анализ особенностей функционирования этих единиц в современной поэзии Донецкого края.

Материалом исследования стали словарные статьи, извлечённые из «Большого токового словаря русских существительных» [БТС существительных 2009: [http](http://)], «Большого толкового словаря русских прилагательных и наречий» [БТС прилагательных: [http](http://)], «Толкового словаря русских глаголов» [ТС глаголов 1999] и «Большого толкового словаря русского языка» [БТС 2004], а также контексты со словами *грустный, грустить, грусть*, отобранные в поэтических текстах писателей Донецкого края.

Содержательную основу тематической группы (ТГ) формирует представление о тождественности темы (ситуации). ТГ – это достаточно обширное и относительно свободное объединение лексем, членящееся на (интегрирующее в себе) лексико-семантические группы (ЛСГ), в свою очередь объединяющее лексемы по семантическому основанию – наличию интегративной семы. ЛСГ представляют собой множество слов, подверженное постоянным изменениям на уровне своего состава и соответственно парадигматики. Именно на *историческую изменчивость* как характерную черту ЛСГ указывал ещё Ф.П. Филин, трактовавший ЛСГ как собственно языковые единицы, продукт исторического развития того или иного языка [Филин 1993: 93].

Любая ЛСГ обладает рядом организующих её состав и структуру признаков. Во-первых, основная парадигматическая особенность слов одной

ЛСГ состоит в том, что в их значениях имеется единая категориально-лексическая сема (интегральная сема), составляющая семантическую основу группы. Интегральная сема является центральной и иерархически главной в структуре лексического значения каждого из слов группы. При этом в значениях единиц ЛСГ содержатся уточняющие интегральную сему дифференциальные семы; дифференциальные семы являются однотипными, повторяющимися. Во-вторых, наличие однотипных, повторяющихся сем делает все слова в пределах группы взаимно связанными. Совокупность всех оппозиционных связей формирует внутреннюю парадигматическую структуру таких групп. Структура ЛСГ имеет иерархический характер, так как все элементы группы – слова – приватно связаны с базовым словом (архисемой) [Никандрова 2010: 3]. В-третьих, сходство слов, относящихся к одной ЛСГ, проявляется в однотипности их синтагматических характеристик. Наличие общих семантических компонентов в содержании лексических значений слов определяет способы их функционирования в составе предложений как единиц более высокого уровня [Никандрова 2010: 3]. В-четвертых, сходство слов, принадлежащих к одной ЛСГ, проявляется на уровне их вторичных связей, в сфере вариантных отношений. Ярче всего это сходство выражено в явлении регулярной многозначности, которая представлена тем, что у слов, семантически сходных по основным значениям, развиваются одинаковые вторичные значения. Регулярная многозначность имеет своей естественной оборотной стороной регулярную синонимичность слов одной семантической группы [Никандрова 2010: 4].

Обратимся к анализу фрагмента ТГ «чувство» – лексемам *грустный*, *грустить*, *грусть*, относимым к разным ЛСГ, но имеющим одну интегральную сему.

Лексемы *грустить*, *грусть*, *грустный* связаны одной семой – ‘чувство’ [Никандрова 2010: 3]. Ср.: «1. Испытывать чувство грусти; печалиться. 2. *только 3 л.* Исполнять грустную мелодию (о музыкальных инструментах)» [БТС 2004: 232]; «Чувство и состояние печали, лёгкого уныния» [БТС 2004: 232]; «1. Испытывающий чувство грусти; печальный, унылый. 2. Вызывающий, навевающий грусть. 3. *Разг.* Достойный сожаления; досадный, неприятный» [БТС 2004: 232].

В словарном описании заглавное слово статьи *грустный* сопровождается указанием на характер словоизменения; ср.: «ГРУСТНЫЙ, -ая, -ое; -тен, -тна, -тно, *грустны и грустны*» [БТС 2004: 232]; «ГРУСТНЫЙ, -ая, -ое; *тен, -тна, -тно, -тны и -тны*» [БТС прилагательных: <http>]. А заглавное слово *грусть* – пометой *женский род*. Типичная сочетаемость имени существительного в русском языке – согласование и управление, имени прилагательного – согласование, глагола – управление. Указанные закономерности сочетаемости лексем *грусть*, *грустить*, *грустный*, связанных общей семой ‘чувство’, зафиксированы в произведениях современных поэтов Донецкого края; ср.: *Мой Юнком манит солнечным светом, / Ярко светит ночами луна. / Загрустил городок тёплым летом, / Постарела вокруг тишина* [Моргунова: 124]; *Грозят пустою строки с позиции огневой. / Над территорией снова дождь*

беспользый шёл – / не грустный и не весёлый, / безвременья грубый шов [Гонтарева: 41]; *Вновь в небо уходят крылатые стаи, / И пулю в сердце вонзается грусть...* / Там, где-то на юге / Родная степная Донецкая Русь [Нечипорук: 68]; *Хотел бы с тобой проснуться, / носом уткнувшись в макушку. / Ветер – проказник грустный – / вое в печную выюшку* [Русанов: 29]; *Ты, моя Дикополья бранная, / Русским духом меня укрепи, / Растворись, моя грусть окаянная, / В ароматах сарматской степи* [Чемитов: 79].

Анализ словарных статей глагольной лексемы выявил различие: в ТС глаголов словарная статья состоит из одной семемы, в БТС – из двух; ср.: «Испытывать (испытать) чувство уныния, печали, лёгкого волнения (обычно из-за отсутствия кого-, чего-л.)» [ТС глаголов 1999: 520]; «1. Испытывать чувство грусти; печалиться. 2. только 3 л. Исполнять грустную мелодию (о музыкальных инструментах)» [БТС 2004: 232]. Различаются и варианты толкования лексемы *грустный*: в БТС предлагается три семемы, а в БТС прилагательных и наречий – две; ср.: «1. Испытывающий чувство грусти; печальный, унылый. 2. Вызывающий, навевающий грусть. 3. Разг. Достойный сожаления; досадный, неприятный» [Кузнецов 2004: 232]; «1. Полный грусти, печали; вызывающий грусть, печальный. 2. *полн. ф.* Досадный, неприятный, вызывающий сожаление» [БТС прилагательных: [http](http://)]. Что касается имени существительного, то в БТС существительных и в БТС зафиксировано по одному значению лексемы *грусть*; ср.: «Чувство и состояние печали, лёгкого уныния» [БТС 2004: 232]; «Состояние лёгкого уныния, подавленного настроения» [БТС существительных 2009: [http](http://)].

Выявленные отличия детерминированы специфическими особенностями сравниваемых словарей. Число, соотношение характеристик и глубина описания лексемы зависит от вида словаря. Например, словарная трактовка слова *грустить* стремится максимально объединить и согласовать его грамматические и лексические характеристики. Так, в словарной статье БТС и в БТС глаголов дана развёрнутая грамматическая характеристика: «ГРУСТИТЬ, несов. (сов. загрустить), о ком- чём, по кому-чему» [ТС глаголов 1999: 520]; «ГРУСТИТЬ, грущу, грустишь; нсв. о ком, о чём и по кому, чему» [БТС 2004: 232]. В ТС глаголов (в отличие от БТС) в статью дополнительно включены указания на синонимические и антонимические отношения данной лексемы. Кроме того, для антонимов представлены английские соответствия: «*син. горевать, печалиться, сокрушаться; ант. веселиться [impf. to be sad; to grieve (for), suffer from sadness; to sorrow (over, at, for), feel sorrow; to feel blue, be depressed; (of an animal) to pine (for)]*» [ТС глаголов 1999: 520].

Приводимый в словарях иллюстративный материал также различается: в БТС приведены типичные модели сочетаемости, в ТС глаголов – реальные контексты; ср.: «*Сейчас у него много причин, чтобы грустить, потому что жизнь не получилась, столько лет было растрачено впустую. В толпе мелькнула женская фигурка, так похожая на Ленина, что, невольно вспомнив о ней и их ссоре, он загрустил*» [ТС глаголов 1999: 520]; «*Отчего грустите? Г. о былом. Г. о родных, об утраченных ценностях. Г. по семье, по дому. Г. без*

концертов, без работы. Г. день и ночь. Г. втайне. Скрипка грустит. Грустила флейта» [БТС 2004: 232].

Грамматическая характеристика семемы *грустный* в БТС и в БТС прилагательных и наречий сопровождается стилистической пометой *разг.* (к значению ‘Достойный сожаления; досадный, неприятный’) [БТС 2004: 232]; *полн. ф.* (к значению ‘Досадный, неприятный, вызывающий сожаление’) и *нареч. и в знач. сказ.* (к значению ‘грустно’) [БТС прилагательных: <http>]. В обоих источниках предложены типичные контексты лексемы; ср.: «Г-ая улыбка. Г-ые мысли. Г-ая новость, песня. Г-ая ирония. Г. на вид пейзаж. Г-ые берега. Г-ое море. Г-ая ошибка. Результаты опроса слишком грустны. Вывод, право, грустнейший» [БТС 2004: 232]; «Грустная улыбка. Грустное чувство. Грустная разлука. Грустное известие. Г. улыбнуться. Г. расставаться с другом. Г., что он не пришёл. Г. на душе, на сердце» [БТС прилагательных: <http>].

Стилистическая характеристика семемы *грусть* представлена в БТС существительных и в БТС посредством различных помет: *разг.* (к значению ‘кручина, печаль, уныние, скука, тоска’) [БТС существительных 2009: <http>]; *нар.-разг.* (к значению ‘о том, кто грустит’) [БТС 2004: 232]. Кроме того, в БТС существительных перечислены синонимы и антонимы данной лексемы: *кручина, печаль, уныние, скука, тоска; веселье* [БТС существительных 2009: <http>].

В сопоставляемых словарях в структуру статьи включена иллюстративная зона; ср.: «Мастер стал смотреть на город. В первые мгновения к сердцу подкралась щемящая грусть... (Булг.)» [БТС существительных 2009: <http>]; «Г. овладела кем-л. Предаваться грусти. Навевать г. С грустью вспоминать что-л., о чём-л. В глазах мимолётная г. Испытывать одновременно и грусть, и радость. Грусть-тоска (нар.-поэт.). Лёгкая, пронзительная, задумчивая, поэтическая г.» [БТС 2004: 232].

Таким образом, в статьях сопоставляемых словарей анализируемые единицы описываются с учётом таких параметров, как компонентный состав лексического значения, грамматические и стилистические характеристики; в качестве дополнительной информации в статьи включается указание на парадигматические связи единиц. Выявленные отличия рассматриваются нами как свидетельство происходящих семантических процессов, а также типом конкретного словаря.

Выбор не отдельной лексемы, но ТГ и ЛСГ на роль объекта описание представляется нам перспективной задачей. Поскольку в соотношении с другими членами парадигмы слово обнаруживает потенциал развития своего значения. В качестве дополнительного источника информации о семантических процессах необходимо рассматривать современные тексты.

Литература

БТС прилагательных: Большой толковый словарь русских прилагательных и наречий [Электронный ресурс] // Проект Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018–2020. Режим доступа: <http://www.ruslang.ru/node/1638> (дата обращения: 18.02.2021).

БТС существительных 2009: Большой толковый словарь русских существительных [Электронный ресурс] / Составитель Л.Г. Бабенко, 2009. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/noun/index.htm> (дата обращения: 18.02.2021).

БТС 2004: Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. 1534 с.

Воля Донбасса: сборник / Альманах. «ИП Березина Г.Н.», 2019. 109 с.

Донецкий край, в стихах воспетый: сборник лучших стихотворений участников открытого конкурса поэтического творчества «Донецкий край, в стихах воспетый» / М-во культуры Донецкой Народной Республики, ГУК «Донец. респ. универс. науч. б-ка им. Н.К. Крупской»; сост. И.А. Пилипенко; ред. О.А. Пинзон; отв. за вып. И.А. Горбатов. Донецк, 2017. 152 с.

Никандрова, И.А. О соотношении понятий «функционально-семантический класс слов» и «лексико-семантическая группа» [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. №3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-funktsionalno-semanticheskiiy-klass-slov-i-leksiko-semanticheskaya-gruppa> (дата обращения: 19.02.2021).

Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / авт.-сост.: Л.Г. Бабенко и др.; под ред. Л.Г. Бабенко. М.: Проспект, 2014. 224 с.

ТС глаголов 1999: Толковый словарь русских глаголов: Идеграфическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.

Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. М., 1993. С. 229–239.

Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014–2015 гг. Сборник стихов. М.: Издательство «Перо», 2015. 112 с.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМАХ ШКОЛЬНОГО И ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЕВРОПЫ И РОССИИ

Е.А. Губчевская, аспирантка

Науч. рук.: Л.Д. Пономарева, д-р пед. наук, проф.

*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова (Магнитогорск, Россия)*

АУДИРОВАНИЕ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОПОРНОГО КОНСПЕКТА

Аннотация. Статья посвящена проблеме речевого развития обучающихся на уроках русского языка. Особое внимание в статье уделено обучению слушанию как проблеме, наименее разработанной в методике преподавания русского языка. Автором доказывается целесообразность применения в процессе обучения аудированию опорных конспектов, которые позволяют повысить эффективность слушания.

Ключевые слова: речевое развитие, русский язык, аудирование, обучение слушанию, опорный конспект

Одной из важнейших задач, стоящих перед учителем русского языка, является речевое развитие учащихся, под которым подразумевается «педагогически мотивированный процесс развития способности речетворческой личности воспринимать и продуцировать тексты разных стилей и жанров» [Пономарева 2016].

Для достижения этой цели на каждом уроке русского языка следует проводить систематическую работу, направленную на развитие всех видов речевой деятельности: чтения, письма, говорения и слушания (аудирования). При этом отметим, что в методике преподавания русского языка проблема развития аудирования представляется недостаточно разработанной, в то время как методика развития навыков чтения, письма и говорения получила достаточное осмысление.

В этой связи целесообразно обратиться к технологии интенсификации обучения на основе схемных и знаковых моделей учебного материала, применение

которой на уроке русского языка способствует не только усвоению больших объёмов информации, но и развитию у обучающихся навыков аудирования. Г. К. Селевко отмечает, что идея использования опорных конспектов в процессе обучения во многом обусловлена сложностью процесса слушания и интерпретации воспринимаемого в устной форме текста [Селевко 2005].

Под опорным конспектом мы понимаем наглядную схему, в которой отражены единицы информации, подлежащие усвоению, и логические связи между ними; введены знаки, заменяющие вербальные средства и иллюстрирующие примеры. Опорный конспект – это система опорных сигналов, представленная в виде краткого условного конспекта; это конструкция, заменяющая собой систему фактов, понятий, идей как взаимосвязанных составляющих учебного материала.

Потребность подобной замены продиктована тем, что текст как единое смысловое целое достаточно сложен для одновременного восприятия. Тем временем понимание текста играет ведущую роль в процессе обучения: именно в вербальной форме представлен учебный материал, будь то письменный текст учебника или других источников или устный текст, предлагаемый учителем во время лекции [Глухов, Ковшиков 2007].

Особенно сложен с этой точки зрения процесс слушания (аудирования) как одного из видов речевой деятельности. И.А. Зимняя трактует аудирование следующим образом: это процесс активного, целенаправленного, опосредованного языком и обусловливаемого ситуацией общения приёма речевого сообщения во взаимодействии людей. Это самостоятельный вид речевой деятельности, представляющий собой внешне не выраженный, но внутренне активный процесс слухового и смыслового восприятия звучащей речи [Зимняя 2001].

А.А. Залевская указывает на сложность процесса аудирования: внешнее впечатление таково, что понимание речи происходит мгновенно, но достигается это путём многоэтапной переработки воспринимаемого сигнала. Слушающий должен корректно расчленить поток речи на осмысленные единицы, выявить правильное значение слова и, соответственно, понять мысль высказывания [Залевская 2013].

Вот почему для наиболее эффективного восприятия текста лекции на слух опорный конспект становится ценным вспомогательным средством при усвоении и систематизации учебного материала. Идея сложности процесса аудирования – одна из главных при осмыслении значимости технологии интенсификации обучения на основе схемных и знаковых моделей учебного материала.

Мысль, подлежащая формулировке, всегда субъективна; для её отражения говорящий подбирает лексические единицы, значение которых в полной мере соответствует смыслу высказывания. Слушающий же субъект находится в более сложном положении: по суммарному значению конкретных лексических единиц, использованных в тексте высказывания, он должен вычленить общий смысл текста, то есть, по значению элементов текста необходимо вычленить целостный смысл вербального сообщения. Наглядные опоры, подкрепляющие процесс восприятия информации на слух и подключающие зрительный анализатор, усиливают механизм понимания.

Говоря о применении технологии интенсификации обучения на основе схемных и знаковых моделей учебного материала на уроках русского языка, сделаем акцент на ещё одном немаловажном факторе: при реализации данной технологии в той или иной степени активизируются все виды речевой деятельности: слушание (аудирование), говорение, чтение и письмо.

Аудирование активизируется на первом этапе аудиторной работы, когда обучающиеся воспринимают первое объяснение материала, подкрепляемого зрительными образами. При этом алгоритм реализации технологии подразумевает диалог учителя и обучающихся: задавая вопросы, педагог даёт учащимся возможность продемонстрировать собственные знания. Опорный конспект становится результатом этого диалога; после чего учитель, обобщая информацию, прибегает к монологической речи, восприятие которой подкреплено визуальными образами.

Навык говорения формируется при озвучивании опорного конспекта: обратим внимание на тот факт, что в данном случае это вовсе не то же самое, что чтение учебника вслух или воспроизведение заученного текста, обучающийся самостоятельно создаёт собственное речевое произведение, осознанно подбирая языковые средства, логически выстраивая мысли [Архипова 2004].

Работу по развитию навыков чтения целесообразно проводить при использовании в качестве учебных материалов печатные источники: в этом случае из графически представленного текста обучающийся самостоятельно вычленяет базовые понятия, кодирует их с помощью символов, представляя в форме опорного конспекта.

Навыки письма можно развивать с помощью форм контроля, когда обучающимся предлагается представить материал опорного конспекта в письменной форме.

Таким образом, технология интенсификации обучения в современных условиях представляется потенциально эффективной, так как позволяет освоить и систематизировать большой объём учебного материала в удобной знаково-символьной форме, оставляя при этом пространство для речевого самовыражения обучающихся. Кроме того, в рамках изучения русского языка исследуемая технология – один из способов развития всех видов речевой деятельности, в частности, аудирования, что также является безусловным достоинством технологии интенсификации обучения на основе схемных и знаковых моделей учебного материала.

В качестве примера приведём фрагмент урока русского языка в старших классах. В данном случае это урок систематизации и обобщения знаний в рамках раздела «Лексика и фразеология»: предполагается, что обучающиеся уже владеют определённым объёмом материала. Алгоритм работы позволяет применять технологию и при объяснении нового материала: в этом случае вопросы при первичной беседе целесообразно обратить к личному коммуникативному опыту обучающихся.

Учащиеся отвечают на ряд задаваемых учителем вопросов (*Как называются слова, схожие по значению? Каковы особенности синонимов? Всегда ли синонимы абсолютно совпадают по значению? Приведите примеры*

полных синонимов. Приведите примеры синонимов, отличающихся по смыслу. Есть ли разница в употреблении слов «глаза» и «очи»? В чём она состоит? Приведите примеры синонимов, отличающихся и по смыслу, и по сфере употребления. Как называются слова, противоположные по смыслу? Как называется изобразительный приём, основанный на противопоставлении антонимов? Приведите в пример названия художественных произведений, в основу которых положена антитеза. В чём разница в значениях слов «длинный» и «длительный»? Взаимозаменяемы ли они? Что такое «паронимы»? Приведите примеры паронимов.) В процессе диалога учителя и учеников материал в словесно-знаковой форме фиксируется на доске. Результатом становится опорный конспект (рис. 1).

Слушание и говорение на данной ступени являются ведущими видами деятельности обучающихся, инициирующими познавательный процесс. При этом визуальные опоры, конструирующиеся в ходе эвристической беседы, подкрепляют усвоение дидактического материала.

На следующей ступени аудиторной работы слушание становится единственным развиваемым видом речевой деятельности: после завершения опроса учитель ещё раз кратко проговаривает рассмотренный материал, и только потом учащиеся переносят опорный конспект в тетрадь. Наглядная опора упрощает понимание текста при слушании: обучающиеся осознают, какие понятия являются ключевыми, какие характеристики основных понятий принципиально важны; представляют логическую связь между элементами текста. Таким образом, процесс интерпретации устного текста становится выраженным внешне.

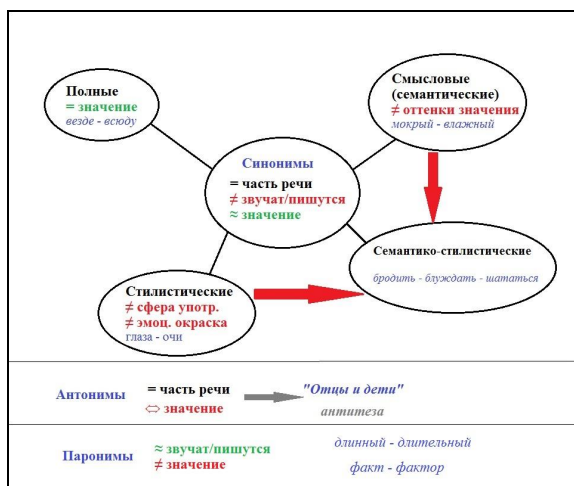

Рисунок 1. Опорный конспект к уроку русского языка

Определение ключевых понятий (слов или словосочетаний), их краткая характеристика и установление смысловой связи между ними становятся основными действиями при обучении слушанию. Подобная деятельность ведёт к повышению эффективности слушания; кроме того, освоение подобной формы работы способно стать вспомогательным средством для написания обучающимися изложения.

В качестве варианта работы с опорным конспектом можно предложить обучающимся задание на дополнение схемы недостающими элементами при прослушивании лекционного материала.

Работу по развитию навыков слушания на уроках русского языка целесообразно проводить не только в рамках применения технологии интенсификации обучения на основе схемных и знаковых моделей учебного материала. В нашей статье «Речетворческий урок как инновационная форма организации языкового образования обучающихся» [Пономарева, Губчевская 2020: <http>] предлагается пакет кейс-заданий по тексту, содержащий в том числе и задание на развитие слушания. Сущность задания состоит в анализе ряда высказываний, воспроизведённых учителем в устной форме: обучающиеся должны выделить ключевое понятие, объединяющее речевые произведения, и сопоставить его характеристику с идеями письменного текста, являющегося основой кейс-задания.

Таким образом, развитие навыка слушания (аудирования) на уроках русского языка должно проводиться систематически наряду с работой по развитию других видов речевой деятельности: чтения, письма и говорения. В этом ракурсе применение опорного конспекта в процессе обучения русскому языку выглядит весьма перспективным способом повышения эффективности слушания. Кроме того, следует включать и другие задания, направленные на развитие аудирования, например, в качестве элемента кейс-задания, основанного на анализе текста.

Литература

Архипова, Е.В. Основы методики развития речи учащихся: Учебное пособие для студентов педагогических вузов. М.: Вербум-М, 2004. 192 с.

Глухов, В.П., Ковшиков В.А. Психолингвистика. Теория речевой деятельности. М.: Астрель, 2007. 224 с.

Завеская, А.А. Введение в психолингвистику. М.: Директ-Медиа, 2013. 560 с.

Зимняя, И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.

Пономарева, Л.Д. Теория и методика речетворческого развития учащихся в процессе обучения русскому языку: монография. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2016. 172 с.

Пономарева, Л.Д., Губчевская, Е.А. Речетворческий урок как инновационная форма организации языкового образования обучающихся [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 5. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/98PDMN520.pdf> (дата обращения: 29.01.2021).

Селевко, Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. Т. 1. М.: Народное образование, 2005. 556 с.

Д.С. Димитрова, аспирантка
Науч. рук.: Т.Г. Аркадьева, д-р филол. наук, проф.
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

ТРУДНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ БОЛГАРСКИХ СТУДЕНТОВ РУССКИМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМ ЕДИНИЦАМ

Аннотация. Статья посвящена выявлению проблемных областей, возникающих в процессе усвоения болгарскими студентами русских фразеологических единиц. Автор статьи рассматривает три группы фразеологизмов: русские фразеологизмы, являющиеся полными смысловыми эквивалентами иноязычной единицы; русские фразеологизмы, являющиеся частичными смысловыми эквивалентами, и фразеологизмы, образный смысл которых свойствен только русской культуре. По мнению автора, изучение фразеологических единиц позволяет учащимся не только усвоить лингвистический материал, но и познать национальный характер, культуру и специфику быта другого народа.

Ключевые слова: РКИ, болгарский язык, фразеологические единицы, межкультурная коммуникация, этноязыковая картины мира

Любой естественный человеческий язык обладает набором кратких образных выражений, использование которых в речи (как в устной, так и в письменной) делает её яркой, эмоциональной и выразительной. Такие выражения традиционно называются фразеологическими единицами (ФЕ), или фразеологизмами [Чепкова 2013: 7]. Овладение фондом фразеологических единиц имеет особое значение для полноценного и адекватного общения между иностранцами, изучающими язык, и носителями этого языка. В связи с этим в последние годы на уроках русского языка как иностранного большое внимание уделяется знакомству учащихся с фразеологизмами.

Известно, что многие иностранные студенты, владеющие русским языком на достаточном уровне, испытывают проблемы при употреблении и интерпретации ФЕ: во-первых, нередко фразеологические единицы понимаются буквально, а во-вторых, отмечается неуместное использование ФЕ в рамках коммуникативной ситуации.

Ошибки в интерпретации фразеологических единиц часто объясняются различиями в культурах двух народов. Каждый язык имеет в своем составе фонд языковых единиц, которые родились в определенной национальной среде, связаны с рядом экстралингвистических факторов и характерны только для этого народа [Георгиева 2019]. Взаимодействие национального языка и национальной культуры способствует формированию этноязыковой картины мира. Языковое сознание включает этнокультурные маркеры как наиболее значимые отличительные признаки. Несовпадение этих маркеров обнаруживает несовпадение образов сознания, формирующихся в сравниваемых лингвокультурах. Эти несовпадения проявляются в отбираемых субъектами средствах речевого контакта – культурных символах, единицах фразеологического фонда и т. д.

Следует отметить, что во фразеологии ярче, чем в какой-либо другой системе языка, проявляются особенности национального мышления и восприятия

мира [Привалова 2016]. Как отмечал выдающийся методист М.Т. Баранов: «Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы» [Баранов 1988: 76]. Именно поэтому для усвоения ФЕ важно понимать природные условия, культуру, особенности жизни и быта народа, язык которого изучается студентом.

Обучение языку предполагает формирование следующих типов компетенций: лингвистической, языковой, коммуникативной и культуроведческой. Сформированность данных типов компетенций в области фразеологии означает, что человек способен не только правильно и коммуникативно целесообразно употреблять знакомые фразеологизмы, но и в дальнейшем обогащать собственный фразеологический запас, совершенствовать знания, умения, применять их в новых речевых ситуациях [Михеева 2012]. Поставленные цели обучения требуют от преподавателя специальной работы с учащимися при усвоении ими тех или иных фразеологических единиц, исправления и предупреждения ошибок в их осмыслении.

Статья посвящена выявлению проблемных областей, возникающих в процессе усвоения русских фразеологических единиц болгарскими студентами. В ходе исследования нами используется классификация фразеологизмов, предложенная Е.Ф. Арсентьевой, основанная на учёте не только семантического, грамматического, но и компонентного уровней фразеологических единиц. Е.Ф. Арсентьевой выделены три типа межъязыковых фразеологических отношений:

- 1) фразеологические эквиваленты (полные и частичные);
- 2) фразеологические аналоги (полные и частичные);
- 3) безэквивалентные фразеологические единицы [Арсентьева 1996: 37].

Наименее проблемными при усвоении иностранными студентами оказываются полные фразеологические эквиваленты, поскольку они полностью совпадают по значению, семантике, стилю, лексическому составу, грамматическим формам и синтаксической структуре с фразеологизмами родного языка, ср.: русская ФЕ *одним выстрелом убить двух зайцев* (со значением 'сразу выполнить два нужных, важных дела') и её болгарский эквивалент *с един куриум два заека; делать из мухи слона – правя от мухата слон*.

Частичные фразеологические эквиваленты также не представляют сложности для иностранных студентов. Они характеризуются незначительными различиями в плане выражения ФЕ тождественной семантики – компонентный или грамматические формы: русский фразеологизм *проглотить язык* ('неожиданно замолчать') на семантическом уровне соответствует болгарскому *да си глътна езика*. Отмечаемые различия касаются употребления возвратного личного местоимения «си» в болгарской ФЕ, который соответствует возвратному суффиксу «-ся» в русском языке.

К межъязыковым фразеологическим аналогам относятся ФЕ, выражающие тождественное или близкое значение, но характеризующиеся полным различием или приблизительным сходством внутренней формы: русскому фразеологизму *сгорать со стыда* ('испытывать сильное чувство стыда') на семантическом

уровне соответствует болгарский фразеологизм *потъвам от срам* (букв. «*тону от стыда*»). Различия компонентного состава касаются глагольных лексем – *сгорать* и *тонуть*. Русская ФЕ *ударить по рукам* («заключить сделку») и её болгарский аналог *стискаме си ръцете* (букв. «*пожимаем руки*») имеют тождественные значения, но с точки зрения структурно-грамматической организации содержат глаголы с разной структурой.

Особую сложность для иностранных студентов представляют безэквивалентные фразеологизмы. ФЕ этой группы имеют ярко выраженный национальный характер, незнание особенностей национальной культуры и является препятствием для изучающего язык.

В русском языке немало фразеологизмов, имеющих этнокультурную специфику. Их употребление в речи определяется в том числе и знанием правил этикета. К этому числу относится частотное в русской речи выражение *ни пуха ни пера*, означающее пожелание успеха, удачи в каком-либо деле или начинании. Оно появилось среди охотников и было основано на суеверном представлении о том, что при прямом пожелании («и пуха, и пера») результаты охоты можно «сглазить», т. е. спугнуть удачу. В болгарском языке не существует фразеологизма, который бы соответствовал русскому. Обычно перед экзаменом болгарские студенты желают друг другу удачи простым выражением *Успех на изпита!* (букв. «*Удачи на экзамене!*»).

Многие русские фразеологизмы содержат в своей структуре элементы, не имеющие эквивалентов в лексике болгарского языка. Как правило, такие единицы очень трудно понять и перевести без объяснения их происхождения. Типичным примером безэквивалентного фразеологизма является *попасть как кур во щи* («в крайне неприятную или безвыходную ситуацию»). Традиционный в русской культуре суп *щи* обычно готовится на говяжьем или свином бульоне. Однако если неожиданно приезжали гости, то их кормили щами, приготовленными на быстром в приготовлении курином бульоне. Таким образом, для птицы такой поворот судьбы был всегда неприятной неожиданностью. Сложности восприятия фразеологизма болгарскими студентами определяется наличием в его составе безэквивалентного компонента *щи*.

К безэквивалентной лексике можно отнести и имена собственные, поскольку они обладают своей смысловой и ассоциативной нагрузкой. Например, адекватная интерпретация фразеологизма *ездить в Тулу со своим самоваром* («делать что-либо лишнее, бесполезное») предполагает знание того факта, что Тула – это русский город, который славится изготовлением самоваров, а самовар – русский национальный сосуд, предназначенный для кипячения воды и приготовления чая.

Ещё один пример фразеологизма, не имеющего соответствия во фразеологической системе болгарского языка, – *чепуха на постном масле* («глупость»). При изучении данной ФЕ преподавателю следует сначала объяснить студентам её происхождение. Фразеологизм появился во времена Руси, когда сливочное масло было дорогим, а постное (льняное или конопляное) – дешёвым. На постном масле готовилась еда для простых людей,

поэтому о чём-то не стоящем внимания могли сказать, что это *чепуха на постном масле*.

Таким образом, безэквивалентные фразеологизмы, содержащие яркий национально-культурный компонент, сами по себе являются источниками культуроведческой информации. В процессе изучения данной группы фразеологизмов преподавателю необходимо использовать подходящий методический материал.

В качестве обязательного мы предлагаем использовать наглядный материал, который способствует образному восприятию безэквивалентных элементов ФЕ: фотографии, видео, отрывки фильмов, разнообразные рисунки, карикатуры и под. (см. рис. 1).

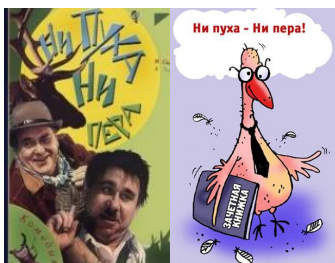

Рис. 1. Наглядный материал для освоения русской ФЕ *ни пуха, ни пера*

В методике обучения русским ФЕ необходимо учитывать практический аспект, или ситуативно-тематический принцип обучения. Сущность его сводится к тому, что учебный материал должен включать подходящие ситуативно-тематические упражнения, содержащие изучаемые ФЕ. Этот способ помогает обучающимся сориентироваться в правильном употреблении русских фразеологических единиц в практическом межкультурном общении. В качестве образца можно привести следующее упражнение:

Задание. Составьте текст из 3-4 предложений, используя фразеологизм *делать из мухи слона*.

Вариант выполнения. *Анна обещала позвонить мне вечером, но так и не позвонила. На следующий день я спросила, почему она мне не позвонила, а она ответила, что забыла. Я очень сильно обиделась и весь день не разговаривала с ней. Но мама сказала, что каждый может забыть о чём-то, поэтому не надо **делать из мухи слона**.*

Эффективным в обучении русским фразеологическим единицам будет использование на занятии игровых форм работы, а также выполнение разнообразных упражнений творческого характера, что увеличивает вовлечённость студентов в учебный процесс.

Игра «Соедините пару»: студенты делятся на 2 команды, каждой команде раздаются карточки с фразеологизмами (образец карточки представлен на рис. 2). Командам необходимо соединить фразеологизмы с их синонимами.

ездить в Тулу со своим самоваром	в лес дрова возить
не покладая рук	засучив рукава
родиться под счастливой звездой	родиться в сорочке
бить баклуши	спустя рукава

Рис. 2. Раздаточный материал для игры «Соедините пару»

Проведённый предварительный анализ позволяет заключить, что работа по обучению русской фразеологии в болгарской аудитории должна строиться на основе учёта тех проблемных областей, которые определяются лингвокультурологическими различиями. Работа с фразеологическим материалом изучаемого языка позволяет преподавателю не только повысить познавательную активность студентов, но также развивать их коммуникативные умения и навыки, способствовать решению воспитательных задач.

Литература

- Арсентьева, Е.Ф.* Безэквивалентные фразеологические единицы в английском и русском языках и способы перевода // Вопросы теории и практики перевода. Пенза, 1996. С. 36-38.
- Баранов, М.Т.* Методика изучения лексики и фразеологии в средней школе. М., 1988. 191 с.
- Георгиева, С.И.* Роль фразеологии при изучении русского языка // Исследовательский журнал русского языка и литературы. Т. 7. Вып. 1. 2019. С. 29-44.
- Михеева, Г.В.* Теоретические и методические основы обучения региональной фразеологии / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова», Фил. в г. Северодвинске Арханг. обл. Архангельск: КИРА, 2012. 142 с.
- Привалова, И.В.* Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
- Чепкова, Т.П.* Русские фразеологизмы. Узнаем и учим: учеб. пособие / Т.П. Чепкова, Ю.Б. Мартыненко, Е.В. Степанян. М.: ФЛИНТА, 2013. 107 с.

*Ю.Л. Дмитриева, канд. филол. наук, доц.
Горловский институт иностранных языков
(Горловка, ДНР)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возможностей использования лингвокраеведческого материала при изучении русского языка в школе и вузе. Предлагается обзор работ, посвящённых данному методическому аспекту. Автор выявляет составляющие лингвокраеведческой работы в вузе, отмечая, что она направлена на изучение языковых единиц, эксплицирующих особенности края. Также анализируются подходы к

лингвокраеведческой работе в средней школе. Предлагаются образцы лингвокраеведческого дидактического материала.

Ключевые слова: лингвистическое краеведение, методика, дидактический материал, языковой знак, оним

Поиск новых, эффективных форм обучения в современной методике преподавания русского языка обусловлен не только социальными новациями, но и развитием лингвистики. Так, сегодня на первый план выходят разнообразные приёмы и методы обучения с использованием программ, обеспечивающих дистанционное взаимодействие субъектов обучения. Кроме того, внимание методистов сосредоточено на функциональном аспекте изучения языковых знаков, в частности, на их использовании в определённом регионе или крае.

Отметим, что лингвистическое краеведение неоднократно становилось объектом исследовательского интереса лингвистов, краеведов, методистов. Именно с определения культурной специфики края в её соотношении с национальной культурой начинается самоопределение индивида. Особенности использования лингвокраеведческого материала в процессе изучения русского языка как родного и национального рассмотрены в работах И.И. Жиленковой, Н.В. Коротковой, Г.Ф. Ковалева, С.И. Львовой, Л.К. Лыжовой, Л.И. Ляпиной, Т.В. Майоровой, В.А. Магина, Н.Т. Узденовой и др.

Кроме того, лингвокраеведение может рассматриваться как одно из перспективных направлений в практике обучения русскому языку как иностранному. Оно характеризуется наиболее выраженной образовательной составляющей в социокультурном и региональном планах. Лингвокраеведение обеспечивает овладение языковыми знаками, объективирующими особенности культуры определенного края, места проживания иностранных студентов, что является важным условием успешного овладения языком.

В Российской Федерации сформировались центры лингвокраеведческой работы. Так, Л.А. Климкова в качестве примера приводит Костромской научный центр. Учёный отмечает, что основой современного лингвистического краеведения являются диалектологические исследования, проводимые с начала XX в. «При интерпретации фиксируемого, собранного диалектного материала (прежде всего лексики) во все времена исследователи не могли не соотносить его с особенностями местности, территории функционирования изучаемого говора, материальной и духовной жизни сельского жителя, диалектоносителя» [Климкова 2017: <http://>]. Отметим, что лингвист рассматривает лингвокраеведение как направление научных исследований, выделившееся из диалектологии, а начало краеведческой работы датирует XVIII столетием. Рассматриваемую отрасль знания Л.А. Климкова трактует как «изучение языковой составляющей жизни края, наряду с изучением его природно-климатических, историко-археологических, этнографических и иных особенностей» [Там же].

Цель статьи – описание особенностей использования лингвокраеведческого материала при изучении русского языка.

В современных исследованиях лингвокраеведческая работа описывается в двух аспектах: изучение краеведческих языковых фактов в высшей и средней школе. Так, лингвокраеведение в вузовской практике включает несколько составляющих. В их числе, во-первых, «сбор, фиксация диалектного и онимного материала в микросистемах и их совокупностях, интерпретация этого материала» [Климкова 2014: <http>]. Одним из известных ономастов Донецкого края является Е.С. Отин, автор монографий, статей, словарей онимов этого региона. На его работы ссылаются при изучении особенностей топонимов, урбанонимов и т. д. крупных населенных пунктов города. Ср.: *Отметим, что топоним Горловка актуализирует и данные об истории основания населённого пункта. Согласно данным Е.С. Отина, «в 1871 году под руководством инженера П.Н. Горлова началось строительство рудника “Корсуньская копь № 1”. Возле рудника образовался рабочий посёлок, положивший начало городу»* [Дмитриева 2020: 51].

Во-вторых, составляющими лингвокраеведческой работы в высшей школе является лексикографическая обработка собранного материала, цель которой, согласно Л.А. Климковой, создание словарей или дополнение к уже имеющимся, а также презентация результатов указанной деятельности в виде словарных карточек, статей, хрестоматий, дидактического материала для учащихся.

В-третьих, фиксация фольклорных произведений, анализ особенностей их языка квалифицируется как составляющая лингвокраеведения. К ней примыкает выделяемое Л.А. Климковой «лингвокраеведческое, лингворегионоведческое и шире – этнолингвистическое, этнокультурное прочтение текстов, зафиксированных во время полевой работы, индивидуальной или групповой, а также текстов в изданных хрестоматиях, региональном словаре (или в хрестоматиях, словарях)» [Климкова 2017: <http>].

Наконец, актуально в современном вузовском лингвистическом краеведении изучение языка местных памятников письменности, анализ языка художественных произведений писателей определенного края. Например, исследование особенностей организации пространства в произведениях дончанина Д. Трибушного позволяет выявить специфику вербального отражения военной действительности 2014 г.

Не менее актуально исследование образа жителя края, создание его речевого портрета. Так, образ горловчанина, согласно нашим исследованиям, объективируется как лексемой *горловчанин (горловчанка)*, так и сочетаниями *житель города, житель Горловки*.

Наконец, составляющей лингвокраеведческой работы в вузе является изучение языка региональных СМИ.

Итак, лингвокраеведческая работа в высшей школе направлена на исследование вербальных знаков, эксплицирующих культурные особенности определенного края (например, Донбасса).

В средней школе лингвокраеведческая работа рассматривается как внеклассная деятельность, направленная на повышение интереса к изучению русского языка, расширение кругозора учащихся, формирование умений и

навыков лингвистического анализа текста (см. работы Н.М. Ирбе, Ж. Сигал, Е. Янович и др.).

Исследователи отмечают, что «проводить такую работу возможно в двух направлениях» [Саввина 2008: <http>]. Во-первых, использовать во внеклассной работе неязыковой краеведческий материал, т.е. «выборку предложений, содержащих в себе информацию об истории, природе, богатстве родного края» [Там же]. Так, при изучении темы «Словосочетания» теоретический материал в учебниках часто даётся в виде таблицы. Целесообразно предложить учащимся задание подобрать примеры к каждому пункту таблицы из текста, содержащего лингвокраеведческий материал: *Боевая доблесть Донбасса. В 1946 году в звании капитана Николай Бойко был уволен в запас. В 1948 году он окончил советско-партийную школу, в 1952 году – Харьковский педагогический институт. Находился на преподавательской работе в Измаиле Одесской области, затем в Харькове. С 1970 года проживал в Сумах, был старшим преподавателем кафедры марксизма-ленинизма филиала Харьковского политехнического института. Впоследствии Бойко переехал в Донецк, был доцентом на кафедре научного коммунизма Донецкого политехнического института. Умер 29 марта 1995 года. В память о герое-преподавателе на здании 1-го корпуса Донецкого национального технического университета установлена мемориальная доска* [Боевая доблесть Донбасса 2019: <http>].

Кроме того, после выполнения предложенного задания необходимо обсудить содержание текста, акцентируя внимание учащихся на фактологической информации, предложить им вспомнить имена родственников, ушедших на фронт, а также имена современных защитников Донбасса.

Во-вторых, одним из направлений лингвокраеведения в школе является изучение на занятиях и во внеурочное время собственно лингвистического краеведческого материала. Например, рассмотрение особенностей диалектной лексики и фразеологии, специальной лексики краевых ремесел и промыслов, топонимических и гидронимических наименований и т.д. Так, при изучении собственных и нарицательных существительных учитель может предложить тексты о топонимах и гидронимах Донбасса, опираясь на исследования Е.С. Отина.

Учащимся предлагается прочитать текст, пересказать его, выписать собственные имена существительные; ср.: ГОРЛОВКА. Датой основания города является 1867 год, когда здесь было намечено строительство железной дороги от Курска до Азова. 5 мая 1868 года началось строительство этой дороги. Концессию на строительство получил московский предприниматель, строитель железных дорог Самуил Соломонович Поляков. 23 декабря 1869 года состоялось торжественное открытие движения поездов по линии Харьков-Таганрог. В черте будущего города появились станция Никитовка и полустанок Корсунь. В 1871 году под руководством инженера П.Н. Горлова началось строительство рудника «Корсуньская копь №1». Возле рудника образовался рабочий посёлок, положивший начало городу [Отин 2014: 47].

Во внеклассной деятельности лингвокраеведческая работа может быть направлена на проведение мини-исследований языка города, языка местных СМИ, языка произведений поэтов и писателей Донбасса.

Таким образом, лингвокраеведческая работа, проводимая в высшей и средней школе, направлена на изучение языковой составляющей жизни края, формирование представлений о его лингвокультурных особенностях.

Литература

Боевая доблесть Донбасса [Электронный ресурс] // Донецкое время, 18.09.2019. Режим доступа: <https://gazeta-dnr.ru/boevaya-doblest-donbassa/> (дата обращения: 22.02.2021).

Дмитриева, Ю.Л. Средства экспликации образа Горловки в современных медиатекстах // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: «Социальные и гуманитарные науки». №3 (27). 2020. С. 50–56.

Климова, Л.А. Лингвокраеведческая работа: состояние, динамика, перспективы [Электронный ресурс] // Вестник КГУ. 2014. №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokraevedcheskaya-rabota-sostoyanie-dinamika-perspektivy> (дата обращения: 19.02.2021).

Климова, Л.А. Лингвокраеведение в отечественном научном и образовательном пространстве [Электронный ресурс] // Вестник КГУ. 2017. Спецвыпуск. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokraevedenie-v-otechestvennom-nauchnom-i-obrazovatelnom-prostranstve> (дата обращения: 18.02.2021).

Отин, Е.С. Происхождение географических названий Донбасса. Донецк: Юго-Восток, 2014. 199 с.

Саввина, Ю.Ю. Фитонимическая лексика как один из источников лингвокраеведческой работы по русскому языку в средней школе [Электронный ресурс] // Русистика. 2008. №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fitonimicheskaya-leksika-kak-odin-iz-istochnikov-lingvokraevedcheskoy-raboty-po-russkomu-yazyku-v-sredney-shkole> (дата обращения: 20.02.2021).

Ю.П. Киселева, студентка

О.В. Дорфман, канд. пед. наук, доц.

*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)*

ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ КАК ЭТАП ПОДГОТОВКИ К ОЛИМПИАДЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Статья посвящена изучению фразеологии в школе как части подготовки к олимпиадам по русскому языку. Названы основные олимпиады, включающие задания из раздела «Фразеология», охарактеризованы типы олимпиадных заданий. На основе выполненного анализа разработаны рекомендации для моделирования обучающего курса по подготовке к лингвистическим олимпиадам по русскому языку (раздел «Фразеология»).

Ключевые слова: олимпиада по русскому языку, лингвистические тесты, лингвистические задачи, приёмы активного обучения

Одной из наиболее значимых форм получения высокого качества образования и развития творческих способностей, самостоятельности обучающихся являются предметные олимпиады – действенное средство формирования мотивации к учению, повышения познавательной активности учащихся, развития их творческих способностей, углубления и расширения знаний школьника по предмету. Предметные олимпиады по русскому языку прочно вошли в систему олимпиадного движения, они позволяют не только продемонстрировать высокую степень сформированности языковой и лингвистической компетенций, но и предоставляют возможность поступить в престижные учебные заведения страны, поэтому аспектное рассмотрение вопросов подготовки обучающихся к участию в олимпиадах актуально, а в системе углублённого обучения имеет приоритетный характер.

В образовательном пространстве России на разных площадках реализуется значительное количество олимпиад по русскому языку. В числе популярных можно назвать следующие: Всероссийская олимпиада школьников по русскому языку, олимпиада для знатоков русского языка «Высшая проба», олимпиада по русскому языку для школьников «Ломоносов», олимпиада СПбГУ по профилю филология, «Изумруд» (УрФУ), «Океан знаний» (ДВФУ), Плехановская олимпиада и др. Безусловно, охарактеризовать особенности всех олимпиадных заданий в рамках статьи не представляется возможным. Мы остановимся на разделе «Фразеология», поскольку он не только является одним из компонентов блока заданий, но и, к сожалению, вызывает затруднения при выполнении.

Анализ результатов различных контрольно-измерительных материалов свидетельствует о недостаточной осведомлённости школьников в области фразеологии родного языка, что объясняется незначительным количеством часов, выделенных в школьной программе на её изучение. Всё это доказывает целесообразность обращения к изучению русской фразеологии в системе дополнительного школьного образования.

В первой части статьи мы рассмотрим основные типы заданий из предметной области «Фразеология», а во второй – предложим методические рекомендации по разработке курса по подготовке обучающихся к решению олимпиадных задач по фразеологии.

Всероссийская олимпиада школьников по русскому языку как инструмент отбора одарённых детей в области русского языка призвана развивать метаязыковые способности школьников, побуждать целенаправленно размышлять о различных свойствах языка и его единиц. В соответствии с «Методическими рекомендациями по разработке заданий ... всероссийской олимпиады школьников по русскому языку» в четвёртую группу входят задания из области лексикологии, фразеологии и семантики: «определение лексического значения слов одной тематической группы; знание семантики готовых единиц русского языка – фразеологизмов» [Методические рекомендации 2019: [http](#)].

Задания на школьном и муниципальном этапах Олимпиады делятся на лингвистические тесты и лингвистические задачи. Лингвистические тесты предполагают воспроизведение знаний раздела и демонстрацию навыков языкового анализа. Примером этого типа олимпиадных фразеологических заданий является следующее: *установите соответствие и впишите фразеологизмы.*

Лингвистические задачи носят исследовательский характер и классифицируются «от текста к языку и обратно» [Там же]:

- от текста к языку; предлагается фрагмент текста / высказывание, требуется на его основе сделать вывод о свойствах языковых единиц как элементов языковой системы; варианты формулировок задания: *необходимо самостоятельно сформулировать значения многозначного фразеологизма с опорой на имеющийся контекст; требуется исправить речевые ошибки, связанные с употреблением фразеологической единицы;*

- от языка к тексту; направлено на моделирование активной речевой деятельности; задачи варьируются – от правил и структуры языка к конкретному факту (*заменить иноязычные фразеологизмы русскими синонимами и наоборот*), от системы языка к тексту (*выбор из предложенного ряда фразеологизмов одного наиболее уместного в тексте*);

- от языковых фактов к системе языка; задания структурно-лингвистического характера, такие, как *поиск закономерностей по открытому ряду фразеологизмов, установление сходства и отличительных черт нескольких фразеологических единиц;*

- от языка к науке о языке, описанию языка; задание комплексного типа, построенное на основе лингвистической игры: *соотнести значения фразеологизмов со словарями или фразеологизмы с художественными произведениями.*

Олимпиаду «Высшая проба», по замыслу её организаторов, отличает то, что «во многих задачах не существует полностью готового правильного решения: для получения высокого балла школьник должен продемонстрировать языковую интуицию и привести свои примеры, иллюстрирующие решение» [Сборник заданий 2015: 10]. Довольно часто фразеологизмы включаются в комплексные задания, связанные со знанием лексики русского языка. Например: *«из некоторой группы, состоящей из десяти существительных, по мнению лингвистов, по крайней мере пять исторически связаны с глаголами брать, вертеть, знать, палить, сеять. Для некоторых из этих существительных смысловая связь с соответствующими глаголами ощущается и сейчас. 1.1. Назовите эти пять существительных. Укажите, с каким из данных глаголов связано каждое из них. 1.2. Три из данных пяти существительных в древнерусском языке употреблялись в полногласной форме. а) Первое из этих трёх слов с полногласием сохранилось, хотя и с небольшим искажением, во фразеологизме. Назовите этот фразеологизм...»* [Высшая проба 2017: <http://>].

В олимпиаде по русскому языку для школьников «Ломоносов» знание фразеологии помогает выполнить задания из различных разделов курса

русского языка, чаще всего – синтаксиса, например: *нахождение простого глагольного сказуемого, в составе которого встречаются и фразеологические единицы, или выявление фразеологизма, который по своей структуре является обобщённо-личным предложением.*

На наш взгляд, самые сложные задания из раздела «Фразеология» встречаются в олимпиаде «Изумруд»: «Прочитайте текст. Объясните, на чём строится языковой приём в выделенном фрагменте. Каковы его функции и смысловые особенности в этом тексте? *Вам придётся освоить некоторые новые для вас специальности. Согласны? И потом: готовы ли вы выполнять любую случайную, текущую работу – быть мальчиком на все руки, как в старину говорились? (В. Шефнер)*» [Изумруд 2020: <http://>]. Используемый в этом фрагменте текста языковой приём строится на контаминации фразеологизмов *мальчик на побегушках* и *мастер на все руки*. Школьнику необходимо не просто ориентироваться в употреблении фразеологических единиц, но и осознавать приёмы языковой игры, используемые для создания экспрессивного и комического эффекта, которые связаны с разными оценочными компонентами устойчивых выражений, так как *мальчик на побегушках* – это пренебрежительное обозначение, а *мастер на все руки* – одобрительное.

Обобщая встречающиеся в олимпиадах типы заданий из области фразеологии, следует отметить, что большая их часть посвящена определению значений фразеологизмов, синонимии и антонимии. Среди заданий встречаются направленные на знание происхождения фразеологизма, на выявление коннотативных компонентов, на знание особенностей сферы употребления, на анализ структуры фразеологизмов. При этом обучающимся предлагаются задания аналитического и аналитико-синтетического типов на реконструирование и конструирование языковых единиц и их контекста.

Успешное выполнение данных типов задач предполагает определённые формы и методы подготовки. Необходимо создание оптимальных условий для подготовки школьников к участию в олимпиадах, формирования языковой, лингвистической, культуроведческой и общеучебной компетенций, стимулирования интереса к решению лингвистических задач, формирования специфического круга чтения (чтение фразеологических словарей, специальной лингвистической литературы). Исходя из того, что решение олимпиадных задач требует нестандартного подхода, нужна тренировка по выполнению упражнений творческого характера. Поэтому при планировании содержания обучения учитель должен включить в программу два основных направления: расширение базового содержания образования и формирование лингвистического мышления учащихся в процессе освоения фразеологической системы языка.

Подготовка к олимпиаде должна быть систематической. Поскольку для достижения планируемых результатов в области углублённого изучения фразеологии обычных уроков по русскому языку недостаточно, целесообразно смоделировать факультативный или элективный курс.

Программа курса должна быть ориентирована не только на углубление и расширение фактических знаний по разделу «Фразеология», но и на развитие самостоятельности мышления и творческих способностей обучающихся.

Цель обучающего курса – развитие познавательных универсальных учебных действий в обучении фразеологии, углубление теоретических знаний о фразеологической системе русского языка, подготовка к творческой деятельности (участие в олимпиадах, выполнение исследовательских и проектных работ).

Содержание обучения:

- фразеологизм как единица языка;
- фразеологизмы однозначные и многозначные; фразеолого-семантические парадигмы: фразеологические омонимы, синонимы, антонимы;
- структурный тип фразеологизма;
- фразеологизмы активные и пассивные;
- античные и библейские фразеологизмы;
- решение олимпиадных заданий по теме «Лексике и фразеология».

Индивидуальная работа с обучающимися должна создавать дополнительные условия для коррекции и углубления знаний, поэтому целесообразно применять методы активного обучения, которые позволяют обеспечить эффективную организацию учебного процесса и внеурочную деятельность, развивают мотивацию к обучению, учат самостоятельно добывать знания, развивают интерес к предмету, позволяют активизировать процесс развития у обучающихся коммуникативных навыков, учебно-информационных и учебно-организационных умений. К числу рекомендуемых приёмов обучения относятся: мозговой штурм, «жужжащие группы», «синдикат», речевой тренинг, кейсы, интеллект-карты, приёмы изучающего чтения, работа с порталом «Национальный корпус русского языка». Формат обучения предполагает сопряжение индивидуальной и групповой работы для достижения результативности: необходимо так выстраивать занятия, чтобы школьники сначала пытались найти решение задачи самостоятельно, а затем обсуждали в группе для возможной корректировки и детализации.

Оценка индивидуальной успешности учащихся может прослеживаться при создании индивидуального портфолио, карты результативности участия школьника в олимпиадах и конкурсах, рейтинга достижений. Хорошим опытом является не только участие в лингвистических конкурсах, но и работа в качестве помощников учителя в организации, подготовке и проведении мероприятий для школьников младшего возраста и для сверстников.

Несмотря на тематическое соответствие содержания олимпиадных заданий по фразеологии школьному курсу, их содержание значительно шире и требует знаний на углублённом уровне. Типы заданий достаточно разнообразны и требуют не только глубоких знаний, но и развитых умений, навыков и творческих способностей. Предлагаемый курс призван решить поставленные задачи и будет полезен и для подготовки к олимпиадам, и для углубления включённых в школьную программу сведений о фразеологической

системе русского языка. Рекомендации для моделирования обучающего курса по подготовке к лингвистическим олимпиадам по русскому языку могут быть использованы и для планирования программных школьных уроков при изучении фразеологической системы русского языка.

Литература

Высшая проба – 2017. Русский язык. 10-11 классы. 2 этап [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://olymp.hse.ru/data/2017/02/10/1167314214/Высшая%20проба-2017.%20Русский%20язык.%2010-11.pdf> (дата обращения: 03.02.2021).

Изумруд – 2020. Русский язык. 8-9 классы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://izumrud.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15017/Doc/Zadaniya_2020_Russkii_jazyk_8-9_otvety.pdf (дата обращения: 06.02.2021).

Методические рекомендации по разработке заданий и требований к проведению школьного и муниципального этапов всероссийской олимпиады школьников по русскому языку в 2019/2020 учебном году [Электронный ресурс] / под ред. А.В. Григорьева. Режим доступа: <http://vserosolymp.rudn.ru/mm/mpp/files/rus-sm-2020.pdf> (дата обращения: 02.02.2021).

Сборник заданий межрегиональной олимпиады школьников «Высшая проба». Русский язык. Литература. Журналистика / под общ. ред. Б.Л. Иомдина (разд. 1), К.М. Поливанова (разд. 2), С.А. Шомовой (разд. 3); Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 126 с.

*Д.А. Комаров, слушатель
Т.В. Варлакова, канд. филол. наук, доц.
Академия управления МВД России (Москва, Россия)*

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРОГРАММЕ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ОМОНИМИЗАЦИИ В ВУЗЕ МВД РОССИИ НА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ

Аннотация. Статья посвящена вопросам методики преподавания русского языка в профильном учебном заведении. Авторами описываются результаты исследования в области переходных явлений во фразеологии, приводятся количественные данные о корпусе собранных фразеологических омонимических единиц, предлагается иллюстративный материал, который может быть использован для составления упражнений.

Ключевые слова: фразеологическая единица, омонимизация, методика преподавания, высшая школа

В настоящее время многие преподаватели и авторы научных публикаций отмечают значительное снижение качества школьного и вузовского образования в России. Такое положение фиксируется и на уровне языкового образования, в том числе в области родного (русского) языка. Существует несколько объективных причин, обуславливающих сложившуюся в средней

общеобразовательной школе ситуацию. Среди них особое место занимает фиксируемое снижение интереса обучающихся к получению разносторонних знаний, увлечение детей и подростков гаджетами, а также нацеленность и учителя, и школьников на достижение наивысших результатов по ЕГЭ [Лашук 2017: <http>]. К сожалению, эти же проблемы сопровождают выпускников школ и в дальнейшем, при получении высшего профессионального образования. При этом они приобретают более серьезные масштабы, требуют со стороны преподавателя вуза больших усилий: несформированность базового уровня знаний и компетенций становится серьёзным препятствием при переходе к следующему уровню образования. Полагаем, что разрешению трудной ситуации в определенной мере может способствовать использование при рассмотрении сложных для восприятия обучающимися вопросов разнообразного языкового материала, в том числе фразеологического.

К числу наиболее сложных вопросов, связанных с изучением русского языка, относятся переходные явления.

Процессы переходности в общенаучном понимании связаны с проявлением философского закона диалектических изменений, который понимается как «...наиболее общая форма бытия всех объектов и явлений, представляющих всякое движение и взаимодействие, переход из одного состояния в другое» [Философский словарь 1987: 159]. Эволюционные преобразования одного качества в другое путём постепенных изменений и приобретения языковой единицей признаков иного класса обуславливают переходные явления в языке. В самом общем виде переходность в лингвистике понимается как способность языкового знака к качественным – семантическим и структурным преобразованиям.

Переходные явления наиболее основательно изучены на материале частей речи, разноаспектно описаны в работах В.В. Виноградова, В.В. Бабайцевой, Е.Б. Колыхановой, Л.В. Малаховского, В.Н. Мигирова и др. Большинство ученых полагают, что в результате перехода (транспозиции) слов одной части речи в другую образуются омонимы.

На фразеологическом материале переходные процессы исследуются в работах В.Т. Бондаренко, Л.П. Гашевой, Т.Г. Голощаповой, В.В. Истоминой, Л.Д. Игнатъевой, Л.П. Каменевой, Н.К. Костиной, Н.А. Павловой, Т.Е. Помыкаловой, М.И. Сидоренко, А.Д. Соловьевой, А.М. Чепасовой и др.

Мы разделяем точку зрения А.М. Чепасовой, которая выделяет два этапа и два типа отношений при переходности: омонимизация – начало процесса, когда структурно тождественные языковые единицы в определённый период времени принадлежат к разным лексико-грамматическим категориям; переход (транспозиция) – результат, фиксация завершившегося процесса омонимизации, когда в языке функционирует одна из омонимичных единиц [Чепасова 1993: 98]. Процессы омонимизации во фразеологии наиболее отчетливо проявляются в образовании межкатегориальных омонимов.

В задачи нашего исследования входит обобщение опыта работы в области использования фразеологического материала при изучении трудных случаев квалификации частеречной принадлежности слов.

На занятиях по русскому языку при рассмотрении лексического материала преподаватель обращается к объяснению переходных процессов, когда возникают затруднения с определением частеречной принадлежности отдельных языковых единиц. Например, без дополнительных пояснений преподавателя обучающимся (особенно приехавшим из других государств), самостоятельно сложно верно квалифицировать частеречную принадлежность слов типа: *военнослужащий, подозреваемый, подсудимый, умышленное* и др., относимых к наиболее востребованной в вузе МВД тематической области. Слова этой группы частотно употребляются в процессе обучения, являются терминологическими единицами или входят в их состав. Включение в процесс обучения фразеологического материала для разноуровневого изучения явлений омонимизации позволяет сотрудникам органов внутренних дел наиболее полно и точно понять, каковы функциональные и семантические отличия единиц русского языка, которые образуются путём перехода из одной части речи в другую, из одного лексико-грамматического класса в другой.

Появление омонимичного фразеологизма с новым категориальным значением – следствие эволюционного накопления у фразеологической единицы семантических и грамматических признаков нового класса, т.е. качественных изменений. Неизменным остается компонентный состав, но происходит преобразование семантики, морфологических показателей, синтаксических свойств и функций фразеологизма.

Приведём примеры таких омонимов:

- *во всяком случае*¹ (качественно-обстоятельный) – *во всяком случае*² (служебный) – *во всяком случае*³ (модальный);
- *в меру*¹ (призначный) – *в меру*² (качественно-обстоятельный) – *в меру* (чего)³ (служебный);
- *в порядке*¹ (призначный) – *в порядке*² (качественно-обстоятельный) – *в порядке* (чего)³ (служебный);
- *всё равно*¹ (призначный) – *всё равно*² (качественно-обстоятельный) – *всё равно*³ (служебный);
- *как есть*¹ (призначный) – *как есть*² (качественно-обстоятельный) – *как есть*³ (служебный);
- *как пить дать*¹ (призначный) – *как пить дать*² (качественно-обстоятельный) – *как пить дать*³ (модальный);
- *как раз*¹ (призначный) – *как раз*² (качественно-обстоятельный) – *как раз*³ (служебный);
- *на месте*¹ (призначный) – *на месте*² (качественно-обстоятельный) – *на месте*³ (кого-либо) (служебный) и др.

Наиболее часто в нашем материале представлены ряды, состоящие из омонимичных единиц качественно-обстоятельного, призначного, служебного типов семантики. Такие омонимы в нашей картотеке содержатся в 21 ряду смешанного типа. Менее частотны ряды, состоящие из омонимичных единиц качественно-обстоятельного, призначного, модального типов семантики. Таких рядов в нашей картотеке 15 (45 фразеологизмов). Единично представлены ряды, имеющие в своем составе омонимичные фразеологизмы

качественно-обстоятельственного, служебного, модального типов семантики: 3 ряда (9 фразеологических единиц). Один ряд (3 единицы) имеет в своем составе омонимичные единицы призначного, предметного, качественно-обстоятельственного типов семантики. Фразеологические омонимы качественно-обстоятельственного, призначного, количественного семантико-грамматических классов составляют также один многочисленный ряд.

В большинстве случаев описываемые омонимы с точки зрения структурной организации являются аналогами сочетаний слов. Как полагает В.В. Виноградов, сочетания слов, или предложно-падежные формы, в процессе исторических изменений и распада системы форм существительного переходят в ряд идиоматических наречных выражений: «Категория наречий широко пополняется идиоматизмами и фразовыми сочетаниями» [Виноградов 1972: 305]. Таким образом, можно предположить, что по модели аналога сочетания образуются прежде всего фразеологические единицы качественно-обстоятельственной семантики. Качественно-обстоятельные фразеологизмы становятся источником формирования новых, омонимичных им единиц, имеющих иное категориальное значение.

Самое большое число многочисленных рядов и, соответственно, фразеологических омонимов составляют единицы, имеющие принадлежность к разным категориальным значениям в рамках одного ряда: 33 ряда (99 единиц). Все многочисленные ряды, в которых фразеологические омонимы имеют разные категориальные значения, состоят из трёх единиц. Ряды, в которых фразеологизмы-омонимы имеют одно категориальное значение, могут состоять из 4-х единиц, а ряды, в которых фразеологические единицы вступают в омонимические отношения смешанного типа, – из 4-х и даже 5-ти единиц. Так, в 29 рядах (97 фразеологических единиц) в рамках каждого отдельного ряда наблюдаются омонимические отношения между фразеологизмами как одного категориального значения, так и разных категориальных значений, т. е. омонимия смешанного типа. Большая часть этих рядов (19 из 29) представлена рядами из 3-х фразеологических омонимов. При этом, как правило, в ряду 2 фразеологических омонима из трёх имеют качественно-обстоятельную семантику (в 15 рядах). Третий омоним в этих рядах чаще всего представлен фразеологической единицей призначной семантики (в 9 рядах из 15), реже – фразеологической единицей служебной семантики (в 4 рядах из 15), модальной семантики (в 2 рядах из 15). Среди рядов описываемого типа один состоит из 5-ти омонимичных фразеологических единиц, 8 – из 4-х единиц. В 7-ми из них есть омонимичные фразеологизмы качественно-обстоятельской семантики: в 4-х рядах по три таких омонима; в двух – по 2, в одном – одна фразеологическая единица качественно-обстоятельской семантики. Лишь один ряд из 8-ми имеет в своём составе три процессуальных единицы и одну модальную.

По нашим данным, в таком ряду омонимичных фразеологических единиц с одним категориальным значением может быть не более трёх, например:

- *без памяти*¹ – качественно-обстоятельный фразеологизм, *без памяти*² – качественно-обстоятельный фразеологизм, *без памяти*³ – призначный фразеологизм, *без памяти*⁴ – призначный фразеологизм;
- *давать / дать слово*¹ – процессуальный фразеологизм, *давать / дать слово*² – процессуальный фразеологизм, *давать / дать слово*³ – процессуальный фразеологизм, *даю слово*⁴ – модальный фразеологизм;
- *на ногах*¹ – качественно-обстоятельный фразеологизм, *на ногах*² – призначный фразеологизм, *на ногах*³ – призначный фразеологизм;
- *на память*¹ – качественно-обстоятельный фразеологизм, *на память*² – качественно-обстоятельный фразеологизм, *на память*³ – призначный фразеологизм;
- *с головой (голову)*¹ – качественно-обстоятельный, *с головой*² – качественно-обстоятельный, *с головой*³ – призначный;
- *с закрытыми глазами*¹ – призначный, *с закрытыми глазами*² – качественно-обстоятельный, *с закрытыми глазами*³ – качественно-обстоятельный и др.

Фразеологические омонимы с одним категориальным значением могут входить в состав многочисленного ряда смешанного типа (67 фразеологизмов в 29-ти рядах). Многочленные фразеологические омонимы, которые существуют внутри одного семантико-грамматического класса, представлены в нашем материале 58-ю фразеологическими единицами в 18-ти рядах. В таких рядах по три фразеологических омонима (14 рядов), реже – по 4 фразеологических омонима (4 ряда). Наиболее частотны в рядах описываемого типа фразеологизмы процессуальной семантики (39 омонимичных единиц). На втором месте по количеству – многочисленные фразеологические омонимы качественно-обстоятельного типа семантики: 15 единиц. Семантико-грамматические классы предметных, призначных и служебных фразеологизмов представлены в нашей картотеке одним многочисленным омонимическим рядом.

Кроме того, в нашем материале между единицами в рамках одного многочисленного ряда могут быть отношения внутренней омонимии смешанного типа. Например, членами такого ряда являются две единицы призначной семантики и две единицы качественно-обстоятельного типа семантики: *без ума*¹ ‘глупый’, призначный, *без ума*² ‘в восторге, в восхищении’, призначный, *без ума*³ ‘страстно, сильно’, качественно-обстоятельный, *без ума*⁴ ‘быстро’, качественно-обстоятельный. Причём наблюдается следующая закономерность: чем больше омонимов в многочисленном ряду, тем выше вероятность того, что в рамках данного ряда устанавливаются омонимические отношения смешанного типа.

Фразеологический материал может быть включён в упражнения, которые предлагаются для выполнения на занятиях по русскому языку, культуре речи. Образцы заданий:

В тон¹ ‘созвучно’, качественно-обстоятельный

Колокольчик выводит какую-то длинную однообразную песню в тон завывающей метели (В. Короленко). Рядом с думами о Варваре, память в тон порывам ветра и треску огня, подсказывала (Самгину) мотив песенки Гогина (М. Горький).

В тон² ‘с той же интонацией, в той же манере’, качественно-обстоятельный

– Так по чём (чётки. – Т. В.)? – спрашиваю я **в тон** («Омский вестник», № 38, 2001 г.). – Я – журналистка, – ответила я **в тон** (Т. Егорова). Она (стряпуха. – Т.В.) равнодушно спросила: – Ай захворал? – Служил тридцать лет, – **в тон** ей ответил Аверский <...> служил тридцать лет с чистым лицом, и теперь шабаш, ослаб... (И. Бунин). – Очень добрый и любознательный человек, – подтвердил арестант, – он выказал величайший интерес к моим мыслям, принял меня весьма радушно... – Светильники зажжёт... – сквозь зубы **в тон** арестанту проговорил Пилат, и глаза его при этом мерцали (М. Булгаков). – В Москве закон – его сиятельство князь Долгорукой, – **в тон** наглецу ответил Эраст Петрович (Б. Акунин).

В тон³ ‘соответствующий по цвету, по стилю’, призначный

Нет, он (Маккартни. – Т.В.) отлично знает, что к костюму положены туфли **в тон** («АиФ» № 5, 2020 г.). Двери в соседнюю комнату были открыты, и всё там было чистое, светло-серое и тёмно-серое <...> Даже чей-то большой портрет был в гладкой светло-серой раме. «Всё **в тон**», – подумалось мне (В. Каверин).

Преподаватель ставит задачу проанализировать предложения, в которых употреблены фразеологические единицы, определить сочетаемость фразеологизмов с другими единицами, их синтаксическую функцию. На основании сделанных выводов соотнести с семантико-грамматическим классом, утвердиться в том, что фразеологизмы являются омонимами, повторить критерии разграничения омонимичных единиц на лексическом и фразеологическом уровнях языка.

Обобщая сказанное, подчеркнём, что процессы омонимизации в русском языке, в том числе на уровне фразеологии, относятся к трудным для понимания разделам программного материала. Поэтому, полагаем, необходимо тщательно продумывать методические приёмы, подбирать интересный, способный увлечь, разбудить желание мыслить материал для того, чтобы каждое занятие по русскому языку, культуре речи позволяло обеспечить ожидаемый результат в освоении изучаемых дисциплин.

Литература

Виноградов, В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1972. 614 с.

Лащук, О.Р. Русский язык в высшей школе: современные проблемы и методика преподавания [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2017. Вып. 3. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2350/> (дата обращения: 22.12.2020).

Философский словарь. М., 1987. 576 с.

Чепасова, А.М. Фразеология русского языка. Челябинск: ЧГПИ, 1993. 215 с.

М.В. Путиякина, магистрант
Науч. рук.: Л.Д. Пономарёва, д-р пед. наук, проф.
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению потенциала проектной деятельности в рамках изучения русского языка в школах. Автором предложена характеристика проектной деятельности в школе, рассмотрены типы проектов. Продемонстрированы возможности использования метода проектов при изучении глагола в процессе обучения русскому языку.

Ключевые слова: типология проектов, метод проектов, проектная деятельность, глагол

В рамках реализации ФГОС перед учителями ставится несколько задач, в ряду которых доминантное положение занимают две: формирование универсальных действий, обеспечивающих все учебные предметы, и формирование компетенций, позволяющих ученикам действовать в новой обстановке на качественно высоком уровне. Реализации этих задач в полной мере способствует системно-деятельностный подход в обучении. Основная идея его состоит в том, что новые знания не даются в готовом виде: дети «открывают» их сами в процессе самостоятельной проектно-исследовательской деятельности. Ребёнок занимает позицию учёного, делающего собственное открытие. Учитель должен организовать работу детей так, чтобы они сами нашли решение проблемы урока и сами объяснили, как надо действовать в новых условиях.

Проектно-исследовательская деятельность обучающихся очень логично вписывается в структуру ФГОС и полностью соответствует заложенному в нём основному подходу.

Какие умения мы можем сформировать у обучающихся посредством проектной деятельности? Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо рассмотреть само понятие *проектной деятельности* школьников, а также определить её главные цели и задачи.

Метод проектов разработан в 20-е годы XX века американским философом и педагогом Джоном Дьюи, его учеником В. Х. Килпатриком, который основывался на гуманистических идеях в философии и образовании. В России идеи проектного обучения возникли практически в то же время. Уже в 1905 г. русский педагог С.Т. Шацкий возглавил небольшую группу коллег, пытавшихся активно использовать проектные методы в практике преподавания. После революции метод проектов применялся в школах по личному распоряжению Н.К. Крупской. В 1931 г. Постановлением ЦК ВКП(б) метод проектов был осужден как чуждый советской школе и не использовался вплоть до конца 80-х годов [Кобцева, Конюшенко 2009]. Проектная и исследовательская деятельность обучающихся на современном этапе – это

неотъемлемая часть образования и одно из направлений модернизации современного образования.

Метод проектов на уроках русского языка – это целенаправленная, в целом самостоятельная деятельность обучающихся, осуществляемая под гибким руководством учителя, направленная на решение творческой, исследовательской, лично или социально значимой проблемы и на получение конкретного результата в виде материального продукта [Поливанова 2008].

Цели проектной деятельности: понимание и применение обучающимися знаний, умений и навыков, приобретённых при изучении различных предметов (на интеграционной основе); развитие творческих способностей; формирование чувства ответственности; повышение мотивации обучающихся при решении задач; создание условий для отношений сотрудничества между учителем и обучающимися.

В задачи проектной деятельности включается: (1) обучение планированию; (2) формирование навыков сбора и обработки информации, материалов; (3) формирование аналитических навыков; (4) формирование умения составлять письменный отчёт; (5) формирование позитивного отношения к работе.

Важным результатом проектной деятельности является активизация процессов социализации школьника. Поиски информации, обращение к старшим, неформальные консультации с учителем благотворно влияют на личностное становление ребенка, его самореализацию и осмысление собственного места в социальном окружении.

В результате выполнения проектов обучающиеся приобретают следующие ключевые компетентности.

1. Формируются и отрабатываются: навыки сбора, систематизации, классификации, анализа информации; умение представить информацию в доступном, эстетичном виде; умение выражать свои мысли, доказывать свои идеи; навыки публичного выступления (ораторское искусство); умение работать в группе, в команде; умение работать самостоятельно, делать выбор, принимать решение.

2. Расширяются и углубляются знания в различных предметных областях.

3. Повышается уровень информационной культуры, включающий в себя работу с различной техникой (принтер, микрофон, фотоаппарат, видеокамера и т.д.).

4. Обучающийся довольно основательно изучает ту компьютерную программу, в которой создаётся проект, и – шире – программы, которые помогают ему лучше представить свою работу.

5. Обучающийся имеет возможность воплотить свои речетворческие замыслы [Пономарева, Чурилина 2019].

На уроках русского языка метод проектов целесообразно использовать наряду с систематическим предметным обучением как компонент системы образования. В методической литературе представлены несколько типов проектов, использование которых возможно на уроках русского языка.

Классификация проектов может быть основана на характеристике поставленной цели и решаемых задач.

Информационный проект направлен на сбор информации о каком-либо объекте, явлении с целью его анализа, обобщения и представления для широкой аудитории. К таким проектам можно отнести «Речь современного школьника», «Сленг школьника» «Язык SMS». Обучающиеся с удовольствием собирают информацию и делятся ею со школьниками на мероприятиях в рамках дней русского языка в школе.

Практико-ориентированный проект по русскому языку нацелен на социальные интересы самих участников проекта. Проект заранее определён и может быть использован в жизни класса и школы. Так, например, результатом проекта «Диалектные слова жителей с. Чесмы» стал словарь диалектизмов местного населения.

Исследовательский проект по русскому языку по структуре представляет собой научное исследование. Он включает обоснование актуальности избранной темы, обозначение задач исследования, обязательное выдвижение гипотезы с последующей её проверкой и обсуждение полученных результатов. При этом используются методы современной науки: лабораторный эксперимент, моделирование, социологический опрос и под. [Романовская 2009].

Проекты по русскому языку классифицируются и по временному критерию.

Мини-проекты укладываются в один урок. Разработка проектов этого типа наиболее продуктивна на уроках развития речи, они оказываются весьма эффективными, так как предполагают активное мышление и быстрый результат. Обучающиеся, исследуя учебный материал, составляют тесты для практических работ, кроссворды, интервью с героями, синквейны, кластеры.

Например, при изучении новой темы в 5 классе, реализуется мини-проект «Здравствуйте, Ваше Величество, Глагол»: работа ведётся в небольших группах, её продолжительность 20 минут (10 минут на подготовку и по 2 минуты на презентацию каждой группы). Ребята по своему выбору представляют один из предложенных учителем вариантов – инсценирование, кластеры, электронную презентацию.

К более протяжённым относятся краткосрочные, недельные и годовые проекты.

Краткосрочные проекты по русскому языку занимают 4–6 уроков.

На выполнение *недельных проектов* требуется 30–40 учебных часов. Они выполняются в группах, работа проводится под руководством учителя. Возможно сочетание классных форм работы (мастер-классы, семинары, лекции) с внеклассными (экскурсии, интеллектуальные турниры, видеосъемки). Такое глубокое «погружение» делает проектную неделю оптимальной формой организации деятельности обучающихся. В рамках недельного проекта можно провести исследование по теме «Глагол совершенного и несовершенного вида».

Годичные проекты по русскому языку могут выполняться как в группах, так и индивидуально. Сложнее всего определиться с темой проекта, так как важно, чтобы ребятам было интересно работать в этой теме продолжительное время, чтобы она оставалась актуальной и значимой. На роль темы проекта может быть выбрана та, что представлена в школьном курсе односторонне или

о которой даётся только общее представление (в школьном курсе не раскрываются все аспекты темы), т.е. избираемая на годичный проект тема связана с рядом актуальных и значимых проблем, решение которых невозможно найти в учебнике [Балина 2014].

Необходимо заметить, что на выбор вида проекта часто влияют возрастные интересы и потребности подростков. Так, обучающиеся 5–6-х классов с их огромной потребностью в межличностном общении проявляют большую склонность к ролевым и игровым проектам, учащиеся 7–10 классов охотно выполняют творческие проекты.

Многообразие типов проектов даёт возможность учителю решать самые разные задачи обучения и воспитания подростков в интересной для них форме.

Литература

Балина, Т.И. Как можно применять метод проектов на уроках русского языка и литературы // Молодой ученый. 2014. №4. С. 1189–1192.

Кобцева, Л.Д., Конюшенко, С.М. Проектная деятельность в информационной образовательной среде 21 века: учебное пособие. 10 изд., перераб. М.: «Современные технологии в образовании и культуре», 2009. 168 с.

Поливанова, К.Н. Проектная деятельность школьников. М.: Наука, 2008. 187 с.

Пономарева, Л.Д., Чурилина, Л.Н. Текст как дидактическая доминанта современной системы речетворческого развития обучающихся: интерпретационный аспект // Перспективы науки и образования. 2019. № 1 (37). С. 365–379.

Романовская, М.Б. Метод проектов в контексте профильного обучения в старших классах: современные подходы. М.: Наука, 2009. 137 с.

Г.В. Токарев, д-р филол. наук, проф.
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого»
(Тула, Россия)

ПРОЕКТ УЧЕБНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Аннотация. В статье обсуждается вопрос создания учебного лингвокультурологического словаря. Составление словаря предполагает решение нескольких проблем: определение состава словника словаря, выбор способа презентации понятия, способа дефинирования понятия, указание основных источников. Учебный лингвокультурологический словарь адресован ученику и учителю в качестве дополнительного справочного пособия, которое может быть использовано как на уроке, так и во внеурочной деятельности.

Ключевые слова: язык, культура, учебный словарь, лингвокультурология, методика обучения.

Филологические исследования последних двадцати лет обосновали правомерность выделения нового направления в языкознании —

лингвокультурологии. Как было показано во многих авторитетных работах (В.Н. Телия, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Т.Б. Радбиль и др.), данная наука имеет особый предмет и специальный метод его изучения.

Лингвокультурология представляет собой область, построенную на сочетании разнообразных научных парадигм в широком понимании этого термина: сравнительно-исторической, структурной, антропоцентрической; поскольку метод лингвокультурологической интерпретации использует различные приёмы: этимологический, сопоставительный, компонентный, дискурсивный и др. виды анализа. Являясь наукой герменевтического толка, лингвокультурология использует понятийный аппарат когнитологии, психолингвистики, семантики, прагматики, культурологии. Теоретическая платформа лингвокультурологии включает в себя не только собственно лингвокультурологические термины, но и понятия смежных наук.

Стремительное развитие лингвокультурологии стало следствием её сложного, не всегда упорядоченного терминологического аппарата. Ситуация осложнилась и тем, что терминология формировалась в разных научных школах. Спустя двадцатилетие возникла острая необходимость в создании словаря лингвокультурологических терминов. Данная задача была решена М.Л. Ковшовой и Д.Б. Гудковым [Ковшова, Гудков 2017]. Подготовленный ими словарь ориентирован на московскую лингвокультурологическую школу, созданную В.Н. Телия. Он имел обширное поле для апробации в рамках Большого фразеологического словаря, изданного под редакцией В.Н. Телия [Большой фразеологический словарь 2006], где лингвокультурологические понятия подтверждались на богатом эмпирическом материале.

Словарная статья в лингвокультурологическом словаре [Ковшова, Гудков 2017] имеет следующую структуру: термин, дефиниция, выдержки из исследований данной категории, демонстрирующие её употребление. Выбранная структура освещает проблемные точки лингвокультурологии. В словаре нашло отражение двадцать пять базовых для лингвокультурологии терминов.

Утверждение концепции преподавания русского языка и литературы, внедрение нового стандарта школьного образования, предусматривающего включение в учебную программу нового предмета – родной язык, а также антропоцентризм в определении содержания образовательных программ способствовали активизации интереса школьной методики к лингвокультурологии. Ситуация подогревалась и тем, что российская школа стала рассматриваться как поликультурная среда, основным принципом существования которой является диалог культур.

Термин «лингвокультурология» появился на страницах школьных учебников, в поле зрения обучающихся стали включаться факты языка и речи, требующие интерпретации в категориях языка и культуры. Например, в учебнике под редакцией Л.М. Рыбченковой дано следующее определение лингвокультурологии: «Лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникающая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Русский язык 2020: 167]. Перед учителем поставлена задача формирования у школьников культуроведческой компетенции [Токарева 2016]. В

обозначенном контексте актуальной становится задача создания учебного лингвокультурологического словаря.

Реализация поставленной цели предполагает решение ряда проблем.

1. Определение состава словника словаря. Мы полагаем, что в словарь должны быть включены термины, наиболее важные для понимания проблем лингвокультурологии. Словник по возможности должен быть ориентирован на различные научные школы.

2. Выбор способа презентации понятия. Здесь мы имеем в виду способ подачи содержания: включить принятый в научном обороте термин или предложить его дублет, возможно, с прозрачной внутренней формой.

3. Способ дефинирования понятия. Считаем, что сопровождающее термин определение должно формулироваться простым, понятным школьнику языком, показывать взаимосвязь рассматриваемого понятиями с другими. Дефиниция должна подкрепляться примерами: необходимо показать образец употребления термина, его возможную сочетаемость с другими словами. По необходимости (в случае доступности) возможно указание основных источников.

Учебный лингвокультурологический словарь мы адресуем ученику и учителю в качестве дополнительного справочного пособия, которое может быть использовано как на уроке, так и во внеурочной деятельности.

Литература

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. 784 с.

Ковишова, М., Гудков, Д. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. 192 с.

Русский язык. 10-11 классы: учебник для общеобр. организаций: базовый уровень / Под ред. Л.М. Рыбченковой. М.: «Просвещение», 2020. 272 с.

Токарева, И.Ю. Инновационные подходы к преподаванию русского языка в средней школе: культурно ориентированное образование. Тула: ООО ИПО «С-принт», 2016. 144 с.

«БЛАГОСЛОВЕННЫ ПЕРВЫЕ ШАГИ...»

Сборник работ молодых исследователей

Выпуск 15

Технический редактор

Генералова О. Б.

Допечатная подготовка

Тимин А. Н.

Подписано в печать 28.07.2021. Дата выхода 13.08.2021.

Формат 62 x 94 ¹/₁₆. Печать цифровая.

Бумага для высокохудожественных изданий пл. 80 г/м².

Усл. п. л. – 15,125. Заказ № 3569. Тираж 100 экз.

12⁺ (в соответствии с ФЗ № 436)

МАГНИТОГОРСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ

РФ, 455023, Челябинская область, г. Магнитогорск, проспект Карла Маркса, 69.

Тел.: 8 (3519) 26-14-95, +7 351 906-25-26

e-mail: po@mdp.mgn.ru • www.print.mgn.ru